

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ,
В. Т. ПАШУТО, Л. В. ЧЕРЕПНИН

ПУТИ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

(ЗАКАВКАЗЬЕ, СРЕДНЯЯ АЗИЯ, РУСЬ,
ПРИБАЛТИКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1972

Эта книга — первый опыт сравнительно-исторического изучения становления и укрепления феодализма у народов закавказского, среднеазиатского, древнерусского и прибалтийского регионов. В ней выявляются общие для них закономерности и особенности этого сложного и трудного для анализа процесса.

Основанная на обширном конкретно-историческом материале, большого хронологического и территориального охвата, книга призвана содействовать разработке проблем общей социологии феодальной формации.

Она рассчитана на широкий круг специалистов-исследователей истории и философии, а также на преподавателей, аспирантов, студентов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время историки все чаще говорят о важности типологии и моделирования общественно-политических структур¹. Этот вопрос дискутируется и на международных конгрессах, где он ставился П. Виларом², А. Гершенкроном³, Э. Сестаном⁴, и в национальной историографии отдельных стран, например в Польше, где оживленное обсуждение вызвала книга известного знатока экономической истории В. Кулы «Экономическая теория феодального строя. Опыт модели»⁵, трактующая период позднего феодализма.

Особенно остро эта проблема встала с выходом в свет советской «Всемирной истории», которая показала спекулятивный характер господствующей в буржуазной науке теории «локальных цивилизаций» А. Тойнби, в частности несостоятельность трактовки им истории России⁶, истории народов СССР.

¹ М. А. Барг. Структурный анализ в историческом исследовании. — «Вопросы философии», 1964, № 10, стр. 83—92; Е. М. Штаерман. К проблеме структурного анализа в истории. — «Вопросы истории», 1968, № 6, стр. 20—37; Ю. Л. Бессмертный. Изучение раннего средневековья и современность. — «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 92—96; «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке». М., 1966; А. Н. Данилов. Материалистическое понимание истории и методологические искания некоторых историков. — «Труды Томского государственного университета», т. 209, Серия истории, 1969, стр. 227—245.

² P. Vilar. Croissance économique et analyse historique. — «Première conférence internationale d'histoire économique». Stockholm, 1960, p. 35—82.

³ A. Gerschenkron. Typology of industrial development as a Tool of analysis. — «Deuxième conférence internationale d'histoire économique». Aix-en-Provence, 1962, p. 487—506.

⁴ Э. Сестан. История событий и история структур. — XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970 (здесь см. библиографию вопроса); ср. интересные наблюдения Ф. Броделя (F. Braudel. La démographie et les dimensions des sciences de l'homme. — «Annales», v. 15. Paris, 1960, p. 503; ср. v. 13, 1968, p. 730—731).

⁵ W. Kula. Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego. Próba modelu. Warszawa, 1962.

⁶ Е. М. Жуков. Понятие прогресса в мировой истории. — «Вестник Академии наук СССР», 1961, № 4, стр. 7—18; А. Л. Гольдберг. История России в кругу «локальных цивилизаций» (Концепция русской истории в трудах А. Тойнби). — «Труды ЛОИИ АН СССР», вып. 10. Л., 1967, стр. 177—205.

Типологией занимаются и советские ученые. Проблема типологии раннего феодализма в Западной Европе специально обсуждалась на всесоюзном совещании медиевистов летом 1966 г.⁷

Применительно к истории России вопрос о типологии уже давно имеет не только научное значение. В русской дворянско-буржуазной историографии при поддержке официальной общественной мысли (Н. Я. Данилевский и др.) и православной церкви прочно утвердилось некое сопоставление, а точнее противопоставление «России» и «Запада». Речь шла о двух резко различных «культурно-исторических типах»⁸. Причем зачастую к «Западу» относили не только страны собственно Западной Европы, действительно имевшие некоторые общие им черты, связанные и с историческим наследием, и с темпами их развития, но и такие государства Европы, которые по своему типу были гораздо ближе к России, чем к Англии или Франции. В значительной мере такая трактовка была вызвана и недостаточным развитием самой исторической науки, господствовавшим в ней национальным партикуляризмом, отрывом истории России от истории всемирной, отсутствием широких сравнительно-исторических исследований.

В послевоенные годы эта старая традиция была подновлена прежде всего в буржуазной историографии ФРГ и США и поставлена на службу антикоммунизму, — как антитеза «Запада» (или «Европы») и России, — с целью подорвать единство международного коммунистического движения, единство стран социалистического содружества и народов СССР.

Говоря о «Западе», приверженцы этой концепции не дают себе труда определить главные черты этой, с позволения сказать, модели. Не случайно в последней дискуссии на тему «Россия и Запад», прошедшей в США (в которой приняли участие видные специалисты — Г. Робертс, М. Раеф, М. Шефтель), люди, более объективно мыслящие, не нашли смысла в абстрактном сопоставлении (и противопоставлении) «Запада» и России, высказавшись за сравнительно-историческое изучение сходных общественных явлений⁹. Впрочем, и в ФРГ раздаются голоса историков, ставящих под сомнение научную пользу формального подхода к понятию «западный образ жизни», чрезвычайно пестрому и мало подходящему для моделирования¹⁰. К сожа-

⁷ А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. — «Средние века». Сборник, вып. 31. М., 1968, стр. 11—44.

⁸ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа, изд. 3-е. СПб., 1885, стр. 65.

⁹ М. Raeff. Russians Perception of her Relationship with the West. — «Slavic Review», 1964, v. 23, № 1, p. 19.

¹⁰ E. Nolte. Zur Konzeption der Nationalgeschichte heute. — «Historische Zeitschrift», Bd. 202, 1966, H. 3, S. 618—619.

лению, преодоление прежней антитезы ныне все более подчиняется концепции «единого индустриального общества»¹¹.

Ясно, следовательно, что такие стоящие за общими скобками понятия, как «Запад», «Восток», «Россия», «Европа» и т. п., должны получить раскрытие на пути детализированного сравнительно-исторического изучения составляющих их стран. Это изучение откроет возможности более глубокого познания закономерностей развития всех народов, творивших и творящих историю Земли.

Эта книга представляет собой попытку исторической типизаций общественно-политического развития некоторых народов нашей страны эпохи феодализма. Для анализа взяты четыре региона, сыгравшие крупную роль в жизни страны: закавказский, среднеазиатский, древнерусский, прибалтийский. В центре изучения находятся истоки общественно-политической жизни современных народов, в частности генезис и развитие феодального строя, с учетом естественно-географических и демографических условий.

Поскольку тема книги — преимущественно ранний этап истории феодализма, основное внимание должно быть обращено на формирование классов этого общества, прежде всего на состояние земельной собственности общины ко времени возникновения и образования государств. От того, при какой форме общины и на каком уровне ее развития возникает государство, во многом зависит формирование и последующая история феодальной собственности, определяющего признака данного общественного строя.

На тип феодализма влияют внешнеполитические условия. Если этого влияния нет, тогда в истории наблюдается обособленное (изолированное) развитие общества, как правило, более консервативное. Синтезированное же развитие общества выступает обычно либо в условиях независимости (при господстве данной страны над соседними землями или при суверенном использовании им внешних сил), либо в условиях утраты независимости в пользу других стран или союза (унии) с ними. Разумеется, решающим при оценке синтеза является уровень развития синтезируемых общественных структур.

Из источников в первую очередь привлекаются памятники, отражающие эволюцию собственности, несвободы трудящихся, а также имущественных и управленческих прав государства и его привилегированных групп. При рассмотрении собственности ставится задача охарактеризовать эволюцию ее государственной и частной форм; из последней исследуется собственность крестьянская и феодальная (светская и духовная). Изучая

¹¹ W. Küttler. Die Konzeption der «Industriegesellschaft» und die russische Geschichte bis 1917 (статья в печати).

историю несвободы трудящихся, мы берем две общественные группы: рабов и зависимых крестьян в той мере, в которой можно провести между ними различие.

Вероятно, возможен и другой отбор элементов типологии¹², но мы, учитывая объем книги и новизну темы, считаем нужным остановиться на этих, как нам кажется, главных.

В качестве ответа на происходящую ныне в международной историографии дискуссию по вопросу о генезисе и сущности феодализма¹³ мы предлагаем практический опыт синтетического рассмотрения первых ступеней истории народов на обширном пространстве Евразии. Нам представляется, что, лишь идя путем последовательного накопления сравнительно-исторических исследований прошлого народов, путем, который прокладывают труды Б. Д. Грекова, А. И. Неусыхина и других исследователей, можно будет понять и сопоставить судьбы континентов.

Соответственно этому и структура книги предполагает синхростадиальное изучение процесса генезиса и упрочения феодализма в закавказском, среднеазиатском, древнерусском и прибалтийском регионах.

Выясняется, что чем ниже уровень производительных сил в пору генезиса классового строя, тем сильнее степень личной (по сравнению с имущественной) зависимости и земледельца; достаточно сопоставить положение дел в Закавказье и Средней Азии в III—VII вв., на Руси в X в. и в Прибалтике в XIII в.

Во всех этих регионах элементы рабовладельческих отношений уступают в разное время место феодализму с сохранением больших или меньших остатков дофеодального строя, роль рабства соответственно уменьшается при сопоставлении древнерусских порядков с закавказско-среднеазиатскими и прибалтийскими с древнерусскими.

При том же сопоставлении закавказского, среднеазиатского, древнерусского и прибалтийского регионов наблюдается убывающая этническая неустойчивость на их территории. В закавказском и среднеазиатском регионах процесс классообразования протекал при особенном обилии и неустойчивости этнических компонентов, именно поэтому им отведено больше места в исследовании.

В нашей стране, как и в других частях Европы, синтез играл важнейшую роль в формировании типов феодализма.

¹² На упомянутом совещании медиевистов вопрос о критериях типологии ставился Ю. Л. Бессмертным, А. П. Кажданом, Е. В. Гутновой, С. М. Стамом, А. Д. Люблинской и З. В. Удальцовой («Средние века». Сборник, вып. 31, стр. 24—26, 29, 36, 42, 150).

¹³ Предварительные итоги дискуссии по этой теме см.: Л. В. Данилова. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ. — Сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, стр. 27—66.

Если в закавказском и среднеазиатском регионах, ввиду возобновляющегося синтеза местной земледельческой социальной структуры с отсталыми общественными структурами кочевых завоевателей, консервировались и возрождались примитивные формы зависимости, то в других регионах наблюдалось иное.

Для генезиса и развития феодализма в собственно древней Руси еще не в полной мере ясно значение синтеза с иранскими, балтийскими, финно-угорскими, скандинавскими и тюркскими элементами, но бесспорно, что в процессе генезиса феодализма они не играли определяющей роли, так же как элементы золотоордынской поры — в его дальнейшем развитии; напротив, факты свидетельствуют о прогрессивной роли Руси в истории связанных с ней народов.

Прибалтика в отличие от западноевропейской формы синтеза патриархально-общинного строя с рабовладельческим знает синтез либо развитых форм феодализма с малоразвитыми (Русь и Прибалтика X—XIII вв.), либо малоразвитых с развитыми (Литва и Белоруссия XIII—XIV вв.). Кроме того, если западноевропейский синтез был продуктом переселения народов и вооруженного завоевания, то славяно-балтийский синтез протекал либо в догосударственной форме этнического симбиоза, либо (как литовско-белорусский) в форме государственно-договорной.

Мы не касаемся здесь варианта общественно-политического синтеза, связанного с судьбами разоренной и ослабленной монгольским нашествием Украины. Но мы знаем о решающей роли местного боярства во взаимоотношениях украинских земель с Литвой, Польшей, Венгрией и Тевтонским орденом¹⁴.

Исходя из общего замысла, авторы, однако, не стремились во что бы то ни стало добиться во всех очерках единообразия схемы, не приносили ей в жертву живые богатства первоисточников. Большое значение, например, придавалось анализу терминологии, что позволяет по-новому взглянуть на вопрос о месте рабовладения в Закавказье и Средней Азии. Мы полагаем, что этому виду источниковедческой работы принадлежит большое будущее в последующих штудиях подобного рода. При изучении древнерусского региона, особенно истории аллода, государственной и церковно-корпоративной форм собственности, было необходимо выйти за традиционные хронологические рамки и проследить воспроизводство этих форм на территории

¹⁴ М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. VI. Київ — Львів, 1907; S. Zajaczkowski. Przymierze polsko-litewskie 1325 r. — «Kwartalnik Historyczny», t. 40, zes. 4, 1926, str. 567—617; W. Hejnosz. Zagadnienie niewoli na Rusi Czerwonej pod koniec średniowiecza w świetle stosunków prawnych Polski i krajów sąsiednich. Lwów, 1933; Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III. М., 1960, стр. 13—39; М. Ф. Котляр. Галицька Русь у другій половині XIV — першій чверті XV ст. Київ, 1968.

Русского централизованного государства. То же относится к использованию Ливонской и Эстонской Правд при изучении общественного строя Прибалтики до ее завоевания немецкими рыцарями и их союзниками.

Выполнение работы открывает пути к исследованию своеобразия эволюции города, политических форм и духовной культуры четырех регионов, но эти проблемы выходят за рамки поставленной нами задачи.

Типология — не самоцель, она должна помочь постепенному познанию истории, прежде всего аграрного строя четырех регионов — стержневой проблемы их общественно-политического развития в докапиталистический период, более глубокому пониманию его закономерности. Видимо, не за горами время, когда специальные научные книги одного профиля будут писаться по единой структуре, облегчающей считывание информации, что в огромной степени ускорит синтезирование материала и развитие сравнительно-исторических исследований. В предвидении этого мы предлагаем вниманию читателя первый опыт разработки и применения такой структуры.

Вся научно-вспомогательная работа по подготовке книги к печати выполнена В. Г. Шерстобитовой.

Авторы приносят благодарность всем товарищам, принявшим участие в обсуждении рукописи книги: А. А. Зимину, С. М. Каштанову, Г. А. Новицкому, А. С. Тверитиновой, И. П. Шаскольскому, Я. Н. Щапову.

СТРАНЫ ЗАКАВКАЗСКОГО И СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНОВ

ВВЕДЕНИЕ

За годы Советской власти изучение истории народов закавказских и среднеазиатских республик нашей страны достигло больших успехов. Для некоторых из них лишь в советское время была поставлена проблема национальной истории. Для других — установление своей советской государственности дало возможность на основе марксистско-ленинского учения и с небывалым ранее научным размахом поставить новые сложные проблемы социально-экономической, политической и культурной истории, ввести в русло мировой истории прошлое своего народа и своей страны.

Однако, если в каждой из наших республик проделана серьезная исследовательская работа, осуществлено издание обобщающих трудов, то задача сравнительно-исторического изучения зарождения, сложения и развития отдельных социально-экономических формаций с их особенностями и общими чертами у разных народов многонациональной Родины по существу только ставится. У нас имеется определенная традиция сравнительно-исторического изучения феодального и предшествующего ему периодов в отдельности в закавказском и среднеазиатском историко-географических районах. Еще в начале XX в. крупнейший грузинский историк И. А. Джавахишвили сделал попытку такого исследования древней и раннесредневековой истории народов Закавказья¹. Это похвальное начинание, к сожалению, не получило развития в историографии средневековой истории Закавказья.

¹ И. Джавахов. Государственный строй древней Грузии и древней Армении (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии). СПб., 1905.

Несколько по-иному обстоит дело с историей народов Средней Азии². В силу специфики местной истории и организации научно-исследовательской работы сколько-нибудь значительные обобщающие труды по истории Таджикской, Туркменской и Узбекской Советских Социалистических Республик не могли ограничиваться их нынешней территорией, но всегда в той или иной мере были трудами по истории Средней Азии в целом.

К этому надо добавить, что древняя и средневековая история армянского, грузинского, азербайджанского, таджикского, туркменского, узбекского и других народов Закавказья и Средней Азии не может изучаться изолированно от соседних зарубежных стран (Турции, Ирана, Афганистана), потому что часть этих народов поныне проживает в указанных странах, и в прошлые эпохи культурно-исторические центры некоторых наших народов находились на теперешней территории этих стран. Многовековое соседство и общие исторические судьбы в прошлом делают историю народов наших восточных республик и соседних стран столь тесно и кровно связанными, что понимание исторического развития одних становится невозможным без осмысления исторических судеб других.

Между тем сравнительно-исторических работ, исследующих, скажем, соответствующие проблемы истории Закавказья и Ирана, у нас почти нет³. Объясняется это не только сложностью подобного рода работы, но и недостаточной координационной и научной связью местных ученых с центральными научными учреждениями. Этот разрыв чувствительнее в Закавказье и менее сказывается в Средней Азии.

Цель настоящей части книги ограничена и в то же время достаточно широка.

Наибольшее внимание будет уделено проблеме генезиса феодальных отношений — исходному пункту исследования, который в то же время представляется и наименее ясным. Эта часть носит исследовательский характер по преимуществу, основана на первоисточниках и одновременно остается наиболее

² Настоящим пионером — исследователем прошлого Средней Азии был В. В. Бартольд. Его многочисленные труды сохранили свое научное значение до сих пор прежде всего благодаря громадному фактическому материалу, тщательно отобранному из источников и обработанному, выдающимся русским востоковедом. Однако В. В. Бартольд не был марксистом и в оценке социально-экономических явлений исходил из полумифической теории «культурных» эволюций и влияний, хотя в сами понятия «культура» и «цивилизация» у него включены и изменения материальной сферы, которая, впрочем, оставалась лишь одной из многих и не перво-степенной движущей силой исторического прогресса.

³ Интересную работу в сравнительно-историческом аспекте проводит грузинский историк-востоковед В. Н. Габашвили. Однако, к сожалению, его исследования, написанные на грузинском языке, остаются малозвестными у нас и за рубежом.

уязвимой для критики. Такой же характер носит и глава, посвященная проблемам этногенеза. Прочие разделы работы ставят иные цели и написаны по другому принципу. Они базируются в основном на литературе, и цель их — показать основные направления последующего социально-экономического развития данных регионов. Другого пути избрать и нельзя в силу многообразия и сложности проблем.

Известным оправданием принятой структуры служит и то, что именно ранние этапы истории Закавказья и Средней Азии⁴ могут быть в какой-то мере сравнимы с русской историей IX—XV вв. и, вероятно, с историей Прибалтики XI—XV вв., анализируемых во второй и третьей частях настоящей книги. Это утверждение ничуть не отрицает большой специфики истории названных регионов нашей страны в указанное время. Вместе с тем многие явления социально-экономической жизни (рост и укрепление частной феодальной земельной собственности, сходство в способах эксплуатации, определенный рост товарного производства в рамках докапиталистических формаций и т. д.), внешнеполитической — при всей условности для тех эпох этого термина — истории (борьба с кочевниками, татаро-монгольским игом в России и с нашествиями арабов, турок, тех же татаро-монголов в Закавказье и Средней Азии),

⁴ В данной работе рассматривается только часть Средней Азии — основная территория нынешних Таджикской, Туркменской и Узбекской Советских Социалистических Республик. В средние века эти области были теснейшим образом связаны с Хорасаном, ныне в большей части входящим в состав Ирана и Афганистана и в меньшей (юг Туркменской ССР) — в СССР. Хорасан (буквально — Восток, Восточная часть) — историческая область, возникшая в период Аршакидов или даже Ахеменидов и обнимавшая восточную часть их империй. Территории Средней Азии за Амударьей, хотя иногда и подвергались оккупации со стороны Сасанидского Ирана (см. *ат-Табари. История пророков и царей*, I серия. Лейден, 1879—1890, стр. 865, ар. яз.), в состав этого государства, по-видимому, никогда не входили (В. В. Бартольд. Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 241). Однако при арабах, воспринявших военно-административное деление покоренных стран, Мавераннахр (буквально — Заречье) входил в состав Хорасанского наместничества халифата. В отредактированной уже после арабского завоевания сасанидской географии Мавераннахр не только включен в «Куст-и Хвара-сан» (восточная часть империи), но само описание «Эран шахра» («Страны Иран») начинается с Самарканды (*J. Markwart. A Catalog of the provincial Capitals of Eranshahr. Analecta orientalia. Roma, 1931, p. 9—12*). Возможно, что такое традиционное деление шло от парфянских или ахеменидских времен и сохранялось при Сасанидах вопреки реальному положению вещей.

О трудности отделения исторических судеб Хорасана от Мавераннахра, Хорезма и других смежных областей в древности и в средние века см.: «Материалы по истории туркмен и Туркменин», т. I. М.—Л., 1939, стр. 4; В. М. Массон и В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I. М., 1964, стр. 12—13.

О теснейших исторических связях Кавказа, Ирана, Средней Азии в древности и средние века см.: М. М. Дьяконова. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 6.

удавшиеся или не удавшиеся попытки создания местных государств с господствующей народностью-гегемоном свидетельствуют об известной близости исторических судеб Руси, Закавказья и отчасти Средней Азии той поры. Специфика истории закавказских и среднеазиатских народов состоит в том, что в Закавказье и Средней Азии упомянутые процессы начались гораздо раньше (так как классовое общество возникло здесь много раньше, нежели в Восточной Европе севернее Кавказа) и в дальнейшем затормозились, протекали в силу своеобразия местных условий и оторванности от центров мировой истории в новое время (Западной Европы) замедленно, а порой носили даже регрессивный характер⁵.

Определение рамок и направления исследования в значительной мере зависит и от состояния источников. Крупнейший дореволюционный арменист Н. Г. Адонц писал: «Историческая наука вступает на твердую почву с того момента, когда она начинает располагать документами, говорящими на языке данного народа»⁶. Это мнение с определенными оговорками⁷

⁵ Классики марксизма-ленинизма, рассматривая историю человечества в целом как поступательный процесс, как развитие от низших форм к высшим, в то же время отмечали, что, во-первых, действительный прогресс в истории носит антагонистический характер, и, во-вторых, в истории наблюдаются и отдельные случаи регресса (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 35, стр. 105). В. И. Ленин писал, что «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6). Такие случаи исторического регресса или отставания в силу специфики природных условий, итогов завоевания и т. д. особенно часто наблюдаются именно в докапиталистический период, когда производительные силы мало развиты. Маркс и Энгельс отмечали, например, влияние природных и географических условий на отставание Норвегии или в известный период Германии (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 8, стр. 8—9; т. 22, стр. 87). Хорошо известны аналогичного рода замечания основоположников марксизма применительно к восточным странам (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Сочинения, т. 28, стр. 221—222).

⁶ *Н. Адонц*. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908, стр. IX.

⁷ За годы Советской власти громадный новый материал получен археологией. Не умаляя его значения для исторических исследований, в то же время нельзя упускать из виду специфику археологических данных, которые для решения одних проблем могут быть основным источником, тогда как по другим вопросам не дают почти ничего. Предметы материальной культуры, составляющие основную массу археологических находок, дают ответ на вопрос, когда бесклассовое общество начинает сменяться классовым. Но сами по себе они ничего не говорят о таких важнейших категориях, как формы землевладения; очень немного можно почерпнуть из этих находок и о конкретной социальной структуре общества. Между тем эти вопросы составляют главную цель настоящей книги. К тому же археологически обследованы лишь отдельные районы. Сопоставление чисто археологических данных с материалами письменных источников (включая и найденные археологами) не всегда стоит на должной научной высоте. Это, в частности, относится и к исторической этнографии, где мы еще да-

можно принять. Любой иностранный источник, как бы добросовестно он ни был составлен, написан автором, смотрящим на чужую жизнь глазами человека другой среды. Составляя документ на чужом для данной страны языке, иностранный описатель пользуется понятиями и терминами своего общества и языка, которые лишь приблизительно фиксируют чуждые им явления. Правда, и здесь не во всех случаях дело обстоит одинаково. В истории очень часто наблюдаются случаи завоевания и подчинения одним обществом другого. При этом язык завоевателей может стать государственным и иногда даже литературным языком для подчиненных; нередко он сохраняет это значение довольно долго после того, как ранее зависимая народность обрела самостоятельность. В Западной Европе длительное время такую роль играла латынь. На Ближнем Востоке в раннее средневековье сходная роль выпала на долю арамейских наречий, а затем арабского и персидского языков. Поэтому даже для стран, где источники на этих языках не были единственными, они имеют значение несравненно большее, нежели, например, китайские для Средней Азии или даже греческие для Кавказа. К тому же персидский язык в известную эпоху являлся и разговорным языком не только для значительной части коренного населения Средней Азии, но и для определенных групп жителей Закавказья.

Однако существует рубеж (разный для различных народов), ранее которого местных источников нет или почти нет — ни на родном языке, ни на чужом, приобретшем вышеупомянутое значение. Дошедшие до нас оригинальные памятники армян-

леко не в каждом случае умеем давать этнографические определения так называемым археологическим культурам. К стати, аналогии позднего времени дают основание полагать, что относительная общность материальной культуры не обязательно предполагает общность этническую. Тем более общеизвестно, что расово-антропологические показатели, по крайней мере в ту эпоху, которая здесь рассмотрена, не соответствуют этническим признакам.

Сходство и даже тождество памятников материальной культуры этнически совершенно различных обществ признают и археологи. Например, это отмечается у финнов и славян (*И. И. Ляпушкин*. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). Историко-археологические очерки. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 152, Л., 1968, стр. 89). Примечательно и признание того, что исходными данными для определения этнической принадлежности археологических культур являются все-таки письменные источники (там же, стр. 25, 118). Ср. замечания П. Н. Третьякова в книге «У истоков древнерусской народности» (Л., 1970, стр. 92, 96), а также мнение языковеда И. М. Оранского: «Племена и народности, говорящие на самых различных языках, могут иметь совершенно идентичную культуру, и в то же время одноязычные или близкие по языку племена нередко различаются по своей материальной культуре» (*И. М. Оранский*. Рецензия на книгу W. Brandenstein und M. Mayerhofer. Handbuch des Altpersischen. Wiesbaden, 1964. — «Вестник древней истории», 1965, № 1, стр. 207).

ской и грузинской литературы принадлежат самое раннее к V в. Конечно, в исторических источниках V в. речь идет — и иногда весьма подробно — о временах, восходящих к «потопу» или «Вавилонской башне». Ученые проводят кропотливую работу по выявлению достоверных сведений из материала, содержащегося, например, в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци⁸ или в «Картлис цховрэба». Здесь сделано далеко не все. Но если исторические факты даже об очень древних временах часто реконструируются в более или менее точном виде, то этого нельзя сказать о социально-экономической терминологии источников применительно к отдаленным от даты их составления временам. Между тем именно это обстоятельство необходимо строго учитывать, имея дело с древностью и средневековьем. Действительно, как может исследователь, лишенный статистических данных и вообще систематических фондов документов, решать вопросы социально-экономической истории? Мне кажется, что плодотворные результаты может дать именно анализ терминологии источников⁹, анализ не только филологический, но и исторический со строгим учетом хронологических пределов жизненности того или иного института, понятия, определения, ибо термины так же историчны, как и создавшие их эпоха и люди.

В самом деле, можно ли требовать от какого-либо монаха или писца, скажем, V в., даже очень образованного для своего времени, точного отображения в терминах его эпохи явлений тех времен, даже фактическую историю которых он знал плохо и вольно или невольно искажал? Едва ли. Наоборот, можно утверждать, что, не имея под рукой соответствующих источников по тем отдаленным временам, наш летописец или компилятор (а чаще всего обе эти профессии совмещались в одном лице) пользовался терминологией своего времени. Поэтому социально-экономические термины, например в сочинениях армянских авторов V в. (Фавста Бузанда, Мовсеса Хоренаци и др.), соответствуют их эпохе и едва ли верно отражают условия времен не только ассирийских и мидийских¹⁰, но и раннеаршакидских (I—II вв. н. э.). К сожалению, установить точное значение терминов этих источников применительно к древнейшим временам, как правило, невозможно; однако и пользоваться ими для тех эпох вряд ли целесообразно, так как это ведет к механическому перенесению более поздних условий на более

⁸ См. работы Г. Х. Саркисяна: «Хронологическая система „Истории Армении“ Мовсеса Хоренаци». Ереван, 1965 (арм. яз.) и «Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци». Ереван, 1966 (арм. яз.).

⁹ Ср. значение, которое придавал этому вопросу Энгельс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 508—509).

¹⁰ См. оценку соответствующих данных Мовсеса Хоренаци: Н. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 185—186.

раннее время¹¹. То же самое можно сказать о древнегрузинских, арабских, персидских и иных источниках¹².

Терминология источника может научно изучаться лишь при условии использования его подлинника. Известно, что всякий перевод, даже самый квалифицированный, не идентичен оригиналу. Переводы же терминов неточны почти всегда, так как для передачи термина иной исторической эпохи нужно объяснение, часто очень обстоятельный комментарий-исследование. Именно поэтому совершенно устарели и не пригодны для исследователя социально-экономической истории Закавказья (и других стран) переводы прошлого века на русский и французский языки древнеармянских и древнегрузинских источников, переводы, сделанные знатоками языков и серьезными историками (К. П. Паткановым, М. Броссе и др.). К сожалению, даже переводы более новые, выполненные первоклассными лингвистами, не всегда могут удовлетворить историка. Например, Н. Я. Марр в свое время достаточно точно и в целом филологически верно перевел памятник древнегрузинской литературы X в. «Житие св. Григория Хандзтийского» Георгия Мерчула. Но вот одна деталь. В этом источнике упоминается термин «агараки»¹³, который Н. Я. Марр передает словом «дача»¹⁴. В современном грузинском языке «агараки» имеет именно такое значение, но верно ли это для источника X в.? Речь идет о пожаловании, сделанном куропалатом Ашотом Шатбердскому монастырю, а жаловалась ему не «дача», но, по-видимому, земли, угодья.

Едва ли допустима и модернизация терминов, к которой прибегает К. С. Кекелидзе в своем в остальном хорошем переводе грузинского исторического памятника XIII в. «История и восхваление венценосцев»¹⁵. Этот перевод сплошь и рядом

¹¹ Ср. созвучное замечание Г. Х. Саркисяна по поводу использования ранних армянских источников для более древних времен: «Однако нельзя требовать, чтобы эти очень ценные, но относящиеся к более позднему периоду источники полностью и адекватно отражали историю древнего периода» (Г. Х. Саркисян. О путях социально-экономического развития древней Армении. Ереван, 1962, стр. 17, арм. яз.).

¹² Относящийся к более раннему времени комплекс парфянских документов еще недостаточно обработан и исследован. К тому же и содержание парфянских документов из Нисы вряд ли позволит сделать широкие выводы и обобщения. Что же касается античных источников (кстати, тоже не много дающих для исследуемых вопросов), то автор этих строк сознательно отказывается здесь от их систематического анализа, так как последний предполагает глубокое знакомство с историей античности в целом.

¹³ ПДАЛ, кн. 1, стр. 262, 273.

¹⁴ Н. Я. Марр. Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского. СПб., 1911, стр. 96, 106.

¹⁵ «История и восхваление венценосцев». Грузинский текст перевел, предисловием и примечаниями снабдил действительный член АН Грузинской ССР проф. К. С. Кекелидзе. Тбилиси, 1954.

пестрят такими терминами, как «военный министр», «шталмейстер» и т. д., — терминами позднего происхождения и вряд ли применимыми к средневековью.

Поэтому современные переводчики исторических источников чаще всего не переводят термины, а комментируют, тем самым давая им по существу свое объяснение, толкование. Тому хороший образец — переводы арабских и персидских источников В. Ф. Минорского и издание документов с горы Муг¹⁶. Исходя из сказанного, за начальный хронологический рубеж в этой работе берутся для Закавказья приблизительно III—IV вв. н. э., а для основной части Средней Азии (исключая крайний юго-запад, т. е. часть исторического Хорасана) — VII—VIII вв. В отдельных случаях приходится обращаться и к более ранним временам.

Огромной научной заслугой основоположников марксизма-ленинизма явилось создание ими теории общественно-экономических формаций, в основе которых лежит тот или иной способ производства материальных благ, в свою очередь определяемый уровнем развития производительных сил¹⁷.

В связи с конкретизацией учения об общественно-экономических формациях в нашей стране особенно за последние годы ученые разных специальностей (экономисты, историки, философы) провели целый ряд научных дискуссий, в ходе которых выявилось много различных суждений. В настоящее время представляется, однако, преждевременным подводить итоги всем этим еще не закончившимся обсуждениям. Тем не менее некоторые предварительные выводы могут быть сделаны. К таковым относится прежде всего необходимость более глубокого и внимательного изучения теоретического наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Другой важный вывод, к которому подводят материалы дискуссий по докапиталистическим обществам, — это необходимость выработки точных, отработанных в политэкономическом отношении критериев, определяющих лицо докапиталистических обществ. Последнее можно пояснить примером, имеющим прямое отношение к теме настоящей работы. До сих пор в нашей литературе нет четкого, отработанного определения термина «раб». В результате этим термином часто покрываются самые различные категории лично зависимого населения в древности¹⁸. Тем самым исследова-

¹⁶ СДГМ, вып. I—III.

¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 6—7; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 429.

¹⁸ Любопытно, что реальный фактический материал показывает, что, например, рабы в поздней Вавилонии могли иметь рабов, выступать свидетелями в суде, в общем, как пишет эрудированный в этих вопросах специалист, «могли быть правоспособными людьми» (М. А. Дандамаев. Свидетельские показания рабов в Вавилонии VI в. до н. э. — «Вестник древней истории», 1968, № 3, стр. 3, 11).

тели абстрагируются от связи непосредственного производителя со средствами производства. Наличие в древности каких-либо форм зависимости, кроме рабской, зачастую отрицается, хотя, например, Ф. Энгельс писал о существовании крепостничества в древней Греции¹⁹.

За последние годы наши историки-античники опубликовали ряд работ о формах зависимости в странах Средиземноморья. Эти исследования показывают, что даже социальная структура античных обществ была более сложной, нежели представлялось прежде²⁰.

Еще сложнее обстоит дело со странами древнего Востока, где до сих пор понятие «раб» продолжает расширяться и в эту категорию зачисляются порой чуть ли не все виды зависимого населения. Едва ли оправдан чисто хронологический принцип установления типа эксплуатации, к которому нередко прибегают наши историки. Этот метод, если и снимает, как кажется, с его приверженцев обвинение в так называемом извечном феодализме на Востоке, неизбежно приводит к теоретической путанице и отказу от четких определений тех или иных экономических категорий по их социально-экономической сущности. В самом деле, если признавать рабами все те категории зависимого населения, которые ряд исследователей причисляет к ним на древнем Востоке, то тем более следовало бы признать рабами русских крепостных XVIII—XIX вв., которые по своему фактическому и юридическому положению были ближе к рабам, нежели многие виды «рабов» древности на Востоке²¹. Очевидно, исходить только из юридического положения и не учитывать отношений производителя к средствам производства и производимому продукту нельзя. Именно по этому принципу отличали раба от крепостного классики марксизма, усматривавшие наряду с рабством и крепостничеством другие формы личной зависимости²². Вероятно, типы зависимости²³ в докапи-

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 66; т. 35, стр. 112.

²⁰ С. Л. Утченко. Древний Рим. М., 1969, стр. 9—16; К. К. Зельин и М. К. Трофимова. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. М., 1969, стр. 6—7 и др.

²¹ Поэтому Маркс и писал о личном рабстве русского крепостного крестьянина (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 430), явно отделяя положение юридическое от экономического.

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 107; т. 21, стр. 349; т. 35, стр. 107.

²³ В последние годы в нашей литературе все больше проявляется вполне оправданная тенденция к критике механического перенесения общественных институтов, существовавших в одних социально-экономических условиях, в другую конкретно-экономическую среду. В частности, давно утвердилась точка зрения, согласно которой пленные или рабы, посаженные на землю в восточных странах в I тысячелетии н. э., идентичны римским колонатам. Это положение недавно совершенно справедливо было признано несостоятельным, так как колонат возник в результате того, что рабский труд из-

талистический период очень разнообразны и не могут быть сведены лишь к рабству и крепостничеству.

Общим для всех этих вариантов зависимости является сочетание личной зависимости с зависимостью имущественной при явном преобладании первой, тогда как при капитализме превалирует вторая с сохранением элементов первой. Недаром основоположники марксизма писали, что отношения личной зависимости составляют основу средневекового общества²⁴. Энгельс указывал, что нельзя современные отношения переносить на прежние эпохи²⁵, а В. И. Ленин, разбирая вопрос об отличии социальной структуры капиталистической эпохи от докапиталистических времен, подчеркивал, что особенностью последних являются классы-сословия, которые отличны от классов капиталистического общества, представляющих чисто экономические категории, которые отличаются друг от друга не юридическими привилегиями, а фактическими условиями²⁶.

Какие же проблемы могут быть избраны предметом рассмотрения в данной части работы? Очевидно, прежде всего те, которые, во-первых, представляют первостепенный интерес, и, во-вторых, поддаются сравнительно-историческому сопоставлению и оценке.

Никакое или почти никакое человеческое общество не развивается вне определенной среды — природной и общественной. Конечно, эволюция общества в целом, производственных отношений в нем определяется уровнем и темпами развития производительных сил. Но чем определяется само развитие производительных сил? Если не впадать в фатализм, они должны зависеть от определенного комплекса условий, и прежде всего природной и внешнесоциальной среды. Говоря о первой, нельзя забывать, что в докапиталистических формациях человек неизмеримо больше зависел от природной среды и именно она в основном определяла и типы хозяйства и направления его развития. Несомненно, чем глубже в древность, тем больше при анализе причин, замедляющих или ускоряющих общественную эволюцию, должна приниматься во внимание географическая, природная среда. Действительно, разве не природные условия препятствуют оседанию кочевников на землю и увековечивают кочевой уклад жизни, который сам по себе ставит барьер на

жил себя с кризисом рабовладения, а на Востоке поселения пленных на землю связаны с недостаточностью развития рабовладельческих отношений (М. М. Слонимский. К проблеме античного рабства. — «Вестник древней истории», 1961, № 4, стр. 123). Советские античники отмечают, что в определении того, к какой формации относить те или иные отношения, следует учитывать и тенденцию развития отношений (С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман. О некоторых вопросах истории рабства. — Там же, 1960, № 4).

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 87—88.

²⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 222.

²⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 475; т. 6, стр. 311.

пути к дальнейшему экономическому прогрессу? Вероятно, и в большинстве тропических стран именно природные особенности оказали замедляющее воздействие на развитие человеческих коллективов, там обитающих. Ведь не расовыми же особенностями объяснять то обстоятельство, что подавляющее большинство аборигенов Америки и Африки не пошло в своем развитии к моменту прихода европейцев дальше раннеклассовых отношений, а коренное население Австралии не вышло из каменного века. Даже в новейшее время, в эпоху развития капитализма специфика природных условий (например, богатство или бедность полезными ископаемыми) оказывают влияние на темпы экономического развития и на его путь.

— Показателен и подход к этому вопросу классиков марксизма-ленинизма. Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, подчеркивая роль условий, в том числе природно-географических, для развития общества, писали: «Всякая историография должна исходить из этих природных основ и тех их видоизменений, которым они, благодаря деятельности людей, подвергаются в ходе истории»²⁷. Позднее они указывали на роль географической среды в развитии Германии²⁸. Любопытно, что Энгельс начал большую монографию по истории Ирландии с очерка природных условий острова²⁹.

Утверждение, что в странах Закавказья и Средней Азии природные условия оказали колоссальное влияние на ход исторического развития, не ново. Именно их специфика определила раннее развитие обществ в долинах рек и вообще в равнинных местах и предгорных долинах. Она же создала возможность того самого длительного сосуществования оседлых и кочевых обществ, которое Маркс считал одной из важнейших специфических черт Востока³⁰. Если к этому добавить и особенности многочисленных горных районов, то обнаружится деление этих регионов на три основных экономических района, каждый из которых довлел над соседними и оказывал большее или меньшее воздействие на них.

И еще одно обстоятельство приходится иметь в виду, говоря об отличии природных условий Закавказья и Средней Азии, скажем, от России. Русские земли в течение столетий также испытывали напор кочевников, которые порой оттесняли земледельческое население со степной и даже лесостепной полосы. Но природа большей части коренной России неблагоприятна для кочевого хозяйства, и половцы, монголы, татары могли только периодически разорять русские земли или налагать на

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 19.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 8—9.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 16, стр. 481—503.

³⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 28, стр. 214.

них дань. Иначе было в Закавказье и Средней Азии, где кочевники часто просто изгоняли и оттесняли земледельческое население с культивированных территорий, ликвидируя столетние результаты производственной деятельности людей.

Природные условия изменяются очень медленно, и даже для всей истории человеческой цивилизации процесс их эволюции, за некоторыми исключениями, не имеет решающего значения. Другое дело, когда речь идет о достигнутых ранее человеком в борьбе с природой результатах. Для Средней Азии, например, это отвоеванные искусственным орошением у пустыни территории, которые довольно часто в столкновениях оседлого и кочевого населения опустошались и декультивировались. Проблема воды и искусственного орошения важна и для Закавказья, хотя и в меньшей мере, чем для земель, расположенных по другую сторону Каспийского моря. Однако важность поддержания сети ирригационных сооружений всегда ощущалась и здесь, и забота об ее организации явилась, по-видимому, и в Закавказье одной из причин, ускоривших процесс сложения классового общества и государства, которое взяло на себя устройство и поддержание в должном виде каналов³¹. Известный «канал Шамирам» у Ванского озера, построенный еще урартами, был выполнен столь образцово, что функционировал многие столетия, даже тогда, когда из памяти людей стерлось имя народа, его строившего, и сооружение канала в I тысячелетии н. э. приписывалось полубогинде царице Семирамиде (Шамирам)³². Не случайно и в древнегрузинскую летопись, вошедшую в состав сборника «Мокцвей Картлисай» («Обращение Картли»), включены факты, связанные со строительством каналов³³. Это показывает, какое большое значение придавалось оросительному делу в древней Грузии.

Кроме природных условий, на эволюцию всякого общества оказывает влияние внешняя среда — соседние общества, которые, естественно, также не остаются неизменными. К особенностям большинства стран мира относятся постоянные изменения в сфере населения в результате перемещений народов и отдельных этнических групп. Для Западной и части Централь-

³¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 132. Забота об орошении, поддержании старых каналов и сооружении новых составляла важнейшую сторону деятельности даже кочевых владык, утвердивших свою власть над земледельческими территориями. Материалы по Средней Азии см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. III. М., 1965, стр. 97—233 и др.

³² Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, стр. 50—54 (древне-арм. яз.).

³³ ПДАЛ, кн. 1, стр. 81, 91; см. также Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 397—398; А. А. Богверадзе. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли. Тбилиси, 1961, стр. 13, 14 (груз. яз.).

ной Европы эти процессы прекратились уже в раннем средневековье, и это несомненно оказало благоприятное влияние на направление и темпы развития этих районов. Россия же, например, хотя и испытывала в течение ряда веков жестокие удары степняков, тем не менее смогла в силу ряда причин сохранить самостоятельный (конечно, с известными оговорками) путь развития, свое этническое единство, сплошную территорию.

По-иному сложились исторические судьбы Закавказья, Средней Азии, как и соседних Ирана, Малой Азии и т. д. Здесь и в древности, и в средневековье, и даже в новое время наблюдался процесс этнических изменений, возникновения новых этнических общностей и исчезновение старых. Когда мы говорим об исчезновении старых этнических групп, то имеем в виду, конечно, не само население. Как правило, оно не только сохранялось, но количественно даже могло преобладать над пришельцами, принесшими новый язык³⁴. Однако в результате этнического синтеза прежнее население теряло свой язык, а затем и прочие национальные черты, принимало язык победителей и становилось одной из составных частей новых этнических общностей, которые если и сохраняли связь с исчезнувшими побежденными этносами, то преимущественно в сфере материальной культуры. Последняя, пожалуй, наиболее устойчива. Как правило, утратив язык, эти ассимилированные группы забывали даже свое прежнее название и узнавали о нем разве только через письменную традицию, часто других народов. Так, современные армяне не сохранили памяти об урартах, хотя и являются их потомками. Нынешние азербайджанцы — также оторченные потомки части древних племен кавказской Албании и иранцев южного Азербайджана. Другие же предки азербайджанцев, принесшие тюркский язык, — огузские племена, в свою очередь представляют собой продукт сложного тюркско-иранского синтеза.

Точно так же какая-то часть согдийцев, хорезмийцы и иные древние народы Средней Азии наряду с тюрками — носителями языка — стали предками современного узбекского народа, в то время как другая часть согдийцев, бактрийцы и другие ираноязычные народности и племена являются предками нынешних таджиков.

³⁴ Этим, в частности, объясняется устойчивость расового типа населения Передней Азии, сохранившегося в основных чертах на протяжении тысячелетий, тогда как этнический облик населения этого региона во многих случаях неоднократно менялся. Поэтому «языковая общность и происхождение народа — явления далеко не идентичные» (В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — «Советская этнография», 1968, № 2, стр. 45; см. также И. М. Дьяконов. Указ. соч., стр. 8).

Историография закавказских и среднеазиатских республик в настоящее время настолько обширна, что в данном случае может быть сделана лишь попытка самого беглого и общего ее обзора.

Армянская и грузинская историография до 1917 г.³⁵ много сделала для изучения и издания первоисточников³⁶, а также исследования отдельных вопросов отечественной истории. Вершиной дореволюционной исторической науки явились в Грузии упомянутая книга И. А. Джавахишвили, а в Армении — указанная монография Н. Г. Адонца. В этих трудах последовательно изложена концепция смены в древних Грузии и Армении родового строя феодальным. Заслугой И. А. Джавахишвили в этой его ранней, но сохранившей до сих пор известное значение книге было установление генетической близости общественного строя Закавказья в древности и раннем средневековье с общественным строем европейских стран. Интересна также попытка выявления общих закономерностей в социально-экономическом развитии Европы и Закавказья. Ту же мысль провел в своей книге и Н. Г. Адонц, разработавший теорию нахарарского строя в древней Армении как местной разновидности феодального общества.

Положение о смене родового строя феодальным базировалось на господствовавшем в буржуазной европейской историографии учении о феодализме как общественном строе, основанном на вассалитете. Выработанные И. А. Джавахишвили и Н. Г. Адонцем концепции надолго утвердились среди историков Закавказья.

Однако уже в дореволюционные годы некоторые армянские и грузинские историки интересовались отношениями господства и подчинения и местом непосредственных производителей в общественной структуре феодальной эпохи. Этих вопросов коснулись в упомянутых книгах и И. А. Джавахишвили и Н. Г. Адонц.

В советское время под влиянием, а затем с упрочением марксизма в национальных историографиях основной путь исследований шел именно в этом направлении. В армянской историографии это в первую очередь труды Я. А. Манандяна и историка-юриста Х. Самвеляна³⁷. Они подтвердили наличие

³⁵ Об армянской и грузинской историографии дореволюционного периода см.: «Очерки истории исторической науки в СССР», т. II. М., 1960, стр. 751—771; т. III. М., 1963, стр. 700—715.

³⁶ Основные источники по средневековым Армении и Грузии были переведены на русский (К. П. Паткановым, И. О. Эмином, Е. С. Такайшвили, Н. Я. Марром и др.) или на французский (М. Броссе и др.) языки.

³⁷ Одним из первых исследователей института рабства в Армении был именно Х. Самвелян (Х. Самвелян. Рабство в древней Армении. — «Известия Ин-

в Армении уже в раннем средневековье феодализма, основанного на эксплуатации зависимого крестьянства и сословно-феодальном общественном строе. Эти ученые, тщательно проанализировав источники, не сочли возможным говорить о рабовладельческом строе в древней Армении³⁸, хотя признали, что рабы там были и рабский труд применялся в хозяйстве.

В основных чертах сходную точку зрения для грузинской истории развивал И. А. Джавахишвили³⁹.

Уже в 20-е годы появилась работа И. Ходорова, где доказывалось наличие феодализма в Средней Азии по меньшей мере с VII—VIII вв.⁴⁰ В 30-е годы С. П. Толстов считал общественный строй Средней Азии до арабского завоевания дофеодальным и сравнивал его с древневосточными и раннеантичными обществами⁴¹.

В конце 20 — начале 30-х годов прошли дискуссии об общественно-экономических формациях, в результате которых большинство историков отказались от концепции «азиатского способа» (в тех или иных вариантах) производства. Зато все больше стала приниматься на вооружение концепция об обязательном прохождении почти всем человечеством рабовладельческой формации⁴². В отношении большинства восточных стран эта теория победила почти повсеместно⁴³. Ее воздействие, конечно, сказалось и на изучении истории Закавказья и Средней Азии. Но тут возникает вопрос: только ли результаты

ститута истории и литературы Армянского филиала АН СССР», кн. 2. Ереван, 1937, стр. 87—140, арм. яз.).

³⁸ Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934 (арм. яз.). Ту же концепцию Я. А. Манандян развивал и в своей более поздней фундаментальной монографии: «Критический обзор истории армянского народа», т. I. Ереван, 1944; т. II, ч. I. Ереван, 1957 (арм. яз.); см. также Х. Самвелян. История древнеармянского права, т. I. Ереван, 1939 (арм. яз.).

³⁹ См. прежде всего капитальный труд: И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. I—II. Тбилиси, 1928—1929 (груз. яз.). И. А. Джавахишвили, исходя из смены родового строя феодальным, признавал наличие в древней Грузии наряду с основной массой свободного населения и рабов. Именно поэтому он писал о существовании рабства в Грузии до VI в. н. э. (И. А. Джавахишвили. История грузинского права, кн. I, стр. 198), не считая возможным говорить о существовании в Грузии когда-либо рабовладельческой формации.

⁴⁰ И. Ходоров. К вопросу об исторической эволюции землевладения в Туркестане. — «Историк-марксист», 1928, т. 10, стр. 121—153.

⁴¹ С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. — «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 176—203.

⁴² В отношении северной Европы и России восторжествовали взгляды, не предусматривавшие наличия здесь рабовладельческого строя.

⁴³ Лишь в отношении некоторых стран, например Корен («Всемирная история», т. III. М., 1957, стр. 9), не было установлено существование рабовладельческого строя.

упомянутых дискуссий привели к пересмотру проблемы переходного к феодализму периода, скажем, для Закавказья? Ответить на этот вопрос утвердительно значило бы подчеркнуть развитие исторической науки в 30—начале 50-х годов. Нельзя забывать, что сторонники существования в Закавказье рабовладельческого (чаще всего с оговоркой «неразвитого») строя, обратив особое внимание на институт рабства и изучив источники по этому вопросу, ввели в научный оборот большой новый материал. Следует иметь в виду и скудность данных о формах эксплуатации в древности и раннем средневековье, а также специфику и трудности комментирования их, когда далеко не всегда можно отделить рабские формы от иных типов зависимости. Метод же аналогий, к которому часто прибегают сторонники рабовладения⁴⁴, малопродуктивен, пока не вскрыты конкретно-исторический смысл социально-экономических терминов, институтов и категорий и их место в общественно-экономических условиях данного региона.

В итоге уже в конце 30-х годов появилась сильная тенденция к признанию существования в древности на территории наших восточных республик рабовладельческой формации в ее «неразвитой», или восточной форме. Эту концепцию утвердили в Грузии С. Н. Джанашиа⁴⁵, а в Армении — С. Т. Еремян⁴⁶ и др.⁴⁷ Показательно, что И. А. Джавахишвили (ум. в 1940 г.) в последние годы жизни фактически не занимался социально-экономическими сюжетами, а Я. А. Манандян до конца своих дней (ум. в 1952 г.) оставался противником новой концепции. После же смерти этих ученых сторонники существования рабовладельческой формации в Закавказье возобладали, и их концепция проводилась в обобщающих трудах. Но это не значит, что ее признали все. В Грузии против нее справедливо выступил Г. К. Соселия. В то же время Г. К. Соселия считал общественный строй Грузии, по данным Страбона, родовым, доклассовым⁴⁸. Правы были, конечно, его оппоненты, критиковавшие этот тезис. Еще более крупное размежевание наблю-

⁴⁴ См., например: «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 464—477.

⁴⁵ С. Н. Джанашиа. Труды, т. I—II. Тбилиси, 1949—1952 (груз. яз.).

⁴⁶ С. Т. Еремян. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. — «Известия Академии наук Армянской ССР», 1948, № 11, стр. 33—73; он же. О рабстве и рабовладении в древней Армении. — «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 12—26.

⁴⁷ Из более новых работ наиболее интересна книга Г. Х. Саркисяна «О путях социально-экономического развития древней Армении». Ереван, 1962 (арм. яз.). Г. Х. Саркисян обратил особое внимание на специфику общественных отношений в древней Армении, на отличие древнеармянского общества от классического античного.

⁴⁸ Г. К. Соселия. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 72—84.

дается среди историков Армении, где большая группа исследователей не приняла концепцию рабовладения⁴⁹.

Наконец, в последнее время и в Грузии к пересмотру проблемы раннеклассовых обществ в Передней Азии призвал Г. А. Меликишвили⁵⁰.

Все это показывает, что проблема генезиса феодализма в наших восточных республиках еще далека от окончательного решения. Это касается и путей развития процесса и в еще большей мере его хронологических рамок.

Несколько слов о современной зарубежной историографии. Современные буржуазные историки считают, что в Закавказье и Средней Азии интересующего нас периода существовал феодализм, т. е. в их понимании общественный строй, основанный на системе «службы», «вассалитета» и земельной и служебной иерархии. Недооценивая ведущую роль способа эксплуатации в определении того или иного этапа развития общества⁵¹, они видят феодализм в древней Ассирии, в Ахеменидском Иране и, конечно, при Аршакидах, Сасанидах и позднее⁵².

В отношении Армении и Грузии современная зарубежная историография в основном придерживается дореволюционных взглядов И. А. Джавахишвили и Н. Г. Адонца о переходе от родового строя к местным типам феодализма⁵³. Это не значит, что буржуазные востоковеды совершенно не исследуют взаимоотношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Наоборот, чем ближе к нашему времени, тем этим вопросам уделяется все больше внимания. Однако до сих пор во взглядах

⁴⁹ Ш. Р. Арутюнян. Армянская советская историография за сорок лет. — «Вопросы истории», 1960, № 7, стр. 107; Г. Х. Саркисян. Изучение истории древней Армении в армянской советской историографии. — «Вестник древней истории», 1967, № 2, стр. 201—212.

⁵⁰ Г. А. Меликишвили. К вопросу о характере древневосточного классового общества. — «Вопросы истории», 1966, № 11, стр. 65—80. В другой своей статье Г. А. Меликишвили пишет о существовании в древней Грузии различных форм эксплуатации (рабство, феодальная эксплуатация и т. д.); среди них в процессе исторического развития победили различные формы феодальной зависимости (Г. А. Меликишвили. Социально-экономический строй древней Грузии. — «Мацне», 1966, № 1, стр. 82, груз. яз.).

⁵¹ Например, известный западногерманский ориенталист Б. Шпудер видит основную движущую силу истории в смене идей (религий) (B. Spuler. Iran in früh-islamischer Zeit. Wiesbaden, 1962, S. 6. Речь идет о причинах экспансии арабов в VII в.).

⁵² В отношении истории Ирана эти концепции изложены в следующих книгах: A. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944; R. Ghirshman. L'Iran des origines à l'Islam. Paris, 1951; G. Widengren. Recherches sur la féodalisme iranien. — «Orientalia Suecana», v. 5. Uppsala, 1957, p. 79—182.

⁵³ W. E. D. Allen. A History of the Georgian People. London, 1932; D. M. Lang. The last Years of the Georgian Monarchy. N. Y., 1957. В другой своей книге Д. М. Лэнг предполагает существование феодальной системы в Грузии приблизительно с IV в. н. э. до присоединения к России в 1801 г. (D. M. Lang. The Georgians. N. Y. — Washington, 1966, p. 96).

буржуазных историков господствует чисто юридический подход к решению проблем. Такова, например, книга датского исламоведа Ф. Леккегорда⁵⁴, о которой крупнейший историк-востоковед В. Ф. Минорский сказал, что эта «интересная диссертация имеет несколько абстрактный характер, и изучение специальных установлений в ней мало увязано с историей»⁵⁵. Преимущественное изучение памятников права, которые отражают застывшие на определенном этапе действительные и желаемые (для законодателей) формы отношений, неизбежно приводит к подобным ограниченным результатам. Проблема же преломления в жизни и практического осуществления правовых казусов — сложна и опять же не всегда разрешима при существующем состоянии источников. Лучшие современные буржуазные исследователи стараются в своих работах (разумеется, со своих методологических позиций) исследовать связь правовых положений с практикой их применения в реальной жизни⁵⁶.

Необходимо отметить зарубежные источниковедческие исследования и публикации. Ряд работ арменистов значительно продвинул издание и исследование источников⁵⁷. Особенно много для публикации и исследования источников по истории Закавказья и Средней Азии сделал В. Ф. Минорский⁵⁸, труды которого, наряду с работами В. В. Бартольда, являются крупнейшим вкладом в этой области.

⁵⁴ F. Løkkegaard. Islamic taxation in the classic period. Copenhagen, 1950.

⁵⁵ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, стр. 157.

⁵⁶ См., например: A. K. S. Lambton. Reflection on the Iqta. — «Arabic and Islamic Studies in Honor of Hamilton A. R. Gibb». Leiden — Brill, 1965, p. 358—376.

⁵⁷ См. в первую очередь следующие работы: C. Y. F. Dowsett. A neglected passage in the History of Caucasian Albanians. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», v. XI. London, 1957, p. 456—468; «The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci». Tr. by C. Y. F. Dowsett. London, 1961; см. также Нерсес архимандрит [Акинян]. Литературные исследования, т. 1—4. Венеция, 1922—1933 (арм. яз.), статьи в журнале «Ан-дес амсорня» и т. д.

⁵⁸ См. библиографию трудов В. Ф. Минорского, приложенную к сборнику его избранных трудов «Iranica» (Teheran, 1964).

Глава I

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Этническое развитие является частью общей проблемы народонаселения, которая помимо этого включает вопросы, связанные с изменением плотности населения, его размещения и т. д. Эти последние для взятой эпохи не поддаются изучению ввиду отсутствия источников, о чем следует пожалеть, ибо **народонаселение** — первая проблема, стоящая перед исследователем страны в политико-экономическом отношении¹.

Если мы обратимся к истории Европы, то для ее средневековья характерна консолидация народностей, развившихся затем в нации, которые сохранились до наших дней. Именно вокруг тех или иных народностей складывались в Европе известные политические общности, и отдавая должное приоритету экономических предпосылок в их становлении, я укажу и на давно известное положение, что особенно на начальном этапе консолидации таких «национальных»² государств громад-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, стр. 726.

² Термин «национальное» приходится ставить в кавычки по крайней мере по двум причинам. Во-первых, потому, что национальный признак для той эпохи и для наших дней не однотипен. Национальные связи докапиталистической эпохи можно рассматривать как этнические по преимуществу, когда экономические связи внутри тогдашней основной общности-народности были очень слабы, отчего и этническая общность, в свою очередь, была очень неустойчива и легко поддавалась дезинтеграции. В этом отношении народность уступает не только нации современной эпохи, но и доклассовому или раннеклассовому племени, где сильные кровнородственные связи делают эти общности более устойчивыми и способными к сопротивлению. Нельзя игнорировать, конечно, и значения развития и распространения в массе населения национальной культуры. Это последнее обстоятельство особенно важно для возникновения и устойчивости так называемого национального самосознания, создающего, как известно, прецеденты сохранения национальностей даже тогда, когда исчезает самостоятельный язык (примеры — шотландцы, евреи и т. д.). В целом можно утверждать, что единый язык (с его диалектами и наречиями) является обязательным признаком для народности. Утрата самостоятельного языка — важный шаг на пути дезинтеграции, хотя, как показывают вышеприведенные примеры, даже с потерей своего языка народность известное время может осознавать себя в качестве особой этнической общности. Однако и в этих случаях на-

ное значение имели этнические и внешнеполитические факторы. Они играли тем большую роль, чем большая угроза существовала со стороны иноэтнических и инополитических объединений.

Совсем с иным положением мы сталкиваемся в Передней Азии, в частности в Закавказье и Средней Азии. Здесь постоянно наблюдаются процессы либо изменения этноса, либо крайнего сужения территории и сферы действия ранее существовавших этнических общностей. Нужно учитывать и влияние этих процессов на социально-экономическое развитие. Одним из его проявлений была непосредственно связанная с этническими изменениями архаизация форм социально-экономических связей, имевшая место в результате синтеза старых местных форм с привнесенными. Последние же в данных регионах в подавляющем большинстве случаев стояли на более низком уровне развития, нежели коренные. Многократность повторения подобного рода синтетических явлений и стала важнейшей, хотя и не единственной, причиной в целом замедленного по сравнению с Европой развития этих регионов.

Переходя к конкретному обзору процессов этнической эволюции в средние века в Закавказье и Средней Азии, оговорю с самого начала, что эти процессы прослежены здесь лишь в самой общей форме, дабы осветить основные их направления и этапы, притом наибольшее внимание будет уделено раннему периоду, в целом и определившему итог этих процессов.

Нужна и другая оговорка, относящаяся к методу использования источников. Для меня в данном случае всякий источник является полноценным лишь для того времени (или ближайшего к нему), к которому относится его составление. Отнесение же свидетельства к более ранним периодам допустимо без оговорок лишь тогда, когда имеются неопровержимые доказательства точного заимствования факта из достоверных источников той эпохи, к которой он принадлежит. Понятно, возникают многочисленные помехи и «белые пятна», но все же предложенный метод представляется более правильным и плодотворным.

Поскольку дальнейшее изложение вопроса основано главным образом на данных источников, следует сказать несколько слов об их этнической терминологии³. Средневековым храни-

родность, утратившая свой язык, когда-то его имела, и при определенных обстоятельствах он может быть возрожден (иврит в Израиле). Во-вторых, потому, что ни одно государство средневековой Европы не было этнонациональным, но в каждом случае гегемоном выступал определенный этнический компонент (англичане в Англии, северофранцузы во Франции, великороссы в России и т. д.).

³ Об этнических критериях в современной науке см.: В. П. Алексеев и Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей. — «Советская этнография», 1968, № 2; осо-

стам, правоведам и литераторам вопросы этнической принадлежности и терминологии представлялись, конечно, несколько в ином виде, чем нам. Они были для них и проще и сложнее. Проще потому, что, если даже в наше время современной науке с ее исторической традицией, опытом и уровнем теоретической разработки далеко не ясны многие перипетии национального вопроса, то писатели прошлых времен⁴ тем более не имели строгих, четко установленных на этот счет понятий, и терминология их была достаточно путана и разнообразна. Писатели средневековья использовали понятия и термины, возникшие во время если не существования, то сильных пережитков родового строя, для новых условий, которым они уже более не соответствовали. Иногда эти термины употреблялись и в старом смысле и в значении, порожденном новыми условиями. Поэтому один и тот же термин может в одном и том же языке иметь несколько, порой много значений.

Например, в армянских средневековых памятниках этнос, народ обозначался чаще всего термином «азг», но этот же термин употреблялся нередко наравне с другими для обозначения феодального «рода», «дома» («азг Амагуни», «азг Хорхоруни», «азг Багратуни» и т. д.). Трудно сказать, сохранилось ли это слово в первоначальном значении, или здесь отразилось иноплеменное (во всяком случае, по традиции) происхождение ряда армянских нахарарских домов.

Исследование этнических процессов средневековья очень затрудняется влиянием религий в ту эпоху. Зачастую религиозное единство — во всяком случае, для авторов большинства наших источников — значило больше, нежели единство этническое. Объяснить это можно не только колоссальной ролью религий, но и тем, что с распадом родового общества старые кровнородственные связи были утрачены, новые же территориально-этнические связи не были в достаточной мере сильны.

бенно стр. 45: «Язык безусловно, как это и принято в современной науке, следует считать основным этническим показателем. Однако языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные». Это положение, пожалуй, более применимо именно к прошлым эпохам, ибо в наше время встречаются народы с одинаковым языком, но этнически обособляемые (англичане, шотландцы, ольстерцы, англо-канадцы и т. д., немцы, австрийцы и т. д.). Очевидно, в современную эпоху следует больше учитывать и факторы экономической, культурной, политической общности, исторической традиции и т. д.

⁴ На терминологию источников как христианских, так и мусульманских оказала большое влияние Библия. Основными же признаками для определения народа в ней были, наряду с языком (лашон), племенное происхождение (мишпаха), расселение на известной территории (арэц). Совокупность этих признаков и определяли народ (гой). Как видим, здесь присутствуют и признаки родового общества и территориальный (см., например: Ветхий завет, Бытие, X, 5, 20, 31, 32). Здесь и ниже я пользуюсь древнееврейским текстом Библии («Biblia hebraica». Ed. R. Kittel, v. I. Lipsiae, 1913).

Для этой эпохи типичной формой этнической общности является народность. Народности же свойственны еще крайне непрочные связи между ее составными элементами, большая живучесть диалектов и местных различий. Поэтому народности вообще подвержены ударам извне и легко распадаются и погибают как этнические общности. Необходимо создание прочных экономических связей, скрепляющих этническое единство, но это возможно лишь при более высоких формах общественных отношений, и тогда народности превращаются в нации — очень устойчивые общности, единство которых уже не только этническое, но не в меньшей степени экономическое.

Пожалуй, вот эта слабость народностей как этнических общностей также в свою очередь вела в средние века к усилению организующего воздействия религий. Это хорошо видно на примере ислама. Последнему особенно свойственно подавление этнического сепаратизма. Уже на ранних этапах распространения ислама принятие его означало не только смену веры, но и примыкание к этносу его распространителей, т. е. арабов. И позднее, когда с распадом халифата и с возрождением иранской народности этнические различия стали более осязаемые среди мусульман (затем с исламизацией части тюрок тюркский элемент тоже получил самостоятельное значение в «странах ислама»), все-таки мусульманские и христианские — греческие, армянские, грузинские, сирийские — источники гораздо чаще выделяли мусульман как религиозную общность, нежели отдельные этнические составные части мира ислама. Точно так же и для христианских источников понятие христианина, причем, разумеется, христианина соответствующего толка, имело порой более важное значение, чем этническая принадлежность данного лица. Сошлюсь на колоритный пример из грузинских хроник. Говоря о знаменитом Захарии Мхаргрдзели, жизнеописатель царицы Тамары усиленно подчеркивает, что он был армянской веры (сартсмуноэбит сомэхи)⁵, и даже посвящает целую главу описанию бурного диспута между армянским духовенством — духовными пастырями этого видного государственного деятеля — и грузинским клиром.

Пример этот важен потому, что на нем можно проиллюстрировать положение о преобладании в эту эпоху религиозного начала над этническим. Дело в том, что грузинские источники говорят лишь о религии этого почтенного сановника. Армянские же источники отмечают, что он был по происхождению курд⁶, но христианин армянского толка. Исторически это легко объяснимо. Курдская знать играла большую роль в Передней Азии

⁵ «Картлис цховреба», т. II, Тбилиси, 1959, стр. 82, 110 (древнегруз. яз.).

⁶ «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.» Составил В. А. Акопян, т. II, Ереван, 1956, стр. 136 (арм. яз.).

X—XIII вв.; одна часть ее приняла ислам, другая же — христианство. К последней и принадлежала фамилия Мхаргрдзеи.

Однако был один определенный признак, и в ту эпоху служивший для этнической дифференциации, — язык⁷. Там, где в источниках речь шла об языках и их отличии, можно определенно говорить о конкретных этнических группах. Но и здесь приходится считаться по меньшей мере с тремя обстоятельствами. Прежде всего мы часто сталкиваемся с характеристикой языков народностей или племен, исходящей из уст представителей других народностей, нередко с этими языками непосредственно не знакомых. Это относится к описаниям кавказских языков армянскими, арабскими и иранскими авторами. Здесь оценки часто неточны. К сожалению, во многих случаях они не могут быть проверены.

Далее. Писатели той эпохи, как правило, не проводили грани между языком и наречиями и диалектами. Более того, они нередко не усматривали различий между близкородственными языками. Это следует иметь в виду, например, при оценке свидетельств нетюркских авторов о тюркских языках и наречиях или неиранских писателей о языках иранских. С этим мы чаще всего сталкиваемся в трудах писателей иноязычных. В качестве примера приведу одно место из характеристики иранских языков знаменитым ал-Мас'уди. Рассуждая о персах, он писал: «Персы — это народ (уммат). Предел их областей: ал-Джибал⁸, от ал-Махат⁹ и других его [районов], Азербайджан до областей Армении, ар-Ран и Байлакан¹⁰ до Дербента — он же Баб ва ал-абваб, Рей¹¹, Табаристан, ал-Маскат¹², аш-Шабаран¹³, Джурджан¹⁴, Абар-шахр, он же Нейсабур, Герат, Мерв и прочие из областей Хорасана, Сиджистан, Керман, Фарс, ал-Ахваз и то, что прилегает к нему из земли неарабов [ал-аджем] в наше время. И все эти области были единым цар-

⁷ К сожалению, среди этнографов нет единого мнения относительно этнических определителей для докапиталистического периода; многие отрицают само понятие народности (В. И. Козлов. Динамика численности народов. М., 1969, стр. 63—69).

⁸ ал-Джибал — арабское название области на северо-западе Ирана, в персидских источниках называется Ирак-е аджем, т. е. Ирак персидский, точнее неарабский, в отличие от Ирака арабского (современный Ирак).

⁹ ал-Махат — буквально «мидийские», соответствует округу приблизительно в районе Нехавенда.

¹⁰ Байлакан — город на территории Азербайджанской ССР, разрушен монголами; исследуется азербайджанскими археологами.

¹¹ Рей — древний город в районе Тегерана.

¹² ал-Маскат — страна маскутов (массагетов), в северном Азербайджане, вдоль берега Каспийского моря.

¹³ Шабаран — город на севере Азербайджана.

¹⁴ Джурджан, иначе Гурган, — область на юго-восточном берегу Каспийского моря.

ством [мамлакаты] с одним царем [малик] и единым языком [лисан]; хотя они различались в разговорных наречиях [лугат], однако язык их един и слова в написании одни и те же, и образование слов одинаково; они [наречия] стали затем отличаться в некоторой степени, такие, как ал-пахлавийе¹⁵, ад-дарийе¹⁶, ал-азерийе¹⁷ и другие из наречий персов»¹⁸.

В данном случае мы имеем мнение крупного ученого-энциклопедиста X в. — араба. Ясно, что под персами (ал-фурс) он подразумевает не только собственно персов, говоривших на среднеперсидском и новоперсидском языках и их наречиях, но и ираноязычное население Закавказья, южного Азербайджана, южного Прикаспия и т. д., говорившее (а в ряде случаев и говорящее сейчас) на особых языках иранской же группы. Арабу все эти иранские «наречия» казались более сходными, нежели они были на самом деле.

Наконец, определенную путаницу вносит и широкое употребление господствующего языка в качестве богослужебного. В сочинении грузинского автора X в. Георгия Мерчула есть место, где говорится, что Грузией (Картли) считается та обширная земля (квэкана), где церковная служба ведется на грузинском языке¹⁹. Но это вовсе не означает, что кроме грузинского языка там не было других, преимущественно письменных языков и наречий. В России XVI—XIX вв. церковная служба также велась на старославянском языке, что отнюдь не исключало существования других, в том числе и неславянских, народностей и племен на ее территории.

То же самое можно сказать и об Армении I тысячелетия н. э., где, наряду с господствующими государственным²⁰ и церковным языками, были и различные иные языки, занимавшие подчиненное положение.

Характеристику этнических групп и изменений, имевших место в этнических процессах, целесообразнее давать по определенным этническим же семьям: аборигенные кавказские народности и племена, армяне, ираноязычные народности и этнические группы, проблема образования тюркоязычных народностей, семиты.

¹⁵ Очевидно, имеется в виду среднеперсидский язык.

¹⁶ Персидский, новоперсидский язык, иначе фарси.

¹⁷ Язык иранской группы, употреблялся в южном Азербайджане.

¹⁸ *ал-Масуди*. Книга предупреждения и пересмотра. — BGA, t. VIII, p. 77—78 (ар. яз.).

¹⁹ ПДАЛ, кн. I, стр. 290 (древнегруз. яз.); то же в переводе Н. Я. Марра (Н. Я. Марр, Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандатийского. СПб., 1911, стр. 123).

²⁰ Государственным, конечно, в периоды существования армянского государства.

КАВКАЗСКИЕ (ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКИЕ) НАРОДНОСТИ И ПЛЕМЕНА В ЗАКАВКАЗЬЕ

Народности и племена, говорящие²¹ или говорившие на языках иберийско-кавказской группы, являются древнейшими аборигенными (если это слово можно употреблять)²² этническими образованиями в Закавказье; все прочие этнические группы представляются позднейшими. Однако, говоря о привнесении языков, нельзя забывать и того, что и армяне и азербайджанцы являются в значительной части потомками местного коренного населения, потерявшего свои прежние языки и вошедшего в состав этнических общностей, которые возникли на основе новых «пришлых» языков. Из сохранившихся в Закавказье до нашего времени народностей с языком иберийско-кавказской группы крупнейшим является грузинский народ (картвелы).

Грузины (картвелы), под которыми здесь и ниже понимаются лишь собственно грузины, исключая близко родственные им западногрузинские народности и племена (мегрелы, сваны, заны, колхи), сложились в народность, очевидно, уже до нашей эры. Вопрос о месте первоначального обитания восточнокартвельских племен решался по-разному.

За последнюю четверть века возобладала точка зрения, согласно которой вся или почти вся территория, ныне населенная грузинами, являлась местом исконного их расселения и обитания. В доказательство стали приводиться свидетельства археологии, которые не показывают изменений в материальной культуре на данной территории²³.

Вероятнее всего, процесс образования грузинского народа был более сложным и территория, им занимаемая, значительно расширилась за счет ассимиляции иных племен в основном кавказского же происхождения²⁴. Это наиболее вероятный

²¹ См. «Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки». М., 1967.

²² Термин этот условен конкретно-исторически почти всегда. В определенные эпохи какая-то часть предков всех народов меняла свое местожительство.

²³ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 13. Довод этот не представляется убедительным.

²⁴ Грузинская хроника «Мокцвей Картлисай» указывает, что древнейшие обитатели левобережья Куры (Мтквари) не были картвелами. Хроника называет их бунтурками. В связи с этим обращаем внимание на следующее обстоятельство: «Мокцвей Картлисай» называет этих аборигенов, описываемых в качестве дикого народа, пожирающего своих мертвых, племенами небусеев. Последние, как известно, фигурируют в Библии как одно из ханаанских племен, обитавших до прихода евреев в округе Иерусалима (см. Книга Иисуса Навина, XV, 63). Думается, что такая параллель не случайна. Бунтурки также обитали на месте столицы Грузии Мцхета. Скорее всего это были какие-то племена кавказского же происхождения, ассимилированные картвелами в отдаленные времена, о чем и сохранила воспоминания

путь, и он подтверждается не только конкретным материалом, но и закономерностями исторической аналогии.

Именно так складывались все без исключения известные нам народности. Остановлюсь на трех примерах. Английский народ, язык которого принадлежит к германской группе, т. е. вообще пришлый для Британских островов, сложился из разных составных частей: древних обитателей Британии — кельтов и пришедших позднее англов, саксов, ютов, какой-то части скандинавов и т. д.²⁵ Русский (великорусский) народ в основе славянского происхождения со славянским языком значительно расширил территорию своего расселения уже в более позднее время (XV—XIX вв.), ассимилировав определенную часть прежних жителей Поволжья, Сибири и т. д. Нынешний японский народ образовался из различных расовых и этнических компонентов, также постепенно распространяясь и по территории в пределах Японских островов²⁶. Думаю, что и народы Закавказья не составляли исключения. Устойчивость же и однородность материальной культуры могут быть объяснены по-иному.

То, что грузинский народ сложился из разных составных частей (родственных и не родственных), показывает не только предание о бунтурках, но и вошедшая к «Картлис цховрѣба» мифическая родословная грузин, а также существование ряда исторических областей, связанных с этой родословной и ею объясненных; причем некоторые из этих областей (например, Спер, Тайк) в рассматриваемую эпоху имели этнически разное население. «Картлис цховрѣба» начинается с мифической родословной, в которой «родоначальник» картвелов Картлос выступает в качестве второго сына Таргамоса, одного из потомков библейского Яфета. В списке народов «братьев», наряду с грузинами, числятся армяне, раны, моваканы, эры, лѣки, мегрелы и кавказианы²⁷. Все эти народы в определенное время были ближайшими соседями картвелов-грузин.

Не останавливаясь подробно на элементах этой «родословной», которая содержит мало достоверного, хочу отметить два обстоятельства: во-первых, «родословная» с ее этническим составом отражает именно эпоху составления источника (т. е. XI в.) с выходом в прошлое максимум на два-три столетия, и, во-вторых, в ней фигурируют как отдельный народ мегре-

ние древнегрузинская хроника (ПДАЛ, кн. I, стр. 81). Аналогия с Библией закономерна для всего данного памятника. Противники Александра названы сынами Лота и т. д.

²⁵ H. R. Loyn. Anglo-saxon England and the Norman Conquest. N. Y., 1963, p. 1—62. Автор тщательно разбирает процесс консолидации английского народа и место его составных частей в этом процессе.

²⁶ G. Sansom. A. History of Japan to 1334. London, 1958, p. 12—34.

²⁷ «Картлис цховрѣба», т. I. Тбилиси, 1955, стр. 8.

лы — западногрузинская народность, до наших времен сохранившая особый разговорный язык, близкородственный грузинскому²⁸. В дальнейшем «Картлис цховрѣба» говорит о потомках Картлоса, среди которых находит имена Кахос, Кухос, Джавахос²⁹ и др. Эти имена являются по сути дела попыткой объяснения названий исторических областей Грузии: Кахети, Кухети, Джавахети и т. д. В то время, когда писалась цитируемая часть «Картлис цховрѣба», области эти были уже грузинскими и жители их, во всяком случае в большинстве, и были грузины, но в названиях областей сохранились иные, более древние значения, возможно этнонимов, ранее существовавших здесь, независимо от того, были ли эти исчезнувшие этнонимы близкородственными картвелам или нет. С подобного рода случаями часто сталкиваемся в истории Европы. Например, названия исторических областей Бургундия, Нормандия во Франции объясняются аналогично.

К началу взятого отрезка времени грузины-картвелы уже вышли к Черному морю и заселили Картли за р. Курой. Нельзя точно сказать, когда были картвелизированы Кахети, Кухети и та часть Эрети, которая была этнически грузинской. В области Гугарк население было, по-видимому, смешанным, армянским и грузинским³⁰. Область Тао (арм. Тайк) в древности, очевидно, была населена особым народом³¹, позднее также слившимся с армянами и грузинами. Не ясно этническое положение на рубеже Кахети и Кухети; очевидно, здесь грузинский элемент на всем протяжении до XIII в. активно продвигался в горы, ассимилируя родственные дагестанским народам и вейнахам небольшие местные племена³².

²⁸ См. «Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки», стр. 8, 16, 62—76.

²⁹ «Картлис цховрѣба», т. I, стр. 8—9.

³⁰ По данным Страбона, область Гугарк (Гогарена) во II в. до н. э. была отторгнута от Иберии армянским царем Арташесом I (В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб., 1893, стр. 155). В аршакидскую эпоху эта область составляла одно из четырех блдхств (пограничных марок) Армянского царства, а в конце IV в. н. э. перешла к Грузии (Агатангел. История. Тифлис, 1909, стр. 414 (древнеарм. яз.); «Армянская география». СПб., 1877, стр. 20 (арм. яз.), 52 (русс. пер.); см. также С. Т. Еремян. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван, 1963, стр. 48 (арм. яз.)). Монография С. Т. Еремяна является лучшим исследованием по исторической географии Армении раннего средневековья; см. также Т. Х. Акопян. Очерки по исторической географии Армении. Ереван, 1960, стр. 252—253 (арм. яз.). Г. А. Меликишвили полагает, что этнически Гугарк представлял смешанную армяно-грузинскую область (Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 461).

³¹ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 20, 70, 81, 114 и др.

³² Современные исследователи древнего Востока устанавливают родство урартского и хурритского языков с восточнокавказскими и прежде всего вейнахскими (чеченским и ингушским) языками (И. М. Дьяконов. Язы-

Более медленно процесс картвелизации протекал в Западной Грузии за Лихским хребтом. Источники XIII в. выделяют Грузию по ту сторону (Лихского хребта) и по эту сторону его («имизр» и «амизр») ³⁵. Такое деление в то время исторически отражало процесс сложения единого грузинского государства в X—XI вв., когда активной силой выступало Абхазское царство ³⁶. Население областей за Лихским хребтом этнически не было однородным — там, кроме собственно грузин, проживали мегрелы, сваны, абхазы и т. д. Позднее это деление привело к созданию исторической области Грузии Имерети, основным населением которой были грузины.

Выше говорилось, что восточнокартвельские племена еще в древности вышли к Черному морю, разорвав на две части массив западнотуркменских племен ³⁷. Последние с тех пор составляли две группы: собственно мегрельскую (в нынешней Западной Грузии) и лазо-чанскую (ныне на территории Турции от Аджары до Трапезунда). Южная группа (лазо-чаны) населяла уже в это время преимущественно горные районы и развивалась очень медленно. Абхазы и мегрелы приняли христианство из Византии ³⁸ с греческим богослужебным языком, который, однако, был затем вытеснен грузинским. Западнокартвельские языки уже в средние века активно сменялись грузинским. Процесс этот замедлился и приостановился после XIII—XIV вв., но, по-видимому, почти закончился в наше время ³⁹.

Северо-западнее мегрелов проживали абхазы. Исторически очевидно, они некогда были потеснены картвелами. Во всяком

ки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 23; см. же. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, стр. 18). Если это так, то можно предполагать наличие в древности достаточно широкого ареала распространения языков этой группы, который позднее сильно сократился, очевидно, в результате ассимиляции армянами и картвелами местного аборигенного населения от озера Ван до Большого Кавказского хребта.

³⁵ «Картлис цховреба», т. II, стр. 5, 11, 16 и др.

³⁶ З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, стр. 95—177.

³⁷ Византийские авторы VI в. (Прокопий, Агафий) отделяют западнотуркменские этнические комплексы (колов, сванов и чанов) от восточнотуркменских (иберов) (Прокопий Кесарийский. История войн римлян с персами, кн. I. СПб., 1876, стр. 132, 140, 189, 190, 192 и др.; Агафий. О царствовании Юстиниана. М.—Л., 1953, стр. 52, 136). Грузинские хроники не помнят времени, когда массив западнотуркменских племен был бы не разрезан восточнотуркменскими. Уже удел Картлоса простирается до Сперского моря («Картлис цховреба», т. I, стр. 8).

³⁸ Прежде считали, что это событие имело место в VI в. Ныне грузинские историки полагают, что Лазика стала христианской в IV в. (Н. Ю. Ломоури. Грузино-римские взаимоотношения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тбилиси, 1969, стр. 29).

³⁹ Во Всесоюзной переписи населения 1959 г. мегрелы не отмечены.

случае, название г. Кутаиси (Кутатиси древних грузинских хроник) Н. Я. Марр производил из абхазского языка³⁸, хотя в известную по письменным источникам эпоху район этот относился к Эгриси. Южная граница этнического расселения абхазов в VI—XIII вв., видимо, почти совпадала с нынешним рубежом Абхазской АССР, северную же установить невозможно. Знаменитая формула XII—XIII вв. «От Никопсы³⁹ до Дербента» в первой своей части указывала политическую границу владений Грузинского государства на северо-западе и не совпадала с этнической границей абхазов и адыгов. Вероятно, и эта последняя не оставалась неизменной. Политически Абхазское царство возникло в VIII в. с помощью хазар⁴⁰. Позднее абхазские цари подчинили собственно Эгриси и часть Западной Грузии, населенную картвелами. В своей деятельности за объединение грузинских земель, протекавшей первоначально в форме борьбы за гегемонию в исторической области Картли⁴¹, абхазские цари отражали в IX—X вв. в значительной мере общегрузинские интересы. Титул «царей Абхазии» долгое время стоял на первом месте в титулатуре общегрузинских царей⁴². Через Абхазию и Сванети распространялось политическое и культурное влияние Грузии на Северном Кавказе.

Монгольское нашествие и последовавшие затем события привели к сокращению грузинской территории. Несмотря на героическую многовековую борьбу, Грузия потеряла часть земель, особенно на юго-западе.

На восток от картвелов находилась обширная страна, в раннем средневековье имевшая очень пестрый этнический состав. Эта территория, ныне составляющая основную часть Азербайджанской ССР и населенная преимущественно азербайджанцами — народом тюркской языковой семьи, в ту эпоху не имела ни единого, ни постоянного названия. Даже армянское название Алванк, точнее «Алваниц ашхарн» (т. е. «страна алван»), не покрывало эту территорию целиком. Не говоря уже о том, что и по армянским источникам территория «страны алван» не совпадала в различное время, те же источники

³⁸ Н. Я. Марр. О языке и истории абхазов. М., 1938, стр. 394.

³⁹ О местонахождении Никопсы см.: Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 89; З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 110.

⁴⁰ «Картлис цховрება», т. I, стр. 251.

⁴¹ М. Д. Лорткипанидзе. Политическое объединение феодальной Грузии (IX—X вв.). Тбилиси, 1963, стр. 7, 292 (груз. яз.).

⁴² Еще сельджукский хронист Иби Биби (конец XIII в.) писал о царице Тамаре (Тамар-ханум) «малика гурдж» (т. е. царица грузинская), что она правила «мамлакат-е абхаз» (страной Абхаз) и «дар ал-мульком» (столицей) Тифлисом, как в свое время управляла своими владениями библейская царица Билкис (*Ibn-i Bibi. el-Evamirül-alaiyye fi'l-umuri'l alaiyye. Ankara, 1956, p. 65*).

знают здесь и другие области, как-то страну маскутов⁴³, Мовакан (Муган)⁴⁴ и т. д. То же самое прослеживается и по грузинским источникам. К востоку и юго-востоку от областей Эрэти, Кухети и Кахети, которые в эту эпоху, как правило, относились к Грузии, лежали районы Рани и Мовакани. Первое название и исторически и лингвистически идентично арану арабских и персидских источников. Обе эти формы соответствуют армянскому Алван; очевидно, это формы одного и того же слова, взятые из различных (скорее всего иранских) языков. Известно, что среди последних «р» часто переходит в «л»⁴⁵. Из этого же соответствия напрашивается вывод об идентичности названий Иран — аран — алван — алан⁴⁶. Возможно, что этимологически термин восходит именно к иранцам-аланам, сведения о нашествии которых в Закавказье сохранились во многих источниках: у Иосифа Флавия⁴⁷, армянских⁴⁸, гру-

⁴³ О стране маскутов упоминают многие древнеармянские историки: *Мовсес Хоренаци*. История Арменни. Тифлис, 1913, стр. 234 (древнеарм. яз.); *Фавст Бузанд*. История. СПб., 1883, стр. 12 и др. (древнеарм. яз.). «Армянская география», указ. изд., стр. 16 (38). Маскутов и их страну в форме ал-Маскат знают и мусульманские авторы (*В. Ф. Минорский*. История Шарвана и Дербенда. М., 1963, стр. 108—112 и др.).

⁴⁴ Муган мусульманских и Мовакан армянских авторов соответствуют юго-восточной части нынешней Азербайджанской ССР и прилегающим округам иранского Азербайджана.

⁴⁵ Еще И. Маркварт писал, что Ран — среднеперсидская форма того же названия, что и армянский Алван (*J. Marquart*. *Eranšahr nach der Geographie des Ps. Moses Chorenac'i*. Berlin, 1901, S. 116). В среднеперсидских надписях для Албании встречается форма Ln'u или Atgan, там же Аланан дар, т. е. Аланские ворота (Дарьял). В парфянском же варианте надписи Шапура I есть форма Ardan (*M. Sprengling*. *Third Century, Iran, Sapor and Kartir*. Chicago, 1953, p. 7, 14). О переходе «р» в «л» в иранских языках см.: *В. И. Абаев*. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965, стр. 35—41. Любопытно вспомнить и известие Мовсеса Каланкатвази об Аране, первом правителе «страны алван» (*Мовсес Каланкатвази*. История страны алван. Тифлис, 1913, стр. 14, древнеарм. яз.).

⁴⁶ Алан этимологически соответствует Иран (*В. И. Абаев*. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, стр. 79, 153). О сирийской форме Аран см.: *Н. В. Пигулевская*. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 165.

⁴⁷ *Иосиф Флавий*. Иудейская война. СПб., 1900, стр. 510.

⁴⁸ *Мовсес Хоренаци*. Указ. соч., стр. 177—180. Обычно полагают, что Хоренаци повествует о нашествии алан в 70-х годах I в. н. э., описанном также Иосифом Флавием. Однако любопытно, что весь рассказ «отца армянской истории» основан на данных народного эпоса и связывается с царем Арташесом, тогда как у Иосифа Флавия речь идет о первом монархе Аршакидской династии Тиридате. Мне представляется, что армянский эпос, записанный Хоренаци, сохранил и какие-то воспоминания о событиях II в. до н. э., когда в Армении действительно правил Арташес I (189—160 гг. до н. э.). Кстати, и сама последовательность армянских царей в этой части труда Хоренаци удивительно совпадает с действительной преемственностью армянских царей II—I вв. до н. э. (Арташес, Артавазд, Тиран, Тигран); ср. действительный список армянских монархов этого времени из династии Арташесидов (*Я. А. Манандян*, Критический обзор истории армянского

зинских⁴⁹ и других историков. В пользу этого, кроме данных лингвистики, говорят и некоторые известия античных авторов. У них название Албания появляется относительно поздно — не ранее I в. до н. э. Древнейшая Кавказская Албания (описанная Страбоном, Птолемеем и др.) лежала в самой северной части нынешней Азербайджанской ССР и в сопредельных районах Дагестана⁵⁰ и Грузинской ССР. По Птолемею, в нее входила и Кахети позднего времени⁵¹, т. е. древняя Албания находилась в непосредственном соседстве с основными путями из Северного Кавказа в Закавказье.

Но происхождение названия⁵² отнюдь не значит, что и все население или даже его большая часть на данной территории было иранским. Древнейшее и основное население Албании составляли местные кавказские племена. И чем глубже в древность, тем дальше на юг заходила полоса их расселения⁵³.

После падения Аршакидского царства в Армении албанские правители сильно расширили территорию, им подвластную, на юг от р. Куры⁵⁴. С этого времени Албанией стала называться преимущественно местность к югу от Куры. Центр государства также переместился сюда. Зато северо-западные округа (Кахети по Алазани) отошли к Грузии и были картвелизированы. Горные области севера, по-видимому, также отпали в результате

народа, т. I. Ереван, 1944, стр. 302), разница лишь в том, что вместо Тиграна здесь стоит Тигран I. Очевидно, Хоренаци, черпая значительную часть своих материалов из эпоса, а другую из письменных источников, не всегда мог его хронологически верно определить. Возможно, зная о нашествии алан в I в. н. э. и имея под рукой былинные рассказы и песни, связанные с аланами и царем Арташесом, он поместил эти известия в ту часть своей книги, где речь шла о событиях I—II вв. н. э., хотя мы достоверно знаем, что царей с такими именами в эту пору в Армении не было. Вместе с тем мы знаем, что в IV—II вв. до н. э. в Восточной Европе, Средней Азии, Иране имели место большие перемещения иранских племен («Всемирная история», т. II. М., 1956, стр. 401, 431). О волне сакских переселений во II в. до н. э. см. также: М. М. Дьяконов. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, стр. 40. О сакских вторжениях в Закавказье и образовании области Сакашена (т. е. Сакашена, область поселения саксов) упоминает Страбон (Страбон. География. М., 1964, стр. 484). Едва ли этот рассказ связан с более древними скифскими походами VII в. до н. э.

⁴⁹ Грузинские источники именуют алан овсами.

⁵⁰ Название известного прохода Чора или Чола (ср. арабское Сол) южнее Дербента, по-видимому, можно объяснить из иранских языков скифско-сарматской группы. В ягнобском языке, который является потомком согдийского, чор (čor) — узкое ущелье (А. Хромов. Новые материалы по лексике языка ягнобцев. — «Acta orientalia», v. XXX. Copenhagen, 1966, p. 135). Такая этимология упомянутого названия прохода из Закавказья на север объясняется тем, что именно в этом районе обитали иранские племена маскутов (массагетов).

⁵¹ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 140—144, 242—243.

⁵² Ср. происхождение названия Болгария.

⁵³ И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии, стр. 23.

⁵⁴ «Армянская география», стр. 17 (41).

действий шахов Ирана, небезуспешно проводивших в Закавказье политику «разделений и властий»⁵⁵. Согласно Страбону, в Албании было 26 языков⁵⁶. Древнеармянские авторы V—VII вв. также говорят о разноязычии и многонациональном составе современной им «страны алван». Фавст Бузанд знает здесь маскутов, хонов, гугареев, каспиев и др.⁵⁷ «Армянская география» под Албанией понимает именно области по левому берегу Куры, области же к северу от нее относит к Сарматии, перечисляя там много племен. Из них, пожалуй, наиболее интересны хенуки (хенуты)⁵⁸, т. е. очевидно, хиналугцы, сохранившиеся как самостоятельный этнический компонент на севере Азербайджана и в наши дни. Кроме них, примечательно и упоминание шарванов⁵⁹, давших название исторической области Ширван (в старейших мусульманских источниках Шарван)⁶⁰. Утии древнеармянских источников — удины, сохранившиеся в трех селениях до сих пор⁶¹.

Таинственные лпины древнеармянских источников⁶², возможно, должны быть отождествлены с первоначальными алванами, ибо проживали они как раз где-то на стыке нынешних Азербайджанской и Грузинской ССР. Наконец, тсанары⁶³ (санары арабских источников IX—X вв.)⁶⁴ известны своей упорной борьбой с арабами. Обитали они также где-то в Кахети в непосредственной близости от Дарьяла и, возможно, относились к вейнахам, находясь в родстве с тушинами⁶⁵. К востоку от них жили дидойцы и предки аварцев⁶⁶. Дальше на восток,

⁵⁵ С этим связано, очевидно, известное предание о пожаловании иранскими шахами V—VI вв. титула шаха ряду кавказских правителей.

⁵⁶ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 143.

⁵⁷ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 12, 14, 135, 177 и др.

⁵⁸ «Армянская география», стр. 16 (37).

⁵⁹ Там же, стр. 16 (38).

⁶⁰ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 34—35.

⁶¹ Об удинском языке и удинах см.: «Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки», стр. 676—688.

⁶² В. Ф. Минорский совершенно справедливо предложил именно с этим народом связать «сатт ал-лби» (стена лпинов) ал-Белазури, подтвердив это и одним местом из Ибн Хордадбега (В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 28).

⁶³ О тсанарах см.: Ухтанес епископ. История Армении, ч. II. Вагаршапат, 1871, стр. 35 (древнеарм. яз.) — здесь тсанары локализируются неподалеку от Тифлиса; см. также Товма Арцруни. История дома Арцруни. Тифлис, 1917, стр. 287—289 (древнеарм. яз.).

⁶⁴ ал-Йакуби. История, т. II. Лейден, 1883, стр. 598 (ар. яз.).

⁶⁵ Тушины — по-видимому, картвелизированные вейнахи. Одно из тушинских обществ еще недавно говорило на вейнахском наречии.

⁶⁶ О древней истории этого самого большого дагестанского народа конкретных сведений мало. Древнегрузинские источники называют аварцев хундзами (ср. Хунзах). Очень любопытный этноним есть у Товмы Арцруни (указ. соч., стр. 287), где он рядом с тсанарами упоминает аврхазк(аварцы?). Один из византийских компиляторов Стефан Византийский по соседству с отинами (удинами) называет аваринов (В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 270—271).

заходя гораздо южнее, чем теперь, обитали племена лезгинской группы⁶⁷. Не исключено, что кавказцами были и каспии, известные из античных и армянских источников⁶⁸.

Все эти многочисленные этнонимы в последующую эпоху в определенной части были деэтнизированы и вошли в состав грузин, армян и азербайджанцев.

Согласно древнеармянским источникам, албанцы приняли христианство в начале IV в. через просветителя Армении Григория Пахлава (Парфянина)⁶⁹. По тем же сведениям, Месроп Маштоц изобрел письменность и для албанцев. Письмо это было создано для одного из языков Албании — гаргарейского, — языка, по утверждению древнеармянских историков, «гортанного, варварского, грубого, нескладного»⁷⁰. Следовательно, язык этот для индоевропейцев-армян был весьма своеобразным и не привычным, хотя в фонетике армянского языка есть ряд типично кавказских звуков.

Значит, по крайней мере один из языков Албании стал письменным языком⁷¹. Как долго сохранял он свое значение, установить нельзя. Арабские авторы X в. знают аранский язык, на котором говорили в то время в округе г. Берда'а⁷². Затем сведения о нем исчезают из источников. Очевидно, он был вытеснен из употребления армянским, персидским⁷³, а затем тюркским (азербайджанским) языками.

⁶⁷ Небольшие этнические группы Азербайджанской ССР (удины, хиналугцы и др.) близки именно лезгинам.

⁶⁸ *Фавст Бузанд*. Указ. соч., стр. 135 и др.

⁶⁹ Григорий происходил из знатного рода парфянского происхождения.

⁷⁰ *Корюн*. История деяний и смерти св. вардапета Месропа. Тифлис, 1913, стр. 27 (древнеарм. яз.); русск. пер. — «Житие Маштоца». Ереван, 1962, стр. 105; *Мовсес Хоренаци*. Указ. соч., стр. 337; *Мовсес Каланкатвази*. Указ. соч., стр. 104.

⁷¹ Находка среди армянских рукописей алфавита, считаемого албанским, и обнаружение надписей на неизвестном языке на территории Азербайджанской ССР пока еще не решили вопроса об албанской письменности, создав в то же время новые затруднения. См. об этих новых находках и их толковании: *К. З. Тревер*. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959; *А. Г. Шанидзе*. Язык и письменность кавказских албанцев. М., 1960—1961; *А. Г. Абрамян*. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, 1964; *Г. А. Климов*. Кавказские языки. М., 1965, стр. 94—97.

⁷² *ал-Истахри*. Книга путей и стран. — ВГА, т. I, р. 192 (ар. яз.); *Ибн Хаукаль*. Книга путей и стран, т. II. Лейден, 1939, стр. 449 (ар. яз.); *ал-Мукаддаси*. Лучшее разделение для познания климатов. — ВГА, т. III, р. 378 (ар. яз.).

⁷³ О том, что в Аране говорили и по-персидски, см.: *ал-Мукаддаси*. Указ. соч., стр. 378. Любопытно, что Леонти Мровели (XI в.) обитателей Рана называет персами («Картлис цховреба», т. I, стр. 35). О сложном этническом составе населения г. Байлакана XI—XII вв. говорят недавно изданный источник (*Мас'уд ибн Намдар*. Сборник рассказов, писем и стихов. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса. М., 1970. Предисловие, стр. 19, 27, 37, 60, 62).

Можно полагать, что IV—VII вв. явились временем расцвета Албанского государства⁷⁴. Вероятно, к этому времени можно отнести и существование албанской народности с ее самобытной культурой и письменностью. Затем, после арабского завоевания, здесь произошли большие перемены. Недавно З. М. Бунятов обратил внимание на роль григоризации албанской церкви в дальнейших исторических судьбах Албании⁷⁵.

В еще большей мере следует учитывать и процесс исламизации, начавшийся после арабского завоевания. В результате активной деятельности арабских правителей и по другим причинам исламизация населения в равнинных округах Албании и в городах еще больше сблизила армянскую и албанскую церкви, которые в отличие от грузинской не порвали духовного единства. Сближение способствовало тому, что, когда другая часть албанцев, принимая ислам, иранизировалась и арабизировалась, сохранившие христианство, наоборот, постепенно принимали армянский язык и становились армянами. Как сказано выше, разговорный «аранский» язык сохранился в округе (нахийе) г. Берда'а еще в X в., но мы не знаем, какую религию исповедовали его носители. Сама территория «Албании» сократилась. Аран мусульманских авторов и Рани грузинских IX—XI вв. не совпадает с Албанией IV—VII вв. В армянской литературе «страна алван» теперь становится обозначением исторической области, а также названием округов, подведомственных католикосу алванскому. Этому католикосу, ставшему одним из армянских иерархов, подчинялись остатки христианского населения почти на всей территории нынешней Азербайджанской ССР. Здешнее население уже в XII—XIII вв. не отличалось от армян и так и называется в источниках. Потомками его являются армяне Карабаха и частично других областей Азербайджанской ССР (кроме Нахичеванской АССР). Следовательно, население древней Албании является общим предком и части современных азербайджанцев и армян. Поэтому споры на сей счет, к сожалению, возникающие среди азербайджанских и армянских историков, беспочвенны. К тому же нельзя забывать, что остатки албанской письменной культуры не случайно сохранились именно в армянской литературе и культурной среде.

Обратимся к «Истории страны алван», приписываемой Мовсесу Каланкатвацци или Дасхуранци (или двум авторам?), существующий текст которой составлен, вероятно, в X в. Это

⁷⁴ Кроме упомянутой книги К. З. Тревер, материал по истории Албании можно найти в работах З. М. Бунятова, З. А. Ямпольского, К. Алиева и др.

⁷⁵ З. М. Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 29, 86—102. Однако его тезис о принудительности григоризации представляется неверным.

труд на древнеармянском языке⁷⁶, но посвящен он истории «страны алван». Автор (или авторы) его знает и местные материалы и в то же время органически связан с армянской историографией. Если же мы обратимся к более поздним сочинениям, написанным в пределах исторической Албании на древнеармянском языке, то обнаружим, что самостоятельное, албанское, бывшее в «Истории страны алван», уже исчезает. И судебник Мхитара Гоша, и «История Армении» Киракоса Гандзакеци (XIII в.) написаны армянами и для армян, где бы они ни жили, — в Гандзаке ли (Гандже) или в далекой Киликии. Мхитар Гош, составляя судебник, пользуется общеармянскими церковными канонами и другими чисто армянскими источниками, в «Истории Армении» («Патмутюн хайоц») Киракос пишет не столько о родной Гандже, сколько о коренной Армении и Киликии. И конечно, агванский⁷⁷ католикос Есай Джалялянци (начало XVIII в.) ничем не отличался ни по языку, ни по национальности от верховного армянского католикоса Эчмиадзина.

АРМЯНЕ

Армяне — один из древнейших народов Передней Азии. Язык армян, как древний, так и современный, принадлежит к особой группе в индоевропейской языковой семье. Других живых языков этой группы не сохранилось. Синтаксический строй армянского языка типично индоевропейский, и в древнеармянском он был еще ближе, например, к славянским языкам⁷⁸. Основной словарный фонд языка, как древнего, так и современного, — коренной армянский, но имеется большое число иранских заимствований, относящихся к Аршакидской и Сасанидской эпохам, а возможно, и более древним временам. Есть сирийские и иные заимствования. Фонетически армянский язык испытал значительное воздействие кавказских языков. Это, конечно, имело место в период сложения армянской народности, когда армяне-индоевропейцы ассимилировали ряд племен и народностей кавказской языковой семьи⁷⁹. Следовательно

⁷⁶ Попытки доказать, что оригинал этого сочинения был написан или мог быть написан на албанском языке, пока неубедительны.

⁷⁷ Вторая буква в слове «Агван», читавшаяся в древнеармянском как «л», в новоармянском звучит как «г», похожее на украинское «г».

⁷⁸ И. К. Куסיлян. Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка. М., 1959.

⁷⁹ Аналогичное явление, но в еще большем размере произошло и с фонетикой другого индоевропейского языка — осетинского, в результате слияния иранских и кавказских субстратов в процессе образования осетинского народа (В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 11, 25, 76 и др.).

но, армяне по происхождению также смешанный народ⁸⁰, ведущую роль в формировании которого, однако, сыграли индоевропейские армянские племена, давшие свой язык. Армянская народность сложилась еще до н. э. вместе с созданием классового общества и армянского государства. Хотя Страбон, описывая современную ему Армению, писал об ее едином языке⁸¹, это не следует понимать буквально, так как среди ее территории значатся, например, Каспиана и Гогарина (т. е. страна гугаров) «по ту сторону Кира» (Куры)⁸². В целом и о развитии армянского этноса можно сказать, что территория его распространения изменялась. Еще Н. Г. Адонц говорил о приливах и отливах этнических волн на территории максимального распространения исторической Армении⁸³ и указывал, что в определенные эпохи арменизация достигла больших успехов на западе, а в другие — на востоке, севере и юге. Детальное изучение этих явлений, как и в других случаях, требует специального исследования. Я же кратко остановлюсь здесь на трех вопросах: что представляла собой Армения в последний период Аршакидского царства (III—IV вв.), какие изменения произошли в период иранского и арабского господства, и, наконец, на тех бедственных для армянского народа последствиях, которые принесло сельджукское нашествие XI—XII вв.

Пределы позднеаршакидской Армении довольно точно очерчены у так называемого Агатангела, но особенно в «Армянской географии»⁸⁴. Армянское государство на северо-востоке, как отмечалось выше, включало ряд областей на правой стороне Куры, и территории, контролируемые им, порой доходили до Каспийского моря. На востоке (также, очевидно, в определенные периоды) армянские рубежи заходили на юго-восток от озера Урмия⁸⁵, иногда даже до столицы Атрпатакана (Азер-

⁸⁰ О древнейшем этапе сложения армянской народности см.: Б. Б. Пиотровский. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946; Н. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа.

⁸¹ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 155.

⁸² Тот же Страбон писал о близком сходстве языков армян, сирийцев и арабов (Страбон. География. М., 1964, стр. 49). Это лишнее доказательство того, сколь осторожно следует относиться к вышеприведенному свидетельству этого источника о едином языке Армении, равно как и к другим показаниям такого рода.

⁸³ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908, стр. 3.

⁸⁴ Агатангел. Указ. соч., стр. 414—415; «Армянская география», стр. 17—20 (42—54); Н. Адонц. Указ. соч., стр. 1—90, 211—321; Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. II, ч. 1. Ереван, 1957, стр. 286—313 (арм. яз.); С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 23, 66—70; Т. Х. Акопян. Указ. соч., стр. 90—119.

⁸⁵ Т. Х. Акопян. Указ. соч., стр. 100.

байджана) г. Гандзака⁸⁶, однако этнически далеко не все эти земли были армянскими.

Сразу за средним течением Аракса начиналась страна маров. Судя по сирийским⁸⁷, византийским⁸⁸ и отчасти армянским материалам⁸⁹, даже Сюник в VI—VII вв. не был, во всяком случае полностью, арменизирован. Существовали иноэтнические группы и в других окраинных районах⁹⁰.

Раздел Армянского государства между Византией и Ираном резко сократил территориальные пределы Армении⁹¹. Зато именно после этого усилилось распространение армянского этноса на северо-восток в сторону Сюника и далее Албании. Одной из причин этого явления были разноплеменность и слабая связь друг с другом племен этой части Закавказья, ввиду чего они относительно быстро подвергались ассимиляции. Большую роль играла и христианизация, проводимая здесь в IV—VI вв. армянской и тесно с ней связанной албанской церковью.

Однако административно-политические изменения, проводимые сасанидским правительством в Восточной Армении, внесли изменения в значение термина «Армения». В этом отношении данные «Армянской географии» отражают преимущественно аршакидские условия. Основные армянские земли расписаны в ней под рубрикой «Великая Армения» (Метс Хайк)⁹². В целом перед нами тот же материал, что и у Агатангела, но более детально разработанный.

В арабское время в Армянское наместничество⁹³ входила и часть Грузии и остикан (правитель) сидел в г. Двине, там, где раньше пребывали иранские марзпаны. Таким образом, сам термин «Армения», как и все прочие названия стран, историчен и территория, покрываемая им, менялась в разное время.

⁸⁶ О местонахождении г. Гандзака см.: *Н. Адонц*. Указ. соч., стр. 2; «Вторая записка Абу Дулафа». Издание текста, перевод, введение и комментарии П. Г. Булгакова и А. Б. Халидова. М., 1960, стр. 74.

⁸⁷ *Н. В. Пигулевская*. Указ. соч., стр. 165.

⁸⁸ *Прокопий Кесарийский*. Указ. соч., кн. I, стр. 180.

⁸⁹ См., например: *Себеос*. История. Ереван, 1939, стр. 146 (древнеарм. яз.). Халиф Муавия (VII в.) дает Теодоросу Рштуни власть над армянами, грузинами, алванами и сюнийцами. О Сюнике см.: *Т. Х. Акопян*. Указ. соч., стр. 189—195; что название Сюник имеет этническое происхождение см. там же. Вместе с тем уже древнейшие армянские авторы всегда политически связывают Сюник с Арменией, и князья в этой области занимают одно из высших мест в армянском «Гахнамаке» (*Н. Адонц*. Указ. соч., стр. 243).

⁹⁰ *Н. Адонц*. Указ. соч., стр. 31, 409.

⁹¹ О территориальных изменениях Армении см.: *Н. Адонц*. Указ. соч., особенно гл. I.

⁹² «Армянская география», стр. 17—20 (42—54). О термине «Великая Армения» см.: *С. Т. Еремян*. Указ. соч., стр. 66.

⁹³ О пределах арабского наместничества «Армения» IX в. см.: *Ибн ал-Факих*. Книга стран. — BGA, t. V, p. 286—287 (ар. яз.).

Показательно, что арабский географ Йакут (XII—XIII вв.), пытавшийся определить границы Армении, приводит несколько вариантов их в разные эпохи⁹⁴.

Все это, конечно, не говорит, что термин «Армения» и в этих случаях не имел отношения к армянскому народу. В любом случае его применение связано либо с армянским государством, либо с очень важной ролью армянского этноса в пределах известной территории⁹⁵. Именно вследствие этого персы и арабы делали Двин центром обширного наместничества, называемого Арменией, хотя туда входили не только армянские земли. В более позднее время, в период расцвета Грузинского царства (XII—XIII вв.), отдельные армянские земли входили в состав последнего, сохраняя свой этнический облик⁹⁶.

Как отмечалось выше, в позднесасанидское и арабское время сфера армянского этноса расширяется на северо-восток. По-видимому, полностью армянским стал и Сюник, а затем и часть исторической Албании. В то же время в этих районах увеличивается удельный вес иранского и семитского элементов. Создаются целые очаги этих этнических групп⁹⁷. Существование их на территории Армении, конечно, создавало препятствия для национальной консолидации страны, и, вероятно, это была одна из причин конечной неудачи политического объединения Армении в IX—X вв., хотя порой казалось, что именно Ширакские Багратиды сумеют возглавить антимусульманскую борьбу в Закавказье. Исторически получилось, однако, что такую роль на более длительном отрезке времени играла объединенная Грузия. Мусульманские правители сначала от лица халифа в Багдаде, а потом самостоятельно сумели противопоставить Анийскому царству Васпуракан и соперничавший с Багратуни род Арцруни⁹⁸ (с запада же активизировала свою политику Византия). А затем началось сельджукское нашествие. Оно нанесло первый катастрофический удар по армянскому этносу. Часть Васпуракана, Гохтн и, наконец, Сюник стали объектом

⁹⁴ *Йакут. Словарь стран*, т. I. Лейпциг, 1866, стр. 220—221 (ар. яз.).

⁹⁵ Термин «Россия» покрывает и ряд районов с нерусским населением.

⁹⁶ Вообще проблема армяно-грузинских связей очень сложна и интересна. Так называемая «армянофильская» тенденция труда Леонти Мровели (*Г. А. Меликишвили*. Указ. соч., стр. 31) тоже ждет научного объяснения.

⁹⁷ Арабские географы X в., говоря об языках Армении, наряду с армянским, называют арабский и персидский (*ал-Истахри*. Указ. соч., стр. 191—192; см. также *Насир-и Хусрау*. Сафар-намэ. М.—Л., 1933, стр. 38).

⁹⁸ Халиф, выдвигая дом Арцруни в противоположность Багратуни, склонявшихся к Византии, дал Гагику Арцруни титул царя (*Иоанн Драсханакертци*. История Армении. Тифлис, 1912, стр. 209, арм. яз.). Такая политика Багдада опиралась на сепаратизм юго-восточных ишанов и азатов Армении и принесла свои плоды, особенно после пленения и казни Смбага I^ю Юсуфом ибн абу-л-саджем в 914 г. (*Лео*. Собрание сочинений, т. II. Ереван, 1967, стр. 548; *З. М. Бунятов*. Указ. соч., стр. 209—214).

захвата сельджуков в первую очередь. В результате резкой и достаточно фанатичной политики сельджукских владык⁹⁹, в политических целях принявших ислам и ставших его очередным «оплотом», армянское население вынуждено было покидать родную землю и эмигрировать на север в пределы Грузии и особенно в Киликию.

Сражение при Манцикерте (Маназкерт) привело к окончательной потере Армении Византией. Теперь центрами армянской политической и культурной жизни стали Киликия и Албания. Эта последняя в XII—XIII вв. была тесно связана с Грузией и порой от нее зависела¹⁰⁰. В последующие века процесс этнических изменений продолжался, пока «метс сюрюн» («великое изгнание» — армяно-тюркское) Аббаса I в начале XVII в. не привело к резкому сокращению армянского населения Восточной Армении. Особенно же пагубны были резня 1915 г., учиненная турецкими националистами, и столкновения, спровоцированные азербайджанскими муссаватистами, армянскими дашнаками и турецкими националистами в 1918—1920 гг.

ИРАНОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДНОСТИ И ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Иранские народности, племена и этнические группы являются общими и для Средней Азии, и для Кавказа, хотя в настоящее время в пределах последнего они представлены лишь осетинами, татами и талышами. По представлениям большинства ученых, Средняя Азия была если не прародины, то одним из древнейших мест обитания иранских народов, и именно отсюда эти народы продвинулись на территорию современного Ирана¹⁰¹, который один и сохранил родовое имя иранцев — Иран (древнее — Ариана).

Известно, что с первых упоминаний источников о Средней Азии иранцы были основными ее обитателями¹⁰². Но древние иранские народы Средней Азии относились к иной группе (по

⁹⁹ Этому мусульманскому фанатизму можно противопоставить соответствующую реакцию господствовавших слоев христианских стран.

¹⁰⁰ Сложнее вопрос об отношениях Грузии и Ширвана. Грузинские историки указывают, согласно грузинским источникам («Картлис цховреба», т. II, стр. 39: «ширваншах подчинялся и служил Тамар»; стр. 77 и др.), на зависимость Ширвана от Грузии в XII—начале XIII в. Однако А. А. Ализаде (см. В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 8—12) оспаривает это мнение. К сожалению, он приводит сведения источников X в. Пока не найдено соответствующих синхронных материалов, опровергающих грузинскую летопись, критика ее мало убедительна.

¹⁰¹ Существует и другая теория, согласно которой иранцы, по крайней мере частично, прибыли в Переднюю Азию через Кавказ (Э. А. Грантовский. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. Доводы автора заслуживают серьезного внимания.)

¹⁰² «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 127—133.

признаку языка) иранского этноса, нежели современные персы и таджики¹⁰³. Наиболее крупные и известные иранские народности нашей Средней Азии — хорезмийцы и согдийцы; кроме них хорошо известны и другие этнонимы — бактрийцы, тохары и т. д.¹⁰⁴ Исторический Хорезм был расположен вокруг нижнего течения Амударьи. О хорезмийцах сообщают уже древнегреческие источники. В настоящее время об их языке известно многое¹⁰⁵. Все больше находят документов на хорезмийском языке, и изучение их, несомненно, откроет многие новые страницы прошлого нашей страны. Сохранились и хорезмийско-арабский словарь¹⁰⁶, и отдельные памятники позднихорезмийской литературы. Хорезмийский язык успешно выдержал борьбу с персидским и исчез окончательно довольно поздно — в XII—XIII в., будучи вытеснен лишь тюркскими наречиями. Отюреченные хорезмийцы стали одной из составных частей узбекской народности. Южную часть Туркменской ССР и часть современного иранского Хорасана в древности населяли парфяне¹⁰⁷. В эпоху позднепарфянского и Сасанидского государств они явились одним из компонентов среднеперсидской народности, на язык которой парфянское наречие оказало немалое влияние¹⁰⁸.

Наряду с оседлым иранским населением, существовало и кочевое, известное под названиями саков, массагетов и т. д. По крайней мере некоторые из этих племен были близки оседлым

¹⁰³ Классификацию иранских языков см.: *И. М. Оранский. Иранские языки. М., 1963.*

¹⁰⁴ Подробно о древних народах Средней Азии см.: «История таджикского народа», т. I; о тохарском языке см.: «Тохарские языки». Под редакцией и с вступительной статьей В. В. Иванова. М., 1959. *W. Krause und Th. Werner. Tocharische Elementarbuch, Bd. I—II. Heidelberg, 1961—1964.*

¹⁰⁵ *A. A. Фрейман. Хорезмийский язык. М.—Л., 1951; W. B. Henning. The Khwarezmian language. — In: «60 doğum yili münasebetiyle Zeki Velidi Togan'a armağan». Istanbul, 1960—1955, p. 421—436.*

¹⁰⁶ Издан (фотокопия единственной рукописи): *Z. V. Togan. Horezmce Tercümelî müqaddimat al-adab. Istanbul, 1951.*

¹⁰⁷ *Б. Я. Ставиский. Между Памиром и Каспием. М., 1966, стр. 131—191; М. Е. Массон. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. — Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. V. Ашхабад, 1955, стр. 7—70.*

¹⁰⁸ ал-Бируни, сам хорезмиец по национальности, писал, что хорезмийцы «являются ветвью ствола персов (ал-фурс) и отпрыском их древа» («Следы, оставшиеся от прошедших поколений». Лейпциг, 1878, стр. 47; русск. перевод: *Бируни. Избранные произведения, т. I. Ташкент, 1957, стр. 62*). И хотя в данном случае «персы» — скорее собирательное название для всех иранцев, из текста Бируни видно, что он считал ближе к персам хорезмийцев, нежели согдийцев. Вероятно, эта близость персов и хорезмийцев опосредствована парфиянами и их ролью в контактах западных и восточных иранцев рубежа нашей эры. Парфянизмы же венгерского языка (*kert* — сад и др.) говорят о большом ареале влияния этого языка не без посредства хорезмийцев на северо-запад от Средней Азии.

хорезмийцам и восточноевропейским иранцам-аланам¹⁰⁹. Определенная часть этих кочевников-иранцев в дальнейшем подверглась тюркизации и вошла в состав туркмен¹¹⁰.

Восточнее Хорезма крупнейшей ираноязычной народностью были согдийцы, обитавшие на основной территории нынешних Узбекской и Таджикской ССР. Согдийский язык относился к восточноиранским языкам и ныне достаточно хорошо известен благодаря находкам в восточном Туркестане и на горе Муг, изученным отечественными¹¹¹ и зарубежными¹¹² учеными. Основная территория согдийцев, — по-видимому, бассейн Зеравшана, но в I тысячелетии н. э. в связи с деятельностью согдийского купечества и частичной эмиграцией согдийцев на восток их поселения распространились далеко в пределы восточного Туркестана (северо-запад современного Китая). Это расселение согдийцев, хотя и сыграло роль для сохранения потомкам памятников их культуры, для самих согдийцев как народности имело отрицательные последствия. Можно полагать, что у себя на родине согдийский язык полностью не вытеснил другие иранские наречия. Восточные же колонии согдийцев были островками среди иноэтничного мира и уже потому были обречены на исчезновение. После арабского завоевания согдийский и другие восточноиранские наречия стали вытесняться сначала персидским языком, а затем с востока тюркскими наречиями. В X в. сельское население Мавераннахра, по крайней мере частично, еще говорило на местных наречиях¹¹³, позднее они исчезли почти повсеместно, исключая горные районы, где остатки их сохранились до наших дней¹¹⁴.

Независимо от того, двигались иранцы в IX—VIII вв. до н. э. на территорию современного Ирана из Средней Азии или через Кавказ, перемещения иранских племен последним путем в более позднюю эпоху подтверждаются источниками. Кроме упомянутых маскутов и других племен, известных из древнеармянских источников и оставивших следы в топонимике восточного

¹⁰⁹ Среднеазиатские массагеты и маскуты на западном берегу Каспийского моря — племена одного происхождения. Именно хорезмийский язык дает ключ к некоторым топонимическим названиям Кавказа. Например, р. Рубас точно соответствует произношению слова «лисица» в хорезмийском языке (*Z. V. Togan. Op. cit., p. 52*).

¹¹⁰ В состав туркменского народа, кроме отореченных кочевников-иранцев, носителей языка гузов, вошли и другие этнические элементы (*В. В. Гинзбург. К антропологии туркмен. — В сб.: «Проблемы антропологии и исторической этнографии». М., 1968, стр. 43*).

¹¹¹ СДГМ, вып. I—III.

¹¹² *E. Benveniste. Essai de grammaire sogdienne. Paris, 1929; W. B. Henning. Sogdica. London, 1940; J. Gershevitch. A grammar of Manichean sogdian. Oxford, 1954.*

¹¹³ *ал-Истахри. Указ. соч., стр. 314; ал-Мукаддаси. Указ. соч., стр. 335.*

¹¹⁴ О ягнобском языке (в Таджикистане) см.: *И. М. Оранский. Указ. соч., стр. 164—166.*

Кавказа, особенно хорошо мы знаем аланов и овсов (асы)¹¹⁵. Приток этих племен в Закавказье засвидетельствован античными, древнеармянскими¹¹⁶ и древнегрузинскими¹¹⁷ источниками.

Более древний массив, охватывавший современный северо-западный Иран, заходил на территорию нашего Закавказья лишь в его юго-восточном углу. Но именно эта часть иранцев сыграла большую роль в этногенезе современных азербайджанцев. В настоящее время от иранских народностей и племен северо-западной группы сохранились два больших комплекса на территории Ирана и сопредельных стран. С одной стороны, это курды, луры, бахтиары и прочие западноиранские племена, с другой — прикаспийские народности — талыши, гилянцы, ма-зандеранцы и др. Между ними на территории преимущественно западного Ирана среди персов и азербайджанцев уцелели отдельные небольшие островки других северо-западных иранских наречий¹¹⁸. В древности их было гораздо больше; именно к ним принадлежали мидийцы, соперники в борьбе персов за гегемонию в древнем Иране; с переходом ведущей роли к племенам Персиды (в Ахеменидский период), а затем Парфии северо-западные иранцы постепенно стали терять свои особенности, сливаясь с персами. Раньше всех это постигло население Великой Мидии (нынешний северный Иран). В так называемой же Мидии Атропатене (иранское, а отсюда древнеармянское Атрпатакан и древнегрузинское Адарбадагани — современное Азербайджан¹¹⁹) мидийские этнические элементы сохранялись дол-

¹¹⁵ Овсы грузинских источников и аланы армянских и мусульманских — несомненно, одна и та же группа племен. Возможно, однако, что внутри этой группы одна часть называлась аланами, а другая — овсами (осы, асы), отчего один и тот же племенной союз именовался у различных других народов по-иному. В племенной союз, а затем государство алан (овсов-асов) входили и другие, прежде всего аборигенные, кавказские племена.

¹¹⁶ *Мовсес Хоренаци*. Указ. соч., стр. 177—180.

¹¹⁷ В представлении грузинского историка XI в. грузино-овские отношения в разных формах уходят своими истоками в глубокую древность. Само происхождение овсов Леонти Мровели связывает с легендарными временами, когда царь хазар отдал пленников армян и грузин своему сыну Уобосу вместе с частью Кавказа от р. Ломеки (Терек) на востоке до конца гор на западе. Эта земля и получила будто бы название Овсети («Картлис цховрба», т. I, стр. 12).

¹¹⁸ *W. B. Henning*. The ancient Language of Azerbaijan. Transaction of the philological Society. London, 1955, p. 157—174; *И. М. Оранский*. Указ. соч., стр. 154—157.

¹¹⁹ Этимология термина «Азербайджан» спорна. Одни считают, что это название восходит к сатрапу Мидии Атропату; другие полагают, что «Азербайджан» — арабизированная форма иранского «Адарбадаган» — «страна поклонников огня» (о среднеперсидской форме «Атрпатакан» см.: *M. Sprengling*. Op. cit., p. 7, 14). В греческом варианте надписи Шапу-

гое время в средние века. Из армянских источников хорошо известна страна маров (Марастан)¹²⁰, начинавшаяся за Араксом. Мары — это и есть армянская форма этнонима «мад» — мидяне¹²¹. Следы существования мидийского населения в I тысячелетии н. э. в северо-западном Иране имеются в арабских¹²²,

ра — «Adourbadene» (там же; см. также И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 262, 452). О том, что Азербайджан (а под этим термином в средние века понимался преимущественно южный, ныне иранский Азербайджан) был в I тысячелетии н. э. важнейшим центром зороастризма, хорошо известно. Многие средневековые писатели считали, что и сам зороастризм возник именно в Азербайджане, например, ал-Бируни («Documenta islamica inedita». Berlin, 1951, S. 75; русск. перевод — Бируни. Избранные произведения, т. I, стр. 204—205).

- ¹²⁰ Моисей Хоренаци. Указ. соч., стр. 4, 55, 65, 71, 73, 74, 78 и др.; Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 121, 135, 176 и др. Часть страны маров временами подчинялась армянскому царю. О титуле «мардпет» см.: Н. Адонц. Указ. соч., стр. 319—320. Что «ашхар» (страна) маров и Атрпатакан — одно и то же, видно из Себеоса (указ. соч., стр. 108), который пишет, что войсками этой страны командовал известный полководец Ростем (ср. ал-Мас'уди. Указ. соч., стр. 86 — Ростем ал-азери). Ростем управлял северо-западной частью Сасанидской державы, называвшейся «Кустик Капкох», (о ней см.: «Армянская география», стр. 22/57—63). Это и была Мидия (Марк), в которую по традиции входил не только Атрпатакан, но и области Рее, Хамадана, Гиляна и т. д., т. е. историческая Мидия. Возможно, что в VI—VIII вв. население «Великой Мидии» еще не было полностью «парсизировано». Любопытно вспомнить, что Ибн Мукаффа (VIII в.) писал, что в Рее, Исфагане, Азербайджане (т. е. Атрпатакане), Нехавенде говорили на едином языке, который цитируемый автор называл пехлевийским (И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 158).

- ¹²¹ Иранское «д» в ряде случаев в древнеармянском переходило в «р»; ср. также Баграт от Баг[а]дад, нахарар от нахадар и т. д. Что армянский термин «мар» соответствует аборигенному «мад», видно и из древнеармянского перевода Библии (см., например: Ветхий завет, II книга царств (IV книга царств древнеармянского перевода), XVII, 6 и XVIII, 11), где рассказывается о переселении ассирийским царем израильтян в мидийские города (арей мадай). В древнеармянском переводе вместо городов речь идет о переселении обитателей Палестины в мидийские горы (з-лерамбки марац). Здесь и далее я пользовался текстом древнеармянской Библии, опубликованным в Венеции в 1860 г.

- ¹²² Преимущественно в форме «mah» — вероятно, первоначально название одного из мидийских племен (ср. в «Пехлевийской географии» — J. Markwart. A Catalog of the provincial Capitals of Eranshahr. Analecta orientalia. Roma, 1931, p. 15). Наиболее значительным «остатком» иранского северо-западного (мидийского) мира в настоящее время являются курды. Любопытно, что еще армянский хронист XVII в. Закарий Канакерци, говоря о фамилии Мхаргдзели, которая, как известно, была курдского происхождения, под марами подразумевает именно курдов (Закарий Канакерци. Хроника. М., 1969, стр. 242). В общем судьбу этой части иранцев можно сравнить с судьбой волжских булгар, часть которых потеряла свой прежний этнический облик и, слившись с пришлыми кыпчаками, вошла в состав татарского народа, тогда как другая, окраинная северо-западная часть сохранила свой язык, дав в своем развитии современный чувашский народ. Точно так же население большей части исторической Мидии дей-

сирийских¹²³ и иных источниках, а также в исторической топонимике¹²⁴. Однако в эту эпоху чаще употреблялось иное название, идущее от иранского «адар» — «огонь». Отсюда происходит и название иранского языка, употреблявшегося в этом регионе еще в X в., — адари, или азери¹²⁵. Известно, что центром его распространения в то время был округ Ардебил — тогдашнего главного города Азербайджана. Здесь язык азери существовал и несколько столетий спустя, и один из сефевидских шейхов XIV в. писал на нем стихи, дошедшие до нас, в результате чего выяснилось, что язык этот почти однотипен с талышским¹²⁶. «Парсизация», начавшаяся в эпоху Сасанидов и халифата не только в собственно Азербайджане, но и в областях нашего Закавказья (в первую очередь в Аране и Ширване), вероятно, не достигла полного успеха¹²⁷, хотя и захватила во всяком случае городские центры, когда мощные вторжения в эти области начиная с XI в. тюркских этнических массивов привели относительно быстро к тюркизации значительной части как сохранившихся западноиранцев, уже находившихся на пути деэтнизации, так и другого, неиранского населения, жившего на территории современной Азербайджанской ССР¹²⁸.

Литературный и государственный язык в державе Сасанидов (III—VII вв.) — «парсик», т. е. персидский, сложился на основе иранских наречий Парса, но под большим влиянием парфянского языка (пахлавик). Этим последним и объясняется его интенсивное внедрение на востоке империи — Хорасане¹²⁹. Другое название этого языка было «дари», т. е. придворный. Согласно Ибн Мукаффе (VIII в.), дари — «язык [лугат] насе-

низировалось, слившись с персами и азербайджанцами, в то время как другая часть, преимущественно обитатели горных районов, сохранила свое этническое лицо. Потомками этой части мидийцев и являются курды, гиланцы, мазандеранцы и другие небольшие ираноязычные этнические группы, преимущественно на территории современного Ирана.

¹²³ J. Marquart. *Eranšahr...*, S. 18—19.

¹²⁴ Ахмед Кесрави. Названия городов и сел Ирана. Тегеран, 1956, стр. 20—22 и др. (перс. яз.).

¹²⁵ Сводку данных см.: Ахмед Кесрави. Азери — древний язык Азербайджана. Тегеран, 1938 (перс. яз.).

¹²⁶ Б. В. Миллер. Талышский язык. М., 1953, стр. 254—263.

¹²⁷ Мнение, что «в течение 1 тысячелетия н. э. была иранизирована почти вся территория современной Азербайджанской ССР» (Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 11), представляется несколько преувеличенным, так как оно не учитывает очень интенсивно происходивший в то же время процесс арменизации, а также сохранения на указанной территории значительных островов местных кавказских этнических групп.

¹²⁸ Процесс этнического исчезновения мелких иранских народностей идет и сейчас. Так, талыши Азербайджанской ССР, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., показаны азербайджанцами. Об этом же процессе в Иране см.: С. И. Брук. Население Передней Азии. М., 1960, стр. 34—35.

¹²⁹ Сасаниды переселяли в Хорасан (как и на Кавказ) персидское население с запада (Ибн ал-Факих. Указ. соч., стр. 319).

ления города городов» (т. е. Ктесифона — Тизбона — столицы Сасанидов)¹³⁰. В период Сасанидов он как литературный язык был, наряду с арамейским, широко распространен не только в Иране, но и в Закавказье¹³¹. После арабского завоевания Мавераннахра началось внедрение этого языка в его разговорных хорасанских формах в Согде, чему способствовали, с одной стороны, ведущая роль хорасанских персов в арабской политике на востоке в VIII в., а с другой — этническая неоднородность Мавераннахра, где, не говоря уже о Хорезме, согдийский язык так и не смог вытеснить другие местные наречия. Можно полагать, что к X в. значительная часть Мавераннахра была «парсизирована», приняв язык дари или парси (фарси). Более того, этот процесс настолько продвинулся, что именно Мавераннахр вместе с Хорасаном и Балхом стал в X—XI вв. центром литературы на языке фарси¹³². В значительной мере это определялось общеполитической ситуацией того времени. В IX в. халифат стал распадаться, и раньше всего отделялись именно окраинные, удаленные от центра области. Покоренные арабами народы теперь успешнее могли бороться за освобождение, и естественно, что у иранцев, т. е. тех из них, средством общения которых стал язык дари-фарси, центром их сепаратистских устремлений должен был стать не западный Иран, расположенный слишком близко к Багдаду, но отдаленные области — Хорасан, Сеистан, Мавераннахр. Ираноязычное население получило название сначала (VIII—X вв.) аджемы, или персы¹³³, а затем таджики.

¹³⁰ Сводку данных о языке дари см.: *E. Herzfeld. Paikuli, v. I. Berlin, 1924. p. 152* (ссылки на Ибн Мукаффу, ан-Надима, ал-Хорезми, Иакута и др.).

¹³¹ Мовсес Хоренаци во вводных главах к своей истории упоминает, что в Армении до изобретения письменности употреблялись персидский и греческий языки (*Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 11*). Ср. также «пехлевийские» надписи Дербента.

¹³² Согласно «Истории Сеистана» (XI в.) впервые на парси стали писать именно в пределах Сеистана и Хорасана при Иакубе ибн Лейсе (861—879 гг.) («История Сеистана», Тегеран, 1960, стр. 209, 210, перс. яз.). Однако более ранний стих (737 г.) приводит на персидском языке ат-Табари (*ат-Табари. История пророков и царей, II серия. Лейден, 1881—1889, стр. 1602—1603, ар. яз.*). Байт этот отнесен им к Балху, ал-Бируни сообщает, что в Хорасане на персидском языке писали еще в середине VIII в. (*ал-Бируни. Следы, оставшиеся от прошедших поколений, стр. 210*).

¹³³ Мнение, будто в IX—X вв. арабские источники обозначали западноиранские диалекты термином «аджемы», а восточноиранские — «фарси» («Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М., 1962, стр. 147), документами не подтверждается. Выше приводился пример из труда ал-Масуди, показывающий, что термин «лугат ал-фурс» (персидский язык) для авторов IX—X вв. обнимал целиком все языки иранской группы (пехлевийский, дари-фарси, азерб. и др.). В пределах же языка дари-фарси деления на западные и восточные диалекты с обозначением их соответственно аджемы и фарси нет. Один из ранних писателей, ал-Хваризми, писал, что язык «ал-фарсий» — это язык области Фарс (*ал-Хваризми. Книга ключей к наукам. Лейден, 1895, стр. 117, ар. яз.*). У Хамзы ал-Исфагани говорит-

Термин «таджик» пережил известную эволюцию. Как показали в свое время В. В. Бартольд и другие востоковеды, возникновением своим он обязан арабскому племени тай, жившему ближе всего к границам Ирана¹³⁴, откуда член этого племени и араб вообще у персов Сасанидской поры — «тачик»¹³⁵, или у армян «ташик», страна арабов — Татшкостан¹³⁶. В период арабских завоеваний и раннего халифата «тазик»¹³⁷ или «тази»¹³⁸ — это арабы, а затем мусульмане в целом. Принявшее ислам население Средней Азии также стало «тазиками», т. е. мусульманами, и именно так в VIII—IX вв. называли мусульман-иранцев окрестные «языческие» народы (тюрки, тибетцы и т. д.).

Арабов в Средней Азии было относительно немного, и тюрки именовали таджиками (тачиками, тажиками) именно иранцев, говоривших на наречиях языка фарси. Так, с XI в. «таджик» явился термином отличия иранца от тюрка, отличия, тем более существенного, что и тюрки теперь все больше принимали ислам. Такое значение сохранялось еще в XVII в. в западном Иране¹³⁹.

Итак, в VIII—X вв. на основе разговорных наречий дари в Хорасане, Балхе и Мавераннахре сложился новый литературный язык, ставший средством общения иранцев и литературным языком в упомянутых областях и на западе Ирана, а в XII—XIII вв. в Закавказье, Малой Азии, где он употреблялся наряду с местными языками. Однако столь широкий ареал распрост-

ся об аджемах Хорасана (*Хамза ал-Исфагани*. История народов. Берлин, 1921, стр. 138, ар. яз.). Наконец, Ибн Мискавейх — писатель западный — использует форму «ал-фарсий» применительно к Фарсу и вообще западному Ирану («The Concluding Portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi». Arabic text ed. by H. F. Amedroz, v. II. Oxford, 1921, p. 73, 86).

¹³⁴ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 196—197, 455. Среди сасанидских вассалов известен «тазиан-шах», т. е. какой-то арабский правитель (*Ибн Хордадбек*. Книга путей и стран. — ВГА, т. VI, р. 17, ар. яз.).

¹³⁵ СДГМ, вып. II, стр. 87—88. Теория о местном среднеазиатском или восточном относительно Средней Азии происхождении термина «таджик» малоубедительна (о ней см.: А. К. Боровков. Филологические заметки. — «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии». Сталинабад, 1953, стр. 49—53).

¹³⁶ «Армянская география», стр. 21 (54) и др.

¹³⁷ Об эволюции термина см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 456; СДГМ, вып. II, стр. 87—88; С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, стр. 144.

¹³⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 455—470.

¹³⁹ Искандер Муши (первая треть XVII в.), повествуя о событиях, происходивших в начале 30-х годов XVII в. в округе г. Казвина, называет иранское население в отличие от тюрок таджиками («Продолжение мир украшающей истории Аббаса». Тегеран, 1938, стр. 83—85, перс. яз.). В армянском языке ташиками стали называть с VII—IX вв. мусульман вообще, а позднее, вплоть до новейшего времени, — тюрок-осман.

ранения не был сплошным. Наряду с фарси существовали различные другие иранские наречия и языки¹⁴⁰. Не только в нынешнем Азербайджане, но и в Средней Азии, которые к тому же всегда были географически окраинными районами распространения этого языка, нельзя говорить о полном вытеснении других языков¹⁴¹. В частности, в Фергане фарси уже в IX—XI вв. лишь соперничал с тюркскими наречиями. Поэтому массовый наплыв тюрков и в Среднюю Азию и в Закавказье с XI в. привел сначала к поглощению тюркским элементом этнических групп, не принявших фарси, а затем и к оттеснению таджикского этноса¹⁴².

ПРОБЛЕМА ОБРАЗОВАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДНОСТЕЙ

Тюркские этнические группы, естественно, появляются раньше в Средней Азии, нежели в Закавказье. В Мавераннахре, особенно в восточной его части, тюркское население появилось во всяком случае в период Тюркского каганата и политического господства его владык в Средней Азии. Можно утверждать, что арабское завоевание несколько отсрочило и замедлило этот процесс. По данным арабских и персидских географов X в., пределами обитания тюрков еще во второй половине X в. были: на востоке — Фергана¹⁴³, на севере — Шаш (округ современного Ташкента)¹⁴⁴, Усрушана¹⁴⁵ и другие районы. Гузы — предки туркмен и (по языку) тюрко-осман. и азербайджанцев — обитали в низовьях Сырдарьи¹⁴⁶.

Падение Саманидского государства в конце X в. форсировало процесс тюркизации Мавераннахра, и с этого времени можно говорить о начале сложения узбекской тюркоязычной народно-

¹⁴⁰ Некоторые из них стали письменными, например, мазандеранский язык («Марзбан-нам», Тегеран, 1958. Введение. Этот памятник был написан в XI—XII вв. на мазандеранском языке и потом переведен на персидский).

¹⁴¹ В так называемом «согдийском списке народов» (VII—IX вв.) упомянуты отдельно согдийцы, бухарцы, жители Чача, чаганианцы и т. д. (W. B. Henning. *Sogdica*. London, 1940, p. 8—10).

¹⁴² Разделение языка фарси на две ветви, персидский и таджикский, — явление относительно позднее (В. М. Массон и В. А. Ромодин. История Афганистана, т. I. М., 1964, стр. 22). Современная этническая граница персов и таджиков в целом совпадает с государственной границей Ирана, СССР и Афганистана — эта граница установилась в XVIII—XIX вв. Тем самым и исторический Хорасан оказался разделенным этнически: западные хорасанцы вошли в состав персидского народа, а восточные — таджиков. Только последние сохранили этноним таджики, ранее применявшийся и к персам.

¹⁴³ ал-Мукаддаси. Указ. соч., стр. 261.

¹⁴⁴ О Шаше см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, стр. 226—228, 230—232 и др.

¹⁴⁵ Об Усрушане см. там же, стр. 223—226.

¹⁴⁶ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I. М. — Л., 1939, стр. 183, 185, 216. К огузам принадлежали и печенег, в X в. дошедшие до Карпат.

сти. Процесс ее формирования был, однако, долгим и завершился не ранее XV в.¹⁴⁷ Не имея статистических данных за XI—XV вв., трудно судить, как проходил этот процесс. Вместе с тем и существующие памятники литературы на тюркских наречиях до XIII—XIV вв. едва ли можно считать памятниками какого-то одного тюркского народа. Например, «Кудатку-билик» (XI в.), написанное уроженцем Баласагуна (нынешний Казахстан) для хана Кашгара, пользовалось популярностью и в Золотой Орде¹⁴⁸ и в Туркестане. Процесс увеличения тюркского (узбекского) населения в Мавераннахре происходил интенсивно и в XVI—XIX вв.¹⁴⁹

Проблема появления тюркского населения в Закавказье еще сложнее. Можно признать, что отдельные тюркские этнические группы попадали сюда на всем протяжении второй половины I тысячелетия н. э., а может быть, и раньше¹⁵⁰.

Однако не они изменили этнический облик восточного Закавказья и положили начало сложению современного азербайджанского тюркоязычного народа. Причиной перемен явилось нашествие огузов в XI в.¹⁵¹ Огузы, в X в. обитавшие к северу

¹⁴⁷ В недавно вышедшем первом томе «Истории Узбекской ССР» (Ташкент, 1967, стр. 380) утверждается, что «в XI—XII вв. в основном завершается процесс формирования тюркоязычной народности, получившей впоследствии название узбеков». Однако фактические данные, подтверждающие это заключение, не приводятся. Почти весь материал книги, говорящий о расселении тюрков до XI в., не относится к территории современного Узбекистана. Более аргументированно вопрос о тюркизации Мавераннахра разобран в книге А. Ю. Якубовского «К вопросу об этногенезе узбекского народа» (Ташкент, 1941).

¹⁴⁸ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 127—128, 256.

¹⁴⁹ Там же, стр. 461—462, 467—468.

¹⁵⁰ Вопрос о времени появления тюркского населения в Закавказье в последнее время очень занимает историков Азербайджана. Соглашаясь с тем, что отдельные группы тюрков могли попасть сюда очень рано, хочется, однако, обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, азербайджанский язык относится к огузской группе тюркских языков, тогда как хазары и прочие тюрки, о проникновении которых в Закавказье можно говорить до XI в., принадлежали к совсем иным типам тюркской языковой семьи. Язык хазар, вероятно, был близок языку волжских булгар, потомком которого является чувашский, весьма далекий не только от огузских, но и от кыпчакских языков. Во-вторых, и это главное, конкретные данные источников, рисуя этническую картину Закавказья до XI в. (исключая поздние сомнительные компиляции), ничего не сообщают о сколько-нибудь значительном и устойчивом массиве тюрков в Азербайджане, без чего о сложении народности говорить не приходится.

¹⁵¹ В. В. Бартольд именно с сельджуками связывал начало тюркизации Азербайджана (В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 778; т. V, М., 1968, стр. 96; см. также Б. В. Миллер. Указ. соч., стр. 255; Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 11). А. А. Али-заде пишет: «Сравнительно широкое проникновение в Азербайджан тюркоязычных племен и широкое распространение тюркского языка по сравнению с предыдущими периодами относится именно к этому времени» (т. е. к сельджукам XI—XIII вв. — А. Н.) (А. А. Али-

и северо-востоку от Хорезма, в первой половине XI в. начали интенсивно проникать в Хорасан. При Мас'уде Газневиде огузы прорвались в Хорасан¹⁵² (одна группа огузов ушла еще при его отце Махмуде в западный Иран). С основанием Сельджукской империи огузы распространились по всему Ирану, но особенно интенсивно обосновывались в Малой Азии и нынешнем Азербайджане. Причины этого не только в том, что сюда, на рубежи мусульманского мира, стягивалось наибольшее число этих новых «воинов ислама»¹⁵³. Гораздо большее значение имело то обстоятельство, что в этих областях царилла наибольшая этническая пестрота, и потому тюркизация нашла подходящую почву. Одни и те же огузские племена стали активным составным элементом в оформлении турецкой и азербайджанской народностей, возникших из слияния тюрков с разнородным местным населением¹⁵⁴. Окончательное разграничение здесь произошло в результате событий XV—XVI вв. Установившаяся граница между Сефевидским Ираном и Османской империей в основных чертах отражает и этническую границу тюрков и азербайджанцев¹⁵⁵. Процесс сложения азербайджанской народности, особенно в пределах Закавказья, еще недостаточно ясен. Показательно, что в Иране рядом с азербайджанцами до сих

зад». К некоторым вопросам, относящимся к истории владения сельджуков на Среднем Востоке и в Закавказье. — В сб.: «Вопросы истории народов Кавказа». Тбилиси, 1966, стр. 268).

¹⁵² В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 570—573; «Материалы по истории туркмен и Туркмени», т. I, стр. 230—303 и др.

¹⁵³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 96, 590.

¹⁵⁴ Несомненно, что и местные народности и этнические группы, потерявшие свой язык и этническую самостоятельность при образовании новых народностей, играли известную роль в этом процессе. И хотя их роль была пассивной, след их существования виден в том, что одни и те же этнические группы, носители языка, в процессе слияния с разнородным местным населением образовывали различные новые народности. Например, синтез одних и тех же огузских племен с различными народностями Закавказья, Ирана и Малой Азии привел к возникновению отдельных народностей — азербайджанской и турецкой.

¹⁵⁵ Тюркские племена восточной Малой Азии в сражении при Анкаре предали султана Байазида I и перешли к Тимуру. Часть нынешней восточной Турции, где, правда, основное население в то время составляли армяне и курды, в XV в. входила в состав империй Кара-коюнлу и Ак-коюнлу, и тюрки этих районов, как и их собратья на территории нынешнего Ирана, именовались туркменами. В борьбе ранних Сефевидов с османами первая поддерживала и часть тюрков Малой Азии, основной же опорой османских султанов были запад Малой Азии и их европейские владения. В списках тюркских племен Малой Азии и нынешнего Ирана мы встречаем одни и те же названия (бят, афшар и др.). Одни части этих племен вошли в состав азербайджанцев, другие — тюрков. Советский историк А. Д. Новичев считает, что турецкая народность сложилась к концу XV в. (А. Д. Новичев. История Турции, т. I. Л., 1963, стр. 80). Вероятно, приблизительно к этому времени можно относить и сложение азербайджанской тюркоязычной народности.

пор существуют близкородственные им группы, иногда очень большие¹⁵⁶, тюркского населения, этнически все еще самостоятельного. На территории же нашего Азербайджана такие группы исчезли, полностью слившись с азербайджанцами.

СЕМИТЫ

До VII в. в Закавказье¹⁵⁷ существовали повсеместно довольно значительные еврейские и арамейские колонии. Конечно, легенды о появлении здесь еврейского населения, сохранные армянскими¹⁵⁸ и грузинскими¹⁵⁹ хрониками, едва ли точно объясняют, когда и как попали в Закавказье евреи и сирийцы. Однако, например, сообщение «Мокцевай Картлисай» о наличии в Грузии еврейских колоний¹⁶⁰ подтверждается эпиграфическими находками¹⁶¹. Вероятнее всего, именно из Закавказья иудаизм проник в Хазарию и стал там государственной религией¹⁶². Что касается арамейского населения, то его больше всего было в Армении, особенно в городах и округах, примыкавших к Сирии. Хорошо известно громадное культурное воздействие арамейцев на древнюю Армению и роль сирийцев в христианизации этой страны.

После арабского завоевания большая часть арамейского населения Сирии была арабизирована¹⁶³. Арабы селились и в

¹⁵⁶ Например, афшары, живущие около оз. Урмия и в других районах (300 тыс.) («Современный Иран». М., 1957, стр. 28; С. И. Брук. Указ. соч., стр. 18, 31). Такие же группы тюркского населения, не слившегося до сих пор с турками, есть и в Турции, но их гораздо меньше (С. И. Брук. Указ. соч., стр. 17, 33). Они сохранили название «туркмены».

¹⁵⁷ Арамейские колонии существовали и в Средней Азии, и культурное влияние их в домонгольскую эпоху простиралось далеко на восток.

¹⁵⁸ Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 68, 70, 104 и др. О евреях в древней Армении см.: J. Neusner. The Jews in Pagan Armenia. — «Journal of the American Oriental Society», v. 84, № 3, 1964, p. 230—240.

¹⁵⁹ «Картлис цховрба», т. I, стр. 16.

¹⁶⁰ ПДАЛ, кн. I, стр. 117.

¹⁶¹ Древнееврейские и арамейские надписи Грузии издал и исследовал Г. В. Церетели.

¹⁶² Мнение С. П. Толстова о проникновении иудаизма в Хазарию из Хорезма, на мой взгляд, справедливо отвергнуто М. И. Артамоновым («История хазар». Л., 1962, стр. 283—287). О хазарском языке и письменности (еврейским шрифтом или на еврейском языке?) см.: В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 142, сн. 90.

¹⁶³ Арабизация областей с арамейским населением началась значительно раньше VII в., и к моменту арабских походов арабское население существовало не только в Сирийской пустыне, но и в земледельческих районах Сирии и Вавилонии. Это несомненно облегчило завоевания арабов, и успехи исламизации (Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М., 1964, стр. 43—56 и др.).

странах Закавказья¹⁶⁴ и в Средней Азии, но этих поселенцев было слишком немного, и, хотя культурная и политическая роль их была значительна, особенно в первые века ислама, впоследствии они утратили свой этнический облик¹⁶⁵.

* * *

Прежде всего бросается в глаза почти постоянный процесс смены и обновления этноса на рассматриваемой территории. Из всех значительных этнических общностей, зафиксированных, скажем, к середине I тысячелетия н. э., к XVII—XVIII вв. сохраняются только армяне и грузины, однако и в отношении этих народов устанавливаются значительные изменения. Если весь период I тысячелетия н. э. для армян¹⁶⁶ (а для грузин и еще два-три века) представляется временем этнического роста и расширения территории, то последующее время характеризуется сокращением территории и численности этих народов. Примечательно, что этнические процессы находятся в непосредственной связи и с политической консолидацией или упадком соответствующих государственных образований, которые создавались в условиях гегемонии того или иного этноса. Ликвидация же политической самостоятельности (в Армении) или сведение ее до минимума (в Грузии) имели обратное воздействие и на судьбы соответствующей этнической общности, территория которой сокращалась.

Что касается остальных крупных народов Закавказья и Средней Азии, то они как определенные этнические комплексы с их языком, культурой, самосознанием образуются позже в результате синтеза пришлых элементов с местными, в процессе которого возникают новые этнические комплексы — народности часто на материале многих и разнообразных предшествовавших им этнических образований.

Если сравнить эти процессы с тем, что происходило в соответствующие эпохи в Европе¹⁶⁷, то обнаружатся серьезные раз-

¹⁶⁴ Материал по Азербайджану собран З. М. Буниятовым (указ. соч., стр. 170—178; см. также В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда, стр. 222—225).

¹⁶⁵ В Средней Азии небольшое число арабов сохранилось и сейчас.

¹⁶⁶ Возможно, и для Армении правильно удлинить период этнического роста до XIII в., имея в виду Киликию. Однако одновременно с этим под напором сельджуков армянский этнос все больше утрачивает свою роль на основной территории Армении.

¹⁶⁷ Сказанное в полной мере применимо лишь к Западной Европе. На Балканах турецкая экспансия на долгое время поставила под угрозу процессы этнической консолидации. То же самое можно сказать и о западных славянах в связи с германской политикой на востоке. В России (в Великобритании и на Украине) постоянная борьба со степными народами играла похожую роль. Образование Русского централизованного государства (как и на известном этапе Польско-Литовского государства) имело громадное

личия. В Европе период средних веков — время консолидации и оформления современных этнических общностей, тогда как в Закавказье и Средней Азии, как и вообще в большей части Передней Азии, это время сложных и многоэтапных этнических перемещений, в результате которых многие старые этнические общности либо исчезали, либо утрачивали свое прежнее значение, а новые только находились в процессе оформления.

Несомненно, это было не просто отличие по форме, но существенное различие, в какой-то мере обусловившее отставание областей Передней и Средней Азии в позднем средневековье и на начальном этапе нового времени.

значение и для ускорения развития остальной Европы — напор кочевников с востока был остановлен, и тем самым Западная и Центральная Европа получила на длительное время возможность самостоятельного развития, что, несомненно, способствовало на пороге нового времени превращению западноевропейских стран в ведущий исторический регион.

Глава II

ЭВОЛЮЦИЯ КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ

КРЕСТЬЯНСТВО

Если рассматривать древнейшие армянские источники V—VII вв. под углом зрения социальных отношений, то в сложной и не всегда устойчивой терминологии довольно четко прослеживается деление всего обладающего правами светского населения на две основные группы-сословия: привилегированное сословие — азаты и противостоящие им шинаканы¹. Термин «азат» — иранский и буквально значит «свободный».

Противопоставление азатов шинаканам в эту эпоху по контексту источников означает противопоставление привилегированного, свободного от податей, повинностей населения людям, юридически свободным, но несущим налоговое тягло².

Если по отношению к азатам это представлялось несомненным, то вопрос о сущности термина «шинакан» в раннюю эпоху вызывал споры историков. Уже Н. Г. Адонц полагал, что термин «шинакан» обозначал крестьянство вообще и был равнозначен другим терминам, служившим, по его мнению, этой же цели, — таким, как «рамик», «гелджук», «жоговурд»³. При этом Н. Г. Адонц, занимаясь эпохой Юстиниана, не улавливал возможного различия в употреблении соответствующих терминов, скажем, в IV и VI—VII вв. Я. А. Манандян также считал,

¹ В церковных правовых памятниках («канонах») духовенство отделяется от «азатов» и от «шинаканов» (см., например: «Каноны Шахапванского собора» — «Канонагирк хайоц». Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна, т. I. Ереван, 1964, стр. 428). Однако в социальной жизни духовенство приравнивалось к «азатам». Когда в середине V в. персидский наместник Деншапух в числе прочих мероприятий покусился на «азатство» церкви, армянская церковь возражала, ссылаясь на то, что церковь всегда была свободна («азат») от повинностей («харк») (Елеше. О Вардане и армянской войне. Ереван, 1957, стр. 22, 46, древнеарм. яз.).

² У Фавста (*Фавст Бузанд*. История. СПб., 1883, стр. 29) встречается противопоставление шинаканам нахараров. Последние в данном контексте явно идентичны азатам.

³ «Канонагирк хайоц», т. I, стр. XIX (арм. яз.).

⁴ Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908, стр. 479.

что шинаканы ранних источников — зависимые непосредственные производители, составлявшие единое сословие и обязанные платить налоги и выполнять те или иные повинности⁵. По сути дела без выделения хронологических этапов в развитии данного термина толковал шинаканство Х. Самвелян⁶. В недавнее время на проблеме шинаканства остановился С. Е. Акопян и пришел к выводу, что шинаканы источников IV—V вв. — юридически свободные члены крестьянской общины⁷. Этот вывод представляется наиболее правильным.

Термин «шинакан» происходит от древнеиранского «шай» — «жить»⁸. Производные от этой основы вошли в армянский и грузинский языки⁹. Армянское «шэн» означает «поселение», а от него и образуется «шинакан», т. е. буквально «поселянин», «житель шэна». В источниках IV—V вв. шинаканы противопоставлены азатам¹⁰ как привилегированному сословию и иногда поэтому называются «аназатами», т. е. не азатами¹¹.

Судя по церковным канонам IV—V вв., азаты и шинаканы рассматривались в качестве членов общества, обладавших определенными правами, тогда как прочее население, очевидно, этих прав было лишено. При этом показательно, что по церковным постановлениям для азатов и для шинаканов полагались различные штрафы за те или иные нарушения церковных правил. Однако если штраф (туган) был для азатов выше, то последние избавлялись от телесных наказаний, тогда как шинаканы им подвергались¹². Пожалуй, наиболее интересно то, что еще в IV в. мнение шинаканов в какой-то мере учитывалось при решении важнейших вопросов общегосударственного масштаба. В то время в Армении в важнейших случаях собирались общегосударственные сословные соборы — явные пережитки древних народных собраний. На этих соборах тон задавали уже давно азаты, но все еще присутствовали и представители шинаканов. Фавст Бузанд, повествуя о событиях середины IV в., сообщает интересный факт. Царь Аршак, отец знаменитого

⁵ Я. А. Манандян. Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934, стр. 153—161 (арм. яз.).

⁶ Х. Самвелян. История древнеармянского права, т. I. Ереван, 1939, стр. 249, 253, 255, 261 и др. (арм. яз.).

⁷ С. Е. Акопян. История армянского крестьянства, т. I. Ереван, 1957, стр. 276—301 (арм. яз.).

⁸ О термине «шай» см.: Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904, S. 1706.

⁹ Шэноба и др.

¹⁰ «Канонагирк хайоц», т. I, стр. 428, 433, 435—436, 455 и др.; Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 46, 67, 182, 218; «Гирк тгтоц». Тифлис, 1901, стр. 42, 130, 189 и т. д.

¹¹ Лазар Парпеци. История Армении. Тифлис, 1907, стр. 129 (древнеарм. яз.).

¹² «Канонагирк хайоц», т. I, стр. 435—436, 439 и др.; см. также С. Е. Акопян. Отражение социальных отношений в Армянской книге канонов. — «Историко-филологический журнал». Ереван, 1966, № 4, стр. 74—75.

Папа, долгие годы воевал с персами. В конце концов эти войны так истощили страну, что под влиянием противников монарха к католикоосу собрались «все люди Армянского царства», в том числе «дасапетк шинаканац»¹³, т. е. главы, старейшины шинаканского сословия. Этот собор объявил, что народ устал и воевать больше не хочет, предложив царю при желании воевать самому. После отказа такого авторитетного собрания Аршаку ничего не оставалось, как сдаться на милость шаха Шапура II.

По-видимому, уже в IV в. представители шинаканов не всегда приглашались на подобные соборы (жогов). Тот же царь Аршак в более хорошее для себя время собрал «ашхарнажогов» (буквально — Земский собор) для выборов католикоуса¹⁴. И хотя шинаканы наравне с азатами, по уверению историков, любили католикоусов и оплакивали смерть их и прочих сильных мира сего¹⁵, на соборе они, по-видимому, отсутствовали. Следовательно, уже в IV в. соборы из собраний представителей всего свободного населения страны превратились или, точнее, превращались в собрания знати, привилегированного населения, на которых тон задавали князья и епископы. Очевидно, наши источники застают лишь последний этап существования юридически свободного крестьянства¹⁶.

Процесс исчезновения свободного крестьянства был, несомненно, длительным, многовековым; отдавая шинаканские «гевлы» под управление и опеку азатов-нахараров, армянские цари тем самым подрывали одну из опор центральной власти. Вероятно, ослабление, а затем падение царской власти в Армении было следствием перехода основной части шинаканства под власть азатов-нахараров. Одновременно термин «шинакан» стал менять свое значение, все более смешиваясь с другим термином — «рамик».

Термин этот также иранского происхождения и обозначает буквально «стадо», «паства», «пасомые»¹⁷. Иногда полагают, что термин «рамик» был просто шире термина «шинакан» в том смысле, что он обнимал не только крестьян, но и городское простонародье¹⁸. Это едва ли верно, во всяком случае до VI в.

¹³ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 136—137.

¹⁴ Там же, стр. 57.

¹⁵ Там же, стр. 182 (азаты и шинаканы вопреки «посвященному бесу» Папу любят католикоуса Нерсеса), стр. 192 (азаты и шинаканы оплакивают того же Нерсеса, отравленного Папом), стр. 218 (стенания тех же азатов и шинаканов по усопшему Манвелу Мамиконяну).

¹⁶ Шинаканы платили «харк аркуни», т. е. царский налог, это само по себе было шагом к утере их свободного состояния.

¹⁷ Х. Самвелян. Указ. соч., т. I, стр. 253; ср. современное персидское «рамэ» с тем же значением. «Райат» мусульманской эпохи — простой перевод среднеиранского эквивалента.

¹⁸ А. Г. Сукиасян. Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963, стр. 121.

В «канонах» IV—V вв. в статьях о штрафах шинаканы, очевидно, и сельское население, и жители городов, относившиеся к сословию шинаканов. Наоборот, в нарративных источниках термины «рамик» и «шинакан» часто переплетаются, и термин «рамик» в ряде случаев покрывает термин «шинакан», что отражает условия V в., когда свободное шинаканство стояло на пороге гибели.

Уже источники конца V—начала VI в. дают несколько иную структуру армянского общества. Лазар Парпеци, выделяя азатов и аназатов, охотнее употребляет термин «рамик» для обозначения людей, не относящихся к сословию азатов¹⁹, хотя термин «шинакан» им также используется²⁰. В армянских эпистолярных памятниках азаты противопоставлены шинаканам и в VI—VII вв.²¹ Однако сопоставление этих материалов с «канонами» VII в. и нарративными источниками той же поры позволяет сделать вывод, что свободное крестьянство в то время если и существовало, то в незначительном числе. Вероятно, термин «шинакан» изменил свое значение и стал применяться теперь наряду с термином «рамик» для обозначения зависимого крестьянства, именно крестьянства, тогда как рамики уже VI—VII вв. включали в городское престолярное. Основываясь на материалах VII в. и более поздних, Я. А. Манандян, Х. Самвелян и другие исследователи пришли к выводу о зависимом положении крестьян-шинаканов в Армении²².

Похожая картина рисуется источниками и для Албании. В «канонах» царя Вачагана (вторая половина V в.) мы встречаем азатов (азат мардик, арк азатк)²³ и шинаканов, причем те и другие обязываются давать церкви в поминовение умерших лошадей, быка и т. д.²⁴ В тех же «канонах» азатам как привилегированному сословию противопоставлены рамики²⁵, явно обнимающие не только собственно шинаканов, но и

¹⁹ Лазар Парпеци. Указ. соч., стр. 135, 157, 320, 373 и др.

²⁰ См. письмо Васака Сюни к ишханам, шинаканам и священникам армянским (там же, стр. 143). Это документ середины V в. В то же время неясно, кто такие шинаканы села Ериз (там же, стр. 331).

²¹ «Гирк тгтоц», стр. 130, 189 и др.

²² Сказанное не означает, что в Армении в последующий период свободное крестьянство исчезло полностью. С. П. Погосян полагает, что в IX—XII вв. в Армении кое-где сохранилось общинное крестьянское землевладение (С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956, стр. 98); по его мнению, еще в XII в. небольшая часть крестьянства была свободна от феодальных повинностей (там же, стр. 525). Этот вывод вполне приемлем, особенно если учитывать географическую неравномерность общественно-экономической эволюции исторической Армении, периодические расширения или сужения ее территории.

²³ Мовсес Каланкатвази. История страны алван. Тифлис, 1913, стр. 97, 98, 102, 103 (древнеарм. яз.).

²⁴ Там же, стр. 99. Термины «шинакан» и «нахарары» см. там же, стр. 130.

²⁵ Там же, стр. 97.

остальное, уже зависимое от азатов население. Любопытно, что в «канонах» Вачагана идет речь и о людях, лишенных земли-пашни (вар) или виноградника (айги)²⁶. Это показывает, что ликвидация свободного крестьянства происходила как посредством подчинения его власти феодала при сохранении пользования землей, так и путем обезземеливания, потери средств производства. Эти люди могли существовать наймом (наемный труд как эпизодическое или сезонное явление хорошо известен в эту эпоху) или уходить в города.

Сходная картина наблюдается и в Грузии. Древнейшие грузинские источники выделяют две группы населения — азнауров и уазно. Термин «азнаури» иранского происхождения²⁷ и в переводе означает «знатный», «родовитый»; по значению же он неотличим от армянского «азат». «Уазно» — незнатный простолюдин — соответствует армянскому «аназат» и «шинакан» IV—V вв. Именно такое противопоставление мы находим в «Мученичестве святой Шушаники» (V в.)²⁸.

Все свободное население страны в древнегрузинских памятниках означалось термином «эри», т. е. буквально «народ»²⁹. Термин этот собирательный³⁰ и соответствовал армянскому «жоговурд». Более конкретен встречающийся в тех же древнейших памятниках термин «мквидри» — буквально «житель», «поселянин». Этимологически он соответствует армянскому «шинакан». К сожалению, материала о древнейшем значении этого термина очень мало. Г. А. Меликишвили полагает,

²⁶ Там же, стр. 99.

²⁷ См. о нем: М. Андроникашвили. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, т. I. Тбилиси, 1966, стр. 218—221; А. А. Богверадзе. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли. Тбилиси, 1961, стр. 92—101. Слово «азнаури» от корня «зн» (армянское «азн»). М. Андроникашвили к этому же корню возводит и русское «знатный». Проблема ирано-славянских связей не менее интересна и научно важна. Целый ряд интересных наблюдений находим в работах В. И. Абаева.

²⁸ ПДАЛ, т. I, стр. 27 — азнауры и уазно страны (сопэли) Картлийской. Термин «сопэли», означавший уже в X—XI вв. «село», в древнейших памятниках значил «страна». Наоборот, термин «кузкана» в древнейших грузинских памятниках означал «земля». См. «Мученичество святой Шушаники» (ПДАЛ, т. I, стр. 17) — питнахш Варскен избивает Шушаник кочергой, после чего она лежит, как мертвая, на земле (кузкана). В «Картлис цховреба» — «кузкана» в значении «страна».

²⁹ Ср. древнеперсидское «кара» с тем же значением («Всемирная история», т. II. М. 1956, стр. 21; И. М. Дьяконов. История Мидии. М.—Л., 1956, стр. 323).

³⁰ ПДАЛ, т. I, стр. 36, 57—59. Даже в «Мученичестве Або Тбилисского» (VIII в.) «эри» означает, по-видимому, еще народ, люди, а не войско. Среди трехсот «эри» эрисмтавари Нерсе, перешедших с ним Кавказские горы, спасаясь от арабов, были и сугубо «штатские» лица, в том числе автор жития Иванэ Сабанисдзе. Сам термин «эрисмтавари», как и позже встречающийся «эристави», этимологически восходит к тем временам, когда эти «главы народа» были просто вождями.

что «мквидри» в древности обозначал «полноправных членов как сельских, так и городских общин»³¹, т. е. термин этот идентичен понятию «шинакан» древнеармянских источников. Вероятно, так и было в древности. Однако уже в «Мученичестве святой Шушаники» об одной местности (адгили) говорится, что ее население — мквидри (мн. ч.) живет мало, болеет чешоткой и т. д.³² Здесь «мквидри» может обозначать жителей вообще, но скорее соответствует армянскому «рамик». Сомнительно и резкое противопоставление «мквидри» «уцхо» («чужому»). В «Мученичестве Або Тбилисского» говорится о жителях (мквидри) картлийских, из которых одни «твит ака мквидрта» — «собственно здешние мквидри» (жители), а другие «уцхота», т. е. чужеземцы³³. В более поздних памятниках, в частности в «Мокцевай Картлисай», «мквидри» означал свободного городского жителя³⁴ и «мквидри» соответствовало «эри» — жителям города. Очевидно, с утратой свободы сельских «мквидри» этот термин сохранил первоначальное значение за свободными жителями города³⁵.

Общественная структура, прослеживаемая по грузинским источникам V—VIII вв., представляется дальнейшим развитием более архаичного строя, определенный этап в эволюции которого отражен в «Географии» Страбона. Текст Страбона о «сословном» делении жителей современной ему Иберии комментировался неоднократно³⁶. Согласно Страбону, население

³¹ Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 403.

³² ПДАЛ, т. I, стр. 25.

³³ Там же, стр. 55. Под чужеземцами явно подразумевались евреи, персы, сирйцы, составлявшие значительную часть населения тогдашних городов Картли. Это, конечно, не сплошное, но все же в значительной мере инонациональное население городов — показатель относительно слабого отделения города от деревни в пределах общества, в основе развития которого лежал не город (полис), как в Греции, например, а деревня. Такое состояние оказывало, несомненно, противоречивое воздействие на дальнейшее развитие страны.

³⁴ Примеры см.: Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 402.

³⁵ В древнегрузинских источниках известен и другой термин для обозначения свободного жителя, на этот раз общинника, кажется, исключительно сельского — «мдабури» (там же, стр. 400—402).

³⁶ Греческий текст с переводом см.: В. В. Латышев. Известия древних писателей... о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I. СПб., 1893, стр. 140. Несколько иной вариант перевода см.: А. И. Болтунова. Возникновение классового общества и государственной власти в Иберии. — «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 37—38. Данные Страбона о Закавказье скорее всего относятся к I в. до н. э. Они явно базируются на знакомстве римлян с Закавказьем в период войн Помпея и других римских полководцев (Л. А. Ельницкий. Знания древних о северных странах. М., 1961, стр. 150; Страбон. География, М., 1964, стр. 787). Однако в последнее время многие наши историки стали относить раздел об общественном строе Иберии в «Географии» Страбона к более раннему времени (А. И. Болтунова. Описание Иберии в «Географии» Страбона. — «Вестник древней истории», 1947,

Иберии делилось на четыре «генос» (рода, вида)³⁷ людей. Первый из них — из которого ставят царей, второй — жрецы, третий — воины и земледельцы и четвертый — люди (лаос), «которые являются дулами царей»³⁸ и доставляют все необходимое для жизни». В этом делении наиболее интересны два обстоятельства. Во-первых, в третьем «генос» числятся (свободные) воины и земледельцы. Следовательно, социальная дифференциация не дошла еще до отделения воинов по существу, по профессии (будущих азнауров) от свободных, но уже ставших «неблагородными» земледельцев. Этот третий «генос» и есть «эри» — народ того времени. Во-вторых, Страбон особо выделяет зависимое (пока еще от царей) население в отдельный «генос». Именно оно уже в ту пору явилось основой для сложения класса зависимого крестьянства, процесс формирования которого шел и в последующие столетия.

Сторонников наличия рабовладельческого строя в древней Грузии всегда удивляло отсутствие в схеме Страбона рабов. Объясняли это тем, что рабы не считались членами общества и потому-де из этой схемы выпали³⁹. Однако такое объяснение, равно как и априорные утверждения о наличии в то время у иберийской знати частновладельческих поместий с использованием рабского труда, очень шатко. Дело в том, что с точ-

№ 4; *Н. Ломоури*. Рецензия на: Т. С. Каухчишвили. География Страбона. Сведения о Грузии. — «Вестник древней истории», 1958, № 1, стр. 175—176; *О. Лорткипанидзе*. О первом «геносе» населения Иберии. — «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», 1957, т. XVIII, № 3, стр. 369—376, груз. яз.). Такой отрыв этой группы сведений от общей канвы рассказа Страбона об Иберии представляется малоубедительным.

³⁷ Термин «генос» вполне отвечает здесь понятию сословия, т. е. группы, категории людей, занимающих определенное место в правовом делении общества. Сословие — категория, свойственная докапиталистическим обществам, где в основе общественного деления лежат не только (и порой не столько) чисто экономические, имущественные отношения, но и отношения внеэкономической зависимости разного типа. Эти последние в раннеклассовых обществах еще несут на себе более или менее сильные пережитки родовых отношений. Классики марксизма-ленинизма неоднократно подчеркивали отличие классов в докапиталистических обществах от таковых капиталистической эпохи. Для первых характерны классы-сословия (см. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311). Об отличии классов от сословий см.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 475.

³⁸ Очень важно при этом иметь в виду, что сам термин «дулос» в греческих источниках означал зависимого человека вообще без четкой дифференциации вида этой зависимости (рабской, крепостной и т. д.) и соответствовал, следовательно, армянскому «тсарай», иранскому «бандак» и т. д. (см. ниже); о значении термина «дулос» см.: *Я. А. Ленцман*. О древнегреческих терминах, обозначающих рабов. — «Вестник древней истории», 1951, № 2, стр. 57, 59, 63, 64; ср. *Э. Л. Казакевич*. Термин «дулос» и понятие «раб» в Афинах IV в. до н. э. — «Вестник древней истории», 1956, № 3, стр. 119—136.

³⁹ См., например: *А. И. Болтунова*. Возникновение классового общества..., стр. 42.

ки зрения местного права вне общества должен был стоять именно этот четвертый «генос» населения. Страбон же — иностранец-географ, составляя описание всей страны со всеми ее особенностями, должен был отметить и эту часть населения.

Что она в праве данного общества должна была стоять вне общества, видно из аналогичных условий древнего Ирана, которые известны нам по местным источникам. Говоря о «сословиях» древнего Ирана, я беру не архаичную форму их, отраженную в «Авесте», но ту позднюю форму, которая существовала еще, во всяком случае в официальном праве, в Сасанидскую эпоху. Описание этих сословий⁴⁰, весьма напоминающих «генос» Страбона, сохранилось во многих источниках (у арабских историков, в «Шах-намэ» и т. д.). Наилучшим вариантом из них мне представляется текст известного «Письма Тансара»⁴¹. Это среднеперсидский памятник, дошедший до нас, однако, в новоперсидском переводе в составе труда прикаспийского историка начала XIII в. Ибн Исфендийара. Согласно Тансару, общество (в данном случае иранское) делится на четыре части (в новоперсидском здесь стоит арабское «удв» — «член, составная часть»)⁴². Из них для нашей цели наиболее интересен четвертый «удв», в который входили земледельцы (барзигеран)⁴³, скотоводы (ра'йан), купцы (туджар) и прочие люди ремесла или труда (саир мухтерефе)⁴⁴. Здесь идет речь только о свободных членах общества, хотя, несомнен-

⁴⁰ Такой или сходный строй мы знаем и в древней Индии, где «варны» даже по названиям (родство санскрита и иранских языков) были схожи с «сословиями» иранцев. Третья «варна» называлась «вайшья» («Всемирная история», т. I. М., 1956, стр. 600; Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. М., 1969, стр. 171 и др.), что идентично иранскому «вастришьян». Мы не знаем, как назывались в Грузии рубежа нашей эры «генос», описываемые Страбоном. В древней Армении, по данным IV—V вв., можно было бы реконструировать аналогичную структуру: азаты и шинаканы соответствуют третьему, позже разделившемуся «геносу» Страбона и четвертой группе «сословий» Ирана по Тансару. Мы знаем, что до крещения и в Армении было сильное сословие жрецов. Царский «азг» также хорошо известен.

⁴¹ О «Письме Тансара» см.: Н. В. Пигулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1958, стр. 119—122. О сложном составе этого памятника см.: S. Wikander. Tansarnameh och Mahabharata. — «Acta orientalia», v. XXX. Copenhagen, 1966).

⁴² Арабоязычные авторы употребляют термин «табакат» — «классы», т. е. однозначный греческому «геносу» (ат-Табари. История пророков и царей, I серия, Лейден, 1879—1890, стр. 991; ад-Динавери. Книга длинных преданий, Лейден, 1888, стр. 73, ар. яз.).

⁴³ Термин этот в среднеперсидской форме «варзкартар» встречается в памятниках сасанидского периода («Карнамак-е Артахшир-е Папакан». Тегеран, 1950, стр. 3, среднеперсидский текст. Дехкане тайно спасают дочь Мухрека и отдают ее на воспитание земледельцу).

⁴⁴ Ибн Исфендийар. История Табаристана, т. I. Тегеран, 1941, стр. 19 (перс. яз.).

но, в Сасанидском Иране были разные категории зависимого люда. Обратим внимание на следующие обстоятельства. В схеме Тансара в четвертый «удв» включены все свободные, занятые какой-либо производительной деятельностью, и даже купечество попадает в одно с ними сословие. Это показывает, что «благородные» занятия (воинов, жрецов, писцов и т. д.) отделены от занятий «неблагородных». Такое деление общества могло существовать в Иране не позднее V—VI вв., тогда как достаточно обильные данные других источников по VI—VII вв. ясно говорят, что в действительной жизни произошли уже определенные изменения. Примечательно другое. В сасанидской практике известен термин «вастриошан» и соответственно титул «вастриошансалар», т. е. глава вастриошанов. Ат-Табари сообщает, что шах Бахрам V Гур одного из сыновей своего бузургфармадара или хазарбада⁴⁵ (что-то вроде первого министра) Магушнаса назначил вастриошансаларом, по-арабски начальником диван ал-харадж (ведомство по сбору хараджа — поземельного налога)⁴⁶.

Термин же «вастриошан», в древности означавший земледельца, свободного общинника, при Сасанидах, во всяком случае в V—VII вв., проделал определенную эволюцию. Если в титуле «вастриошансалар» сохранилось его прежнее значение⁴⁷, то в жизненной практике этого времени вастриошаны и варзкартары означали уже разные категории людей. Это видно из того же места «Карнамака», где термин «вастриошан» употреблен рядом с «варзкартар», но по смыслу выше его⁴⁸. Переводчики на новоперсидский язык передают его термином «дехган»⁴⁹. Вероятно, вастриошан в древности означал крестьян, свободных общинников. С ликвидацией последних как сословия и превращением их в рамиков (райатов)⁵⁰ он сохранился в титуле начальника налогового ведомства, а также за определенной категорией населения, выдвинувшейся на арену

⁴⁵ ат-Табари. Указ. соч., I серия, стр. 848—849, 866. Этот Мухр Нерсе хорошо известен из армянских источников. У Елише он зовется «взурк храматар» (указ. соч., стр. 24), а Лазар Парпеци именует его «хазарапет» (указ. соч., стр. 79). Последний термин этимологически значит «тысяцкий».

⁴⁶ ат-Табари. Указ. соч., I серия, стр. 869.

⁴⁷ Возможно, титул вастриошансалар после реформ конца V — первой половины VI в. (они вместе с движением маздакидов ознаменовали новый большой этап, для которого характерны ликвидация этого четвертого сословия и оформление единого податного сословия райатов, соответствующего среднеперсидскому и армянскому рамику) сохранил традиционное название, хотя вастриошаны этой эпохи были уже не то, что раньше.

⁴⁸ «Карнамак», стр. 3; E. Herzfeld. Paikuli, v. I. Berlin, 1924, p. 167.

⁴⁹ «Карнамак», стр. 3 (новоперсидский перевод).

⁵⁰ Термин «райат», употребляемый в арабских источниках по отношению к сасанидскому времени, несомненно, прямой перевод среднеперсидского соответствия, которое имело форму «рамак» или «рамику».

общественно-политической жизни именно где-то в V в. и особенно после маздакидского движения, во время которого сильно пострадала старая знать⁵¹.

Термин «дехган» (или «дихган») происходит от «дех», в данное время означавшего «село, селение», и буквально значит «селянин», т. е. этимологически тождествен армянскому «шинакан». Вполне вероятно, что первоначально дехган и означал свободного земледельца, иначе вастриошана. Однако уже древнейшие сохранившиеся упоминания этого термина показывают, что значение его изменилось. В известных нам среднеперсидских памятниках дехган — это не просто земледelec. В «Карнамаке» дехгане представлены уже как люди, явно отличные от земледельцев, что-то вроде вассалов правителя⁵².

В сасанидском судебнике «Матиан-е хазар датистан» термин «дехган» встречается в более древней форме «даһйуан». Текст статьи 1 главы IV («Глава об аншариках» — идеограмма нуш-тойк), к сожалению, как могу судить по транскрипции Бульсары, дефектен⁵³; но можно полагать, что речь здесь идет о каком-то лице, посреднике между шаханшахом (малкан малка) и человеком, находившимся в зависимом состоянии (бандакиһ), т. е. рабом, крепостным и т. д.

Встречается термин «дехган» в форме «дехкан» и у одного из древнейших армянских авторов — Фавста Бузанда⁵⁴. Здесь дехгане также выступают какими-то посредниками между шинака-

⁵¹ О Маздаке и маздакидах существует огромная литература, но вопрос о сущности и последствиях этого движения нельзя считать окончательно решенным (см., например: Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 278—316; О. Klima. Mazdak. Praha, 1957). Согласно ал-Бируни, в движении Маздака участвовало много ал-узума (т. е. вузургов) и ахл ал-буйутат (васпухров) («Documenta islamica inedita». Berlin, 1951, S. 79, арабский текст), которых Хосров либо истребил, либо заставил отказаться от этого учения. По другим источникам (например, Низам ал-мульк. Жизнеописания царей. Тегеран, 1962, стр. 242, перс. яз.), к Маздаку особенно много присоединилось мардом-е амм, т. е. простонародья. Очевидно, движение Маздака нельзя толковать только как движение социальных низов. Скорее всего это был период общего социального кризиса в стране, когда на арене политической борьбы столкнулись и терявшие свободу низы, и ущемленная старая знать, и царская власть и т. д. Естественно, движение носило религиозную окраску. К сожалению, мы не знаем, насколько это движение, главным местом действия которого был западный Иран (включая нынешний Ирак), затронуло северо-западные и северо-восточные окраины Сасанидской державы, т. е. части нашего Закавказья и Средней Азии, но известно, что немало уцелевших маздакидов бежало в эти районы и что хуррамиты VIII—IX вв. Хорасана и Азербайджана многое взяли от маздакидов.

⁵² «Карнамак», стр. 45. Как известно, сохранившаяся редакция «Карнамака» не древнее VI в.

⁵³ S. Bulsara. The Laws of the Ancient Persians. Bombay, 1937, p. 54 (транскрипция среднеперсидского текста), p. 55 (английский перевод).

⁵⁴ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 56.

нами и государственной властью⁵⁵. Вполне вероятно, что в IV—V вв. дехганы были выходцами из деревенской (свободной) верхушки, которая в процессе эволюции свободной общины превратилась сначала в налоговых агентов правительства, а потом в фактических управителей и, наконец, владельцев деревень. У ад-Динавери есть рассказ о шахе Кобаде I (488—531 гг.), прибывшем в село в пределах Исфагана и остановившемся у дехгана, в дочь которого влюбился⁵⁶. Здесь явно имеется в виду либо владелец села, либо человек, выделявшийся в селе влиянием и богатством.

Любопытно сопоставить эти данные с наблюдениями, сделанными Н. В. Пигулевской по сирийским источникам того же времени. Согласно последним, в Месопотамии, которая была центральной и наиболее экономически развитой областью Ирана, существовали «мари курие» (буквально — «деревенские господа»). Это были на рубеже V—VI вв. земледельцы среднего достатка. Исследователи сближают их с дехганами⁵⁷. Можно полагать, что именно «деревенские господа» — дехганы больше всех выиграли от результатов маздакидского движения и от знаменитых реформ Кобада I и Хосрова I. Еще А. Кристенсен полагал, что главной функцией дехганства в V—VI вв. был сбор налогов⁵⁸. Как чиновники государственного аппарата из среды местного населения дехганы выдвинулись в V в. Хотя поздние арабские авторы и приписывали все нововведения Кобад I и Хосраву I (конец V — первая половина VI в.), лишь немного оставляя на долю их предшественников, вероятно, процесс сложения дехганства в новое господствующее сословие был достаточно длительным. Источники говорят и о чисто социально-экономических переменах в эту эпоху.

Прежние свободные общинники не только превращались в простое податное сословие, но и теряли землю, пауперизировались. Города переполнялись неимущим, лишенным занятий людом⁵⁹. Однако в условиях того времени он находил себе мало

⁵⁵ В русском переводе труда Фавста Бузанда (Ереван, 1953, стр. 216) «дехган» объяснен как «сельский староста». Ср. А. Абрамян. Армения в раннефеодальный период. Ереван, 1959, стр. 17: «дехган» — это «сборщик податей».

⁵⁶ ад-Динавери. Указ. соч., стр. 67.

⁵⁷ Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940, стр. 48—49. По талмудическим источникам, в Ираке II—V вв. также наблюдается рост новой землевладельческой знати из торговцев, ремесленников и мелких землевладельцев (Ю. А. Солодухо. Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. по талмудическим данным. — «Вестник древней истории», 1947, № 2, стр. 40—51).

⁵⁸ А. Christensen. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1944, p. 113.

⁵⁹ Ю. А. Солодухо. Город и городское самоуправление в Сасанидском Иране в III—V вв. н. э. (по талмудическим источникам). — В сб.: «Проблемы социально-экономической истории Древнего мира». М.—Л., 1963, стр. 155.

применения в экономике. Известно, что само по себе «расслоение» может иметь место в разные эпохи, давая различные результаты. В данном случае верхушка свободного крестьянства пополнила ряды господствующего класса, тогда как основная его часть вошла в податное сословие. Вполне вероятно, что упомянутый выше Михр Нерсе был дехганом; ат-Табари сообщает, что он происходил из селения Абраван (юго-западный Иран)⁶⁰. Михр Нерсе вел политику укрепления центральной власти и борьбу с центробежными силами внутри государства и на его окраинах. В частности, в Армении он преследовал нахараров прогреческой партии и поддерживавшую последнюю христианскую церковь. Его союзниками были Васак Сюни и ряд других князей иранской ориентации. Очевидно, шахи V в., такие, как Бахрам V Гур, стремились противопоставить старым вазургам и виспухрам новую знать в лице дехган. Этот слой окончательно выдвинулся на протяжении VI в. В период арабского завоевания дехгане — не только мелкая и средняя знать, но и правители округов. Значительная часть их предала Сасанидов и перешла на службу к арабам, тем самым облегчив завоевание раздираемой внутренними смутами империи⁶¹.

При последних Сасанидах дехгане прочно стояли в рядах привилегированного сословия; известно, что они делились на пять степеней⁶². Для поддержания дехганского достоинства были созданы и официализованы легенды о происхождении дехган от легендарных царей Кайумарта (через его праправнука Вахкерта) и Манучихра⁶³. Более верным было определение дехган позднесасанидского времени, данное автором «Моджмал ат-таварих», который называет дехган «рансан-е ва худахенд-е дийа ва амлак», т. е. «начальники и владельцы дийа и мульков»⁶⁴. Когда арабы, завоевав Хорасан, перешли Амударью и столкнулись со знатью Мавераннахра и Хорезма, они эту знать также обозначили термином «дехган», явно по аналогии с иранскими условиями. У Наршахи бухар-худат — владелец Бухары в отличие от обычных дехганов назван «дехган-е бозорг», т. е. «великий дехган»⁶⁵.

Из описания завоевания Кутейбой Хорезма у ат-Табари можно видеть, что среди господствующего слоя населения этой обла-

⁶⁰ ат-Табари. Указ. соч., I серия, стр. 870.

⁶¹ См., например: Балами. История, т. I. Тегеран, 1959, стр. 332 (о дехгане из Рая Рами, перешедшем на сторону арабов).

⁶² ал-Мас'уди. Промывальни золота и рудники самоцветов, т. II. Париж, 1863, стр. 240—241.

⁶³ Ср. легенду «Картлис цховрэба» о происхождении азнауров («Картлис цховрэба», т. I. Тбилиси, 1955, стр. 25).

⁶⁴ «Моджмал ат-таварих». Тегеран, 1939, стр. 420 (перс. яз.).

⁶⁵ Наршахи. История Бухары. Париж, 1892, стр. 6 (перс. яз.).

сти выделялись его «малики» (т. е. хорезмшах, его брат Хурразад), жрецы (аһбар) и дехгане⁶⁶. В Согде тот же автор называет великих, знатных из дехган⁶⁷. Дехганом назван и известный Диваштич⁶⁸, а также владелец округа Дихистан⁶⁹ и т. д.⁷⁰

К вышесказанному можно добавить, что сохранившиеся мелкие свободные землевладельцы также продолжали именоваться дехганами. Возможно, верна старая гипотеза, согласно которой значение термина «дехган» было различным в отдельных местностях⁷¹. Тогда станет более понятно, почему в «Кабус-намэ» — памятнике XI в., когда в целом дехганство было слоем крупных и средних земельных собственников — иранцев, — под дехганами подразумевается просто свободный землевладелец⁷². Речь идет ведь о Мазандеране, горной области, где по источникам VIII—IX вв.⁷³, да и более поздним, существовали свободная крестьянская община и свободное крестьянство⁷⁴.

До научного издания согдийских документов с горы Муг наши конкретные знания об общественных отношениях в Заречье (арабское — Мавераннахр) были крайне скудны и основывались почти исключительно на толкованиях поздней арабо-персидской литературы. Публикация мугских документов многое изменила. Анализ этих документов дает возможность по-новому осветить историю Согда накануне арабского завоевания. Весьма содержательные комментарии издателей и переводчиков, конечно, не исчерпали всего богатства материала. К тому же они более филологического, нежели исторического, характера. Отдельные попытки исторического анализа документов уже осуществлены⁷⁵. Однако эти попытки (прежде всего в «Истории таджикского народа») делаются, исходя из предположения о наличии в Средней Азии рабовладельческого строя⁷⁶, и согдийские документы при-

⁶⁶ ат-Табари. Указ. соч., II серия, стр. 1237.

⁶⁷ Там же, стр. 1421.

⁶⁸ Там же, стр. 1446.

⁶⁹ Там же, стр. 1320. Область эта была расположена на крайнем юго-западе Туркменской ССР на самой границе с Ираном.

⁷⁰ О местных доарабских титулах знати Согда см.: СДГМ, вып. II, стр. 50—51 и др.; О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 12—69.

⁷¹ «Литература Ирана X—XI вв.». Сб. под ред. А. А. Болотникова, А. Н. Тихонова, К. И. Чайкина. М.—Л., 1935, стр. 134.

⁷² «Кабус-намэ». Тегеран, 1933, стр. 160, 177—178 (перс. яз.).

⁷³ Л. И. Надирадзе. Община на территории восточного халифата в VII—VIII вв. — В сб.: «Арабские страны. История. Экономика». М., 1966, стр. 217—241.

⁷⁴ Не случайно Мазандеран (Табаристан) и соседние округа явились в IX—X вв. поставщиками громадного числа наемников (дейлемиты), игравших столь большую роль в политической жизни Ирана и Закавказья. Это были свободные крестьяне, вынужденные покидать свою горную родину из-за перенасыщения населения. Ср. походы скандинавов в ту же эпоху.

⁷⁵ «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 467—476.

⁷⁶ Что существование в Средней Азии рабовладельческого строя в работе не доказано, видно из того, что авторы прибегают к методу исторической ана-

водятся для иллюстрации этого положения. Между тем правильное было бы в начале исследования изучить общественный строй Согда, Ирана и т. д. по источникам, а затем уже определить, к какому типу отношений он принадлежит.

Согдийские документы, говоря о населении страны, называют его либо *mrtymkt* — «люди»⁷⁷, либо *p'β*, который В. А. Лившиц передает как «народ» — «община»⁷⁸.

В. А. Лившиц главным образом на основании документа А — 9⁷⁹ считает возможным говорить, что «для самих согдийцев народ — община (*p'β*, *p'β'w*) делился на три основные группы — знать (*ztk'r*), торговый люд (*γw'kry*) и „работники“ вообще (*k'gyk'r*). Под последними следует, видимо, понимать прежде всего крестьян-общинников (в том числе и общинников, привлекаемых к несению повинностных работ) и ремесленников. Рабы в состав „*p'β*“ — „народа-общины“ — не входили»⁸⁰. По контексту документов трудно сказать, что понималось точно под этими категориями населения. Наличие крупного купечества в Согде VII в. нам известно и из других источников⁸¹. Выделение его в особую группу определялось, очевидно, его ролью в транзитной торговле (шелком и пр.) Китая, Индии, Ирана, Византии и других стран. Деление же на *z'tkr*, т. е. азов, благородных, и *k'gyk'r* — простой народ (буквально — работники, делающие дело) в общем однотипно с делением общества в Закавказье⁸². Перед нами привилегированное сословие и простонародье, люди, предназначение которых — трудиться. Последние, судя по согдийским документам⁸³, обязаны повинностями, работами в пользу государства и местного правителя (округа, села). С них взи-

логины прежде анализа местных условий («История таджикского народа», т. I, стр. 466—467).

⁷⁷ СДГМ, вып. II, стр. 117—118, 137, 174 и др.

⁷⁸ Там же, вып. II, стр. 37; вып. III, стр. 9. В «Карнамаке» жители, люди обозначены арамейским «анашута» («Карнамак», стр. 8, 12, среднеперсидский текст). В первом случае Палак пишет Артахширу, что Ардуван (последний парфянский царь) — «полновластный государь надо мной, тобой и множеством людей (васан анашута) на свете». Во втором — речь идет об «анашута» деревни (идеограмма «мата»). Термин «человек» — «муж» в «Карнамаке», как и в прочих среднеперсидских памятниках, обозначен чаще всего идеограммой «габра» (арамейское «человек»), что соответствует иранскому «март». В «Карнамаке» же, кроме «анашута», есть и графическое написание «мартуман» («мартуман-е Парс» — люди Парса, народ Парса («Карнамак», стр. 16, пехлевийский текст).

⁷⁹ СДГМ, вып. II, стр. 94—95.

⁸⁰ Там же, стр. 37.

⁸¹ «Армянская география». СПб., 1877, стр. 24 (79) — «Согды [Содик] богаты, ремесленники [арувеставорк], торговцы [ватшараканк]».

⁸² Азатов Согда сближает с армянскими азатами и грузинскими азнаурами и О. И. Смирнова («Азаты как социальная категория населения Согда». — В сб.: «Ближний и Средний Восток». М., 1968, стр. 148).

⁸³ СДГМ, вып. II, стр. 157—159, 172—173.

маются подати⁸⁴. Эти работы, очевидно, рассматриваются как государственная повинность, но осуществляются они через местную государственную и сельскую администрацию (фрамандар и kty'ßšyws — сельский староста⁸⁵). У нас нет данных о структуре этих сельских общин п'ß, носивших, однако, безусловно территориальный характер. Но можно полагать, что карикары были непосредственными производителями, владевшими наделами земли под верховным контролем государства. В то же время карикары этого времени находились в процессе постепенного подчинения их местным владельцам, т. е. шел процесс приближения их к положению зависимого, феодального крестьянства. Мугские документы приводят и термин m'z⁸⁶, отмеченный и в прочей согдийской литературе. Термин этот означал работника по найму за плату. Наличие подобного рода людей свидетельствует о том, что, во-первых, какая-то часть карикаров либо лишилась своей земли, либо последней не хватало, и, во-вторых, в каких-то хозяйствах не хватало рабочих рук — своих или рабских.

Сужение сословия свободного крестьянства, постепенная утрата им его прав, подчинение государству и отдельным лицам привилегированного сословия, а затем и оформление единого податного зависимого сословия были лишь одной из сторон процесса социальной дифференциации, протекавшего в ту эпоху. Привилегированное сословие, единое в отношении прочего населения, само делилось на различные слои и группы, отличные как в правовом, так и в имущественном положении.

ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС

По армянским источникам V—VII вв. четко вырисовываются, с одной стороны, высшая владельческо-служилая знать, с другой — масса рядовых азатов, по отношению к которым нарративные источники чаще всего и употребляют этот термин. Владельческая высшая и средняя знать того времени обычно называлась нахарарами. Этимология этого термина была предметом спора на протяжении последних ста лет⁸⁷. После недавних

⁸⁴ Упоминается сборник податей (СДГМ, вып. II, стр. 69).

⁸⁵ СДГМ, вып. II, стр. 132—135, 141, 144—154, 176—177.

⁸⁶ Там же, стр. 159—160; вып. III, стр. 47.

⁸⁷ О прежних точках зрения см. примечания Н. О. Эмина к русскому переводу Мовсеса Хоренаци («История Армении Моисея Хоренского». М., 1893, стр. 219—220, 302—303; см. также Н. Адонц. Указ. соч., стр. 451). Из них до сих пор, мне кажется, представляет интерес гипотеза Н. Я. Марра о связи первой части термина с сохранившимся в арабском языке иранским словом «пахие» — «область». Такой вывод был бы возможен, если доказать, что арабское «пахие» иранского происхождения. Тогда, учитывая и наличие в армянском сходного «наханг» — «область», «округ», можно было бы толковать нахарар как владельца, правителя области (вторая часть «рар» — изменение от «дар»).

находок парфянских надписей доказано, что армянский термин «нахарар» — видоизменение иранского «нахвадар» или «нахвабар»⁸⁸. Однако приравнивание нахарар-сатрап, все более утверждающееся в литературе, вызывает известные сомнения⁸⁹. Предположение, что термин «нахвадар» употреблялся в северных районах Парфянского государства, а термин «сатрап»⁹⁰ — в южных, пока лишь гипотеза. Правда, у Фавста нахарары иной раз отождествлены с сатрапами⁹¹. Однако именно форма «сатрап» заставляет полагать здесь просто греческое влияние. В «Фраханг-е пахлавик» мы встречаем термин «нах^вар» в значении командир, начальник, правитель⁹².

Но как бы то ни было, в армянских источниках V—VII вв. нахарары — это высшая и средняя владетельная знать. Согласно этим источникам, существовали старшие (аваг) и младшие (кртсер) нахарары. Историческая традиция той эпохи, сохранившаяся у Мовсесом Хоренаци, связывала утверждение в нахарарском достоинстве с древними, порой мифическими и Аршакидскими царями. Среди нахараров имелись и явно местные правители, подчинившиеся Армянскому царству. К таковым относился, например, «мардпет» — правитель страны маров, мидийцев. Вероятно, аналогично и происхождение князей Сюника, Тайка и др. Многие нахарары кичились иноземным происхождением. Так, Баградуни вели родословную от еврейского военачальника, плененного Навуходоносором⁹³. Известен нахарарский род, происходивший от разбойничьего атамана⁹⁴. В IV—V вв. фамилии нахараров связывались с той или иной областью, округом. Сильнейшими фамилиями являлись Камсараканы, Сюни, Мамиконяны, Баградуни и др. В Армении (и в Албании) существовали специальные «Гахнамаки», или местнические, степенные книги, куда были за-

⁸⁸ W. B. Henning. A new Parthian Inscription. — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland». London, 1955, fasc. 3—4, p. 132—136; А. Г. Периханян. Древнеармянские восстания. — «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 49—50; «Handbuch der Orientalistik», Bd. IV. Leiden—Köln, 1958, S. 42; G. Widengren. Iranisch-semitisch Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln, 1960, S. 33.

⁸⁹ А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 50. Такую аналогию допускал еще Н. О. Эмин («История Армении Моисея Хоренского», стр. 302); см. также Г. Х. Саркисян. О путях социально-экономического развития древней Армении. Ереван, 1962, стр. 84. К этому можно добавить, что и в древнеармянском переводе Библии термином «нахарар» переводится «сатрап» Септуагинты.

⁹⁰ Точнее «hštrp» (хшатрапати), так как «сатрап» — лишь греческая передача иранской формы.

⁹¹ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 57, 62.

⁹² H. Junker. Das Frahangî Pahlavik. Leipzig, 1955, S. 1.

⁹³ Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, стр. 68—69 (древнеарм. яз.).

⁹⁴ Там же, стр. 116—117. О нахарарах и их родах наиболее полные данные можно найти в книге Н. Адонца «Армения в эпоху Юстиниана».

несены нахарарские роды. Эти «Гахнамаки» и по названию, и по содержанию соответствовали «Гахнамакам» Ирана Парфянской и Сасанидской эпох⁹⁶.

Основой могущества нахараров являлся их «тун» (буквально — «дом», здесь — «владение»; отсюда «тунутэр» — термин, часто применимый источниками к главам «домов»). Этот «тун» обычно совпадал с каким-либо гаваром — нахангом Армянского царства, но у нахараров были владения и в других местах. Не меньшее значение имело и наличие у нахараров их дружин (гундов). По-видимому, нахарары обладали и определенными судебными правами в отношении подвластных им людей.

Высший слой нахарарства составляли ишханы⁹⁶ (владельцы, князья) — термин древнего индоевропейского корня, возможно, родствен хеттскому «išha» — «господин»⁹⁷. Наконец, в царскую эпоху существовали четыре бдеша (питнахша)⁹⁸. Владения этих бдешов находились на окраинах Армянского царства.

Армянским нахарарам в древнегрузинских источниках соответствуют мтавари (главы, князья)⁹⁹. Другая группа высшей

⁹⁶ О них сообщает ал-Мас'уди («Книга предупреждения и пересмотра». — ВГА, VIII, р. 104): «гах» — сасанидское «гас» (авест. gatu), собственно место, ранг (*M. L. Chaumont. L'inscription de Kartir.* — «Journal asiatique», 1960, t. 248, fasc. 3, p. 354—355).

⁹⁷ Титул ишхана обязательно связывался с властью над областью, округом (*Азатангел. История. Тифлис, 1909, стр. 414—415.* Здесь приведен список главных нахараров царя Трдата III; все они входили в «тун» Торгома, т. е. Армянскую страну).

⁹⁸ О нем см.: В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 14—15.

⁹⁹ *Азатангел. Указ. соч.*, стр. 414—415; Н. Адонц. Указ. соч., стр. 411.

⁹⁹ ПДАЛ, т. 1, стр. 34 — к марзпану явились картлийские мтавари и другие лица; стр. 35 — при дворе марзпана находились сирийские мтавари. В древнеармянских источниках V в. речь идет о грузинских (врац) нахарарах (*Фавст Бузанд. Указ. соч.*, стр. 177; *Елише. Указ. соч.*, стр. 49). В своде Леонти Мровели, памятнике XI в., термином, равнозначным армянскому «нахарар», является «эристав» (см. Древнеармянский перевод «Картлис цховрэба». Изд. И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1953, стр. 14). Согласно «Картлис цховрэба», эриставы древней Грузии — это правители отдельных областей (соответствуют армянским нахарарам — ишханам). Например, Азон — эристав Картли от Александра Македонского («Картлис цховрэба», т. 1, стр. 18). По Леонти Мровели, первый грузинский царь Фарнаваз после изгнания греков назначил семь эриставов (в границах Грузии XI в.) (там же, стр. 24). В «Мокцевай Картлисай» термин «эристав» употреблен неоднократно. Св. Нино со священником Яковом и одним эриставом идут проповедовать христианское учение к горцам (ПДАЛ, т. 1, стр. 88). В рассказе о постройке большой церкви в Тбилиси (начало VII в.) говорится, что половину ее построили «весь эри», а вторую половину — эриставы (там же, стр. 95). В «Мученичестве Або Тбилисского» фигурирует эрисмтавари (правитель) Картли (там же, стр. 55, 56, 61, 63). В других случаях он же назван просто эристав (там же, стр. 57, 63). Мтавари в том же памятнике назван правитель Абхазии (там же, стр. 59, 61). В «Мокцевай Картлисай» эриставами (или великими эриставами) Картли зовутся ее правители, начиная с Гуарама (там же, стр. 95, 97). Мтавари назван правитель Васпуракана в Армении (Гуаспураган) (там же, стр. 102). Очевидно, мтавари и эристав — синонимы.

знати в древней Грузии называлась «сепетсули». Термин этот сложного происхождения. Первая часть (сепе) в грузинском языке значит «собственник», «владелец» и явно вместе с армянским «сепн» восходит к иранскому «сепнакан» — «собственный»¹⁰⁰. Вторая часть (тсули) — «рожденный». Сепетсули упомянуты в источниках VI в.¹⁰¹, где этим термином обозначена высшая знать Картли. Грузинские историки полагают, что сепетсули — высший слой грузинской аристократии¹⁰². Однако у Мовсеса Хоренаци они приравнены к армянским востанникам¹⁰³. Г. А. Меликишвили, полагая, что армянским востанникам в Грузии соответствовали тадзреули¹⁰⁴, правильно объясняет это место из Хоренаци этимологической близостью терминов «сепетсули» и «востаник»¹⁰⁵. Для понимания же грузинского сепетсули обратимся к аналогии в Аршакидском и Сасанидском Иране. Там среди знати существовал особый слой — васпухры (или виспухры). Эти васпухры по иранскому «Гахнамаку»¹⁰⁶ следовали за шахрдами¹⁰⁷ и стояли выше вазургов (буквально — «великих»), соответствовавших армянским нахарарам и грузинским мтавари. Прежде полагали, что васпухры — это принцы правящего дома¹⁰⁸. Буквальное значение термина — «сын

¹⁰⁰ Об этом термине см.: А. Г. Периханян. *Armeno-Iranica*, I. — Изв. АН Арм. ССР, 1965, № 11, стр. 90.

¹⁰¹ ПДАЛ, т. I, стр. 34.

¹⁰² А. А. Богверадзе. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Картли. Тбилиси, 1961, стр. 73.

¹⁰³ Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 112.

¹⁰⁴ Термин «тадзреули» — от «тадзари» (храм, дворец, иранское «тачара»). В древних памятниках не встречается. В «Картлис цховрѳба» (т. I, стр. 243) в рассказе о царе Арчиле (VIII в.) говорится о возведении в азнаурское достоинство царских тадзреули (буквально — «дворовых» царя); не случайно исследователи полагают, что эти тадзреули происходили из самых разных общественных слоев, в том числе и из рабов (С. Н. Джанашиа. Труды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 278; т. II. Тбилиси, 1962, стр. 229, груз. яз.; Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 423—425).

¹⁰⁵ Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 425.

¹⁰⁶ M. L. Chaumont. Op. cit., p. 366.

¹⁰⁷ Шахрдары (шахрдары) — в Сасанидском Иране правители вассальных шаханшаху областей — шатров (см. о них: E. Herzfeld. *Paikuli*, v. I. Berlin, 1924, p. 87, 195). Этому термину в новоперсидском соответствует «шахрийар», часто употребляемый в источниках X—XI вв., в том числе в «Шахнаме». Вероятно, эти шахрдары и есть шахи, вассалы сасанидского государя, о которых мы знаем из ряда источников (*Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. — BGA, t. VI, p. 17—18). Среди этих шахов и армянский царь (бузург Армянан-шах), и правитель Азербайджана (южного) — Азарбайджан-шах, и Ширван-шах, и Мерв-шах. В надписи Шапура I (III в.) упомянут сын этого шаханшаха Ормизд-Ардашир «вузург-шах» (великий шах) Армении (W. B. Henning. The great inscription of Sapur I. — *Bulletin of the School of Oriental Studies*, v. IX, part 4. London, 1939, p. 847).

¹⁰⁸ Это в известной мере подтверждается и данными «Фраханг-е пахлавик» (H. Junker. Op. cit., S. 20).

дома»¹⁰⁹, вaspухракан же — особый, специальный¹¹⁰. Вaspухры в Иране — высшая знать в государстве¹¹¹. Арабские авторы переводили термин «вaspухр» (буквально — «ахл ал-буйутат» — «люди домов»), и эти «люди домов» часто фигурируют в переложениях сасанидской летописи «Хватай-намак» у арабских авторов¹¹². По аналогии с ними и грузинские сепетсули должны были обозначать именно высшую, особо приближенную к царю его «дому»¹¹³ знать. Возможно, что первоначально это были как раз лица первого «генос» Страбона, родственники царя, а затем просто высшая знать государства¹¹⁴.

Ниже высших слоев привилегированного сословия располагались по общественной лестнице его «рядовые» представители. В Армении они-то в обыденной жизни чаще всего и именовались азатами. Именно они соответствовали азатам Аршакидского и Сасанидского Ирана¹¹⁵. Эти азаты являлись вассалами царя,

¹⁰⁹ E. Herzfeld. Op. cit., v. I, p. 157.

¹¹⁰ А. Г. Периханян. *Армено-Iranica*, I, стр. 89—90. В Армении была историческая область Вaspуракан, что, как отмечает А. Г. Периханян, означало «особая область домен царя» (ср. W. Eilers. Die altiranische Vorform des Vaspuhr. — «A locust's leg. Studies in Honour of S. H. Taqizadeh». London, 1962, p. 55—63. Здесь приведена идеограмма BR-BYT-bar-bayta, обозначающая «вaspухр» в среднеперсидской письменности. Идеограмма сравнивается с «tag biti» — титул, означавший в Вавилонии собственника земли, поместья (Gründstück). См. также И. М. Дьяконов. Рабовладельческие имения персидских вельмож. — «Вестник древней истории», 1959, № 4, стр. 72).

¹¹¹ E. Herzfeld. Op. cit., v. I, p. 157; А. Г. Периханян. *Армено-Iranica*, I, стр. 90.

¹¹² ат-Табари. Указ. соч., I серия, стр. 846 (Шапура III убивают ал-узама, т. е. вузурги); о «людях домов» см. там же, стр. 859, 862, 864, 866 и т. д.

¹¹³ Термин «дом» (армянское «тун», иранское «катак», грузинское «сахли») означал в то время не только дом, но и всякое владение, отсюда «танутер», «катакхватай», «мамасахли» — владелец. Об армянских «танутерах» сказано выше; что такое «катакхватай», дает представление «Карнамак», где сказано, что «после смерти Александра греческого в стране Иран (Эран шатр) было двести сорок владельцев (катакхватай)» («Карнамак», стр. 1, среднеперсидский текст); о термине «хватай» см.: Ch. Bartholomae. Zur Kenntnis der mittelliranischen Mundarten, III. — SHAW, 1920, 2 Abh. В языке XI в. «кедходайн» означает хозяйство вообще («Кабус-намэ», указ. изд., стр. 122; Низам ал-мульк. Указ. соч., стр. 36), а «кедхода» — глава, начальник (Низам ал-мульк. Указ. соч., стр. 178, 203). В значении «господин», «властитель» (семья) термин «катакхватай» употребляется в «Маттиан-е хазар датистан». В сирийском судебнике Ишобохта есть термин «дудаксаларих» с функциями главы дома («Syrische Rechtsbücher», Bd. III. Berlin, 1914, S. 126—127). В пехлевийских памятниках также встречается «сардар-и дутак» — глава дома (сардар и салар — две формы одного и того же слова) (Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, I. — SHAW, 1918, 5 Abh., S. 47).

¹¹⁴ В древнеармянских источниках V в. часто встречается термин «сепух». Эти сепухи, однако, были младшими членами нахарарских домов (Н. Адонц. Указ. соч., стр. 472—476).

¹¹⁵ См. о них: E. Herzfeld. Op. cit., v. I, p. 87, 129; M. L. Chaumont. Op. cit., p. 356. Между азатами по рангу существовали вассальные отношения, которые, кажется, закреплялись особыми документами «азад-намэ» — грамотами об иммунитете. См. пример у Балами (указ. соч., т. I, стр. 51).

нахараров, из них составлялся «азатагунд» — дружина из азатов¹¹⁶. Некоторые цифры, приводимые в источниках относительно численности азатов, позволяют предположить, что едва ли все они наделялись или владели землей. Мы знаем, что служилые люди (причем не только военные, но и духовные и т. д.) получали довольствие от своих сюзеренов натурой и деньгами. Это довольствие в источниках обозначалось чаще всего иранским термином «ротшик» (буквально — «дневное» содержание)¹¹⁷. В армянских источниках часто фигурируют и всадники (айрудзи, хетсеал). В IV—V вв. они, очевидно, формировались из азатов и из шинаканов¹¹⁸. Наконец, источники выделяют особую привилегированную группу востанников¹¹⁹. Еще в IV в. существовали, по-видимому, группы населения, не входившие ни в азатское, ни в шинаканское сословие. Предполагают, что таковыми были картшазаты, упомянутые у Фавста¹²⁰.

В Грузии «рядовые» члены привилегированного сословия также назывались в V—VIII вв. азнаурами¹²¹. Известны по древне-

¹¹⁶ Иногда «азатахумб» — «азатское ополчение» (Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 23), «азатазорк» нахарарский — «азатское войско» (там же, стр. 47); царь посылает «азатагунд» (там же, стр. 104); царь Аршак в Иране под охраной «азатагунда» (там же, стр. 139); царица Парандзем собрала 11 тысяч азатов и засела в крепости (там же, стр. 158); Мушер собрал войско из 40 тысяч азатов-армян (там же, стр. 158); азатагунд царя (там же, стр. 184); все азатагунды страны армянской (Лазар Парпеци. Указ. соч., стр. 42) и т. д.

¹¹⁷ Елише. Указ. соч., стр. 64 — ротшик на содержание храмов и магов; стр. 85 — ротшик священникам; стр. 104 — Вардан Мамиконян раздает «обильный» ротшик войскам. Об иранском «рочик» см.: Ch. Bartholomae, *Zur Kenntnis...*, II. — SHAW, 1917, II Abh., S. 39 — «мизд у рочик х^еш у стор» — «плата и содержание себе и коню»). Термин перешел к арабам в форме «риэк»; см. о нем: F. Løkkegaard, *Islamic taxation in the classic period*. Copenhagen, 1950, p. 63. Термин этот (rwīṭyḳ) известен и из согдийских документов (СДГМ, вып. III, стр. 74—75). См. также А. Г. Периханян. Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина. — «Вестник древней истории», 1961, № 3, стр. 93.

¹¹⁸ В сасанидском Иране хорошо известны «аспаран» (всадники) («Карнамак-е Артахшир-е Папакан», стр. 2, среднеперсидский текст — Артабан едет на охоту с всадниками; см. также G. Widengren, *Recherches sur la féodalisme iranien*. — *Orientalia Suecana*, v. 5. Uppsala, 1957, p. 170—176). Эти всадники выделяются и у мусульманских авторов (ал-Хатризм). Книга ключей к наукам. Лейден, 1895, стр. 115). Вполне возможно, что в VI—VII вв. они формировались из азатов (A. Christensen. *Op. cit.*, p. 112).

¹¹⁹ О востанниках см.: А. Г. Периханян. Древнеармянские востанники. — «Вестник древней истории», 1956, № 2, стр. 44—58. В источниках V в. востанники — это азаты царских (бывших) владений (Елише. Указ. соч., стр. 10, 92). Востанники выделялись из числа азатов, и по иерархической лестнице V в. они, по-видимому, стояли ниже (Лазар Парпеци. Указ. соч., стр. 157, 394).

¹²⁰ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 42.

¹²¹ У Константина Багрянородного сказано, что куропалат Грузии послал к грекам своего азата (Constantin Porphyrogenitus. *De Administrando imperio*, v. I. Budapest, 1949, p. 210—211). Здесь речь идет о Тао-Кларджети — области, исторически связанной с Грузией и с Арменией.

грузинским источникам и «мхэдрэби» — всадники¹²² (множественное число древнегрузинского «мхедарни»). Грузинские историки выделяют их в особую группу привилегированного сословия¹²³.

Согласно Страбону, в древней Грузии в особое сословие выделялось жречество. В Армении до принятия христианства жрецы также занимали видное положение. Согласно Мовсесу Хоренаци, существовал особый нахарарский род Вахнуни, главенствовавший над жрецами¹²⁴. В Хорезме жрецы также составляли особую группу среди господствующего класса¹²⁵. Жрецы (Вурпт) известны и по согдийским документам¹²⁶. Принятие христианства правителями Армении, Албании и Грузии в поздней традиции сохранило далеко не полную картину не только причин, но и самого хода этого процесса. Можно полагать, что одной из причин христианизации этих стран было стремление царской власти освободиться от чрезмерно усилившегося и разбогатевшего жречества. Источники рисуют картину жестокой расправы над ранее могущественным сословием. У служителей старых богов были отобраны их владения, сокрушены идолы, а самих жрецов, например в Албании, избивали, топили, изгоняли, обращали в рабов (и стркутюн)¹²⁷. Однако вновь возникшее церковное сословие скоро набрало силу и в Армении уже в IV в. вступало в настоящую борьбу с царской властью¹²⁸. Строго говоря, в общественной системе Армении IV—V вв. духовенство особого сословия не составляло, но со времен Трдата III пользовалось правами азиатского сословия¹²⁹. Престол главы армянской церкви с некоторыми перерывами держался в роде Григория Просветителя¹³⁰, и огромные богатства этого потомка парфянской знати не уступали богатству крупнейших нахараров-ишханов.

У нас нет сколько-нибудь подробных сведений об организации жречества в Средней Азии до VIII в. По-видимому, оно там

¹²² ПДАЛ, т. I, стр. 35 (всадники встречают в Тбилиси Евстатия и Стефана и везут их к марзпану).

¹²³ А. Богверадзе. Указ. соч., стр. 101—107.

¹²⁴ Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 116.

¹²⁵ ат-Табари. Указ. соч., II серия, стр. 1237.

¹²⁶ СДГМ, вып. II, стр. 113, 170—171.

¹²⁷ Мовсес Каланкатвази. Указ. соч., стр. 60.

¹²⁸ Распря католикоса Нерсеса с царем Аршаком, во время которой Нерсес проклял царя, закончилась тем, что после отставки католикоса на эту должность царь назначил некоего Чунака — по презрительному отзыву летописца, «раба из царских рабов» (струк и страка аркуни) (Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 105). Преемник Аршака Пап покусился и на владения церкви (там же, стр. 194).

¹²⁹ Елише. Указ. соч., стр. 46.

¹³⁰ Н. Адонц. Указ. соч., стр. 369. В Армении IV—V вв. вокруг престола католикоса боролись две партии: одна — прогреческая, связанная с потомками Григория, другая — просирийская, группировавшаяся вокруг потомков епископа Албиана (там же, стр. 361).

было гораздо слабее, чем в Иране¹³¹. Ликвидация жречества если не физически, то как особого сословия здесь была после арабского завоевания не менее быстрой и энергичной, нежели в свое время в Закавказье.

Городское население делилось по тем же сословным принципам, что и сельское. Города, несмотря на их относительно большое число, в социально-экономическом отношении не настолько отделились от сельских поселений, чтобы представлять какую-то экономическую силу. Старое полисное устройство — наследие эллинистической эпохи — в IV—V вв. исчезло. Правда, в Армении, согласно Мовсесу Хоренаци, в Аршакидскую эпоху жители городов (калакаци) по указу основателя армянской ветви Аршакидов стояли выше жителей селений¹³². Однако право стать городом получалось от царей, и сами эти города еще в значительной мере сохраняли полуаграрный характер, хотя наличие среди населения городов купцов и ремесленников, конечно, являлось их отличительным признаком. Значительную часть населения городов Закавказья составляли люди иноземного происхождения (сирийцы, иранцы, евреи). Торговцы в Закавказье, очевидно, не представляли особого сословия. Само понятие «купец, торгош», кажется, не пользовалось в эту эпоху большим почетом, может быть, отчасти оттого, что эти купцы часто были люди пришлые, иностранцы. Желая еще больше очернить ненавистного ему Васака Сюни, Елише называет его «неразумным купцом» (анмит ватшаракан)¹³³. Иное положение сложилось в Согде V—VII вв. благодаря его посреднической роли в торговле Ближнего Востока с Дальним. По согдийским документам, торговый люд (yw'kgy) выделяется наряду со знатью (азаты)¹³⁴. Интересно, что и в «Армянской географии», основанной в этой части на среднеперсидских источниках, о согдийцах (содик) сказано, что «они богаты, ремесленники и торговцы (ватшаракан)»¹³⁵.

¹³¹ В. В. Бартольд. Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 238—239. В. В. Бартольд, по-видимому, несколько преуменьшал роль жречества в Хорезме и Мавераннахре.

¹³² Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 117.

¹³³ Елише. Указ. соч., стр. 136. Термин «ватшаракан» — «купец» и производные «ватшарутион», «ватшарел», равно как и грузинское «ватшроба» — «торговля», — иранского происхождения. «Вачар» — по-среднеперсидски «рынок, торговля» (H. Junker. Op. cit., S. 6). Новоперсидское «базар» произошло из «вачар». Более того, венгерское «vasar» — «базар, покупка», как и ряд других венгерских слов, — след древнего контакта мадьярских племен с иранцами.

¹³⁴ СДГМ, вып. II, стр. 37, 94—95.

¹³⁵ «Армянская география», стр. 24 (79). Любопытно, что купечество того времени, как и всегда, не отличалось особым «патриотизмом». Когда арабы в 30—40-х годах VII в. завоевали Иран, купцы наживались на скупке награбленного арабскими войнами (Балахи. Указ. соч., т. I, стр. 325).

ПРОБЛЕМА РАБСТВА

Источники дают возможность по терминологии изучить типы отношений между отдельными общественными группами. Понятия отношений и лиц, связанных друг с другом, выражались особыми терминами, раскрытие содержания, происхождения и эволюции которых может, мне кажется, дать ключ к пониманию закономерностей и специфики развития этих обществ.

У иранских народов, в том числе и у среднеазиатских (хорезмийцев, согдийцев), лицо зависимое, подчиненное другому лицу, обозначалось термином «бандак» (среднеперсидское), «вандак» (согдийское) и «фандак» (хорезмийское)¹³⁶. Термин этот происходит от глагола «связывать» и этимологически означает человека, «привязанного» к другому лицу¹³⁷, зависимого от него. Надо думать, возник он в глубокой древности в ходе развития раннеклассовых отношений, когда человек свободный стал противопоставляться лицу зависимому как своему антиподу. Эта зависимость была самого разного свойства, от бесправия рабачужака до отношений свободного по существу лица, но в системе появившегося и развивающегося государства занимающего определенное подчиненное положение.

Эта нерасчлененная форма¹³⁸ зависимости представляет собой очень архаичное явление и в дальнейшем развивается либо в феодальную, либо в собственно рабскую зависимость с отделением форм отношений в среде оформившихся господствующих классов. Форма, как часто случается, может переживать содержание и охватывать отношения, уже в достаточной мере качественно отличные от нее. С появлением веры в высшие силы и религии соответствующий термин употребляется и для обозначения отношений между богами и людьми. В словаре аз-Замахшари «фандак» переведен арабским «абд», обычно передаваемым на русский язык словом «раб». Арабское же «абд» — производное от «абада», основное значение которого «служить, поклоняться». В Коране, старейшем памятнике арабской литературы, термин «абд» (множественное число «ибад») употребляется в смысле людей — «рабов божиих» и для выражения «нерасчле-

¹³⁶ Хорезмийская форма имеется в арабско-хорезмийском словаре аз-Замахшари (Z. V. Togan. *Horezmce tercümeli müqaddimat al-adab*. İstanbul, 1951, p. 6).

¹³⁷ Вероятнее всего, первоначально этим термином обозначались лица иноплеменные, чужие по крови и потому «привязанные» к данному родовому коллективу.

¹³⁸ Понятие нерасчлененного, недифференцированного способа эксплуатации, содержащего в себе в зародыше все известные антагонистические способы производства, возникло, насколько мне известно, в ходе дискуссии об «азиатском способе производства» (Ю. И. Семенов. *Проблемы социально-экономического строя Древнего Востока*. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4, стр. 77—78).

ненной зависимости», тогда как реальные рабы обозначаются термином «ракабатун»¹³⁹ (множественное число «рикабун») ¹⁴⁰.

Вернемся к термину «бандак» (здесь и ниже будет употребляться преимущественно эта форма). В Бехистунской подписи «бандак» встречается один раз, и назван так сатрап Бактрии Дадаршиш ¹⁴¹. Дадаршиш — свободный человек, но он подчинен Дарию I. Здесь мы имеем дело с древним значением термина. Исходя из этого, Х. Бартоломэ и переводил данное слово «Untertan, Vasall» ¹⁴². В среднеперсидской литературе термин имеет тот же смысл нерасчлененной формы подчинения. В «Карнамаке» рассказывается случай, когда Артахшир после поражения, нанесенного ему Кармом, остановился у двух братьев, местных владельцев; последние пришли к нему и признали себя находящимися по отношению к Артахширу в «бандакин» ¹⁴³, т. е. слугами, подданными, если угодно — «вассалами» Сасанида ¹⁴⁴.

Нам известны и другие значения термина «бандак» в Парфянском и Сасанидском Иране. В «Матриан-е хазар датистан» встречаются и «бандак», и «бандакин». Термин «бандак» означает в этом памятнике семейного права лицо, зависимое от другого, и переводится исследователями «раб» ¹⁴⁵. Такой перевод верен

¹³⁹ Правда, в Суре «Пчелы» в притче о «рабе-невольнике» употреблен термин «абд», но в сочетании с «мамлук», который собственно и означает раба; как абстрактное собирательное понятие зависимый, несвободный человек «абд» встречается в Суре «Корова», где говорится о возмездии за убитых: «свободный [ал-хурр] за свободного, несвободный [абд] за несвободного, и женщина за женщину». Здесь перед нами вновь противопоставление человека свободного человеку зависимому, т. е. опять же типично раннеклассовые отношения, на которых находилось арабское общество в начале VII в. К этому же выводу приводит и наличие в контексте рядом со свободным и «рабом» женщины, которая в семейном праве такого общества занимала подчиненное положение (ср. также *ат-Табари*. Указ. соч., I серия, стр. 865 — жители Мавераннахра становятся подданными Бахрама V Гура и платят ему джизию. Здесь мы находим термин «убудийат» в значении подданства, подчинения).

¹⁴⁰ См. Суры «Корова», «Женщина», «Трапеза» (освобождение раба), «Покаяние» и т. д.

¹⁴¹ *Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch*, S. 546; Ю. Б. Юсифов. Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тыс. до н. э. — «Вестник древней истории», 1961, № 4, стр. 47.

¹⁴² *Ch. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch*, S. 924—925.

¹⁴³ «Карманак», стр. 28. «Бандакин» — термин для выражения отношений бандака к его господину, «созерену». В среднеперсидской литературе последний обозначался термином «хватай» (*Ch. Bartholomae. Zur Kenntnis...*, III, S. 3—53).

¹⁴⁴ Термин «вассал» здесь, конечно, условен, хотя в западной литературе, исходя из понимания феодализма как системы вассалитета, отношения между «бандак» и «хватай» определяются как феодальные (*G. Widengren. Recherches...*, p. 86—87).

¹⁴⁵ *Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht*, III. — SHAW, 1920, 17 Abh., S. 26, 46; А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. — «Вестник древнего времени», 1952, № 4, стр. 15—19; она же. *Armeno-Iranica*, I, стр. 93—94.

с точки зрения юридического положения «бандаков» судебного, которые выступают перед нами как зависимые, порабощенные лица. Вместе с тем при изучении терминологии «Матиана» нельзя ограничиваться лишь его материалами, но необходимо иметь в виду всю историю развития термина и его значения в данную эпоху. Кроме того, в том же «Матиане» гораздо чаще встречается термин «аншаһрик» (идеограмма 𐤀𐤍𐤔𐤁𐤏𐤕) (буквально — «чужеземец»). Глава IV о рабах так и называется «баб-и аншаһрик»¹⁴⁶.

Здесь мы сталкиваемся с еще одним интересным явлением. Этимология «аншахрик» показывает, что, во всяком случае первоначально, рабы (а аншахрик — здесь раб, хотя это положение и отлично от рабов Римской империи¹⁴⁷) формировались из чужеземцев. Однако с развитием классовых отношений внутри общества какая-то часть его членов была поставлена в зависимость, поработана. К ним и применялся древний термин «бандак». Можно ли считать «бандаков» «Матиана» рабами даже с оговорками об их специфике и отличиях от классических античных рабов? Вопрос, мне кажется, остается открытым из-за недостаточности сведений о производственной роли «бандаков» этого типа. Данные «Матиана» говорят преимущественно об их юридическом положении, а это не все. В то же время термин «бандакиһ», который лучше всего переводить «служба», употребляется в «Матиане» и для выражения отношений между аншаһриком и господином¹⁴⁸.

Пожалуй, наиболее рельефно значение термина «вандак» — «бандак» (𐤅𐤍𐤕𐤕) вырисовывается по согдийским документам. Фигурирующие в них лица разного общественного положения противопоставляются как 𐤅𐤅𐤔𐤅¹⁴⁹ (идеограммы mlk и mry), т. е. владельцы, правители, господа, или 𐤅𐤅 (b'g)¹⁵⁰ (ср. русское «бог»), т. е. господин, слугам — «вандак». В частности, последним термином называют себя мелкие владельцы или чиновники, обращаясь к своему начальнику, «сюзерену»¹⁵¹. В. А. Лившиц, издавший и комментатор второго тома СДГМ, осторожен в толковании термина «вандак» и полагает, что он означал раба и употреблялся в письмах лиц низшего к высшему, указывая в то же время, что в «мугских хозяйственных документах

¹⁴⁶ S. Bulsara. Op. cit., p. 54—59.

¹⁴⁷ О таких отличиях ясно сказано в судебнике Ишобохта («Syrische Rechtsbücher», Bd. III, S. 176—177); у Ишобохта употреблен термин «абда», идентичный арабскому «абд» и древнееврейскому «эвэд».

¹⁴⁸ S. Bulsara. Op. cit., p. 196—197.

¹⁴⁹ Этимология не ясна. Об этом титуле см.: О. И. Смирнова. Очерки из истории Согды, стр. 55—69.

¹⁵⁰ СДГМ, вып. II, стр. 41, 81.

¹⁵¹ Там же, стр. 78—79, 104—105, 106—107 и др.

рабы не упоминаются»¹⁵². Издатели третьего тома М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнова толкуют «вандак» как «раб»¹⁵³, хотя «рабами» здесь являются явно свободные, но подчиненные другому лицу люди. Впрочем, и в переводах В. А. Лившица нет единообразия: иногда «вандак» он переводит как «раб», а иногда как «слуга»¹⁵⁴. Последнее представляется более точным. Примечательно, что, когда в переписке выступают лица равного общественного положения, термин «вандак» не употребляется¹⁵⁵.

Аналогичный термин существовал в древнеармянской литературе. Это «тсарай» (форма отношений «тсарайутюн», глагол «тсарайел»), что лучше переводить ввиду многогранности его значений как «слуга». Тсарай[ю] противопоставляется тэр — господин¹⁵⁶. Именно этим термином переводился библейский «эвэд»¹⁵⁷. «Тсарай» и состояние «тсарайутюн» (служение) противопоставляются «азату» (свободному) и «азатутюн» (свобода)¹⁵⁸. В реальной же действительности «тсарай», как и иран-

¹⁵² СДГМ, вып. II, стр. 35.

¹⁵³ Там же, вып. III, стр. 73—75.

¹⁵⁴ Там же, вып. II, стр. 78—79, 104—105, 106—107 и др.

¹⁵⁵ Там же, стр. 116—117, 123—124.

¹⁵⁶ *Агатангел*. Указ. соч., стр. 30—31, 127, 138 (тсарайутюн — служение богу), 409 (церкви, Христу) и др.; *Лазар Парпеци*. Указ. соч., стр. 49, 103, 263; «Канонагирк хайоц», т. I, стр. 466; «Гирк тгтоц», стр. 19, 21, 48 и др.

¹⁵⁷ В некоторых случаях переводчики передавали древнееврейское «эвэд» через армянский термин «струк». В тексте первых пяти книг Ветхого завета (древнееврейская Тора) термин «струк» встречается всего семь раз. Дважды мы находим его в книге Бытия (XLIV, 33 и XLVII, 21). В первом случае переводчики явно стремились избежать повторений (в тексте этой же статьи есть еще два термина для выражения зависимого состояния — «тсарай» и «мавук», последнее соответствует древнееврейскому «на'ар»), а также желали подчеркнуть зависимое состояние в которое Иуда, один из братьев Иосифа, готов был поставить себя. В статье же 21 главы XLVII подчеркивается полное бесправное состояние египтян, продавших свои поля Иосифу для фараона.

Кроме того, термин «струк» четыре раза встречается в книге Левит (XXV, 39, 42, 46, 55). В первой из перечисленных статей текст гласит: «етэ тнанкесци еібайр ко ар кез ев ватшаресци кез, ми тсарайесцз кез з-тсарайутюн стрки». Перевести это можно так: «если объединит брат твой и будет продан тебе, то да не будет [он] нести тебе рабскую службу». Здесь также подчеркивается рабское, целиком зависимое от господина положение человека, отличное от положения «наемного рабочего» (вардзкан) или «пришельца» (пандухт), о которых речь идет ниже и которые могли рассматриваться в качестве «тсарай» своего «господина», поскольку тоже «служили» ему. Во второй статье речь идет о продаваемом человеке, который находится в полном распоряжении продавца и лишен всякого имущества. В третьей из указанных статей говорится о рабах навечно (явитеан). И, наконец, в четвертой употребление термина «струк» можно объяснить так же, как в главе XLIV книги Бытия.

Один раз «струк» встречается в книге Второзаконие (XV, 17), где опять же говорится о рабе навечно (явитеан).

¹⁵⁸ *Агатангел*. Указ. соч., стр. 353; *Елише*. Указ. соч., стр. 56; *Лазар Парпеци*. Указ. соч., стр. 117, 396 и др.

ское «бандак», означал человека, подчиненного другому человеку, без четкого разграничения существа этой зависимости, т. е. подразумевал ту же нерасчлененную зависимость¹⁵⁹. Трудность анализа термина сама по себе не дает никаких оснований считать «тсарай» категорией рабов, хотя в некоторых случаях, примеры которых будут даны ниже, «тсарай» мог применяться в собирательном смысле и к рабам как таковым.

В реальной жизни можно выделить два значения этого термина. Во-первых, служба, зависимость, «вассалитет» более мелкого представителя господствующего класса в отношении крупного, который выступает как его «тэр» (господин), и, во-вторых, зависимое состояние разных типов непосредственных производителей от эксплуататоров. Очевидно, в глубокой древности, на заре классовых отношений термин «тсарай» имел то же значение, что в соответствующее время семитское «абд» или иранское «бандак», т. е. любую зависимость человека от другого человека в условиях еще существующего, но уже колеблющегося равенства. Свое значение по форме термин сохранил и в первой половине I тысячелетия н. э., когда он засвидетельствован письменными источниками, хотя содержание его раздвоилось. В древнеармянских памятниках мы видим нахараров — тсарай царя¹⁶⁰, тех же нахараров, армянского и албанского царей, как тсарай иранского шаха или Византии¹⁶¹. В последнем случае термин «тсарайутюн» лучше переводить «подданство».

Все предшествующие значения термина «тсарай» идентичны значениям его в древнеармянском переводе Ветхого завета. К тому же терминология последнего привлекается достаточно интенсивно сторонниками наличия в древней Армении рабовладельческих отношений. Однако недостаточно учитывается, что Библия — памятник определенной эпохи, определенного народа,

¹⁵⁹ Аналогичный термин известен и в древней Индии (даса) («Всемирная история», т. II, стр. 549; см. также Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Указ. соч., стр. 145).

¹⁶⁰ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 18—19 — ишхан Алзнийский, «тсарай» царя, возмущился против последнего; царь посылает усмирить его других своих тсарай-нахараров; Лазар Парпеци. Указ., соч., стр. 93 — армянская знать именует себя «тсарай» шаха.

¹⁶¹ Елише. Указ. соч., стр. 71 — нахарары отправляют посла в Византию, просят в «тсарайутюн» (подданство); стр. 198 — царь Алвана не желает вернуться в «тсарайутюн» шаха. В том же значении — у Лазара Парпеци, стр. 9, 17, 18, 25, 52, 157 (восставшие армяне бегут в Таик, просят в «тсарайутюн» императору); «Гирк тгтоц», стр. 43; 167 (грузинский католикос Киврион именует себя «тсарай шаха»); Мовсес Каланкатвази. Указ. соч., стр. 184. Можно предположить, что там, где у армянских историков приводятся переводы писем и указов шаха, в подлиннике стояло именно «бандак», переводимое здесь «тсарай». См., например: Елише. Указ. соч., стр. 131 — в указе шаха все жители Ирана, Армении и т. д. «тсарай» шаха; И. Мамиконян. История Тарона. Ереван, 1941, стр. 164 — Фока, тсарай Маврикия, и т. д.

ее оригинал написан на определенном языке (древнееврейском) и все переводы являются продуктом условий известной эпохи. Все переводчики Библии, сколь бы талантливы и квалифицированы они ни были, переводили терминологию оригинала или, как это чаще случалось, другого перевода, используя материалы лексики родного языка своей эпохи. Следовательно, изучая терминологию библейских переводов, необходимо сравнивать ее с первичным и вторичным оригиналами этого памятника. Древнеармянский перевод Библии, считающийся одним из лучших, был сделан с греческого текста, который в свою очередь переводился с древнееврейского оригинала.

Поэтому, исследуя древнеармянский вариант, нельзя ограничиваться сравнением с греческим прототипом, как это делают авторы, ищущие в древнеармянском переводе книг Ветхого завета подтверждение своих заключений о господстве в древней Армении рабовладельческих отношений. Более того, привлечение древнееврейского оригинала необходимо и потому, что древнеармянские переводчики, как и грузинские, вероятно, были знакомы и с ним, хотя бы благодаря наличию в Закавказье еврейских колоний. В древнееврейском оригинале Торы (соответственно пять первых книг Ветхого завета) для обозначения всякого зависимого состояния человека используется общесемитский термин «эвэд», обычно переводимый русским «раб». В некоторых случаях употребляются слова «на'ар» (буквально — «юноша», «молодой человек») ¹⁶² и «ханих» («воспитанник») ¹⁶³. «Эвэд» в Библии означает и человека как раба бога, и явно свободных лиц, но подчиненных другим, вышестоящим, например вельмож и чиновников фараона, или же иных индивидов, подчиненных или, точнее, служащих другим лицам ¹⁶⁴. Среди последних несомненно и настоящие рабы, однако чаще всего это лица, входящие в круг большой патриархальной семьи, «дома», подчиненные его главе. Здесь перед нами опять-таки нерасчлененная форма зависимости, выросшая из патриархальных отношений в семье и потому передаваемая единым термином «эвэд». Когда Библия переводилась на греческий язык, переводчики имели богатую возможность передавать различные оттенки зависимости, отраженной

¹⁶² Бытие, XXII, 3, 5. Термин «на'ар» в Библии имеет и значение просто юноши. В главе 21 Бытия так назван Ишмаел (Измаил), сын Авраама от наложницы Агарь (12), здесь же он именуется «елэд» (мальчик) (14, 15).

¹⁶³ Бытие, XIV, 14.

¹⁶⁴ Где в русском переводе Пятикнижия вы встретите слово «раб», в оригинале обычно стоит «эвэд». О терминах зависимых лиц в Библии см.: И. Д. Амосин. Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты. — «Вестник древней истории», 1952, № 3, стр. 46—67. На мой взгляд, один из интереснейших выводов статьи — недифференцированность понятия рабства в оригинале Библии отражает неразвитое состояние древневосточного рабства (стр. 67).

в библейских текстах. Однако они использовали для перевода древнееврейского «эвэд», как правило, либо термин «пайс» («пайдес», буквально — «мальчик»), либо «ойкетес»¹⁶⁵ (буквально — «домашний») ¹⁶⁶. И это едва ли случайное обстоятельство. Наоборот, греческие переводчики избрали для перевода именно эти слова, потому что отчетливо видели разницу между «рабами» Библии и античными рабами, хорошо им знакомыми по реальной жизни их эпохи. Древнеармянские переводчики нашли для древнееврейского «эвэд» соответствующий ему во всех случаях термин, и таковым был «тсарай». Именно он, за исключением нескольких случаев, используется как эквивалент древнееврейского «эвэд». Итак, неопределенность, многозначность термина «тсарай» видны и из древнеармянского перевода Библии.

К библейскому применению термина «тсарай» примыкает и употребление его в древнеармянской канонической литературе. Пожалуй, наиболее яркий пример — каноны, приписываемые александрийскому епископу Афанасию, вероятно памятник IV в.¹⁶⁷, к тому же переведенный с греческого, так как он составлен еще до появления армянской письменности. Каноны эти составлены в форме вопросов и ответов. Афанасию задают вопрос, что делать, ежели «тсарай» не повинуется «тэру» (господину) и тот убьет его, налагать ли на «тэра» эпитимию? Ответ: налагать ¹⁶⁸. Несомненно, и здесь не случайно употребление термина «тсарай» в его всеобъемлющем значении слуги, подчиненного. Из нарративных источников мы знаем, что за определенные провинности, неповиновение царь мог умертвить и своего тсаряна-нахарара (если, конечно, у него хватало для этого сил). Фавст Бузанд приводит рассказ о побоевении камнями нахарара Датабена за измену стране (ашхарһу), гунду (войску) и своему тэру (господину), т. е. армянскому царю ¹⁶⁹. Так что понимание этой

¹⁶⁵ На многозначность этих терминов указывает А. И. Павловская (Т. В. Блаватская, Е. С. Голубцова, А. И. Павловская. Рабство в эллинистических государствах в III—I вв. до н. э. М., 1969, стр. 262).

¹⁶⁶ Я пользовался изданием греческого текста Библии («*Vetus testamentum graece juxta LXX interpretates*», Lipsiae, 1869). Употребление термина «пайс» вместо древнееврейского «эвэд» — Бытие, IX, 27; XII, 16; XIV, 15; XVIII, 3, 5; XIX, 2, 19; XX, 8, 14; XXI, 25; XXIV, 2, 5, 9, 10, 17, 34, 35, 52, 53, 61, 65, 66; XXVI, 15, 19, 32; XXX, 43; XXXIII, 5; XXXIX, 17, 19; XLI, 10, 12; XLII, 10, 11; XLIII, 17, 27 (древнееврейск. 18, 28); XLIV, 7, 9, 16, 18, 24, 27, 30, 31, 32, 33, 34; XLVI, 34; XLVII, 19; Исход, V, 16; XI, 8 и т. д.; термина «ойкетес» вместо «эвэд» — Бытие, IX, 25, 26; Исход, V, 15; XII, 44 и т. д. В тех же случаях, когда в подлиннике шла речь, например, о «рабах» (авадим) фараона, в греческом переводе используется термин «тералон» (спутник, слуга).

¹⁶⁷ О них см.: В. А. Аюлян. «Армянская книга канонов» и ее редакции. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван, 1967, стр. 22.

¹⁶⁸ «Канонагирк хайоц», т. I, стр. 303.

¹⁶⁹ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 18.

статьи, как связанной с наказанием раба господином, по меньшей мере спорно.

Конечно, «тсарай» означал и слуг, так сказать, низшей категории, в том числе и настоящих рабов, но тут приходится в каждом случае рассматривать вопрос конкретно. Даже наиболее «подходящие» выдержки из источников при более внимательном исследовании показывают лишь то, что термин «тсарай» в ту эпоху означал всякое подчиненное, зависимое от другого человека лицо. Рассмотрим приводимые С. Т. Еремянном примеры из «Истории» Мовсеса Хоренаци. Царь Арташес захватывает в крепости Багаран 500 тсарай убитого им жреца Еруза¹⁷⁰. Эти 500 тсарай были затем пожалованы Арташесом Смбату. Последний поселил этих тсарай за горой Масисом (Арабат). По смыслу текста тсарай здесь вовсе не обязательно рабы, но просто слуги, подчиненные. Аналогично можно прокомментировать и рассказ о строительстве Аршаком дастакерта, куда в числе прочих бежали тсарай нахараров и церкви¹⁷¹. Здесь, как и во всех остальных случаях, тсарай мог означать зависимого человека, не обязательно раба, но и крепостного и даже вассала. Число примеров можно было бы увеличить. Все они дают вполне ясное представление о том, что в древнеармянских источниках «тсарай» означало всякое подчинение, службу, а вовсе не обязательно рабов. В этом отношении Я. А. Манандян подходил к решению вопроса более осторожно и объяснил «тсарай» как зависимого человека вообще¹⁷². Именно в таком виде термин предстает из древних источников, совпадая по значению с иранским «бандак» и семитским «абд» — «эвэд».

В дальнейшем с развитием общественных отношений значение термина «тсарай» постепенно сужалось, и в судебнике Смбата Спарапета (XIII в.) тсарай — это раб¹⁷³. Что касается людей господствующего сословия, то они, будучи в положении «вассалов», обозначаются в судебнике термином «тшорт»; последним же термином называются и зависимые крестьяне¹⁷⁴.

¹⁷⁰ С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении. — «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 15; Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 175.

¹⁷¹ Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 90—91; Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 288—289.

¹⁷² Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении. — «Исторические записки», т. 15, 1945. Что термины «тсарай», «тсарайел» (служить), «тсарайутюн» (служба) употребляются и в отношении зависимого крестьянства, видно из источников (Мовсес Каланкатвази. Указ. соч., стр. 200 — князь Джеваншир получил от шаха в «тсарайутюн» населенные деревни).

¹⁷³ Смбат Спарапет. Судебник. Ереван. 1958, стр. 10, 90, 105, 106, 107, 109, 132—134.

¹⁷⁴ Термин «тшорт» А. Г. Галстян переводит на русский язык «крепостной» (стр. 15, 118, 133), «вассал» (стр. 82), «слуга» (стр. 154). Мне кажется,

Соответствующим древнеармянскому «тсарай» был древнегрузинский термин «мона». Термин этот производят от древнеиранского «манья» (буквально — «домашний») ¹⁷⁵. Тот же смысл он имеет и в древнейших памятниках грузинской литературы, прежде всего в «Мученичестве святой Шушаники» (V в.). К смертному одру Шушаники явился брат питнахша Джорджик с женой, детьми и мона-мхевални, т. е. домоочадцами мужского и женского пола ¹⁷⁶. В том же источнике говорится, что глава епископов Самозэл, епископ Иванэ со своими домоочадцами были как бы «мона» Шушаники ¹⁷⁷. Здесь «мона» означает входивших в патриархальную семью людей, близкими кровными узами не связанных с главой семьи, т. е. клиентов, рабов и т. д. В «Мученичестве Або Тбилисского» «мона» названы люди (христиане) в отношении Христа и поясняется, что они названы так потому, что куплены кровью Христа ¹⁷⁸.

что в первом случае лучше перевести как «зависимый человек», равно как и термин «назанд» (стр. 148), также переводимый А. Г. Галстяном «крепостной». Употребление одного и того же термина (тшорт) для обозначения вассальной и феодальной — крестьянской зависимости — не случайно. Очевидно, в праве того времени эти понятия до конца не отчленились. Вместе с тем показательно, что полная юридическая зависимость рабского или крепостного (ср. русское крепостничество) типа обозначалась тогда старым термином «тсарай», который за несколько столетий до этого покрывал и отношения внутри господствующего класса. В судебнике Смба́та Спарапета встречается и греческий термин «парикос» (стр. 134, 168), который А. Г. Галстян правильно переводит «крепостной». А. Г. Галстяну следовало бы не переводить термины, а оставить их транскрипцию и прокомментировать. Небольшой материал этого рода содержится в «Предисловии», но он слишком поверхностен, sporadичен и явно недостаточен. Поэтому перевод А. Г. Галстяна для строго научных целей мало пригоден (ср. оценку русского перевода судебного Мхитара Гоша И. К. Кусяком — «Византийский вестник», XIV, 1958, стр. 244). Любопытно, что с аналогичной ситуацией мы сталкиваемся и в Грузии XII—XIII вв., где термин «кма» означал вассала и вообще всякое зависимое состояние. В грузинской летописи «История и восхваление венценосцев» «кма» употребляется в том же смысле, что и «тшорт» в судебнике Смба́та Спарапета («Картлис цховреба», т. II, стр. 10, 14, 15, 30, 33 и др.), и точнее всего может быть переведен как «слуга, подчиненный». В качестве термина, ему противостоящего, там же находим термин «патрони» — «господин, владетель». Армянскому «тсарай» этой эпохи соответствует грузинский «мона», претерпевший ту же эволюцию.

¹⁷⁵ Термин «манья» встречается в ахеменидских памятниках. И. М. Дьяконов полагает, что он мидийского происхождения (И. М. Дьяконов. Рабовладельческие имения персидских вельмож. — «Вестник древней истории», 1959, № 4, стр. 75, 76, 91). Вероятность такого предположения подтверждается наличием этого термина в измененной форме в древнегрузинском языке, на который северо-западные иранцы могли оказывать непосредственное влияние. О связи его с грузинским «мона» см.: Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 434; А. Богверадзе. Указ. соч., стр. 128.

¹⁷⁶ ПДАЛ, т. I, стр. 26.

¹⁷⁷ Там же, стр. 27.

¹⁷⁸ Там же, стр. 48—49.

Не случайно термин «мона»¹⁷⁹ употреблен в древнегрузинском переводе Библии вместо древнееврейского «эвэд» и равнозначен армянскому «тсарай». Такое значение термин «мона» сохранил и позднее. В памятниках XI в. — это и рабы, и вассалы. У Джуаншери говорится, что царь Вахтанг Горгосал после одной из своих побед отправил 10 тысяч мона персидскому царю и тысячу мона — дяде своему Вараз Бакуру¹⁸⁰. В древнеармянском переводе памятника вместо «мона» стоит «тсарай»¹⁸¹. В то же время (см. у Леонти Мровели) Хаос (Хайк) не желает быть мона Нимрода¹⁸², и Куджи, правитель Эгриси, заявляет Фарнавазу: «Я — твой мона, а ты — мой упали» (господин, сюзерен)¹⁸³. В обоих случаях в древнеармянском переводе также находим «тсарай»¹⁸⁴. Следовательно, «мона» — термин, аналогичный армянскому «тсарай», иранскому «бандак», семитскому «абд» — «эвэд», обозначает в древних памятниках тоже подчинение вообще. Поэтому совершенно бесплодна дискуссия о том, обозначал ли термин «мона» рабов или вассалов¹⁸⁵. «Мона» древнегрузинских памятников — это зависимое лицо разных типов, та самая архаичная нерасчлененная форма зависимости, которая существовала в долгий период формирования классового общества, для которого еще не было ясно, по какому пути развития оно пойдет дальше¹⁸⁶. Но в этот период происходил процесс утраты ранее свободными общинниками своих прав и в конкретной обстановке Закавказья и Средней Азии формирование общественных групп — сословий, живших уже не на кровнородственных связях, но на подчинении и насилии,

¹⁷⁹ Например: Бытие, XII, 16; XIV, 15; XVIII, 3, 5, 7, 17; XIX, 19; XXII, 3, 5, 19 и т. д.; см. также Г. А. Меликишвили. Указ. соч., стр. 425—426.

¹⁸⁰ «Картлис цховреба», т. I, стр. 158.

¹⁸¹ Древнеармянский перевод «Картлис цховреба», стр. 152.

¹⁸² «Картлис цховреба», т. I, стр. 6.

¹⁸³ Там же, стр. 22.

¹⁸⁴ Древнеармянский перевод «Картлис цховреба», стр. 9, 31.

¹⁸⁵ Об этом см.: Г. К. Соселия. Существовала ли рабовладельческая формация в Грузии? — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 80—81.

¹⁸⁶ Это та форма зависимости, которая называется чаще всего патриархальным, или домашним, рабством. Она возникла действительно в период распада кровнородственных отношений и появления социального неравенства. В дальнейшем из нее могут вызреть как рабовладельческие, так и феодальные отношения. Однако именно в силу такой двойственной тенденции в дальнейшем развитии термин «раннерабовладельческие отношения» представляется не совсем удачным, так как отражает лишь один вариант возможного течения процесса, а именно развитие рабовладельческих отношений. Один из крупнейших советских историков древнего мира А. И. Тюменев отметил, что, признавая восточные общества рабовладельческими, их не следует считать идентичными рабовладельческим античным обществам, так как речь идет о различных путях развития стран Востока и античного мира (А. И. Тюменев, Передний Восток и античность. — «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 51). Но если это различные типы отношений, то, очевидно, к ним не должны применяться одинаковые определения.

эксплуатации и социальном неравенстве. В ходе этого процесса различные формы патриархальной зависимости, клиентуры и рабства постепенно сближались с растущей зависимостью массы ранее свободного населения от государства и (через его посредство) частного эксплуататора, что вело к поляризации привилегированных и зависимых сословий, из которых основным было крестьянство.

Я отмечал, что в среднеперсидских памятниках имеется термин для обозначения рабов (аншахрик), хотя и такие рабы отличались от античных. Аналогичный термин известен и из древнеармянских источников, а именно «струк». Так назывались рабы, и только рабы.

Выше говорилось о значении этого термина в переводе Библии. Примеры из нарративных источников также показывают, что под струками понимались лица, резко противопоставленные свободному населению. Если термин «тсарай» в древности использовался и в отношении свободных, но подчиненных другим индивидам лиц, то термин «струк» обозначал полное бесправие, униженность и зависимость лица, им обозначаемого, от другого индивида, т. е. рабство как таковое. Фавст Бузанд, рассказывая о назначении царем Аршаком католикоса Чунака, ненавистного клиросу и ему, Фавсту, презрительно именует его «струком из струков царя»¹⁸⁷. Фавст не называет его «тсарай», ибо тсарай — все нахарары и азаты, струки же — презренные рабы. Елише, повествуя о рабстве на чужбине, употребляет термин «струк-тюн» — рабство¹⁸⁸. Мовсес Калаякатваци в рассказе о репрессиях царя Албании Вачагана при христианизации страны сообщает, что бывших жрецов топили, убивали, обращали в струков¹⁸⁹.

В целом, однако, сведений о струках в источниках немного, что, вероятно, свидетельствует об ограниченности сферы их использования. Но наличие в древней Армении специального термина для обозначения рабов не случайно. Армянское общество древнейших местных источников было более развитым, нежели то, которое обрисовано в Пятикнижии Моисея. Здесь наряду с нерасчлененной, сословно незакрепленной зависимостью налицо и иные формы отношений, являющиеся дальнейшим развитием предыдущих. Одна из таких форм, близкая к античному рабству, и обозначалась терминами «струк», «струк-тюн». Не исключено, что здесь мы сталкиваемся с влиянием рабовладельческих, греко-римских (античных) условий.

Сторонники наличия рабовладельческой формации в древности в Закавказье стремятся истолковать как обозначающие ра-

¹⁸⁷ *Фавст Бузанд*. Указ. соч., стр. 105.

¹⁸⁸ *Елише*. Указ. соч., стр. 96.

¹⁸⁹ *Мовсес Калаякатваци*. Указ. соч., стр. 60.

бов самые различные термины источников. На деле, однако, объясняемые как рабские термины могут обозначать очень разные типы подчинения и зависимости. Возьмем, например, армянский термин «ынтотсин» (буквально — «рожденный внутри [дома]»). Термин «ынтотсин» довольно редкий и встречается главным образом в переводе Библии. В древнееврейском оригинале ему соответствуют «бен байт» («сын дома»), «кол елид байт» («все рожденные в доме»), причем они противопоставляются другой части обитателей «дома»¹⁹⁰, так называемым купленным за серебро (микнат кэсэф)¹⁹¹. В греческом переводе стоит «ойкогенес», т. е. также родившиеся в доме. Следовательно, вся эта группа терминов употребляется для обозначения той части обитателей «дома», т. е. большой патриархальной семьи, которые по месту рождения, а не по крови принадлежат к ней. Все они зависимы, конечно, от домовладыки, главы семьи, но зависимы по-разному. Термины эти очень архаичны, и потому-то «ынтотсин» столь редок после IV в. н. э., когда появилась армянская письменность. Несомненно, в число этих «бен байт» (елид байт) — «ойкогенес» — «ынтотсин» входили и так называемые домашние рабы, родившиеся в «доме», однако положение этих лиц и в рамках «дома», а тем более вне его было различно.

В нарративных источниках термин «ынтотсин» встречается очень редко. У Мовсеса Хоренаци он употреблен дважды: в главе X первой книги, где речь идет о переселении Хайка из Вавилона на север; Хайка в этом странствовании сопровождали, кроме его непосредственных потомков, «прочие ынтотсины»¹⁹²; в главе XII первой книги тот же Хайк отдает своему внуку Кадмосу военную добычу и именитых мужей из числа своих «ынтотсинов»¹⁹³. Совершенно ясно, что здесь речь идет не о рабах. Не случайно С. Малхасянц комментирует «ынтотсин» как человека иной крови, который поэтому-то и выделялся среди членов «дома» и мог быть там мшаком (работником), спавором (служителем) и т. д.^{193а}

Кто же были ынтотсины, какое место занимали они в древнеармянском обществе? В эпоху сложения больших народов, совпадающую с периодом распада родовых отношений, часто случалось, что отдельные кровнородственные коллективы под-

¹⁹⁰ Термин «байт» в Библии означает не только дом как таковой, но и все, что к нему относилось: люди, земля, прочее имущество. В этом отношении «байт» идентичен армянскому «тун», иранскому «катак» (кат), грузинскому «сахли» и т. д.

¹⁹¹ Бытие, XV, 3; XVII, 23, 27 и др.

¹⁹² Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 33.

¹⁹³ Там же, стр. 37.

^{193а} Мовсес Хоренаци. История Армении (новоарм. пер.). Ереван, 1961, стр. 367.

чиняли другие. Покоренные могли изгоняться, истребляться или подчиняться победителям. В последнем случае их могли облагать данью, могли расселять среди людей, чуждых им по крови. Какая-то часть побежденных в разных формах коллективно или индивидуально становилась под покровительство сильных «домов» победителей, превращаясь в их клиентов. Такая клиентура была разного типа, но в период еще сильных кровнородственных связей эти люди входили в состав того или иного «дома». Подобного рода отношения хорошо известны во всех становившихся на классовый путь развития обществах. Для Закавказья и Средней Азии можно вспомнить и практику первого века арабского завоевания, когда «маула»¹⁹⁴ арабских племен или отдельных лиц становились отдельные представители и группы местного населения, в среде которого подобного рода отношения исчезли или почти исчезли¹⁹⁵.

Что покорение далеко не всегда связывалось с обращением покоряемых в рабов, хорошо известно и из европейской древней истории. Спартанские илоты, римские «союзники»-италики — разные типы иной формы зависимости, которую нельзя исключать при характеристике соответствующих стран.

Во всех древних источниках, начиная с Библии и более ранних восточных памятников и кончая древнеармянскими, древнегрузинскими и другими материалами, речь идет о «домах» (бейт, тун, сахли, катак и т. д.). Это не просто здание под крышей, но вся система владений знатных лиц; они предстают как самостоятельные общественные организмы, внутри них существуют сложные и разнотипные отношения, которые можно называть патриархальными, имея в виду власть главы «дома» (баал, тэр, мама, хватай) над членами такого объединения. В отношении главы «дома» все его члены — зависимые от него люди (эвэд, тсарай, мона, бандак), на деле же зависимость эта разного рода, и она не ограничена лишь отношениями к главе «дома».

¹⁹⁴ Об этом см.: «История Ирана с древнейших времен до конца 18 в.» Л., 1958, стр. 95; Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966, стр. 70, 149—150, 193 и др.

¹⁹⁵ Впрочем, отношения в Согда накануне арабского завоевания кажутся достаточно архаичными. По своему типу они несколько напоминают клановый строй Шотландии, где существовала своеобразная дофеодальная (патриархальная) иерархия: вождь — старейшины = главы деревень — крестьяне. Этот строй Маркс называл патриархальным и рассматривал его на ступень ниже феодального (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 523—524). Еще больше общих черт прослеживается между согдийским и микенским обществами. В последнем так называемые басылен — это правители отдельных населенных пунктов, первоначально деревенские старшины (Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 168, 222). Но микенское рабство переросло в античное, в Согда же развитие шло в сторону феодализации, как у германцев, славян и т. д.

Такие патриархальные «дома» веками в древности были опорой древневосточной деспотии, и их разложение, наряду с закабалением свободных людей, свободного крестьянства — свободного не в современном понимании, но в значении той эпохи, когда кровные связи переходили в территориальные, — явилось основой ослабления и распада таких государств, как Аршакидское армянское царство¹⁹⁶, древнегрузинское царство (Картли) и др.

То, что говорилось об «ынтотсинах», в равной мере применимо и к другим терминам, толкуемым сторонниками существования в древнем Закавказье рабовладельческой формации так, будто они означают различные категории рабов. В частности, «мшак»¹⁹⁷ при более внимательном рассмотрении обозначает просто «работающего», независимо от того, к какой общественной категории он принадлежал. Такой неопределенный смысл термин имеет в церковно-канонической литературе, где он наиболее часто встречается¹⁹⁸. Именно поэтому армянские нахарары, виновные в мятеже против шаха, ссылаются в Вавилонию на рудники для «мшакутюн аркуни» («царская работа») ¹⁹⁹. В тех же источниках их называют царскими мшаками²⁰⁰, т. е. работающими на царя, потому что они работают в царских владениях. Перед нами обычные каторжники, известные во все эпохи, и выделять их в особую категорию «рабов» вряд ли правильно. Но что мшаки не обязательно каторжники, видно из одного места у Лазара Парпеци, где речь идет о ссылке в Асорестан, с тем чтобы сосланные работали там, как царские мшаки, и платили харк, т. е. налог, подать, до смерти своей²⁰¹. Здесь скорее всего говорится о посаженных на царскую землю людях, платящих ренту, т. е. категории феодальной, но не рабской.

Таким же путем можно пересмотреть сведения о «спасаворах»²⁰² и других терминах древнеармянских источников.

¹⁹⁶ Известно, что Аршакидскому царству в Армении предшествовали более древние государства. К сожалению, данных о социально-экономическом строе древней Армении слишком немного.

¹⁹⁷ Это древний месопотамский термин. В Вавилонскую эпоху «мушкену» — зависимые люди, царские люди (о них см.: «Всемирная история», т. I, стр. 296; И. М. Дьяконов. *Община на древнем Востоке в работах советских исследователей*. — «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 31); ср. древнееврейский «мэшэк» — хозяйство.

¹⁹⁸ *Агатангел*. Указ. соч., стр. 439 — «мшакутюн» — труд проповедника; *Лазар Парпеци*. Указ. соч., стр. 279 — истинные мшаки (работники) Христа; «Канонагирк хайоц», т. I, стр. 488 — мшаки упомянуты рядом с детьми, старцами и явно означают просто взрослых трудоспособных людей.

¹⁹⁹ *Елише*. Указ. соч., стр. 183; *Лазар Парпеци*. Указ. соч., стр. 231.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ *Лазар Парпеци*. Указ. соч., стр. 230.

²⁰² О спасаворах см.: А. Г. Периханян. Храмовые объединения Малой Азии и Армении. М., 1959, стр. 116, 118—119, 130—131. Спасаворы армянских источников отождествлены с греческими иеродулами. А. Г. Периханян счи-

Но, пожалуй, наиболее часто сторонники рабовладельческой формации в Закавказье и соседних регионах приводят толкования некоторых сведений античных источников. При этом нередко они забывают, что авторы этих источников жили и писали в условиях античного (рабовладельческого) способа производства и пользовались терминологией своей среды. Уже тот факт, что для обозначения зависимого населения Парфии они выбирали термины, имевшие очень общее и разное значение, например «дул»²⁰³, показывает, что они отнюдь не отождествляли условия Римской империи с теми, какие существовали у ее восточных соседей. Не случайно Я. А. Манандян, прекрасный знаток античных источников, указывал, что и «дул», и «servitium» греческих и римских источников применительно к Парфии и Армении не означают раба в подлинном смысле этого слова, а имеют значение вассалов или «слуг»²⁰⁴. Можно сказать точнее — эти термины означают в данных контекстах всякую зависимость (в том числе иногда и рабскую) и идентичны местным терминам «тсарай», «бандак» и т. д. Не проясняет вопроса и привлечение С. Т. Еремянном талмудических данных, ибо древнееврейский «эвэд» идентичен древнеармянскому «тсарай». Если «авде» с дастакертом могут быть рабы²⁰⁵, то другой пример, приведенный рядом с этим у Ю. А. Солодухо (у которого берет эти данные С. Т. Еремян), — о продаже «ир шэл авадим»²⁰⁶ (города с подвластным населением), явно говорит против понимания «эвэд» в любом случае как раба.

Наконец, еще один излюбленный аргумент сторонников существования к востоку от римских владений рабовладельческой формации: ссылаются на массовый захват пленных во время войн, пленные же, как известно, часто обращались в рабов. Это, конечно, верно, но с оговоркой, что не все пленные и не всегда обращались в рабов. Даже то обстоятельство, что для обозначения пленных существовали специальные термины²⁰⁷, доста-

тает их рабами, но отмечает, что другие исследователи видят в них крепостных (ср. С. Я. Лурье. Рабство в Микенском рабовладельческом обществе. — «Вестник древней истории», 1957, № 2, стр. 14. Иеродоты — свободные люди).

²⁰³ Еще у Геродота (В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. 1, стр. 16) говорится, что царские скифы считают всех прочих скифов своими дулами, т. е. зависимыми, подчиненными.

²⁰⁴ Я. А. Манандян. Проблема общественного строя доаршакидской Армении, стр. 8.

²⁰⁵ Впрочем, и это сомнительно. Есть основание полагать, что и здесь мы имеем дело с крепостными.

²⁰⁶ Ю. А. Солодухо. Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока. — «Советское востоковедение», т. II, 1941, стр. 40.

²⁰⁷ В древнеармянских источниках для обозначения пленных используется обычно термин «гери» (иранское, буквально — «взятый»); в древнегрузинских — «ткуэ», который в древнеармянском переводе «Картлис цховрэ-

точно ясно показывают, что пленный — это еще не раб, это, так сказать, кандидат в рабы²⁰⁸. На Востоке издревле известна практика поселения пленных на территории победителей. Кем считать их в этом случае? Юридически они, по крайней мере первое время, не свободны, но в экономическом плане они ведут свое хозяйство и отдают государству или частному лицу только часть производимого ими; тем самым их положение идентично крепостным. Эта практика известна и при Сасанидах²⁰⁹, она не изживает себя вплоть до нового времени, когда Аббас I в начале XVII в. переселял тысячи жителей Закавказья во внутренний Иран, где их потомки живут и сейчас.

Сторонники господства в древности в Закавказье и Средней Азии рабовладельческих отношений полагают, что в средние века рабство здесь, как и в Европе, изжило себя. В Южной Европе и в странах, развивавшихся в средние века под ее влиянием, рабовладельческий строй действительно изжил себя экономически, а те элементы рабства, которые наблюдаются здесь в раннее средневековье (и несколько позже), могут рассматриваться преимущественно как пережитки предшествующих эпох. Что касается стран — восточных соседей Римской империи, то средневековые источники отнюдь не говорят не только об изживании рабства, но и об его сколько-нибудь заметном сокращении. Массовый ввоз рабов в страны арабского халифата в VII—XI вв.²¹⁰, данные о рабах в армянских источниках XIII в.²¹¹ и, наконец, интенсификация использования этого института при монголах говорят о живучести рабского труда на Ближнем Востоке на всем протяжении средневековья и даже нового времени²¹². Любопытно, что и сфера использования рабов остается

ба» передается через «гери» (древнеармянский перевод «Картлис цховрба», стр. 15, 22, 33, 39 и др.); в арабских — термины «асир» и «сабий» (ср. древнееврейское «асир» — в современном иврите «арестант», «шавуй» — «пленник»), тогда как рабы называются «ракик», «мамлук», «гулам»; в ранних новоперсидских источниках для обозначения пленных чаще всего используется арабское «асир».

²⁰⁸ Ср. Ю. И. Семенов. Указ. соч., стр. 81—82.

²⁰⁹ Известен факт использования римских пленных (сабий) на постройке плотины в Хузистане (*ат-Табари*. Указ. соч., I серия, стр. 827; *Хамза ал-Исфагани*. История народов. Берлин, 1921, стр. 34). В то же время Хамза ал-Исфагани сообщает, что в IV в. Шапур II поселил пленных римлян в двух селах (указ. соч., стр. 37).

²¹⁰ Материалы источников столь обильны, что выборочно приводить их нецелесообразно. Рабы ввозились в страны ислама из «языческих» областей севера (мест обитания тюрок, славян и т. д.) и из Африки. В XI—XII вв. в странах ислама существовали работорговцы-наххасы (см., например: «Кабус-намэ», указ. изд., стр. 58, 77—84), для которых торговля людьми была «специальностью».

²¹¹ Ряд статей судебного Сымбата Спарапета посвящен рабству и рабам, которые в эту эпоху назывались «тсарай».

²¹² В Средней Азии институт рабства был официально уничтожен только после присоединения к России. То же самое прослеживается на Северном

ся в основных чертах неизменной. Большинство рабов идут либо на военную службу²¹³, либо в гаремы, домашнее хозяйство. Правда, в периоды синтеза раннеклассового общества с феодализующимся или феодальным обществом отмечается некоторый рост применения рабского труда в экономике. Мы видим это и в халифате VII—IX вв., и в монгольских государствах XIII—XIV вв. Однако и здесь рабский труд в целом играет второстепенную роль, и основным объектом эксплуатации остается зависимое крестьянство. Вместе с тем такое периодическое усиление роли рабского труда, связанное с влиянием раннеклассовых обществ, подчинявших области ранних цивилизаций, несомненно, способствовало устойчивости рабовладельческого уклада в определенных сферах общественной и частной жизни, что тормозило социально-экономическую эволюцию этих обществ.

* * *

Древнейший период исторической жизни народов Закавказья, связанный со сложением классового общества, характеризуется процессом оформления и создания класса зависимого крестьянства. Это зависимое крестьянство формируется, во-первых, из различных категорий чужого для данного общества населения, попадающего в рабскую, крепостническую и иную зависимость, и, во-вторых, посредством постепенной утраты свободы (экономической и гражданской) большинством членов данного общества, участвующих в производстве. Из этих двух основных истоков (с множеством их конкретных ответвлений) и ведет свое происхождение феодально зависимое крестьянство. Однако процесс его оформления в единое сословие в условиях Передней Азии неоднократно прерывался. С этим связаны и устойчивость рабовладельческого уклада на всем протяжении средних веков и нового времени, и те неоднократные изменения в экономико-правовом положении крестьян, с которыми мы сталкиваемся в разное время²¹⁴.

Кавказе. Да и в Закавказье с присоединением к России рабы слились с крепостными.

²¹³ Вспомним тюркскую гвардию халифов IX—X вв., мамлюков — в Египте, янычар — в Турции, гулямов — в Сефевидском Иране.

²¹⁴ Показательно, что о крепостном праве как таковом в рамках страны можно говорить только в Грузии, которая единственная не подверглась в средние века ни деэтнизации, ни полной утрате независимости. В Средней Азии и Азербайджане накануне присоединения к России крестьянство крепостным не было, хотя зависимым оно было и в этих странах. Мне представляется, здесь можно усматривать влияние синтеза раннеклассовых общественных форм с более развитыми, в результате которого происходило своеобразное «обновление» общественных отношений. Эти процессы органически связаны с процессами этническими. С определенными оговорками

Таким образом, незавершенность процесса феодализации — отличие средневековой истории Передней Азии от Западной Европы.

они идентичны славянской колонизации владений Византийской империи V—VII вв.

Впрочем, в армянской историографии утвердилось мнение о том, что к концу XII в. процесс закрепощения крестьян в Армении в основном завершился (С. П. Погосян. Указ. соч., стр. 525). Вывод этот, однако, представляется несколько поспешным: формы взаимоотношений крестьян и землевладельцев были достаточно разнообразны — от рабского подчинения до личной свободы. К тому же вышеупомянутый вывод базируется преимущественно на материалах северо-восточной Армении, входившей в XII—XIII вв. в Грузинское царство, или Киликии (этот материал отложился в судебниках Мхитара Гоша и Симбата Спарапета).

Глава III

ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Значение проблемы земельной собственности в докапиталистические эпохи определяется самим характером производства. Несмотря на порой весьма значительные различия в соотношении земледелия и скотоводства и различных видов докапиталистической «промышленности», общим для всех регионов мира на данном этапе развития является полное и абсолютное господство видов хозяйства, органически непосредственно связанных с землей — этим «всеобщим предметом человеческого труда» или «всеобщим средством труда»¹. В странах же рассматриваемых регионов к проблеме земли всегда присоединялась и проблема воды — орошения, без которого земля в Средней Азии и значительной части Закавказья теряла свою производственную ценность.

Уже давно доказано, что частная собственность на землю — явление историческое, возникшее на определенном этапе развития человечества и подлежащее исчезновению также на известном историческом этапе. Гораздо меньше обращается, однако, внимания на то, что частная собственность на землю появляется гораздо позже, нежели на другие средства производства, позже, чем собственность на другого человека. Конечно, в разных конкретно-исторических условиях частная собственность на землю возникает в разные сроки и развивается различными темпами.

Исторический характер земельной собственности привел к тому, что и в настоящее время среди исследователей не существует единой точки зрения по важнейшему теоретическому вопросу, существовала ли земельная собственность как таковая в докапиталистические эпохи, или до появления капитализма можно говорить лишь о владении, пользовании, но не о собственности?² Вопрос не праздный, так как он органически связан

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 189, 191.

² Наиболее последовательно в нашей новейшей литературе эта идея проведена в книге М. В. Колганова «Собственность. Докапиталистические формации» (М., 1962). Возражая М. В. Колганову, нельзя не вспомнить, что

с проблемой преемственности исторического развития, от низших форм к высшим. В то же время аргументы сторонников отсутствия критерия земельной собственности до капитализма не учитывают и специфику развития конкретных формаций, в которых одни и те же по форме институты имели различное социальное содержание. Это содержание выражалось не только в чисто юридической, правовой стороне вопроса — в том, была ли эта собственность полной или двойственной, или иерархической, не только в чисто экономических результатах собственности, но и прежде всего в том, каким путем осуществлялась реализация земельной собственности; другими словами, была ли это собственность крестьянина, обрабатывавшего землю своим трудом, или латифундия, на которой работали рабы, или землю использовал зависимый крестьянин, плативший земельную ренту. Исторически два последних типа реализации земли возникают почти одновременно, хотя, возможно, первый предшествует второму. В дальнейшем от конкретно-исторического пути зависит, какой из них станет преобладающим. Общее и у того, и у другого — роль внеэкономического принуждения, отличие в доле экономической самостоятельности, дающей во втором случае возможность стимулирования и развития производительных сил и тем самым исторического прогресса.

Возникновение частной земельной собственности можно свести в основном к двум путям: с одной стороны, из аллода — продукта распада общинного землевладения, с другой — из деятельности уже возникшего раннего государства, которое, рождаясь из органов общинного народовластия, с ростом имущественной дифференциации все больше становится выразителем преимущественных интересов определенного класса, в руках которого постепенно сосредоточиваются все богатства общества. Государство же, возникнув из родовых учреждений и на смену им, становится воспреемником общенародных прав. Известные общенародные внешние (оборона страны) и внутренние (например, на Востоке значительная часть ирригационных работ) функции государство сохраняет практически всегда. Сама устойчивость и прочность государства в классовом обществе зависят от того, насколько государство способно еще охранять и интересы всего общества или большей его части. На заре классового общества, когда появление избыточного продукта создает общественное неравенство, возникающее государство присваивает себе и фактически высшее право в оседлом коллективе — право распоряжения землей. Это право тем устойчивее

классики марксизма признавали существование земельной собственности в докапиталистические эпохи [см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 2, стр. 128—129; т. 3, стр. 20—23, 57, 77, 176; т. 4, стр. 168 («в каждую историческую эпоху собственность развивалась различно...»); т. 5, стр. 328; т. 7, стр. 414; т. 12, стр. 434—435 и др.].

и в тем более чистом виде предстает перед нами, чем сильнее производственные связи между отдельными производителями, выходящими из стадии родового строя. Такие связи в свою очередь в условиях слабого развития производительных сил во многом определяются внешней средой, в частности природными условиями. Так, наличие искусственного орошения всегда создавало большие препятствия возникновению и развитию частной собственности на землю (и воду). Точно так же условия жизни в северной России, как давно подмечено, способствовали возникновению и устойчивости коллективных форм труда. Разумеется, было бы неверно все сводить только к влиянию природной среды, но в условиях неравномерности развития человеческих обществ оно приводило к отставанию, за которое народы, жившие порой в «райских» природных условиях, платили дорожную цену.

К сожалению, начальный этап возникновения и сложения земельной собственности в громадном большинстве (если не всех) случаев не поддается исследованию. В лучшем положении находятся историки обществ, где письменность возникла очень рано и ее памятники дошли до наших дней (Двуречье, Египет). Этого нельзя сказать о народах нашей страны. Правда, мы имеем письменные памятники эпохи Урарту³, которая есть и древняя история нашего Закавказья, но древнее население Урарту — лишь один, и притом пассивный, составной элемент в сложении позднейших армянской и грузинской народностей. Поэтому можно утверждать, что и в сфере социально-экономической истории Армения и Грузия не представляют прямого продолжения соответствующих условий Урарту, но являются продуктом синтеза армянских (индоевропейских) и картвельских (а вероятно, и иных) общественных структур со старыми местными условиями.

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Древнейшие⁴ местные источники в Закавказье и в Средней Азии констатируют наличие различных и достаточно развитых форм частной и семейной земельной собственности. По ранним армянским источникам хорошо известны царский домен⁵,

³ Общественный строй древней Армении не является прямым продолжением общественного строя Урарту. Ситуацию здесь можно сравнить с той, которая была в Греции после переселения дорян и гибели микенского общества. О ней же см.: Я. А. Ленцман. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963, стр. 199 и др.

⁴ Более древние античные описания (Ксенофонта, Страбона и др.) содержат немного сведений о земельной собственности.

⁵ Царский домен в Аршакидскую эпоху назывался «тун аркун» (буквально — «дом царя») в отличие от «тунов» нахараров (Фавст Бузанд. Исто-

земли нахарарских «домов»⁶ и частнособственнические земли отдельных лиц⁷. Последние в источниках чаще всего называются дастакертами и агараками, но уже в доарабскую эпоху под контроль и в руки знатных лиц в результате пожалования царей и шахов переходили «гевлы», т. е. селения ранее свободных крестьян-общинников, которые с течением времени уравнивались с обитателями дастакертов и агариков, образуя единый класс-сословие зависимых крестьян. Можно, однако, утверждать, что о монополии земельной собственности класса феодалов в Армении, как и в Азербайджане, Иране, Средней Азии, говорить нельзя. Какая-то часть крестьян, по-видимому, всегда имела в собственности (т. е. с правом отчуждения) отдельные участки земли, особенно виноградники⁸. Основная же масса культивированной земли и источников орошения находилась в руках господствующего класса, и типичной фигурой крестьянина был арендатор-издольщик⁹.

рия. СПб., 1883, стр. 9, 18 и др.). Х. Самвелян развивал теорию о наличии в древней и средневековой Армении верховной государственной собственности на землю (Х. Самвелян. История древнеармянского права, т. I. Ереван, 1939, стр. 157—184). В настоящее время эта точка зрения, во всяком случае для IX—XIII вв., в армянской советской историографии не поддерживается (С. П. Погосян. Закрепощение крестьян и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ереван, 1956, стр. 517; А. Г. Сукиасян. Общественно-политический строй и право древней Армении. Ереван, 1963, стр. 89—97).

⁶ О нахарарских «тунах» см.: Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя. СПб., 1908, стр. 298—321; Я. А. Манандян. Критический обзор истории армянского народа, т. II, ч. I. Ереван, 1957.

⁷ В собственности знатных лиц (духовных и светских) в Аршакидскую эпоху были не только агараки и дастакерты, но и обычные селения (гевлы). Фавст сообщает, что царица Парандзем (мать Папа) пожаловала лицу, отравившему ее соперницу, гевл Гомкуйк в гаваре Тарон (Фавст Бузанд. Указ. соч., стр. 104—105). Позднее гевлы жаловали иранские шахи. Так прежде свободные, государственно-обязанные крестьяне переходили под власть знати.

⁸ Материалы известного «Джамбра» и акты памятники, преимущественно относящиеся к XV—XVIII вв., подтверждают это (Симеон Ереванци. Джамбр. М., 1958).

⁹ Формы издольной аренды в халифате обстоятельно изложены у юристов VIII—IX вв. (см. переводы соответствующих отрывков: Л. И. Надирадзе. Хрестоматия по истории халифата. М., 1968, стр. 69—73; см. также А. Ю. Якубовский. Об исполных арендах в Ираке в VIII в. — «Советское востоковедение», т. IV, 1947). Об издольщиках монгольской эпохи см.: А. А. Али-заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана в XIII—XIV вв. Баку, 1956, стр. 196—197; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, стр. 286—290. Издольщина в государстве Сефевидов, пожалуй, лучше всего описана у Э. Кемпфера (E. Kaempfer. Am Hofe des persischen Grosskönigs. Leipzig, 1940, S. 90).

В очень похожем положении в средние века находились крестьяне Сицилии (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 15, стр. 48).

Сходные формы земельной собственности устанавливаются и в раннесредневековой Грузии¹⁰.

Что касается Средней Азии, то более или менее ясные сведения о земельных отношениях в доарабский период сохранились лишь в поздней компиляции Наршахи. По этим данным, земля в округе Бухары, не составляя чьей-либо монополии, принадлежала вместе с источниками орошения преимущественно знатым и богатым лицам (дехганам, купцам и т. д.) и служила объектом купли-продажи¹¹. Подобное положение сохранилось здесь вплоть до новейшего времени, хотя в различные времена сосредоточение земли в руках государства, феодалов и других частных лиц было неодинаково. С одной стороны, частная земельная собственность докапиталистического типа существовала в рассматриваемых здесь регионах всегда. С другой же стороны, эта собственность никогда или почти никогда не была достаточно устойчивой и постоянные перенесения ее из «государственного сектора» в частный мешали ее упрочению, неоднократно повторяя ситуацию, при которой, казалось бы, устоявшиеся формы землевладения исчезали, заменяясь типами раннего условного землевладения. Последние, дойдя до известного этапа в своем развитии, прекращали существование или утрачивали доминирующую роль.

На практике это почти всегда было связано с определенными этническими и политическими изменениями, в результате которых имело место либо массовое перемещение земель от прежних владельцев к новым, либо возрождение архаичной верховной государственной собственности, ранее уже изжитой на данной территории. Так, в результате арабского завоевания произошло и то, и другое. Значительная часть земель была отнята у прежних владельцев из числа противников завоевателей и перешла в руки арабской¹² и новой местной знати. В первые полтора-два века существования халифата верховное право собственности исламского государства на весь земельный фонд было большей или меньшей реальностью, и деление земель на категории хараджных и «десятинных», хорошо известное по

¹⁰ О них см.: А. А. Богверадзе. Из истории раннефеодальных общественных отношений в Карти. Тбилиси, 1961, стр. 42—73. В армянском сборнике документов «Гирк тгтоц», составленном в VIII в., в списке грузинских епископов начала VII в. упомянут епископ Палгэн — епископ царского «туна», т. е. домена («Гирк тгтоц». Тифлис, 1901, стр. 182—183).

¹¹ Наршахи. История Бухары. Париж, 1892, стр. 8—9, 11, 14, 23—29 и др.

¹² Традиция VIII в. утверждала, что пожалования (икта — «лены») делал уже Мухаммед (Абу Ясуф Книга о харадже. Каир, 1928, стр. 72—73). Третий халиф Осман щедро раздавал земельные владения своим родственникам и приближенным, что и послужило поводом для его убийства. Арабские поселенцы в Закавказье и Средней Азии наделялись «икта» (ал-Белазури. Книга завоевания стран. Лейден, 1866, стр. 197—198 — о поселении Муавией I двух тысяч арабов в Армении). О «поместьях» (дийа) рода Омейядов в Азербайджане см.: ал-Белазури. Указ. соч., стр. 329—330.

трудам юристов VIII в.¹³, отражало эту практику раннего халифата.

Однако эта практика, обычная для раннефеодального государства, быстро исчезала под влиянием местных условий. По существу, в VII—VIII вв. в Закавказье и Средней Азии, как и в других окраинных областях халифата, сохранялись старые формы земельных отношений, но над ними временно усилилась верховная роль государства, на практике осуществлявшаяся через единую общегосударственную налоговую систему, стоявшую формально как бы над местными отношениями землевладельца и крестьянина. Это не могло долго продолжаться. Единство и сила такого эфемерного объединения, как халифат, существовали, пока продолжались успешные внешние завоевания, доставлявшие верхушке арабского общества совместно с частью знати покоренных территорий новую добычу и новые объекты эксплуатации. С прекращением завоеваний исчезло и единство. Одна за другой начали отпадать окраины, а на сохранившихся зависимых от Багдада территориях вновь возобладали господствовавшие там до прихода арабов центростремительные тенденции, опиравшиеся на крупную земельную собственность, владельцами которой теперь стали и высшие слои завоевателей. Источники IX—X вв. пестрят упоминаниями «дийа» (поместий) по всей территории стран ислама. Земля продается и покупается, дарится и жалуется. При этом любопытно, что в условиях того времени пожалование земли, чаще всего обозначаемое в мусульманских источниках термином «икта»¹⁴, вовсе не сопровождается какими-то «феодальными» обязательствами лица, коему земля дается. Случалось, что правитель покупал землю, а затем жаловал ее, причем получивший становился фактическим собственником земли.

Концентрация земельной собственности в руках частных лиц в X — первой половине XI в. достигает большой степени. Источ-

¹³ Согласно практике первых времен халифата, земли разделялись на те, с которых взимался харадж, и на те, с которых брался ушр (десятина). Харадж платили немусульмане, десятину — принявшие ислам (*Абу Йусуф*. Указ. соч., стр. 74—75). Вообще же система налогообложения в халифате VII в. была достаточно сложной и запутанной. Поздние юристы (VIII—IX вв.) пытались установить в ней закономерности, подкрепляя их примерами преимущественно из практики халифов. Обширные экстракты из источников см.: *Л. И. Надирадзе*. Указ. соч., стр. 13—69 и др.

¹⁴ Термин этот применялся и для обозначения земельных пожалований в до-арабскую эпоху. Очевидно, здесь он идентичен армянскому «паргевакан» (пожалованный); так в древнеармянских источниках назывались земли, пожалованные «сюзереном» «вассалу» (*Елише*. О Вардане и армянской войне. Ереван, 1957, стр. 85 — из указа шаха о «реабилитации» опальных христиан, земли которых делились на «хайреник», т. е. вотчины, «паргеваканк», т. е. пожалованные, и «ксакагинк», т. е. купленные за деньги; судя по всему, это различие определялось именно способом приобретения тех или иных земель).

ники пестрят данными об «арбабах» (владельцах мульков и дийа), наблюдается и значительный отрыв производителей от земли.

Однако в условиях того времени какая-то часть этих людей заполняла города, подыскивая там временную или постоянную работу по найму¹⁵. Но множество людей оставалось без дела и пополняло ряды «айаров», т. е. бродяг, разбойников; из их числа в IX—XI вв. местные кондотьеры формировали вооруженные отряды, с помощью которых и создавали большие и малые государства; они существовали обычно не дольше двух-трех поколений. Сами города IX—XI вв., хорошо известные из источников, были многочисленны и густо населены. И примечательным представляется не только их возросшая экономическая роль, но и определенные элементы городского самоуправления, неизвестные здесь впоследствии. Материалы по истории Дербента¹⁶, Байлакана¹⁷, Тбилиси¹⁸, Ани¹⁹, Ардебил²⁰, Буха-

¹⁵ Лица, работавшие по найму, в персидских источниках обозначались термином «моздур» [*Гардизи*. Украшение известий. Тегеран, 1937, стр. 5 (перс. яз.) — из биографии Иакуба бин Лейса (IX в.), который, придя в город, избрал себе специальность медника (руйгар), зарабатывал как «моздур» (наемный рабочий, поденщик) в месяц 15 дирхемов]. В древних и средневековых армянских источниках наемные работники обозначались термином «вардакан» (вардзакан). В судебнике Смбата Спарапета (*Смбат Спарамет*. Судебник. Ереван, 1958, стр. 148) о них есть особая статья. Все это показывает, что наемный труд как исключение существовал в разные эпохи (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 213—214).

¹⁶ Данные «Тарих ал-Баб», сохранные Мюнаджим-баши, свидетельствуют о наличии в Дербенте IX—XI вв. самостоятельного княжества и о большой власти городских глав (рансов), которые держали эмиров в зависимости от себя (*В. Ф. Минорский*. История Ширвана и Дербента. М., 1963, стр. 68, 71, 72, 73 и др.).

¹⁷ *Масуд ибн Намдар*. Сборник рассказов, писем и стихов. М., 1970. Предисловие В. М. Бейлиса, стр. 21, 25, 26, 34 и др.

¹⁸ Тбилиси — крупнейший город Грузии — долгое время сохранял самостоятельность, являясь центром небольшого владения, так называемого Тбилисского эмирата, и лишь в 1122 г. был присоединен к Грузинскому царству. Город был одним из крупнейших торгово-ремесленных центров того времени на Ближнем Востоке, и среди его населения значительный процент составляли мусульмане. Богатая мусульманская верхушка города, опасаясь попасть под самодержавную руку грузинских царей, с помощью сельджуков довольно долго сохраняла независимость. Согласно Ибн ал-Асиру, мусульманское население Тбилиси оказало Давиду IV упорное сопротивление («Материалы по истории Азербайджана из «Тарих ал-камиль» Ибн ал-Асира». Баку, 1940, стр. 123—124).

¹⁹ Мы знаем, что городская знать Ани в XI—XII вв. фактически управляла этим большим и густонаселенным городом. В случае необходимости она решала судьбу города. Знать Ани, как известно, пригласила царя Давида IV грузинского («*Картлис цховрзба*», т. I. Тбилиси, 1955, стр. 344—345).

²⁰ О роли знати Ардебил — в то время крупнейшего города Азербайджана (южного) — в X в. интересные данные имеются у Ибн Мискавейха. Ардебил того времени был фактически самостоятелен, и городская верхушка заключала договоры с теми или иными правителями и кондотьерами («*The Concluding Portion of the Experiences of the Nations by Miskawaihi*». Ed. by H. F. Amedroz, v. II. Oxford, 1921, p. 35—37).

ры²¹ X—XII вв. позволяют говорить о возросшей не только экономической, но и политической роли городов. Вместе с тем рост земельной частной собственности и возникший в какой-то мере ей в противовес сепаратизм городов в целом лишь усугубляли раздробленность и, следовательно, незащищенность перед внешним врагом. При этом случалось, что крупные города, защищая свои интересы, вступали в сделку с завоевателями, как было при захвате Мавераннахра Караханидами, когда население Бухары, многочисленное и хорошо вооруженное, мирно приняло завоевателей, которые в обмен сохранили права городской знати. К сожалению, в нашем распоряжении очень мало данных о Мавераннахре XI—XII вв. Однако давно установлено, что дехгане как крупные землевладельцы, хорошо известные в X в., в Мавераннахре XI—XII вв. исчезают²². Можно полагать, что Караханиды и их преемники, ломая сепаратизм дехганов на протяжении XI—XII вв., лишили значительную, если не основную, их часть земельных владений. На это косвенно указывает и тот факт, что в середине XI в. в соседнем Хорасане грядущее нашествие сельджуков вызвало массовое обесценение земли²³. Очевидно, владельцы земель по опыту соседнего Мавераннахра ожидали соответствующих мер против себя. Сельджукские султаны, однако, репрессировали лишь явных противников, от которых часть земель перешла в руки государства²⁴. Сельджукские султаны XI в. с помощью своих министров, из которых наиболее знаменит Низам ал-мульк, раздавали земли (система икта), но на иных условиях: владельцы икта (мукта или иктадары) являлись лишь условными владельцами земли, верховные права на которую сохраняло государство. Такая политика

²¹ Сообщение Хилала ас-Сабии о захвате Бухары Богра-ханом свидетельствует о фактической независимости Бухары от последних Саманидов («The Concluding...», v. III. Oxford, 1921, p. 372—374). О роли садров в Бухаре XI—XIII вв. см.: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I. М., 1963, стр. 130; т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 515—518). Приведенные материалы показывают, что в IX—XIII вв. города на Ближнем Востоке обладали известным самоуправлением или элементами его. Однако всякое образование сколько-нибудь централизованных государств неизбежно приводило к подавлению городской самостоятельности. Тем не менее отдельные явления этого рода встречаются и позднее. В частности, история Тебриза и Джульфы XVI в. показывает живучесть таких тенденций и после принесших неисчислимые бедствия городам нашествий монголов, Тимура и т. д.

²² В. В. Бартольд. Сочинения, т. I. М., 1963, стр. 318, 335, 370; т. II, ч. I, стр. 249.

²³ Абу-л-фазл Байхаки. История Мас'уда. Тегеран, 1945, стр. 607—609; то же, русский перевод А. К. Арендса. М., 1969, стр. 739—741.

²⁴ Вероятно, в значительной степени это связано с тем, что сам тюркский элемент в Хорасане XI—XII вв. в отличие от Мавераннахра не играл большой роли, и сельджукские султаны пошли на компромисс с местной знатью, что было тем более необходимо в условиях дальнейшей экспансии сельджуков на запад.

в XI—начале XIII в. привела к известному преобладанию условного землевладения над безусловным (амляк).

Можно утверждать, что иктадары XII—начала XIII в., хотя юридически и не являлись собственниками икта²⁵, на практике все больше стремились к тому, чтобы стать полными собственниками земли, т. е., другими словами, шел объективный и закономерный процесс превращения условного землевладения в безусловное. Итогом его явилась та печальная для передневносточных стран ситуация, которая привела к победе монголов над местными государственными объединениями, в которых этническая, экономическая и культурная разобщенность сочеталась с местничеством бывших «опор державы» — иктадаров. Монгольское завоевание привело, во-первых, к возрождению верховной государственной собственности на землю и, во-вторых, — что гораздо важнее для последующего развития, — к новым перемещениям земельной собственности и архаизации ее типа. Для периода, последовавшего за XIII—XIV вв., безусловная собственность на землю (мульк — армянское хайреник) сохранилась лишь для небольших владений, и общий удельный вес ее был невелик.

Монгольские правители и их преемники применяли систему пожалования союргалей²⁶ — условных земельных владений, иногда с правом иммунитета (тарханное право). В свою очередь эволюция союргалия шла в том же направлении, что и ранее икта (не случайно и сам термин «икта» в XV—XVII вв. заменяет в источниках «союргаль» и «тиуль»²⁷). Тем самым к концу XV в. союргальные владения, сопровождаемые к тому же правом налогового иммунитета (му'афи), меняют свой характер, опять же приближаясь к безусловной земельной собственности²⁸. Сефевиды ввели новый условный тип держания — тиуль²⁹, также сначала дававший право лишь на долю податей с земли или иных

²⁵ Об икта см.: И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 256—269.

²⁶ О союргале см. там же, стр. 272—274; он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 145—183. К этому можно добавить, что в XVII в. союргаль сохранился в основном как владение духовное, род «церковного бенефиция» (J. Chardin. Voyages en Perse, t. VI. Paris, 1811, p. 65—66). Анализ союргальных грамот тебризским сейидам XVII—начала XVIII в. показывает, что эти «церковные бенефиции» означали не пожалование земельных владений, а лишь право на часть тех или иных государственных налогов, т. е. союргали этого времени не отличались от тиулей (A. K. S. Lambton. Two Safavid soyurghals. — «Bulletin of the School of Oriental Studies», v. XIV. London, 1952, p. 44—54; см. также А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. — «История СССР», 1959, № 1, стр. 96—97).

²⁷ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений..., стр. 155, 185—186.

²⁸ Там же, стр. 145—183.

²⁹ О тиуле см. там же, стр. 184—221.

объектов дохода. Результаты были те же, и создание в конце XVI — первой половине XVII в. громадного шахского домена³⁰ продлило существование Сефевидского государства, но не спасло его единства. Доменальные земли потом стали переходить в руки тиульдаров, а сам тиуль к концу XVIII в. практически не отличался от мулька³¹.

Этот краткий обзор дает представление об эволюции форм земельной собственности на протяжении более тысячи лет. Мы видим повторение по существу одних и тех же этапов с единым общим результатом: развитие земельной собственности неоднократно прерывалось, и хотя объективный процесс укрепления частной земельной собственности всякий раз в конце концов пробивал себе дорогу, неоднократные возвраты к архаичным формам (условному землевладению, домену) давали свои плоды. Они проявлялись не только в замедленном развитии самого института частной собственности на землю, но и в том, что неустойчивость права на землю убивала экономическую инициативу. Фактический пользователь земли — крестьянин не имел никакого стимула к расширению и интенсификации хозяйства.

Экономическая ячейка общества — мелкое крестьянское хозяйство — была в этих условиях обречена на многовековое простое воспроизводство. В то же время и владелец или собственник земли, не имея прочного права собственности, не был заинтересован в ведении личного хозяйства и, существуя в качестве паразита — обирателя крестьянина, находясь над экономической, хозяйственной жизнью, стремился только как можно больше взять с него³². Система издольной аренды, существовавшая еще при Сасанидах, не исчезла и позднее. А все потому, что

³⁰ Сам по себе домен — явление не новое. Доменальные земли были и в Армении эпохи Аршакидов, домен («инджу») хорошо известен у Хулагуидов (А. А. Али-заде. Указ. соч., стр. 154—168; И. П. Петрушевский. Земледелие..., стр. 240—245 и т. д.). Но при Сефевидах в XVII в. домен достиг колоссальных размеров, включив целые исторические области Ирана (Гилян, Мазандеран, Фарс и др.). Именно с созданием такого домена можно связать возрождение, а затем укрепление распавшегося было в 70—80-х годах XVI в. Сефевидского государства. Материалы о домене Сефевидов см.: А. П. Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1959, стр. 67—86; K. M. Röhrborn. Provinzen und Zentralgewalt Persiens im 16. und 17. Jahrhundert. Berlin, 1966, S. 120—135.

³¹ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений..., стр. 215—221. После присоединения Закавказья к России тиули первоначально не признавались царским правительством объектом купли-продажи (т. е. частной собственностью). Царское правительство при этом исходило из юридического статуса этого института. Однако жизнь брала свое, и указ 1846 г. уравнивал тиули с мульками, признав их частной собственностью беков («История Азербайджана», т. II. Баку, 1960, стр. 93).

³² Ср. И. П. Петрушевский. Деревня и крестьяне средневекового Ближнего Востока в трудах ленинградских востоковедов. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. XXV. М., 1960, стр. 210; см. также «Ближний и Средний Восток». М., 1968, стр. 8.

Закавказье и Средняя Азия, как и соседние передневосточные страны, не сумели сохранить самостоятельного пути развития и, подвергаясь постоянным иноэтническим и иноэкономическим воздействиям в форме завоеваний, не смогли развиваться поступательно, как западноевропейские страны в средние века. Все это вместе с комплексом ранее складывавшихся условий помешало созданию здесь в отличие, например, от России единых феодальных государств с основной ведущей народностью во главе. Вследствие этого в конкретно-исторических условиях XVIII—XIX вв. создались объективные условия для включения Закавказья и Средней Азии в состав Российской империи.

Сказанное выше в полной мере может быть отнесено к Армении, Азербайджану и Средней Азии. В Грузии же развитие феодальных отношений вплоть до XIII в. не прерывалось, и накануне монгольского нашествия Грузинское царство (вместе с северо-восточной частью Армении) представляло собой страну с достаточно развитыми феодальными институтами.

Вместе с тем нельзя забывать об этнической неоднородности Грузинского царства, о разноукладности экономики, наличии рабовладельческого уклада и т. д. В итоге Грузия не выдержала нашествия Джелал ад-дина, а затем относительно легко попала под власть монголов. Но в отличие от Армении грузинские земли и в дальнейшем сохраняли если не независимость, то полунезависимое состояние. Хотя от Грузии и была отторгнута часть территории и в нее вклинились иноэтнические массивы, грузинские земли в отличие от Армении XIII—XIX вв. сохранили преобладающий грузинский этнический облик. Грузия XIV—XVIII вв. сохранила в основных чертах свою социально-экономическую структуру, но не развила ее дальше.

Постоянные разрушения производительных сил, истребление и угон людей, особенно проявившиеся в XVIII в., довели страну до крайнего истощения. История Грузии XVII — первой половины XVIII в. еще раз наглядно показала всю ненадежность и шаткость попыток полусамостоятельного существования под эгидой Ирана и Турции; события второй половины XVIII в. обрели на неудачу стремление выйти из создавшегося тупика своими силами. Единственной реальной жизненной перспективой для Грузии и ее народа стало присоединение к России.

ВОПРОС О РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЛАТИФУНДИЯХ

Если относительно природы земельной собственности послеарабского времени не возникает сомнений и она в подавляющем большинстве случаев квалифицируется как феодальная, то поиную обстоит дело для более ранних эпох. Сторонники существования в Закавказье рабовладельческих отношений полага-

ют, что там имелись рабовладельческие латифундии³³. Таковы-ми, по их мнению, являлись так называемые дастакерты и агарак-и. Термины эти разного происхождения.

Термин «агарак» идет еще из древнего Двуречья, где в вавилоно-ассирийскую эпоху «ugaḡu» означал «поле», а «taḡ uga-ḡu» — «крестьянин»³⁴. Армянская (агарак) и грузинская (агара-ки)³⁵ формы, возможно, восприняты местной средой через иран-скую языковую систему.

³³ Еще Х. Самвелян, разбирая вопрос об агараках и дастакертах, предположил, что обитателями их могли быть рабы (Х. Самвелян. Указ. соч., т. I, стр. 295—296). Когда же в конце 30 — начале 40-х годов некоторые авторы объявили агараки и дастакерты рабовладельческими латифундиями, Я. А. Манандян ответил на это своей статьей «Проблема общественного строя доаршакидской Армении» («Исторические записки», т. 15, 1945), в которой показывал, и для того уровня конкретных знаний совершенно правильно, что утверждение о наличии в доаршакидской Армении латифундий, обрабатывавшихся рабами, основано не на фактическом материале, а исключительно на параллелях и аналогиях с античным миром. Можно добавить, что все сведения о дастакертах и агараках в Армении находятся в источниках, составленных после III—IV вв., и отнесение их к векам до нашей эры сомнительно. После появления статьи Я. А. Манандяна его оппоненты продолжали развивать свою теорию, подкрепляя ее новыми данными (С. Т. Еремян. О рабстве и рабовладении в древней Армении. — «Вестник древней истории», 1950, № 1, стр. 12—26). А. Г. Периханян интерпретировала в пользу концепции С. Т. Еремяна ряд данных сасанидского судебного о дастакертах в своей статье «К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени» («Вестник древней истории», 1952, № 4, стр. 18—20). Следует, однако, обратить внимание на конечный вывод А. Г. Периханян на стр. 25, где она указывает, что основными производителями (в Парфин. — А. Н.) материальных благ были крестьяне-общинники и рабы. С. Е. Акопян в своем труде «История армянского крестьянства» (т. I. Ереван, 1957, стр. 229—246) подверг анализу свидетельства армянских источников об агараках и дастакертах и пришел к выводу, что в Аршакидскую эпоху (а до Аршакидской эпохи современных данных в источниках об этом нет. — А. Н.) агараки и дастакерты рабовладельческими латифундиями не являлись. Из более поздних работ следует остановиться на исследовании В. Н. Габашивили «Проблемы генезиса восточного феодализма» (в сб.: «Вопросы истории Ближнего Востока». Тбилиси, 1963, стр. 191—217). Автор считает, что кризис рабовладельческого строя в Иране проявился в VI в. (стр. 193). Говоря о дастакертах, В. Н. Габашивили полагает, что в VI в. они эволюционизируют в феодальное поместье (стр. 200). Недавно на термине «дастакерт» остановился Г. Х. Саркисян в статье «О двух значениях термина «дастакерт» в ранних армянских источниках» (в сб.: «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». М., 1967, стр. 97—101). Обращает внимание его попытка сравнить терминологию древнеармянского и древнегреческого переводов Ветхого завета. Г. Х. Саркисян акцентирует внимание на вторичном значении термина «дастакерт», который в этом случае, по его мнению, означал «подвластная страна», «провинция», «удел». Скорее всего, однако, «дастакерт» в переносном смысле означал просто «владение», независимо от его величины.

³⁴ Н. М. Никольский. Община в древнем Двуречье. — «Вестник древней истории», 1938, № 4, стр. 86.

³⁵ Насколько мне известно, впервые в древнегрузинской оригинальной литературе термин «агараки» встречается в «Мученичестве Або Тбилисского» (VIII в.) (ПДАЛ, т. I, стр. 57).

Термин «дастакерт» — иранского происхождения³⁶, означает «созданный, сотворенный рукой»³⁷. В армянских источниках первая часть этого сложного слова (даст) заменяется иногда армянским эквивалентом (дзер) и получается дзеракерт³⁸. Первоначальное значение этого слова хорошо видно уже из его лингвистического смысла: так именовались вновь основанные поселения.

Совершенно ясно, что основателями дастакертов выступали лица сильные и знатные — цари, их приближенные и т. д. Все, что сообщают нам источники, полностью подтверждает вышесказанное³⁹. Важнейший вопрос, который надлежит решить, — кто были обитатели дастакертов по их социально-экономическому положению.

Отличались ли дастакерты от агараков? Исследователи полагают, что не отличались, мотивируя это преимущественно тем, что агараки и дастакерты никогда не упоминаются рядом⁴⁰.

³⁶ В парфянских документах из Нисы (I в. до н. э.) встречается термин «кирт» (идеограмма bp — строить, делать, сделанный) (И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц. Документы из Нисы. М., 1960, стр. 17). Термин означает поместье, имение, где возделывается виноград. Издатели полагают, что это сокращение от «дасткерт» (иранская форма дастакерта). Но сравните венгерское «kert» — «сад», явный парфянизм, сохранившийся от эпохи контактов мадьярских племен с парфянами или их соседями (Хорезмом?).

³⁷ В пехлевийских памятниках первая часть слова «даст» (рука) иногда заменяется арамейской идеограммой «йад» с тем же значением («Карнамаке Артахшир-е Палакан». Тегеран, 1950, стр. 19, среднеперсидский текст). Издатели памятника приложили к новоперсидскому переводу «Карнамака» отрывки из «Шах-наме» Фирдоуси, который основывался на «Карнамаке». У Фирдоуси вместо «дастакертов» стоят «рустаки». Термин «рустак» есть и в «Карнамаке», где означает «поселение», возможно идентичное «дастакерту» [см., например, стр. 17 среднеперсидского текста, где речь идет об основании рустака Рам Артахшир; стр. 20, где пастух отвечает Артахширу: «В 2 фарсангах отсюда есть достаточно благоустроенный рустак, многолюдный и изобилующий продовольствием»; стр. 22 — «гиакан у рустака» (буквально — «места и рустаки»). Нюберг объясняет «рустак» (rostak) как «Ansiedelung, bebautes Land» (H. S. Nyberg. Hilfsbuch des Pehlevi, Bd. II. Uppsala, 1931, p. 197; см. также Н. В. Пугулевская. Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956, стр. 205).

³⁸ См., например: Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913, стр. 288—289 (древнеарм. яз.).

³⁹ Из армянских историков больше всего о дастакертах сведений у Мовсеса Хоренаци. Их возникновение связывается с деятельностью царей (Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 167, 288—289 и др.).

⁴⁰ С. Т. Еремян. Указ. соч., стр. 16. В позднесредневековых источниках термин «дастакерт» не встречается. О значении в них термина «агарак» см.: А. Д. Папазян. Села и агараки Восточной Армении в XVI—XVII вв. — «Историко-филологический журнал». Ереван, 1966, № 4. Агараки здесь идентичны «мазра'а» мусульманских источников и означают «пахотные поля». В IX—XIII вв. агараки в Армении — это, во-первых, обработанные земли, во-вторых, поселения, где жили крепостные крестьяне (С. П. Погосян. Указ. соч., стр. 525—526). Тем самым термин «агарак» сохранил свое древнее значение.

В источниках и те, и другие выступают как поселения, принадлежащие кому-либо из сильных мира сего⁴¹.

Ниже делается попытка проанализировать свидетельства источников о дастакертах именно в плане выяснения того, к какому типу отношений принадлежали формы зависимости обитателей этих поселений.

Сведения о дастакертах содержатся в среднеперсидских, армянских, еврейских⁴², греческих⁴³ и сирийских⁴⁴ источниках. О происхождении дастакертов и их природе некоторые сведения сообщает «Карнамак». Там мы находим рассказ о том, как Артахшир после победы над последним парфянским царем Ардуваном «вас [идеограмма кбд] дейн [идеограмма мата] [у] дасткарт [первая часть идеогаммы йад] апатанин карт» («построил много селений и благоустроенных дастакертов»)⁴⁵.

Дастакертом называется и резиденция Карма, одного из соперников Артахшира⁴⁶. Следовательно, по данным «Карнамака», дастакерты — поселения, основанные правителями; эти поселения могли затем превратиться в города — центры владений знати. Деятельность сасанидских шахов по созданию новых городов и селений хорошо известна⁴⁷. Мы знаем, что в ряде случаев вновь основанные населенные пункты заселялись пленными или просто жителями вражеской страны, насильственно пе-

⁴¹ Корюн пишет, что у Месропа был дастакерт в Гохтне (Корюн. История деяний и смерти св. вардапета Месропа. Тифлис, 1913, стр. 21). По преданию, Валаршак и другие цари жалуют восстаниям дастакерты (Мовсес Хоренаци. Указ. соч., стр. 111—112). О дастакертах мужей-азатов (арк азатк) в Албании см.: Мовсес Каланкатвази. История страны алван. Тифлис, 1913, стр. 102 и т. д.

⁴² Выше упоминалось о неудачной, на мой взгляд, попытке С. Т. Еремиана подкрепить концепцию о дастакертах — рабовладельческих латифундиях — еврейскими источниками, так как термин «эвэд» означал зависимое население вообще, и если таковое дастакертов и могло бы быть отождествлено с рабами, то применение этого же термина к жителям городов скорее отрицает такую возможность.

⁴³ Речь идет о греческом варианте надписи Шапура I (E. Honigmann et A. Maricq. Recherches sur les Res gestae Saporis. Bruxelles, 1953, p. 15; греческий текст). Это место из надписи Шапура недавно прокомментировал Г. Х. Саркисян в статье «О двух значениях термина „дастакерт“...» (стр. 100).

⁴⁴ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 203—206.

⁴⁵ «Карнамак», стр. 19 (среднеперсидский текст).

⁴⁶ Там же, стр. 21 (среднеперсидский текст).

⁴⁷ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 150—158. Хамза ал-Исфагани рассказывает, что Шапур II поселил пленных римлян в двух селениях (Хамза ал-Исфагани. История народов. Берлин, 1921, стр. 37). Известен рассказ арабских авторов, в свою очередь взявших его из сасанидской летописи «Хвадай-намак», об основании Хосровом I г. Румийе около Тисбона (Ктесифона), столицы Сасанидов. Согласно этому рассказу, шах переселил пленников из Антиохии (ат-Табари. История пророков и царей, I серия. Лейден, 1879—1890, стр. 959—960; ад-Динавери. Книга длинных преданий. Лейден, 1888, стр. 70).

переселенными шахами⁴⁸. Такого рода переселенцы, попавшие в чужую страну и иную среду, были полностью зависимы от иранских государей и их наместников. Система массовых переселений покоренного населения или пленных легко объясняется из иранской действительности той поры, когда среди самих персов существовал довольно широкий слой свободного населения, жившего патриархальными семьями — «родами». Переселяя свободных колонистов на окраины (между прочим, и в Закавказье и пограничные округа Хорасана), шахи таким путем создавали себе опорные пункты в инородной среде. Пленные и пригнанный с чужой территории люд чаще всего расселялись по вновь основанным («рукой» шаха) поселениям, разной величины и разного значения. Эти новые поселения и назывались дастакертами (дасткартами) в отличие от дейл (села). Шахи затем могли раздавать дастакерты знати, и та эксплуатировала обитателей дастакерта на правах собственника земли и, как можно полагать, собственника и самих обитателей дастакерта⁴⁹, которые, однако, ближе по своему социально-экономическому положению к крепостным, нежели к рабам, лишенным всяких средств производства. Не исключено, что отдельные знатные лица в Иране таким же путем сами основывали дастакерты.

Эти дастакерты — владения иранской знати довольно часто фигурируют в сасанидском судебнике. Сведения «Матиана» более статичны, дастакерты в нем упоминаются в связи с вопросами семейного права, что не должно упускаться из виду при анализе соответствующих статей судебного кодекса. Основным действующим лицом «Матиана» является «мард» (идеограмма «габра»), т. е. муж, свободный человек, иначе «мард-и шаһр» (буквально — «гражданин»). Этот «мард» противопоставляется лицам подчиненным, зависимым, из которых одни, обозначаемые термином «аншаһрик» (буквально — «иностранец, чужак»), — по существу рабы, собственность его, другие, обозначаемые термином «бандак», — также зависимые люди, но зависимые разных видов. Взаимоотношения «марда» с зависимыми людьми выражаются термином «бандакиһ» («служба, зависимость»), и сам «мард» выступает как «хватай»⁵⁰ или «патухшай» (идеограмма

⁴⁸ Иногда, наоборот, персы селились на завоеванных территориях (Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 49).

⁴⁹ Из источников мы знаем, что дастакерты продавались, дарились вместе с их обитателями, но случаи продажи жителей дастакерта отдельно, с отрывом их от земли, неизвестны. Получается, что русские крепостные XVIII — первой половины XIX в. в правовом отношении ближе к рабам, нежели обитатели дастакертов. Это лишний раз подтверждает необходимость учета не только правового положения индивида, но и его отношения к средствам производства.

⁵⁰ Ch. Bartholomae. Zum sasanidischen Recht, I. — SHAW, 1918, 5 Abh., S. 5, 46; II — Ibid., 14 Abh., S. 8, 18, 20 и др. (далее всюду, где специально не оговорено, цитаты из «Матиана» даются по этой работе).

šlyth) ⁵¹, т. е. господин. Этот же «мард» является главой патриархальной семьи — «дома» («катак хватай» ⁵² или «сардари дутак») ⁵³. Для суждения о том, что собой представляют дастакерты по данным «Матнана», ниже привожу транскрипцию и перевод нескольких статей этого судебного, дающих, мне кажется, представление о сущности дастакертов.

I. MhD, 18₄₋₇⁵⁴: ка говет ку-м ен дасткарт о то дат ан дасткарт у хар че па ан дасткарт дашт естет дат бавет.

Если он говорит: этот [мой] дастакерт дан тебе [от меня], [то] отдано тебе и все то, что относится к тому дастакерту (или в нем находится).

II. MhD, 18₉₋₁₀⁵⁵: у ка говет ку-м ен дасткарт у хар че па ен дасткарт дашт естет о то дат стур-е ч аншахрик е ке кар па ан гнак кунет дат бавет.

И если он заявляет: [что] этот мой дастакерт со всем тем, что к нему относится, я тебе отдал, [то] это относится и к управляющему — аншахрику, который там действует [буквально — работает].

III. MhD, 36₁₇₋₃₇⁵⁶: апар хандарз и нам Вехшапуhr па дат и дасткарт па говиши и нам Вехшапуhr нипишт ку нач аншахрик и-ш андар манет хамист ангон е бавет.

В трактате, написанном тем самым Вехшапухром относительно дарения дастакерта, сказано: это относится и к аншахрику, который там находится ⁵⁷.

IV. MhD 18₂₋₅⁵⁸: ка дасткарт о пусак дат у карт ку накар пусак па ен аншахрик паткарет ен дасткарт пусак х^еш ма е бавет чигон Вайайар нипишт андар зиндакиh и пусак наме х^астак афраман.

Когда [отец] отдает дастакерт сыну и устанавливает: если [мой] сын поведет судебную тяжбу против этого аншахрика, то дастакерт не должен стать [достоянием] сына; [но], как пишет Вайайар, в течение жизни сына вся эта собственность ⁵⁹ не остается ни в чьем распоряжении ⁶⁰.

⁵¹ H. Junker. Das Frahang-i Pahlavik. Leipzig, 1955, S. 7.

⁵² Ch. Bartholomae. Op. cit., I, S. 31, 32 и др. Термин «катак х^аатай» уже в среднеперсидском языке имел несколько значений, общий смысл которых был «господин, хозяин» (дома, семьи, владения и т. д.). В «Карнамаке» (стр. 1) «катак хватай[и]» — это полунезависимые владетели Парфянского государства, которые в арабских источниках перефразировались в «мулук ат-таваниф» (буквально — «владык племен, уделов»). В «Карнамаке» сказано: «Пат Карнамак и Артахшир и Папакан егон нибист естад, ку пас аз марг и Алаксандр и ромик Эраншаhr 240 катак хватай буд» («В [книге] деяний Артахшира, сына Папака, так было написано: после смерти Александра Македонского [в] стране Иран было 240 правителей»). Поэтому термин «катак х^аатанh» означал «владение». Тем самым «катак х^аатай» той эпохи аналогичен армянскому «танутер» и грузинскому «мамасахли».

⁵³ Ch. Bartholomae. Op. cit., I, S. 31—32. Этот иранский термин в форме «дудак салариh» имеется и в сирийском тексте судебного Ишобохта [«Syrische Rechtsbücher», Bd. III. Berlin, 1914, S. 126 (сирийский текст), S. 127 (немецкий перевод)]. Судебник Ишобохта, как известно, переведен со среднеперсидского (H. В. Пугачевская. Указ. соч., стр. 132—137).

⁵⁴ Ch. Bartholomae. Op. cit., III. — SHAW, 1920, 18 Abh., S. 29.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid., S. 31.

⁵⁷ Возможно и другое понимание текста статьи.

⁵⁸ Ch. Bartholomae. Op. cit., III, S. 44.

⁵⁹ Термин «х^аастак» в среднеперсидском означал «имущество, богатство», все то, чем может владеть человек (H. Junker. Op. cit., S. 1). В этом значении он вошел в древнегрузинский и древнеармянский языки.

⁶⁰ Возможно, что смысл постановления Вайайара в том, что не распоряжается дастакертом в этом случае именно сын владельца.

Я выбрал эти четыре статьи именно потому, что, во-первых, в них же упоминается и аншахрик, а это сторонниками существования рабовладельческого строя в Иране, Закавказье и Средней Азии комментируется как факт, свидетельствующий в пользу признания дастакертов рабовладельческими латифундиями, и, во-вторых, именно эти статьи «Матриана» дают достаточно разностороннее представление о дастакертах и связанных с ними аншахриках. Прежде всего бросается в глаза, что речь идет не о многих рабах, а об одном аншахрике. Именно поэтому Н. В. Пигулевская пришла к выводу, что дастакерт в «Матриане» — «земельный участок, который обрабатывается рабом»⁶¹. В пользу этого, казалось бы, говорит четвертая из приведенных выше статей судебногоника. Вместе с тем обращает на себя внимание весьма необычная форма связи дастакерта и аншахрика в этой статье. С одной стороны, аншахрик, как явствует и из ряда других статей, связан с дастакертом настолько тесно, что вместе с прочими (имуществом, угодьями?) относившимися к дастакерту атрибутами неотделим от него. С другой же стороны, ссылка на постановление законоведа Вайайара, если она правильно здесь понята, равно как и предшествующий ей текст данной статьи, заставляют предполагать наличие у этого аншахрика каких-то прав, которые стесняют наследника собственного дастакерта.

Особое значение для выяснения того, кто такой аншахрик, упоминаемый рядом с дастакертом в статьях «Матриана», имеет толкование термина «стур» во второй статье из приведенных выше. В свое время Х. Бартоломэ, переводя эту статью на немецкий язык, передал термин «стур» через «der Pfleger» и через латинское «curator», пояснив затем, что в данном случае речь идет о рабе («Slave»), управляющем имением, и сближал этого «Slave» с римским «Villicus»⁶². Однако С. Булсара, переводя статью на английский язык, понял «стур» как «лошадь», в результате чего в его переводе речь идет о скоте и рабах, относящихся к дастакерту⁶³. Действительно, «конь» (стор) изображается графически, как и слово «стур» в данном контексте. Но перевод С. Булсары в данном случае, как и в ряде других, явно сомнителен (речь идет об одном аншахрике, а не о многих); к тому же мнение крупнейшего ираниста Х. Бартоломэ, известная точность и тщательность его исследований также говорят

⁶¹ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 203.

⁶² Ch. Bartholomae. Op. cit., III, S. 19—31; см. также он же. *Altperisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904, S. 1609. Stura — umfangreich, stark, derb. О «storherbad», т. е. «великий хербад» Тансаре, см.: S. Wikander. *Tansarnameh och Mahabharata*. — «Acta Orientalia», v. XXX. Copenhagen, 1966, p. 214. Ср. осетинское «ыстыр» (большой) и курдское «stûr» (большой, сильный, крепкий).

⁶³ S. Y. Bulsara. *The laws of the Ancient Persians*. Bombay, 1937, p. 143.

за себя. Если же в данном случае стур⁶⁴ означает, что этот аншахрик — не просто раб (или крепостной?), обрабатывающий клочок земли, а управляющий хозяйством собственника дастакерта, то возникает вопрос, кто же обрабатывал земли дастакертов? Мне кажется, что толкование четвертой из приведенных выше статей позволяет предполагать, что этот аншахрик был кем-то вроде зависимого арендатора земли, арендатора в очень своеобразной форме, когда личная зависимость, близкая к рабской, сочеталась с зависимостью по земле. Такого типа отношения, по-моему, не могут быть отнесены к рабским, но скорее приближаются к известным прототипам феодальных.

Перейдем теперь к сведениям армянских источников. Древнеармянские источники различали несколько типов поселений по их происхождению и составу населения. Кроме городов (калак — сирийское заимствование), упоминаются аваны⁶⁵, гевлы⁶⁶, шэны, дастакерты и агараки. И хотя уже в источниках IV—V вв. гевлы жалуются знатым лицам, однако различие между правовым положением этих еще недавно свободных поселян и обитателей дастакертов и агараков видно достаточно ясно. Конкретные известия источников о дастакертах преимущественно относятся к основанным царями или знатыми людьми поселениям, которые в силу этого с самого начала являются владением лиц, их основавших, или тех, кому они затем пожалованы. Впоследствии царские дастакерты с ростом их населения и значения могли превращаться в аваны и города⁶⁷.

Существовали дастакерты и иного типа — небольшие поселения типа выселок, хуторов, принадлежавшие отдельным азам, а возможно, и зажиточным шинаякам. Так, у Агатангела⁶⁸ речь идет о селе (гевле) «со всеми его дастакертами», переданном

⁶⁴ Термин «стур» в этом же значении встречается и в других статьях судебника. Например, MhD 48₁₂₋₁₆ (*Ch. Bartholomae. Op. cit.*, III, S. 46).

⁶⁵ «Аван» — иранский термин (*G. Widengren. Iranisch-semitische Kulturbegegnung in parthischer Zeit. Köln, 1960, S. 90*). Аваны в древней Армении — поселения среднего типа между городом и селом. В аван мог превратиться дастакерт.

⁶⁶ Возможно, связан с древнеиранским «гил» — дом. Не исключено, что первая часть грузинского слова «гехи» (крестьянин) восходит к этому корню. В древнеармянских источниках производное от «гевл» «гевлджук» являлось одним из обозначений сельского жителя (*Мовсес Хоренаци. Указ. соч.*, стр. 117 — о приписываемом Валаршаку указе о предпочтении горожан (калакаци) селянам).

⁶⁷ См. легендарный рассказ Мовсеса Хоренаци о происхождении г. Гарни, который сначала был основан как дастакерт (дзеракерт) (указ. соч., стр. 41, 241), то же у Ухтанэса («История Армении», ч. I. Вагаршапат, 1871, стр. 28). В целом можно сказать, что большинство армянских городов имели такое происхождение, будучи основаны первоначально как дастакерты.

⁶⁸ Агатангел. История. Тифлис, 1909, стр. 408.

церкви после разрушения языческого храма⁶⁹. Все эти весьма различные по величине и значению поселения назывались дастакертами именно потому, что они были основаны известными лицами, в силу чего составляли владения данных лиц или их преемников, тогда как «гевлы» были иного происхождения, будущи поселениями свободных армянских крестьян, уже впоследствии перешедших под патронат или во владение знати. Поэтому население дастакертов было разного происхождения, отличаясь от гевлов, жители которых скорее всего представляли сельскую общину, выросшую из кровнородственной. Известия источников о дастакертах говорят, что жители их могли комплектоваться из пленных.

Так, согласно Мовсесу Хоренаци, царь Тигран расселил более 10 тысяч пленных мидян (маров) в дастакертах⁷⁰. Что основанные дастакерты заселялись людьми самого различного происхождения, потерявшими связь со своим прежним поселением, общиной, родом и т. д., хорошо видно из часто цитируемого рассказа о постройке дастакерта (дзеракерта) царем Аршаком II (345—367 гг.). Согласно наиболее древней версии его, сохранившейся у Фавста⁷¹, Аршак построил «свой царский дастакерт» в долине гавара Кол. По всей Армении был распространен указ, дабы там поселялись убийцы, должники, жены, бежавшие от мужей, тсарай. По Мовсесу Хоренаци, в этом дзеракерте селились должники, тсарай, преступники, воры, убийцы, разведенные и т. д.⁷² Рассказ обоих историков тенденциозен и написан с враждебных царю Аршаку позиций. Как сообщают они дальше, дастакерт за счет разношерстной массы пришельцев столь вырос, что стал сначала аваном, а потом калаком (городом). Откуда же бежали в дастакерт вышеперечисленные категории людей? Вероятно, из других поселений, подвластных нахарарам и так называемым «людям», т. е. свободным, в основном, конечно, азатам. Среди беглых, поспешивших использовать указ царя и поселиться в Аршавакане, упоминаются и тсарай [и], т. е. разного типа зависимые люди, от рабов до военных слуг и крепостных включительно.

Вышеприведенный материал о дастакертах, который может быть значительно дополнен и детализирован, свидетельствует о том, что под ними понимались либо поселения, либо земельные владения разной величины. Эти поселения отличались прежде

⁶⁹ Возможно, что здесь дастакерты просто идентичны агаракам позднего времени, т. е. речь идет о пахотной земле, относившейся к селу (вспомним, что дошедшая до нас армянская редакция труда Агатангела — относительно поздняя). Ср. также упоминание дастакертов вокруг города, основанного будто бы легендарной Шамирам на берегу озера Ван (*Мовсес Хоренаци. Указ. соч.*, стр. 53).

⁷⁰ *Мовсес Хоренаци. Указ. соч.*, стр. 83.

⁷¹ *Фавст Бузанд. Указ. соч.*, стр. 90—91.

⁷² *Мовсес Хоренаци. Указ. соч.*, стр. 288—289.

всего составом населения, формировавшегося из оторванных или оторвавшихся от своих общин или мест обитания людей, уже в силу этого, а также в силу прав владельца земли, на которой они поселены, находившихся в зависимости от владельца дастакерта⁷³. Основание подобного рода поселений типично именно для раннеклассового общества, где часть населения еще свободна. В дальнейшем, с потерей свободы и этой частью населения, происходит постепенное стирание различий между жителями такого рода поселений и ранее свободными общинниками, в результате чего и те и другие сливаются в единый класс феодально зависимого крестьянства. Этот процесс в странах Передней Азии не успел, однако, окончательно завершиться (хотя и достиг известных успехов), когда арабское завоевание и связанные с ним изменения в общественной структуре, в результате синтеза местных и пришлых форм, привели не только к торможению вышеуказанного процесса, но и к определенному возрождению старых общественных форм.

Речь идет о так называемых «дийа» (обычно переводится «поместья»), столь распространенных после VII в. «Дийа» отличаются от обычных селений и, как и дастакерты предшествующего времени, являются объектом собственности. Можно полагать, что «дийа» идентичны дастакертам и агаракам⁷⁴ и упоминания о последних в армянских и грузинских источниках VII—XI вв. соответствуют сведениям о «дийа» в мусульманских источниках. К этому можно добавить, что в рассказах арабско-персидских авторов IX—XI вв. о сасанидском периоде термин «дийа» явно заменяет среднеперсидское «дастакерт»⁷⁵. Вопрос о

⁷³ Проблему дастакертов преимущественно по среднеперсидским источникам исследовала А. Г. Периханиян в статье «К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени» («Вестник древней истории», 1962, № 4, стр. 13—27). Она считает, что дастакерты — это «крупные частновладельческие поместья... с поселенными рабами», «земельные владения с прикрепленными к ним рабами» (стр. 19). Одновременно А. Г. Периханиян отмечает, что в отношениях между аншахриками, по ее терминологии, «прикрепленными» к дастакертам, и владельцами последних «налицо уже рождение феодальных отношений собственности» (там же). Тем самым А. Г. Периханиян — наш крупнейший специалист по среднеперсидским памятникам — находит возможным говорить о двойственной природе зависимости в Иране парфянского и сасанидского времени. Такой вывод очень важен, поскольку он говорит о феодальной тенденции в развитии дастакертов. Однако дастакерты другого типа нам просто неизвестны, и можно полагать, что формы отношений в дастакертах всегда были с точки зрения их социально-экономической сущности ближе к феодальным, нежели к тем, которые мы считаем рабовладельческими отношениями.

⁷⁴ Я не касаюсь специально агараков, поскольку они в раннее время, во всяком случае по формам господствовавших в них отношений, идентичны дастакертам и потому, что данных об этих отношениях в оригинальных источниках еще меньше, чем о дастакертах.

⁷⁵ Это видно из ал-Мас'уди, у которого «дийа» сасанидского времени отличаются от селений (*ал-Мас'уди*. Промывальни золота и рудники самоцветов, т. II. Париж, 1863, стр. 170). Там же (стр. 173) упомянуты «арбабы»,

социально-экономической сущности этих «дийа», как и дастакертов, также окончательно не решен, ибо наряду с громадным числом упоминаний о «дийа» в источниках очень немного данных о формах зависимости населения «поместий»⁷⁶. Скорее всего речь должна идти о крепостной зависимости, издольной аренде и сочетании того и другого в разные периоды времени в различных соотношениях.

* * *

Возникновение и развитие частной феодальной земельной собственности в Закавказье и Средней Азии определялись двумя основными факторами: во-первых, внутренним процессом классовобразования, выделением знати и распадом общинного землевладения, и, во-вторых, внешнеполитическими факторами, связанными с завоеванием данных стран другими государствами или племенными союзами. Повторяясь многократно, такие завоевания вели к перераспределению земельного фонда и к возникновению форм землевладения, являвшихся продуктом синтеза более развитых местных отношений с менее развитыми, архаичными общественными отношениями, существовавшими у отсталых пришлых кочевых и полукочевых племен. Многократное повторение этого процесса в древности и средневековье и составляло важнейшую специфику социально-экономического развития данных регионов.

т. е. владельцы «дийа». Согласно тому же ал-Мас'уди, в числе печатей Хосрова I Ануширвана была «хатим ад-дийа», т. е. «печать [ведомства] дийа», поскольку эти «поместья» и система их налогообложения занимали особое место в фискальной политике Сасанидов VI в.

⁷⁶ Существование настоящих рабовладельческих хозяйств в отдельных районах халифата VII—IX вв. несомненно. Это прежде всего нижняя Месопотамия, где эксплуатация черных рабов (зинджей) не может иначе определяться как рабовладельческая (Е. А. Беляев. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966, стр. 260). Однако на основной территории Ирана, Закавказья, Средней Азии рабство существовало преимущественно в виде домашнего рабства. Так называемые рабы гвардии халифов и местных правителей — также нечто специфическое. В полемике относительно роли рабовладельческих отношений в раннем халифате, мне представляется, более прав Л. И. Надирадзе, нежели его оппоненты. Отношения в самом арабском обществе периода Мухаммеда и возникновения халифата имели тенденцию развития в сторону феодализма, и наличие там рабовладельческого уклада не говорит о противоположном, поскольку правовое рабство — первый тип эксплуатации в истории человечества. В дальнейшем от того, в каком направлении будет оно развиваться, и зависит, к каким отношениям данное общество придет — рабовладельческим (Греция, Рим) или иным. Вспомним в связи с этим замечание К. Маркса о превращении патриархальной системы рабства в античном мире в рабовладельческую систему (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 364—365) и замечание Ф. Энгельса о том, что крепостничество в Германии IX—XI вв., «собственно, являлось продолжением древнегерманского рабства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 35, стр. 107).

ВЫВОДЫ

Итак, социально-экономический строй, вырисовывающийся из древнейших местных письменных источников, представляет собой дальнейшее развитие раннеклассового общества, делившегося на две большие основные общественные группы: свободных и зависимых в рамках большой патриархальной семьи людей. В конкретных исторических условиях различного типа контактов и столкновений между соседствующими племенами или союзами племен эти формы патриархальных отношений переносились и на отдельные индивиды, группы или даже целые этническо-общественные коллективы, принимая, однако, в этих случаях иные оттенки и приобретая новое содержание. Дальнейшее содержание таких развивающихся отношений в зависимости от конкретно-исторических условий могло привести и к рабовладельческим и к феодальным отношениям — поскольку в патриархальных отношениях по их существу заложены элементы и тех и других, в сочетании с сильнейшими пережитками доклассовых отношений.

Эволюция патриархальных, архаичных («азиатских») отношений происходит как бы по двум руслам. Наблюдается своеобразное «расслоение», когда наряду с появившейся ранее родовой знатью из среды свободного населения выделяются лица и группы, входящие в состав формирующегося господствующего класса (рабовладельцев или феодалов). В условиях Закавказья и Средней Азии — это азаты, азнауры, дехганы и т. д. Такой процесс имеет место уже в период, когда сами патриархальные отношения близятся к изживанию и когда бывшая родовая знать, объединенная на патриархальных началах в большие патриархальные коллективы — «дома» (тун, сахли, катак и т. д.), сама в своей организации эволюционирует в сторону новых типов отношений, с тем чтобы в дальнейшем слиться с новой знатью или частично исчезнуть.

Основная же масса свободного населения, к этому времени расселенная территориальными сельскими общинами (с большими или меньшими пережитками родовых отношений) (гевл, сопэли, дех и т. д.), отличающимися от поселений зависимого

населения (дастакерты, агараки), через посредство государства постепенно переходит под опеку и власть формирующегося класса феодалов. При этом наблюдается правовое сближение между теряющими свободу общинниками и ранее зависимыми от царя, знати жителями дастакертов, агараков и т. д. Обитатели этих последних, как правило, не принадлежат к коренным жителям данного государства, по правовому положению близки к рабам, однако по социально-экономической роли, по отношению к средствам производства они ближе к зависимому крестьянству, особенно крепостного типа. В дальнейшем они сливаются вместе с теряющими свои права коренными жителями в единую массу податного, зависимого сословия, противостоящего господствующему классу. Имеющиеся в нашем распоряжении источники застают последнюю стадию этого процесса, начало которого теряется в глубине веков. Представляется, что дальше всего упомянутый процесс продвинулся в Закавказье и особенно в Армении с ее наибольшей близостью к ведущим мировым центрам того времени (Риму и Месопотамии). С ликвидацией свободных крестьянских общин, служивших одной из опор таких государственных образований, как армянское царство Аршакидов, древнегрузинское Картлийское царство и т. д., происходит распад таких объединений, в результате чего устанавливается чужеземное владычество, поскольку неравномерность развития отдельных человеческих коллективов создает для этого условия. Однако утрата Арменией, Грузией и Албанией независимости в IV—VI вв. не привела к серьезным изменениям в их общественно-экономической структуре, поскольку, во-первых, условия в большей части Сасанидского государства (исключая, конечно, с одной стороны, Месопотамию, а с другой — горные и пустынные области) мало отличались от условий ведущих областей Закавказья и, во-вторых, включенные в империю шаханшахов территории Закавказья по большей части сохранили свою этническую и социальную структуры. Несомненно, этому способствовала та борьба за независимость, которую народы Закавказья вели в IV—VI вв.

В целом такова же была роль для Закавказья и Средней Азии (в отличие, например, от Месопотамии) арабского завоевания. Исключая некоторые перемещения в земельной собственности и установление верховного контроля со стороны халифских властей (в результате чего местные феодалы должны были делиться частью своих доходов с завоевателями), можно указать на большие этнические изменения, особенно в Средней Азии и отчасти восточном Закавказье, которые, однако, происходили в результате синтеза в целом стоявших приблизительно на одном уровне общественно-экономических отношений местных обществ и персов Ирана, а потому этнические изменения в данном случае не сопровождались соответствующими изменениями социаль-

но-экономическими. Не отрицая известной регрессивной роли раннего халифата (VII—VIII вв.) для Закавказья и Средней Азии, можно полагать, что в целом местные социально-экономические процессы нарушены не были, и VII—X вв. знаменовались дальнейшим развитием феодальных отношений. В этот же период отмечается рост городов, известное (в пределах докапиталистических формаций) расширение сферы товарно-денежных отношений. Вместе с тем упрочение таких явлений, как господство издольной аренды в сельском хозяйстве, в свою очередь приводившее к хозяйственной раздробленности, живучесть рабовладельческого уклада и т. п., весьма замедляли экономический прогресс.

К еще более ощутимым последствиям привели тюркские и, в частности, сельджукские завоевания XI в. С приходом к власти Караханидов в Мавераннахре связан переломный этап в начавшейся ранее тюркизации этого района, приведшей в дальнейшем к образованию тюркоязычной узбекской народности, в состав которой вошла и значительная часть отороченного прежнего населения Ферганы, Согда, Хорезма и т. д.

Начавшийся с нашествием сельджуков на запад массовый (в несколько этапов на протяжении XI—XVII вв.) приток тюркоязычного населения в северо-западный Иран и Закавказье положил начало, а затем привел к образованию тюркоязычной азербайджанской народности, в состав которой вошла и большая часть разноплеменного местного населения современных иранского Азербайджана и Азербайджанской ССР. Наоборот, армянский этнос, а несколько позднее и грузинский были значительно потеснены. Эти этнические процессы сопровождались определенными изменениями и в социально-экономической жизни. Прежде всего, начиная с XI в. все явственнее возрастал удельный вес кочевников, оттеснявших оседлое население со значительной части удобных для хозяйственного освоения земель. Уже период XI—XII вв. ознаменовался для Средней Азии и восточного Закавказья (в меньшей мере) исчезновением большей части прежних местных землевладельцев (эволюция дехганства и дехганского землевладения, снижение удельного веса армянского и албанско-христианского землевладения). Кроме того, господство сельджуков привело (с известными оговорками) к росту (особенно в крупном землевладении) условных форм владения землей (икта). Эволюция икта в сторону безусловной земельной собственности не успела завершиться, когда монгольское нашествие вновь привело к массовому перераспределению земельной собственности. Аналогичные явления наблюдаются и в XV—XVIII вв. Вся эта сложная и менявшаяся структура земельной собственности в основе своей имела кабального издольщика — держателя надела — центральную фигуру сельского производства средних веков в данных регионах. Правовое положение

ние этого крестьянина, большей частью объединенного в сельские общины, которые были приспособлены для фискальных целей государства и феодалов, менялось от состояния личной свободы до близких к крепостничеству форм. Вплоть до присоединения к России в Закавказье и Средней Азии существовал рабовладельческий уклад, преимущественно в форме домашнего рабства.

Несколько особое положение занимала Грузия. Вплоть до монгольского завоевания развитие Грузии шло по собственному пути, близкому к европейским формам феодализма и к соседним армянским (и албанским) до завоевания большей части Армении сельджуками. Грузия в отличие от Армении и в дальнейшем не подверглась в такой степени этническим и социальным изменениям, и несмотря на свое частое зависимое и полузависимое положение, и в XIII—XVIII вв. сохраняла в своей основе прежнюю социально-экономическую структуру. Однако поддерживаемая соседними государствами раздробленность страны, постоянные набеги, угон жителей, работорговля и т. д. могли привести только к консервации возникших ранее социально-экономических форм и в ряде случаев даже к их примитивизации. Тем самым и Грузия XIII—XVIII вв. была лишена возможности развития, героическая же борьба грузинского народа за независимость и национальное существование при частных успехах не привела к радикальным изменениям, особенно когда эта борьба была связана с такими крупными и хорошо организованными в военном отношении державами, как Монгольская империя, держава Тимура, Османская империя и Сефевидский Иран.

РУСЬ. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В IX—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о собственности на землю принадлежит к числу основных проблем истории феодализма. Избранный для изучения хронологический отрезок — время генезиса феодального способа производства и период политической раздробленности, когда феодальные отношения существовали в классической средневековой форме. На эту тему написано уже много трудов. В них высказаны разные, часто противоречивые, точки зрения по ряду вопросов, поднято много спорных проблем. Оценить историографическое наследие, разобраться в существующих точках зрения и затем попытаться нарисовать путь развития феодальной собственности на Руси в IX—XV вв. как один из вариантов процесса феодализации является моей задачей.

Теоретическими вопросами, связанными с пониманием феодальной собственности, занимались А. Г. Пригожин¹, А. В. Венедиктов², С. Д. Сказкин³, М. В. Колганов⁴, Б. Ф. Поршнев⁵

¹ А. Г. Пригожин. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса о феодализме как общественной формации. Л., 1930; *он же*. Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. М.—Л., 1933; *он же*. К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций.—«Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». Сборник к пятидесятилетию со дня смерти Карла Маркса.—«Известия ГАИМК», вып. 90. М.—Л., 1934, стр. 22—88; *он же*. Ленин и основные проблемы истории докапиталистических формаций.—«Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 1, стр. 7—8.

² А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948.

³ С. Д. Сказкин. Классики марксизма-ленинизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении.—«Средние века». Сборник, вып. V. М., 1954, стр. 5—14; *он же*. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.

⁴ М. В. Колганов. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.

⁵ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964.

и др. Одни проблемы получили убедительное решение, другие остаются дискуссионными. Коснемся спорных моментов.

Наибольшие возражения вызывает позиция М. В. Колганова, отрицающего вообще наличие феодальной земельной собственности. «...Собственность на землю в феодальном обществе вовсе отсутствовала», — пишет он. Существовали лишь такого рода «поземельные отношения», при которых «ни один субъект присвоения земли не являлся собственником, а был всего лишь владельцем». По Колганову, «частная собственность на землю — явление, свойственное исключительно капитализму», ибо в капиталистическую эпоху происходит «превращение земли в свободно продаваемый и покупаемый товар»⁶.

Но, во-первых, и при феодализме, несмотря на господство в целом натурального хозяйства, развивалось товарное производство и земля была предметом купли-продажи⁷. Во-вторых, нельзя, сопоставляя между собой явления разных формаций, представлять их по одному образцу, и феодальную собственность наделять теми же чертами, что и буржуазную. Такой подход явно неисторичен⁸.

Феодальная форма земельной собственности — это не просто земля, принадлежащая феодалам. Это присущий феодальному строю особый тип собственности, экономически реализуемой в форме ренты и поэтому являющейся основой эксплуатации ведущих свое хозяйство на чужой земле крестьян. Если принять точку зрения Колганова, что «положение крестьян, как владельцев земли, ничем не отличалось от положения феодалов», что «последние также были всего лишь владельцами земли других, стоящих на более высокой ступени феодальной иерархической

⁶ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 421—422, 428; см. также стр. 6, 16.

⁷ Это отмечает сам Колганов (указ. соч., стр. 308). Однако он дважды критикует Энгельса за его положение об аллоде как отчуждаемой собственности, в одном случае отмечая, что оно высказано «на основании рассмотрения крайне ограниченного исторического материала» (там же, стр. 327), в другом указывая, что «подобный взгляд противоречит учению самих классиков марксизма об общественном развитии и, в частности, о развитии отношений собственности» (там же, стр. 329).

⁸ С этой точки зрения вызывает возражения толкование М. В. Колгановым некоторых высказываний классиков марксизма. Так, в подтверждение тезиса об отсутствии собственности на землю при феодализме он приводит (М. В. Колганов, Указ. соч., стр. 16) выдержку из «Капитала» Маркса: «Даже целое общество, нация и даже все одновременно существующие общества, взятые вместе, не есть собственники земли. Они лишь ее владельцы...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 337). Но данную цитату автор дает вне контекста. А непосредственно перед ней у Маркса идет текст: «С точки зрения более высокой экономической общественной формации частная собственность отдельных индивидуумов на землю будет представляться в такой же мере нелепой, как частная собственность одного человека на другого человека». Маркс здесь как раз предупреждает об опасности смешения понятий, относящихся к разным эпохам.

лестницы феодалов»⁹, то антагонистический характер производственных отношений будет затушеван. Колганов объясняет возможность эксплуатации феодалами крестьян тем, что они «были самыми низшими владельцами, которые не могли переложить свой труд на кого бы то ни было» и находились «в личной зависимости от своих господ»¹⁰.

Чем же поддерживалась эта зависимость? Властью феодала — отвечает Колганов¹¹. А на чем базировалась его власть? Давая ответ на последний вопрос, автор не может привести иного объяснения помимо ссылки на земельные богатства представителей господствующего класса — суверенных государей в своих вотчинах. Их политическая роль «всцело определялась специфическими условиями материального существования людей — присвоением земли, как главного богатства и основного средства труда»¹². И свою мысль он подкрепляет текстом Маркса, в котором речь идет как раз о земельной собственности как основе господства и подчинения в феодальном обществе¹³.

Итак, думается, нет оснований отказываться от взгляда на феодальную собственность на землю как основу производственных отношений и классового антагонизма. Вряд ли только следует называть (как делает Б. Ф. Поршнев) эту форму собственности «полной, свободной, неограниченной, безусловной»¹⁴. Такая терминология может ввести в заблуждение, хотя Б. Ф. Поршнев пользуется ею, лишь противопоставляя в политико-экономическом отношении феодалов как собственников крестьянам как владельцам земли, и сознает условность правового статуса первых.

Одним из признаков условного характера феодальной земельной собственности является ее «расчлененный» («разделенный», «расщепленный») характер. В этом много неясного. Одни исследователи (как М. В. Колганов), отрицая вообще наличие при феодализме собственности, тем самым снимают вопрос об ее «расчлененной» форме и считают возможным говорить лишь об иерархическом характере землевладения¹⁵. Другие усматривают «расчлененность» в том, что феодал раздает земельные наделы крестьянам. Третьи обращают внимание на «расчлененность» собственности между представителями господствующего класса,

⁹ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 421.

¹⁰ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 421.

¹¹ Там же, стр. 379—380.

¹² Там же, стр. 380.

¹³ Личная феодальная повинность «по существу дела составляет только способ существования самого земельного собственника, который уже перестал заниматься трудом, но собственность которого включает в числе условий производства самих рабочих как крепостных и т. д. Здесь — отношение господства как сущность отношения присвоения» (К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, стр. 36).

¹⁴ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 38.

¹⁵ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 417—419, 422—423.

из которых одни (сеньоры) передают в держание землю другим (вассалам). Наконец, четвертые включают в понятие «расчлененной» формы собственности и крестьянские наделы и держания, полученные вассалами.

Но раз речь идет о «расчлененном» характере феодальной собственности, вряд ли правильно подводить под это понятие землю, обрабатываемую крестьянами, которые собственниками ее не являются. Разделение земельной собственности (а следовательно, и ренты как формы ее экономической реализации) происходит между теми, кому она принадлежит, т. е. между феодалами¹⁶.

В связи с разногласиями по вопросу о земельной собственности по-разному трактуется в литературе и проблема «неполной собственности» феодалов на работников производства. Понятие это носит условный характер, покрывая разные формы и разную степень феодальной зависимости крестьян¹⁷. Существо же ее определяется исследователями неодинаково. Большинство, как уже указывалось, видит основу крестьянской зависимости в существующей в феодальном обществе сословной земельной собственности господствующего класса. М. В. Колганов возражает: «Мы нигде не встречаем ни одного факта, когда бы феодалы сгоняли крестьян с земли и отбирали ее в свою пользу. Факты из истории феодализма говорят об обратном, а именно о постоянном стремлении феодалов удержать крестьян, прикрепить их и не дать им уйти с земли»¹⁸. С самого возникновения феодального способа производства, пишет М. В. Колганов, представители господствующего класса проявляют тенденцию лишить непосредственных производителей свободы передвижения, и когда им, наконец, удастся это сделать, тогда «зависимый, эксплуатируемый, но еще лично свободный крестьянин превращается в крепостного»¹⁹.

М. В. Колганов не прав. Факты сгона крестьян с земли имели место. Однако дело не только в этом. Ведь происходило (в разных формах) и ее присвоение, ибо феодалам было важно

¹⁶ А. В. Венедиктов. Указ. соч., стр. 125, 140, 177—180. По-моему, совершенно напрасно А. Н. Сахаров присоединяется к высказыванию А. Я. Гуревича о том, что «в раннефеодальных обществах Запада (которые, кстати, добавляет от себя Сахаров, — во многом были тождественны раннефеодальным обществам на Руси) феодально зависимый крестьянин обладал таким же правом на землю, как и феодал, что при феодализме не существовало частной собственности на землю ни феодалов, ни крестьян и в то же время каждый из них имел право на часть продукта, получаемого с земли, феодал — прибавочного, крестьянин — необходимого» (А. Н. Сахаров. О диалектике развития русского крестьянства. — «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 28). Я не могу согласиться с таким пониманием «расчлененности земельной собственности при феодализме».

¹⁷ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 20.

¹⁸ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 414.

¹⁹ Там же, стр. 379.

прикрепить непосредственных производителей не к их собственной, а к своей земле. М. В. Колганов справедливо указывает, что «одного присвоения земли еще недостаточно для того, чтобы одновременно иметь ту или иную форму собственности на работника производства»²⁰. Конечно, недостаточно. Но присваивая неоплаченный труд крестьянина, являющегося придатком к земле, феодальный земельный собственник становится неполным собственником непосредственного производителя. Поэтому нельзя признать правильным определение экономической структуры феодального общества, данное М. В. Колгановым: «...Иерархическое землевладение, неполная собственность на работников производства и частная собственность на движимое имущество (продукты труда)»...»²¹

Мне кажется, совершенно прав С. М. Каштанов, когда пишет: «С точки зрения отношений собственности феодал в концепции М. В. Колганова ничем не отличается от крестьянина. ...При таком подходе сама эксплуатация крестьян феодалами, „внеэкономическое принуждение“ выглядит как голое насилие, не имеющее никаких экономических предпосылок...»²²

²⁰ М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 318.

²¹ Там же, стр. 494.

²² С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте. — «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». Сборник статей. М., 1970, стр. 181, прим. 100.

Глава I

ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА. ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В КИЕВСКОЙ РУСИ

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА О ГЕНЕЗИСЕ ФЕОДАЛИЗМА

Большинство дореволюционных буржуазных исследователей отрицало наличие когда-либо в России феодализма и видело в этом одну из главных черт своеобразия русской истории по сравнению с историей западноевропейских стран. В начале XX в. Н. П. Павлов-Сильванский, пользуясь сравнительно-историческим методом, пытался доказать сходство основных феодальных институтов западноевропейского средневековья с аналогичными институтами средневековой России. Сущность феодализма Павлов-Сильванский видел в политическом расчленении страны, наличии государственной власти у владельцев крупных сеньорий и в объединении их вассальными договорными связями. Тем самым исследователь ограничивал эпоху господства феодализма в России «удельным периодом» — временем до образования единого государства (зачатки процесса феодализации он находил и в Киевской Руси). Предпосылкой «феодального режима» Павлов-Сильванский считал «режим доменальный» — наличие крупного землевладения, возникшего в результате разложения общины¹.

Марксистская концепция развития феодализма в России принадлежит В. И. Ленину². Однако она не сразу завоевала господство в советской историографии. До начала 30-х годов марксистское понимание русского исторического процесса отождествлялось со взглядами М. Н. Покровского. На последнего значительное влияние оказали воззрения Н. П. Павлова-Сильванского, которые он старался переоценить с марксистских позиций. В предисловии к переизданию одной из книг Н. П. Павло-

¹ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907; он же. Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

² М. М. Цвибак. Кем в 90-х годах была выдвинута концепция существования феодализма в России? — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7-8, стр. 7—10; Л. В. Данилова. Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. — «Исторические записки», кн. 76, 1966, стр. 105, и др.

ва-Сильванского М. Н. Покровский писал: «Павлов-Сильванский, не марксист по убеждениям и кадет по своей партийной принадлежности, сделал из вопроса о русском феодализме один из аргументов в пользу марксистского объяснения русской истории»³.

М. Н. Покровский значительно приблизился к правильному пониманию вопроса о феодальных отношениях на Руси. Еще в «Русской истории с древнейших времен», увидевшей свет до Октябрьской революции, он указывал, что феодализм «гораздо более есть известная система хозяйства, чем система права»⁴. А в 1931 г. исследователь заявил уже с достаточной убежденностью: «...Феодализм есть общественно-экономическая форма, характеризующаяся определенными методами производства и определенной политической системой», «формой государства»⁵. М. Н. Покровский поднял и проблему генезиса феодального строя, отметив появление в Киевской Руси феодальной земельной собственности и форм личной зависимости⁶. Но это был лишь приступ к решению большой и сложной задачи.

Многое было неудачным, например попытка сочетать «городовую» теорию В. О. Ключевского с представлением о феодальном характере Киевской Руси.

В 20-х годах появился ряд трудов, имевших значение для понимания генезиса на Руси феодальных отношений. Большинство из них представляло развитие тех направлений исследования, которые были намечены Н. П. Павловым-Сильванским и М. Н. Покровским. Большой интерес вызывает полемика С. Б. Веселовского и А. Е. Преснякова по вопросу о происхождении иммунитета. Если С. Б. Веселовский не считал возможным выводить право суда иммунитета над населением своих вотчин из землевладения и искал его источник в княжеском пожаловании⁷, то А. Е. Пресняков, напротив, с основанием доказывал, что иммунитет вырос не из пожалований князей, а из вотчинных прав землевладельца⁸.

Значительное историографическое явление представлял труд С. В. Юшкова «Феодальные отношения в Киевской Руси». Автор, исходя, по его словам, «из традиционных определений феода-

³ Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. С пред. М. Н. Покровского. Пг., 1924, стр. 4.

⁴ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 1. Русская история с древнейших времен (тома I и II). М., 1966, стр. 130.

⁵ М. Н. Покровский. О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России.— «Борьба классов», 1931, № 2, стр. 81—82.

⁶ М. Н. Покровский. Избранные произведения, кн. 1, стр. 104, 110.

⁷ С. Б. Веселовский. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926, стр. 8, 22, 27.

⁸ А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость.— ЛЗАК, вып. I/XXXIV. Л., 1927, стр. 174—192.

лизма» (следуя при этом в значительной мере за Н. П. Павловым-Сильванским и М. Н. Покровским) и не стремясь к «широким социологическим обобщениям»⁹, сделал ряд ценных конкретных наблюдений. Он проследил рост землевладения, процесс обращения в феодальную зависимость сельского населения, охарактеризовал разряды зависимых людей и формы господства и подчинения, рассмотрел институты иммунитета, патроната, закладничества и т. д.

Но С. В. Юшков руководствовался неправильной предпосылкой (от которой потом отказался), что «процесс феодализации сопрягается с культурным регрессом, с упадком и разложением более развитых экономических форм». Поэтому утверждение феодализма на Руси автор связывал с «кризисом», который она (как и Византия) претерпела в XII в. из-за упадка торговли в результате перемещения мировых путей товарообмена. И автор делал общий вывод: «...Основная причина феодализации как у нас, так и в Западной Европе, — разрушение того великого хозяйственного организма, который представляла собою бывшая Римская империя и преемница ее — Византия»¹⁰.

К работам С. В. Юшкова и по тематике и по методологии примыкают труды П. А. Аргунова, посвященные различным категориям зависимого сельского населения (закупам, изорникам). При изучении их автор, по его словам, применял «аспект феодального права»¹¹.

Проблема феодализации Киевской Руси была поставлена в книге Н. Л. Рубинштейна¹². М. Н. Тихомиров написал популярный очерк, в котором, идя за М. Н. Покровским в его определении феодализма, попытался осветить различные стороны «феодального порядка» на Руси. Он затронул вопрос о боярщине-сеньории, иммунитете, вассалитете, закладничестве и патронате, феодальной иерархии¹³.

Итак, в 20-х годах был достигнут ряд положительных результатов в изучении феодального развития России. Но изучение это проводилось в свете традиционных представлений, восходящих частично к буржуазной историографии, частично к концепции М. Н. Покровского. К исходу 20-х и к началу 30-х годов разра-

⁹ С. В. Юшков. Феодальные отношения в Киевской Руси. — «Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского», т. III, вып. 4, Факультет хозяйства и права. Саратов, 1925, стр. 3.

¹⁰ Там же, стр. 5, 11, 14.

¹¹ П. А. Аргунов. Крестьянин и землевладелец в эпоху Псковской Судной грамоты (к истории сеньерьяльных отношений на Руси). — «Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского», т. IV, вып. 4, Факультет хозяйства и права. Саратов, 1925, стр. 129; он же. К пересмотру построений закупничества Русской Правды. — Там же, т. VI, вып. 4, Факультет права и хозяйства. Саратов, 1927, стр. 59—96.

¹² Н. Л. Рубинштейн. Нарис історії Київської Русі. Харків, 1930.

¹³ М. Н. Тихомиров. Феодальный порядок на Руси. М.—Л., 1930.

ботка проблемы феодализма была вставлена в широкие рамки марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Большое значение здесь имели научные дискуссии 1928—1930 гг. Одна из них была посвящена обсуждению книги выдающегося медиевиста Д. М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»¹⁴, введение к которой, излагающее неокантианскую систему взглядов по вопросам философии истории, шло вразрез с марксистским пониманием объективной закономерности общественного развития. Во время обсуждения¹⁵ была подвергнута критике и выдвинутая Д. М. Петрушевским концепция феодализма как идеально-типического понятия, мыслительной конструкции, не адекватной действительности, но служащей орудием ее познания. Определяя феодализм как логическую категорию, Д. М. Петрушевский указывал, что это идеальный тип государственной системы, сплачивающей сословия для несения на общее благо государственного тягла. В этом плане исследователь считал возможным говорить о феодальном строе в России лишь в эпоху единого государства¹⁶.

Толчком к целой серии дискуссий об общественных формациях явился выход в свет книги С. М. Дубровского «К вопросу о сущности „азиатского“ способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала»¹⁷. Отталкиваясь от этого труда, участники его обсуждений¹⁸ подняли ряд больших методологических вопросов.

Значение дискуссий 1928—1930 гг. для русских медиевистов заключается в том, что они содействовали укреплению в науке марксистско-ленинского понимания феодальной формации как определенной системы общественных отношений и что на них был выдвинут ряд крупных проблем феодального развития, подлежащих изучению, в том числе — проблема генезиса феодализма. Последний вопрос был поставлен одновременно, в 1933 г., М. М. Цвибаком и Б. Д. Грековым.

¹⁴ Д. М. Петрушевский. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.—Л., 1928.

¹⁵ О дискуссии по книге Д. М. Петрушевского см.: «Историк-марксист», 1928, кн. 8; см. также М. Н. Покровский. Новые течения в русской исторической литературе. — «Историк-марксист», 1928, кн. 7, стр. 3—17.

¹⁶ Д. М. Петрушевский. Феодализм и современная историческая наука. — «Из далекого и близкого прошлого». Сборник статей в честь Н. И. Кареева. Пг.—М., 1923.

¹⁷ С. М. Дубровский. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929.

¹⁸ Материалы дискуссий по книге С. М. Дубровского и откликам на нее см. в изданиях: «Историк-марксист», 1930, кн. 16; «Против механистических тенденций в исторической науке» (Дискуссия в Институте красной профессуры). М.—Л., 1930; «Спорные вопросы методологии истории», Харьков, 1930.

В статье М. М. Цвибака «К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси»¹⁹ был выдвинут ряд интересных положений. Внутренний процесс феодализации на Руси он попытался рассмотреть в ее взаимодействии с окружающими феодальными государствами: Византией, Скандинавией, Хазарией, Булгарией. В частности, он коснулся роли норманского влияния в развитии (отнюдь не в возникновении) у восточных славян феодальных отношений. Говоря о складывании феодальной земельной собственности и феодальных форм зависимости, М. М. Цвибак подчеркнул большую роль в древней Руси рабства. Первичной формой ренты в русских условиях исследователь считал отработочную и в связь с ней ставил «первое издание» крепостничества. М. М. Цвибак отметил неравномерность процесса феодализации в различных частях древнерусского государства и указал на проникновение «русского феодализма» в районы расселения финских и других племен. Одним из первых ученых он использовал для характеристики древнерусского государства работу Маркса «Секретная дипломатическая история XVIII в.», сопоставив «империю Рюриковичей» с империей Карла Великого.

Несмотря на неразработанность и спорность ряда проблем, поставленных М. М. Цвибаком, важно было, что они стали предметом внимания, а предложенные автором решения дали толчок дальнейшему движению науки.

С 1933 г. по вопросу о генезисе феодализма в Киевской Руси стал выступать Б. Д. Греков, не оставлявший работы над этой темой до конца своей жизни и достигший выдающихся результатов. В небольшой статье «Начальный период в истории русского феодализма» он обосновал тезис, что уже во времена Древнейшей Русской Правды родовые отношения отмирали, а Правда Ярославичей рисует строй, который нельзя назвать иначе как феодальным²⁰.

В том же году в Государственной Академии истории материальной культуры состоялась научная дискуссия по докладу Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в древней Руси», в котором он обосновал ряд положений, ставших исходными пунктами его дальнейших разысканий.

Подчеркнув неодинаковые темпы общественного развития ряда восточнославянских племен, исследователь указал, что к X в. у значительной их части произошло изживание родового строя. В результате победы пашенного земледелия развивалась феодальная земельная собственность. Появились различные категории эксплуатируемого сельского населения: смерды, закупы,

¹⁹ М. М. Цвибак. К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси.— «Из истории докапиталистических формаций». Сборник статей к сорокалетию научной деятельности Н. Я. Марра. М.—Л., 1933, стр. 500—544.

²⁰ Б. Д. Греков. Начальный период в истории русского феодализма.— «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 7, стр. 14—18.

изгнѣи и др. Рабство не являлось на Руси основой производства, как это было в античности. Образование «Варяжского государства» — сравнительно поздний эпизод в истории Восточной Европы, и процесс феодализации здесь совершался на основе прежде всего внутренних закономерностей классообразования.

Во время дискуссии по докладу Б. Д. Грекова два вопроса были предметом особого внимания: о рабовладельческой формации и о стадильности общественного развития. Так, И. И. Смирнов настаивал на том, что Русь пришла к феодализму через рабовладельческий строй. М. Н. Мартынов предлагал различать в истории Киевской Руси два периода: IX—X вв. — время, когда основной формой общественного строя была сельская община и процесс классообразования лишь начинался, и XI—XII вв. — период феодализма²¹.

В 1934 г. доклад Б. Д. Грекова был опубликован вместе со стенограммой прений²². Тогда же увидел свет и другой его труд, в котором он ставил вопрос о феодализме в России в более широких хронологических рамках, с X по XVI в.²³

Последовала новая дискуссия по вопросам, поднятым исследователем (на пленуме Московского отделения Государственной Академии истории материальной культуры в конце 1934 г.). Появились новые отклики на книги Б. Д. Грекова и в печати²⁴. В ряде ответных статей Б. Д. Греков обосновывал, как и раньше, два главных тезиса. Во-первых, он приводил доводы в пользу того, что феодализм был первой антагонистической формацией на Руси, отмечая в этом отношении аналогии между славянами и германцами. Во-вторых, он доказывал, что уже в X в. у восточных славян складывается феодальное общество и что поэтому нельзя относить процесс феодализации ко времени «падения» Киевского государства. С этим было связано отрицание исследователем сколько-нибудь заметного влияния на развитие феодальных отношений пришедшей варяжской дружины²⁵.

²¹ «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3-4, стр. 79 (хроника).

²² Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в древней Руси. — «Известия ГАИМК», вып. 86. М. — Л., 1934.

²³ Б. Д. Греков. Очерки по истории феодализма в России. Система господства и подчинения в феодальной деревне X—XVI вв. — «Известия ГАИМК», вып. 72. М. — Л., 1934.

²⁴ И. И. Смирнов. О генезисе феодализма. — «Проблемы истории материальной культуры», 1933, № 3-4, стр. 38—45; он же. Феодально-крепостническое общество. — «Известия ГАИМК», вып. 99. М. — Л., 1934; С. В. Вознесенский. К вопросу о феодализме в России. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7-8, стр. 222—234; С. В. Бархушин. К вопросу о русском феодализме. — «Книга и пролетарская революция», 1936, № 4, стр. 44—48.

²⁵ Б. Д. Греков. Проблема генезиса феодализма в России. — «Исторический сборник», I. Л., 1934, стр. 25—47; он же. Мой ответ С. В. Вознесенскому. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7-8, стр. 234—241.

Так родилась книга Б. Д. Грекова «Феодалыные отношения в Киевском государстве»²⁶, с третьего издания получившая название «Киевская Русь»²⁷.

По вопросу о рабовладельческой формации точка зрения Б. Д. Грекова скоро завоевала признание большинства ученых. На дискуссии, состоявшейся на эту тему еще раз в 1939 г., только три ее участника (П. П. Смирнов, А. В. Шестаков и И. В. Кузнецов) отстаивали взгляд, что Киевская Русь знала рабовладельческий строй²⁸.

Больше разногласий оставалось по вопросу о периодизации истории Киевской Руси. Здесь скоро столкнулись концепции Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина. В своей полемике оба автора стремились опереться, во-первых, на характеристику древнерусского государства, данную Марксом в «Секретной дипломатической истории XVIII в.», во-вторых, — на «Замечания» И. В. Сталина, С. М. Кирова, А. А. Жданова по поводу конспекта учебника истории СССР, в которых говорится, что следует различать периоды «феодальный» и «дофеодальный». По С. В. Бахрушину, «держава Рюриковичей» (выражение Маркса) стоит «на переломе между высшей ступенью варварства и цивилизацией, является переходным периодом между родовым строем и феодальным». К концу X в. «процесс феодализации уже делает некоторые успехи», а в княжение Владимира можно наблюдать «элементы зарождающегося феодального государства, причудливо переплетающиеся с остатками отмирающей военной демократии»²⁹.

Позицию, близкую к взглядам С. В. Бахрушина, занимал Н. Л. Рубинштейн, считавший, что в построениях Б. Д. Грекова «стирается качественная разница двух периодов и период дофеодальный втискивается в систему феодальных отношений»³⁰. В. А. Пархоменко также подчеркивал, что в князьях X в. нельзя видеть феодалов, и только Ярослав Мудрый организовал в Кие-

²⁶ Б. Д. Греков. Феодалыные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1935 (изд. 2-е — 1936; новый тираж того же издания — 1937).

²⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1939.

²⁸ Б. Д. Греков. Была ли Киевская Русь обществом рабовладельческим? — «Историк-марксист», 1939, кн. 4/74, стр. 134—143. Прения по докладу Б. Д. Грекова, носившему это заглавие, см. там же, стр. 191—194. См. также статью А. В. Шестакова «О некоторых вопросах исторической науки» («Учительская газета» от 21 мая 1939 г.).

²⁹ С. В. Бахрушин. «Держава Рюриковичей». — «Вестник древней истории», 1938, № 2(3), стр. 98; он же. К вопросу о крещении Киевской Руси. — «Историк-марксист», 1937, кн. 2/60, стр. 40—77; он же. Некоторые вопросы истории Киевской Руси. — Там же, 1937, кн. 3/61, стр. 165—175.

³⁰ Н. Л. Рубинштейн. Рецензия на издание «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.». Сборник документов. Подг. к печати Г. Е. Коциным. Пред. Б. Д. Грекова. Л., 1936. — «Историк-марксист», 1938, кн. 1/65, стр. 130; он же. Предисловие к книге: А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. III.

ве феодализирующееся государство³¹. Наконец, по М. Д. Приселкову, власть киевских князей X в. над подчиненными им землями держалась «силой меча», а эксплуатация населения производилась путем «полюдь»³².

Под воздействием критики Б. Д. Греков постарался дать периодизацию истории общественного строя Киевской Руси, конкретизировав свои представления об этом процессе. Он наметил два хронологических отрезка, гранью между которыми служит середина XI в.: «1) период вызревания феодальных отношений, подготовки сил, способных разложить „империю“ на уделы, и 2) период феодальной раздробленности, т. е. период наибольшего для данного момента могущества отдельных феодалов, освоивших общинную землю и таким путем успевших поставить в зависимость от себя огромное число подданных»³³.

Однако для Б. Д. Грекова, в противоположность его оппонентам, это не периоды, различающиеся принципиально характером общественно-политических отношений, а лишь разные этапы единого процесса феодализации. И древнерусское государство с центром в Киеве Б. Д. Греков рассматривал как единое по своей классовой сущности начиная с IX в.

Поэтому термин «дофеодальный» применительно к Киевской Руси исследователя не удовлетворял, и хотя он и ввел его, но затем стал искать ему замену. В этом отношении интересно сравнить пятое издание его книги с четвертым. В пятом издании автор изменил терминологию: «период созревания феодальных отношений» вместо «дофеодальный период»; «варварское феодализирующееся государство» вместо «варварское дофеодальное государство» и т. д.³⁴

В 1939 г. появилась в печати книга С. В. Юшкова «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» — по существу совсем новое исследование по сравнению с его прежним трудом. В противоположность Б. Д. Грекову С. В. Юшков не считал, что в IX—X вв. существовало феодальное государство. По его концепции, это дофеодальный период. Во второй половине X в. появляются ростки феодальных отношений, возникает княжеский домен. С XI в. развивается землевладение бояр и церкви, происходит оформление класса феодалов, увеличивается число феодаль-

³¹ В. А. Пархоменко. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. — «Ученые записки ЛГУ», Серия исторических наук, вып. 8. Л., 1941, стр. 203, 214.

³² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Там же, стр. 235.

³³ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1937, стр. 24; см. также он же. Киевская Русь и проблема генезиса феодализма у М. Н. Покровского. — «Историк-марксист», 1937, кн. 5-6/63-64, стр. 41—76.

³⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944 (изд. 4-е), стр. 64, 67; он же. Киевская Русь. М., 1949 (изд. 5-е), стр. 107, 112.

но зависимых крестьян, дань превращается в феодальную ренту. Однако и в XI в. еще сохраняются патриархальные отношения, и в XII столетии процесс феодализации не заканчивается³⁵.

В дальнейшем С. В. Юшков положил много сил на разработку понятия «дофеодальное» («варварское») государство. Среди разновидностей дофеодальных государств он отмечает и такие, которые возникали в результате разложения первобытнообщинного строя: Киевское (до XI в.), монгольские (до их объединения Чингис-ханом), англосаксонские (до IX в.). В дофеодальном государстве, по мнению С. В. Юшкова, «существовал... феодальный уклад (наряду с первобытнообщинным и рабовладельческим), причем значение его все более и более возрастало, поскольку свободные общинники и рабы превращались в феодально зависимое сельское население. В дофеодальном государстве класс феодалов не пришел еще к окончательному господству, хотя влияние его все более и более увеличивалось»³⁶.

Концепцию, близкую к взглядам Б. Д. Грекова, развил в своей книге «Образование древнерусского государства» В. В. Мавродин. IX—XI вв. он считал временем, когда сложился феодальный способ производства. При этом автор указывал на трудность установления четких граней в зарождении и эволюции новой формации. «Генезис феодализма, — пишет В. В. Мавродин, — не одноактное действие, а длительный процесс, сложный, и многообразный. Здесь нет места статике, все в динамике, все в развитии. Здесь на обломках старого возникает новое, опутанное нитями старого, отживающего, цепкими еще, но обреченными»³⁷. Отказ автора дать четкие и однозначные определения изучаемых явлений послужил поводом для упрека, брошенного ему Н. Л. Рубинштейном в неясности, сбивчивости, противоречивости изложения³⁸.

Точка зрения Б. Д. Грекова на IX—X вв. как время, когда уже установился феодализм, получила поддержку в выступлении В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского на дискуссии 1949—1951 гг. о периодизации феодальной эпохи отечественной истории. Дофеодальный период они отнесли к антскому времени. В противовес распространенному взгляду на отработки как первичную форму феодальной эксплуатации В. И. Довженок и

³⁵ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939.

³⁶ С. В. Юшков. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. — «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 65; он же. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 12—14 и др.

³⁷ В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства. Л., 1945, стр. 114.

³⁸ Н. Л. Рубинштейн. Путаная книга по истории Киевской Руси. — «Вопросы истории», 1946, № 8-9, стр. 109—114.

М. Ю. Брайчевский доказывали, что у восточных славян такой начальной формой была натуральная рента в виде дани³⁹.

После выступления В. И. Довженка и М. Ю. Брайчевского Б. Д. Греков снова вернулся к теме о периодизации истории древней Руси в связи с дискуссией по проблемам языкознания и появлением статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.). Исходя из марксистского положения (подчеркнутого Сталиным) о взаимодействии надстройки и экономического базиса, Б. Д. Греков расценил сведения источников об образовании в IX в. древнерусского государства как указание на то, что необходимые для этого социально-экономические условия должны были сложиться ранее. Поэтому он стал трактовать VI—VIII вв. как переходный период от родового строя к классовому феодальному обществу, от «военной демократии» к раннефеодальному государству, как период «полупатриархальный — полуфеодальный». IX век, по Б. Д. Грекову, является завершением этого процесса⁴⁰.

Эти мысли нашли воплощение в шестом издании книги Б. Д. Грекова «Киевская Русь», подготовленном при жизни автора, но опубликованном уже после его смерти⁴¹, а также в главах, написанных Б. Д. Грековым для соответствующего тома коллективного труда «Очерки истории СССР. Период феодализма»⁴².

Концепцию и терминологию последних работ Б. Д. Грекова принял П. Н. Третьяков. По его мнению, уже в VII—IX вв. у восточных славян возникли «полупатриархальные — полуфеодальные» политические объединения или «племенные княжения». Исследователь возражает против взгляда С. В. Юшкова на дофеодальное государство как «орган совместного господства родоплеменной, рабовладельческой и феодальной знати» и полагает, что «государственность у восточных славян в тот период, когда их общественные отношения еще не перестали быть „полупатриархальными — полуфеодальными“, или дофеодальными, была феодальной, пусть раннефеодальной, но все же именно феодальной государственностью — органом господства форми-

³⁹ В. И. Довженко и М. Ю. Брайчевский. О времени сложения феодализма в древней Руси. — «Вопросы истории», 1950, № 8, стр. 60—77; В. И. Довженко. О дофеодальном периоде в истории Руси. — «Археология», т. VI. Київ, 1952, стр. 9—32.

⁴⁰ Б. Д. Греков. Генезис феодализма в России в свете учения И. В. Сталина о базисе и надстройке. — «Вопросы истории», 1952, № 5, стр. 31—43.

⁴¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953 (изд. 6-е). Последнее, седьмое (посмертное) издание этой книги Б. Д. Грекова дано во втором томе его «Избранных трудов» (М., 1959).

⁴² «Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв.». В двух частях. 1. Под ред. Б. Д. Грекова, Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто. М., 1953.

рующегося феодального класса над закрепощаемым им крестьянством»⁴³.

Примерно тех же воззрений придерживается Б. А. Рыбаков. В томе «Очерков истории СССР», посвященном III—IX вв., он писал: «Период между VI и IX столетиями — это время наиболее интенсивного перехода от первобытнообщинного строя к феодальному, время создания экономических и социальных предпосылок феодализма и возникновения классовых отношений, завершившихся созданием феодального государства Руси в IX—X вв.»⁴⁴. В недавно вышедшей «Истории СССР» Б. А. Рыбаков называет время с VI по IX в. «предфеодальным» периодом, а возникновение феодального государства относит к рубежу VIII и IX вв.⁴⁵

Ряд исследователей стоит ближе к концепции Б. Д. Грекова, не разработанной им в последние годы жизни, а изложенной в более ранних изданиях «Киевской Руси», когда он в качестве ядра процесса феодализации особо выделял XI столетие. Это относится прежде всего к И. И. Смирнову, который подчеркивает, что «в пределах XI в.» в основном заканчивается «период генезиса феодализма»⁴⁶, и доказывает это сравнительным анализом разновременных статей Русской Правды Краткой и Пространной редакций. Точно так же А. Н. Насонов, изучая складывание территории древнерусского феодального государства, считает временем ее усиленного расширения вторую половину XI и первые десятилетия XII в.⁴⁷ М. Н. Тихомиров отмечает с XI в. быстрый рост городских посадов⁴⁸. Он же говорит об ускоренных темпах развития с этого времени «крепостнических отношений», что приводило к обострению классовой борьбы⁴⁹. Для А. А. Зимина, изучавшего развитие права, XI столетие, время Правды Ярославичей, было периодом перехода древней Руси «от раннего феодализма с его еще явственными чертами

⁴³ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, изд. 2-е. М., 1953, стр. 299, 304, 305; см. также он же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

⁴⁴ «Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв.». М., 1958, стр. 831.

⁴⁵ «История СССР с древнейших времен до наших дней». Первая серия. Т. I. М., 1966, стр. 354, 477. IX веком датирует установление феодального способа на Руси П. А. Хронов в своей книге «Экономическое развитие России. Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции». М., 1967, стр. 43.

⁴⁶ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963, стр. 5.

⁴⁷ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1961, стр. 24.

⁴⁸ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города, изд. 2-е, дополн. и перераб. М., 1956, стр. 47.

⁴⁹ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 32.

отживавших патриархальных отношений к развитому или, если так можно выразиться, классическому феодализму»⁵⁰.

При всех разногласиях по вопросу о времени генезиса феодализма подавляющее большинство исследователей по-прежнему сходятся на том, что он совершался на основе разложения первобытнообщинных, а не рабовладельческих отношений. Одно время актуальной считалась проблема: почему восточные славяне миновали в своем развитии стадию рабовладельческого строя. Причину этого видели и в крепости славянской общины, и в том, что классовое образование на Руси происходило в условиях кризиса рабовладельческой формации в мировом масштабе, и в сравнительно высоком уровне развития производительных сил⁵¹, и в воздействии географической среды⁵² и т. д. Проблема потеряла свою актуальность, когда более пристальное изучение истории ряда народов на ранних стадиях их жизни показало, что переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому, а затем к феодальному вовсе не является единственно возможной линией общественного развития. В ряде случаев и даже чаще наблюдается другой вариант: феодализм возникает как первая антагонистическая формация⁵³.

Совсем недавно В. И. Горемыкиной была сделана новая попытка возродить представление о Киевской Руси как рабовладельческом государстве⁵⁴. На мой взгляд, аргументы Горемыкиной признать убедительными нельзя. Однако несомненным достижением последних лет является более пристальное и глубокое изучение истории рабства, которое, не будучи основой производства, играло значительную роль в социально-экономической жизни древней Руси⁵⁵.

Интенсивнее стал разрабатываться и вопрос о положении свободных общинников в Киевской Руси. Так, Е. Д. Романова, подчеркнув, что советские историки, изучавшие генезис феодализма, «невольно обращали большее внимание на черты феодализации, выступающие в источниках, ...чем на следы дофеодального уклада, по-видимому, долго существовавшего на Руси

⁵⁰ А. А. Зимин. Феодальная государственность и Русская Правда.— «Исторические записки», кн. 76, 1965, стр. 261.

⁵¹ К. Н. Тарновский. Предпосылки возникновения феодализма у восточных славян.— «Вопросы истории», 1954, № 4, стр. 77—92.

⁵² И. В. Сошин. К вопросу о причинах перехода славян от первобытнообщинного строя к феодализму.— «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 108—109.

⁵³ М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства.— «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 75—99.

⁵⁴ В. И. Горемыкина. К проблеме истории докапиталистических обществ. Минск, 1970.

⁵⁵ А. А. Зимин. Холопы в Древней Руси.— «История СССР», 1965, № 6, стр. 39—75; И. Я. Фроянов. О рабстве в Киевской Руси.— «Вестник Ленинградского университета», 1965, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 83—93.

наряду с утверждавшимся феодализмом», попробовала восстановить объем прав «простого полноправного свободного населения» по Русской Правде⁵⁶. Она использовала при этом методику, примененную А. И. Неусыхиним к изучению варварских Правд⁵⁷.

И. И. Ляпушкин, систематизировавший большой материал археологических и письменных источников для характеристики положения восточных славян VIII—IX вв., считает, что они находились тогда на «последней ступени первобытнообщинного строя», в рамках которого «слагались все основные элементы будущего государства»; что основной общественной организацией тогда была сельская или соседская община. Исходя из данных положений, И. И. Ляпушкин полемизирует с П. Н. Третьяковым по вопросу о наличии у славян до IX в. государственности⁵⁸.

Таким образом, в понимании генезиса феодализма, принципов периодизации этого процесса, его темпов среди исследователей имеются большие расхождения. Может быть, многое в этих проблемах стало бы яснее, если бы процесс феодализации на Руси рассматривался в связи с аналогичными явлениями в истории других народов Восточной Европы.

Маркс выдвинул плодотворную идею о древнерусском государстве как «империи Рюриковичей». Мысль эта не получила в 30-х годах у советских историков достаточно глубокого раскрытия. А потом «Секретной дипломатической историей XVIII в.» стали вообще избегать пользоваться, усматривая в ней элементы норманизма и целиком расценивая это произведение как публицистический трактат⁵⁹. Сейчас подобное отношение к произведению Маркса пересматривается⁶⁰. А его характеристика Киевской Руси как «империи Рюриковичей» нашла серьезное обоснование на конкретном материале в работе В. Т. Пашуто⁶¹.

⁵⁶ Е. Д. Романова. Свободный общинник в Русской Правде.— «История СССР», 1961, № 4, стр. 76—90.

⁵⁷ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956.

⁵⁸ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—первая половина IX в.). Историко-археологические очерки.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 152. Л., 1968, стр. 167, 174.

⁵⁹ Р. П. Конюшая. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России.— «История СССР», 1958, № 3, стр. 16—17.

⁶⁰ В. В. Мавродин. К. Маркс о Киевской Руси.— «Вестник Ленинградского университета», 1968, № 8, Серия истории, языка и литературы, вып. 2, стр. 5—9.

⁶¹ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства.— А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Шапов. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 77—128.

Не отличается творческим характером появившееся совсем недавно в печати исследование С. А. Покровского⁶². Будучи в основном посвящено категориям феодально зависимого населения, оно мобилизовало большой историографический материал, но в нем мало новых мыслей и недостаточно учитываются достижения исторического источниковедения.

Настоящий историографический обзор не является исчерпывающим⁶³. Он ставил своей задачей лишь выделить спорные моменты в проблеме генезиса феодализма. В дальнейшем будет сделана попытка путем анализа конкретного материала разобраться в этих спорах. Сейчас же следует коснуться терминологии, употребляемой исследователями: «дофеодальный», «предфеодальный», «раннефеодальный», «протофеодальный», «прафеодальный» период, «период генезиса феодализма»; «дофеодальное государство»; «патриархально-феодальные», «полупатриархально-полуфеодальные» отношения.

Аналогичная терминология употребляется и в том случае, когда речь идет о генезисе капитализма: «докапиталистические», «предбуржуазные», «протобуржуазные» явления и пр. Четкости и здесь и там недостаточно.

Конечно, периодизация — дело условное, и, проводя ее, трудно добиться определений, которые бы ясно выражали существо граней, отделяющих отдельные этапы исторического процесса. Но стремиться к этому надо. И мне кажутся мало приемлемыми для передачи отличительных черт таких этапов определения, лишённые позитивных признаков: «дофеодальный», «докапиталистический». Подобные выражения, вообще говоря, вполне законны, но не для периодизации, так как они воспринимаются чисто негативно. Дофеодальные или докапиталистические отношения — это отношения, происходившие до феодализма или капитализма. Но что значит: дофеодальный или докапиталистический периоды? Каковы принципы их выделения? Каково их позитивное содержание? Никто не знает. Дофеодальный — это и первобытнообщинный и рабовладельческий, а докапиталистический — это и первобытнообщинный, и рабовладельческий, и феодальный. Столь же неопределенно звучит и термин «дофеодальное государство». Он не говорит ни о классовом характере, ни о форме государства, и пользование им требует принесения каких-то

⁶² С. А. Покровский. Общественный строй древнерусского государства. — «Труды Всесоюзного юридического заочного института», т. XIV. М., 1970.

⁶³ Подробнее см. В. В. Мавродин. Советская историография социально-экономического строя Киевской Руси. — «История СССР», 1962, № 1, стр. 52—73; он же. Советская историография Древнерусского государства. — «Вопросы истории», 1967, № 12, стр. 53—72; В. В. Мавродин и И. Я. Фроянов. К пятидесятилетию советской историографии Киевской Руси. — «Вестник Ленинградского университета», 1967, № 20, Серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 39—51.

признаков, в зависимости от которых он принимает тот или иной, причем чисто условный, смысл.

Более исторично выражение «предфеодальный», указывающее на нечто, непосредственно предшествующее феодализму. Но и оно утрачивает свою определенность, как только начинает употребляться для обозначения целого периода. Если его конечной гранью является утверждение феодализма, то уловить его начало весьма трудно.

Термины «полупатриархальные — полуфеодальные» или «патриархально-феодальные» подчеркивают неразвитость феодализма, и в этом смысле имеют право на существование, но они не указывают на то, что же является ведущим в отношениях такого типа, т. е. в них отсутствует динамический признак.

Мне думается, лучше всего говорить о «периоде генезиса феодализма» (т. е. зарождения и победы новых производственных отношений), — именно о периоде, ибо это длительный исторический процесс. Генезис феодализма начинается в рамках предшествующей формации; если дело идет о Руси, то — первобытнообщинной. В ее пределах и нужно искать начало данного периода, относя его, очевидно, к тому моменту, когда отчетливо появляются признаки классовобразования и зарождения частной собственности на землю. Ведь и генезис капитализма мы рассматриваем еще внутри предыдущей (феодальной) формации. Хотя во втором случае речь идет о переходе от одного классового общества к другому, в первом — о смене общества доклассового классовым, единство принципов периодизации должно сохраняться.

Некоторые исследователи считают нужным выделять особый период, находящийся между двумя формациями (первобытнообщинной и феодальной) и не укладывающийся ни в одну из них⁶⁴. Я не вижу для этого оснований. История знает ряд переходных стадий. Но они не меняют единства процесса общественного развития и не должны нарушать формационного принципа его членения.

Очень трудно определить: где искать грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации. Если понимать под последней систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм, то, очевидно, такой гранью может служить образование феодального государства. На Руси это произошло в конце IX в. Некоторые

⁶⁴ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. — «Средние века». Сборник, вып. 31. М., 1968, стр. 45—48. Общественную структуру дофеодального периода автор определяет очень расплывчато: «Будучи общинной без первобытности и заключая в себе в то же время элементы социального неравенства, эта структура еще не была классово-феодальной — даже в том смысле, в каком таковой был самый ранний феодализм» (там же, стр. 45).

исследователи считают возможным с указанного момента говорить лишь о генезисе феодализма и поэтому полтора-два века его истории (вплоть до середины XI—XII столетия) относят к «дофеодалному периоду». Делается это потому, что феодализм представляется в развитых формах классического средневековья. Однако ранний феодализм по своему характеру значительно отличается от развитого. Это как раз время «патриархально-феодалных» отношений, но они вполне укладываются в рамки раннего периода феодальной формации. В то же время этот период (X—XII вв.) можно считать завершением генезиса феодализма, начавшегося еще в пределах предшествующей формации. Таким образом, генезис феодальных общественных отношений захватывает две формации, начинаясь на последней стадии первобытнообщинного строя и заканчиваясь ранней стадией строя феодального.

ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Общественный строй восточных славян накануне образования древнерусского государства

В истории восточных славян до образования древнерусского государства много неясного, темного. Трактовка ряда проблем (славянский этногенез, социальный строй, политическая структура славянского общества), решаемых в значительной мере на основе археологического материала, вызывает большие споры среди ученых.

Не будучи специалистом в археологии, который мог бы провести самостоятельное исследование в этой области, я не стану уходить в глубь веков и начну изложение вопроса о генезисе феодализма на Руси с VIII—IX вв., когда у восточных славян уже сложились союзы племен, перечисленные в летописи, на основе которых выросли и более крупные политические объединения вокруг Киева и Новгорода, а затем образовалось древнерусское государство. В это же время завершалась этническая консолидация, происходило слияние восточнославянских племен в единый русский народ⁶⁵.

⁶⁵ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962. Очень трудно установить размеры древней Руси и ее населенность. По подсчетам Б. Ц. Урланиса, площадь Киевской Руси в X—XI вв., ко времени образования древнерусского государства, равнялась примерно 1,33 млн. кв. км, а включая северные районы — 1,8 млн. кв. км. Количество населения Урланис исчисляет цифрами от 4,5 до 5,3 млн. (Б. Ц. Урланис. Рост населения в Европе (Опыт исчисления). М., 1941, стр. 84—88). А. И. Яковлев считает территорию Киевской Руси равной примерно 1,5 млн. кв. км, а численность населения определяет в 7,9 млн. человек (А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., т. I. М.—Л., 1943, стр. 298).

Упомянувшийся уже выше И. И. Ляпушкин в книге, являющейся плодом многолетнего труда, указывает, что «по данным археологических памятников, славянский мир территории Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства в отношении материальной культуры представлял нечто более или менее единое. Летописные племена по своему общему облику не имели резких различий», хотя географическая среда и вызывала некоторое своеобразие в характере построек, как бы деля славянский мир на две группы — северную (лесную) и южную (лесостепную)⁶⁶.

От VIII—IX вв. известны поселения (укрепленные и неукрепленные) преимущественно лесостепной полосы; о поселениях лесной зоны приходится судить по более поздним материалам⁶⁷. В лесостепной полосе поселения располагались гнездами, по 3—4, на расстоянии до 5 км одно от другого. Расстояние между гнездами достигало в среднем 30—40 км, но иногда доходило до 100 км и больше. В поселках имелось до 60—70 домов. Жилища были небольшие, площадью в 10—20 кв. м и вмещали 4—5 человек, не больше; это жилища малых семей⁶⁸.

Славяне были народом земледельческим. В рассматриваемый период в лесостепной зоне применялась переложная система земледелия, постепенно вытесняемая дву- или трехпольем с паровым клином. В хозяйственной жизни большую роль играли животноводство и добывающие промыслы (охота, рыбная ловля, бортничество). Из отраслей обрабатывающей промышленности были известны прядение, ткачество, обработка дерева, железо-плавильное, кузнечное производства, ювелирное дело. Существовал внутренний обмен. Имели место и внешние торговые связи⁶⁹. Ремесло, по словам И. И. Ляпушкина, «уже отделилось от сельского хозяйства (земледелия), но ремесленники жили еще бок о бок с земледельцами в одних поселках, где господствующее положение занимало все же население, связанное с земледелием»⁷⁰.

Касаясь вопроса об общественном строе восточных славян, И. И. Ляпушкин указывает, что они жили соседскими (сельскими) общинами. «Значительную роль в жизни членов соседской общины играет развивающаяся частная собственность, в первую очередь на жилища, орудия труда, а тем самым и продукты производства. Но наряду с частной собственностью в общине пережиточно сохраняются остатки коллективной собственности

⁶⁶ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 120.

⁶⁷ Там же, стр. 133.

⁶⁸ Там же, стр. 128, 166, 172.

⁶⁹ Там же, стр. 138—141, 149.

⁷⁰ Там же, стр. 166.

на землю, играющие значительную роль в деле сплочения общины»⁷¹.

Автор не находит достаточного материала для ответа на вопрос: какого уровня достиг происходивший в общине процесс экономической дифференциации и классовообразования. В археологическом материале он отражен слабо. В частности, среди жилищ нет таких, которые выделялись бы по своему архитектурному облику и инвентарю. Тем не менее, пишет И. И. Ляпушкин, «трудно себе представить, чтобы в течение более чем двухсотлетнего существования сельской общины при индивидуальном ведении хозяйства в недрах ее могло сохраниться имущественное равенство членов»⁷².

Работы И. И. Ляпушкина в значительной мере полемичны. Они направлены против построений тех археологов (особенно, как говорилось выше, П. Н. Третьякова), которые считают возможным уже у антов VI—VII вв. видеть классовое общество и государство.

И. И. Ляпушкин находит, что подобные выводы строятся на памятниках, из которых «одни по времени, другие по существу к славянскому обществу антской поры никакого отношения не имеют»⁷³. Датировка археологических источников и определение их принадлежности тем или иным этническим группам — дело, доступное археологу, а не историку. Я не могу за него братья, да для моих целей это и не нужно, ибо я не касаюсь антского времени. Упомянул же о полемике И. И. Ляпушкина с П. Н. Третьяковым я лишь для того, чтобы подчеркнуть, что первый исследователь, будучи чрезвычайно осторожным в своих выводах, утверждающий лишь то, что непосредственно вытекает из источников, и при характеристике общественного строя славян VIII—IX вв. скорее несколько умаляющий, чем преувеличивающий уровень их развития, все же подводит своим материалом читателя к проблеме формирования частной собственности на землю и генезиса феодализма.

Право на постановку этой проблемы дает и материал археологических памятников второй половины первого тысячелетия,

⁷¹ И. И. Ляпушкин. Указ. соч., стр. 167.

⁷² Там же. Среди поселений, изученных И. И. Ляпушкиным, наибольший интерес представляет городище Новотроицкое (на одном из мысов правого берега реки Псла), которому он посвятил специальный труд. Оно возникло в VIII—IX вв., накануне образования древнерусского государства, и просуществовало около столетия. Облик этого городища иллюстрирует те общие выводы, к которым пришел И. И. Ляпушкин на основе наблюдений над значительным кругом археологических памятников (И. И. Ляпушкин. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 74. М. — Л., 1958).

⁷³ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., стр. 156.

раскопанных на территории Восточной Европы и обработанных авторами статей сборника «Славяне накануне образования Киевской Руси»⁷⁴.

«Окняжение» земли соседских общин. Дань как форма эксплуатации

Археологи провели большую работу и по изучению селищ и городищ более поздних столетий — X—XIII вв. — времени существования Киевской Руси. А. В. Успенской и М. В. Фехнер составлена (по археологическим и письменным источникам) карта поселений, а также курганных могильников северо-западной и северо-восточной Руси X — первой половины XIII в. На нее нанесено 425 сельских поселений и около 1500 курганных могильников, часть которых принадлежала жителям древнерусской деревни⁷⁵. В. В. Седов взял для изучения сравнительно небольшой участок в центральной части Смоленской земли, но обследовал его полностью и всесторонне, выявив 168 памятников VIII—XV вв. (селищ, городищ, курганных могильников)⁷⁶.

Результаты наблюдений археологов над типами поселений и их сменой представляют для историков особую ценность в тех случаях, когда их можно сопоставить с данными письменных источников и использовать те и другие при изучении процесса феодализации. Для такого сопоставления теперь есть основа.

В письменных источниках X—XIII вв. упоминаются среди разновидностей сельских поселений: «погост», «село», «весь», «свобода» (слобода)⁷⁷.

Исходным пунктом для суждения по вопросу об эволюции соседской общины, мне представляется, должно быть опреде-

⁷⁴ «Славяне накануне образования Киевской Руси». Под ред. Б. А. Рыбакова. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 108. М., 1963.

⁷⁵ А. В. Успенская и М. В. Фехнер. Поселения древней Руси. — «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.» Под ред. Б. А. Рыбакова. — «Труды ГИМ», вып. 32. М., 1956, стр. 7—18.

⁷⁶ В. В. Седов. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 92. М., 1960.

⁷⁷ Слово «деревня» упоминается в письменных источниках лишь с XIV в. Правда, в Лаврентьевской летописи под 1096 г. имеется запись: половцы «зажгоша болонье около града, и възвратишася на монастырь, и възгоша Стефанов монастырь, и деревне, и Германе. И придоша на монастырь Печерьский» (ПВЛ, ч. I, стр. 151). Но текст явно испорчен. Более правильное чтение дает Ипатьевская летопись: «и зажгоша по песку около города, и оувратишась на монастыре, и пожгоша монастырь Стефанечь деревне и Германечь, и придоша на монастырь Печерьский» (ПСРЛ, т. II, стб. 222). Вероятно, следует читать: «монастырь Стефанечь деревне Германечь», т. е. «древний монастырь Германа» (Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, стр. 103).

ление значения термина «погост». По этому поводу в литературе имеются две точки зрения. Согласно одной из них погост — это сельская община, восходящая еще к дофеодалному времени⁷⁸; согласно другой — территориальная единица, образованная князьями для фискальных и административных целей⁷⁹. Динамический подход к теме позволяет оценить погосты на разных этапах их существования по-разному. Многие из них имели общинную основу. В. В. Седов выделил из числа смоленских селищ ряд поселений древних общин. Признаки, которыми он при этом руководствовался, следующие: 1) крупные размеры поселения; 2) наличие рядом курганного могильника (общинного кладбища); 3) наличие поблизости городища-убежища или культового городища; 4) большая древность крупного поселения по сравнению с другими той же группы, что дает возможность рассматривать его как «родоначальное»⁸⁰.

Благодаря исследованиям В. В. Седова мы можем наглядно представить себе погост-общину. Очевидно, это та же социальная организация, которую Русская Правда обозначает термином «вервь»⁸¹.

Эволюция погоста (верви) совершалась в двух направлениях. Во-первых, происходила экономическая дифференциация его членов, росла частная, а затем и феодальная собственность на землю. Во-вторых, шло освоение общинной земли и подчинение свободных общинников путем распространения на них суда и дани государственной (княжеской) властью как органом правящего класса. Оба эти процесса развивались одновременно и взаимно переплетались, ибо формирование государства было связано с расслоением общины и появлением частной собственности и классов феодального общества, а укрепление государством верховной собственности на землю являлось одним из рычагов феодализации. При этом насилие и внеэкономическое принуждение содействовали проявлению социально-экономических закономерностей.

Однако в исследовательских целях допустимо, и даже необходимо, абстрагировать два между собой связанных историче-

⁷⁸ Н. Н. Воронин. К истории сельского поселения феодальной Руси. Погост, слобода, село, деревня. — «Известия ГАИМК», вып. 138. Л., 1935, стр. 20—36.

⁷⁹ Б. А. Романов. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма. — «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.—Л., 1960, стр. 341—375; И. Я. Фроянов. Смерды в Киевской Руси. — «Вестник Ленинградского университета», 1966, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. 1, стр. 72.

⁸⁰ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 35.

⁸¹ Вряд ли целесообразно сейчас снова поднимать старый спор о том, что представляла собой вервь: патриархальную большую семью или же соседскую территориальную общину. Исторически рассматривая вопрос, исследователь должен прийти к выводу, что термин «вервь», сначала относившийся к организации, основанной на кровных связях, затем был перенесен и на общину сельскую (Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 360).

ских явления: «окняжение» территории соседских общин и образование светских и духовных вотчин. Рассмотрим сначала первое явление, ибо на ранних этапах феодализации оно имело особо важное значение.

Наиболее ранней формой эксплуатации общинников киевскими князьями являлась дань. Исследователи оценивают существо этой эксплуатации по-разному. И. Я. Фроянов считает, что это контрибуция, взимавшаяся победителями с побежденных племен, форма грабежа, откупа за мир. Дань, по мнению И. Я. Фроянова, «не являлась непосредственным следствием внутренних социально-экономических условий, а была фактором внешнего порядка». Даннические же отношения в пределах славянских погостов — новообразование, падающее на время устройства князьями самих погостов⁸².

Другой точки зрения придерживается О. М. Рапов. Не отрицая наличия во времена Киевской Руси дани-контрибуции, бравшейся с покоренных народов, он в то же время уже для конца IX—X в. усматривает в источниках указания на дань в значении феодальной ренты⁸³.

Думается, что О. М. Рапов много ближе к истине. Надо только иметь в виду, что эволюция дани в феодальную ренту совершалась постепенно и датировать этот процесс трудно.

Обложение данью славянских племен происходило в процессе их подчинения власти киевских князей. Летопись рассказывает об установлении последними отношений господства и подчинения в землях древлян, северян, кривичей, вятичей, радимичей, пользуясь такими выражениями: «...Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по черне куне» (883 г.); «Иде Олег на северяне, и победи северяны, и възложи на нь дань легьку...» (884 г.); «Иде Игорь на деревляны, и победив а, и възложи на ня дань болши Олговы» (914 г.); «Вятичи победи Святослав, и дань на них възложи» (966 г.)⁸⁴ и т. д.

Из летописи можно заключить, что одновременно с установлением даннической от себя зависимости отдельных славянских земель князья стремились освоить эти территории путем строительства там крепостей, где селились их дружинники. В 882 г. Олег «нача города ставити, и устави дани словеном, кривичем и мери...»⁸⁵. Через двести с лишком лет, в 1096 г., другой Олег, князь черниговский, «перей всю землю Муромску и Ростовську, и посажа посадники по городом, и дани поча брати»⁸⁶.

⁸² И. Я. Фроянов. Смерды в Киевской Руси, стр. 65, 72.

⁸³ О. М. Рапов. К вопросу о земельной ренте в древней Руси в домонгольский период. — «Вестник МГУ», 1968, № 1, стр. 57—58.

⁸⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 20, 31, 47.

⁸⁵ Там же, стр. 20.

⁸⁶ Там же, стр. 168—169.

Одним из путей освоения земли было «полюдье», т. е. поездки княжеских дружинников в подвластные земли для взимания дани и кормления там за счет населения до тех пор, пока она не будет собрана. Термин «полюдье» имел два значения: форма взыскания дани (обезды представителями правящего класса подчиненных общин) и тот корм, который ими при этом брался.

В первом смысле слово «полюдье» встречается в русских источниках сравнительно поздно, в конце XII в.: под 1190 г. летопись упоминает, что великий князь Всеволод Юрьевич находился «в полюдьи» в Ростове и Переяславле⁸⁷. Для характеристики «полюдья» X в. обычно используется такой интересный источник, как трактат византийского императора Константина Багрянородного. Этот источник так часто цитировался и содержание его столь хорошо известно, что вряд ли надо заново его воспроизводить. Следует только остановиться на той характеристике, которую дает рассказу Константина Багрянородного М. Ю. Брайчевский. Термин «полюдье» в его сочинении исследователь считает не русским словом в греческом тексте, а производит от греческого «полис» — «город» и трактует как «городки» — «феодалные замки». В связи с этим М. Ю. Брайчевский полагает, что у Константина Багрянородного речь идет не о круговом обезде земель за данью, а о том, что феодалы-собственники разъезжают на зиму в свои замки, где живут эксплуатацией зависимых крестьян⁸⁸.

Оставляя оценку филологических соображений М. Ю. Брайчевского специалистам, по существу должен заметить, что в трактате Константина Багрянородного речь идет, конечно, не о феодалах-вотчинниках, а о княжеских «мужах», получавших в лен сбор дани с общинников. О подобных пожалованиях князьями своих дружинников имеются сведения и в летописи. Так, Игорь «примучи Угличе, възложи на ня дань, и вдасть Свенделду» (своему воеводе); «и дасть же дань деревскую Свенделду...». Столь явное расположение князя к одному из «мужей» вызвало недовольство других. «И реша дружина Игореве: „се дал еси единому мужеве много“»⁸⁹. Значит, и другие претендовали на какую-то долю княжеских даней.

Дань раскладывалась по погостам и бралась с «двора», «дыма», «рала», «плуга»⁹⁰, т. е. с отдельных крестьянских хозяйств. В связи с этим погосты как поселения соседских общин приобретают новое значение — административно-фискальных округов. С именем княгини Ольги летопись связывает проведение в

⁸⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 408—409.

⁸⁸ М. Ю. Брайчевский. По поводу одного места из Константина Багрянородного. — «Византийский временник», т. XVII. М.—Л., 1960, стр. 144—154.

⁸⁹ НПЛ, стр. 109.

⁹⁰ Там же, стр. 105, 117, 130; ПВЛ, ч. I, стр. 16, 18, 42, 46, 58.

946—947 гг. ряда мероприятий, направленных к укреплению княжеской власти в пределах соседских общин: нормирование повинностей, получавших регулярный характер («уставляючи уставы и уроки»), устройство погостов как постоянных центров сбора дани («устави... повосты и дани...») ⁹¹.

Система «полюдья», т. е. поездок княжеских «мужей» за данью, постепенно сменяется «повозом», т. е. доставкой ее в определенный пункт погоста общинниками ⁹².

В. В. Седов указывает, что «случаи, когда погосты не связаны с общинными центрами», очень редки. «Нужно полагать,— пишет автор,— что такие административно-податные центры возникали в новых пунктах по воле властей в связи с тем, что общинное население оказывало сопротивление княжеским или волостным чиновникам» ⁹³. Тот же исследователь отмечает, что в Смоленщине сохранились городища-убежища IX—X вв. Это свидетельство, что «в начальный период становления феодализма... свободные общинники вынуждены были защищать свои права и земельные владения от посягательств феодалов» ⁹⁴, возводя такие городки.

Однако общинники постепенно утрачивали возможность свободно пользоваться доходами со своих земель, становившихся верховной собственностью государства, право самим распоряжаться продуктами своего труда, часть которых присваивалась господствующим классом в форме дани. Рассматривая крестьянские земли как государственные, княжеская власть начинает по своему усмотрению их отчуждать, причем вместе с крестьянами ⁹⁵. От XII в. об этом имеются уже ясные свидетельства. В 1130 г. великий князь Мстислав Владимирович велел своему сыну Всеволоду принести в дар новгородскому Юрьеву монастырю село Буйце с данью, вирами и продажами, а сам, кроме того, «дал рукою своею и осеннее полюдие даровное» ⁹⁶. Князь же Всеволод Мстиславич передал тому же монастырю рель на Волхове и Терпужский погост Ляховичи «с землею, и с людьми, и с коньми», и с угодьями ⁹⁷. Большой интерес представляет грамота князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославиц со смердами и другие земли ⁹⁸.

⁹¹ ПВД, ч. I, стр. 43.

⁹² Там же, стр. 59.

⁹³ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 126.

⁹⁴ Там же, стр. 32.

⁹⁵ Это обстоятельство почему-то не учитывает В. И. Горемыкина, когда пишет: «Князь выступал не в качестве собственника земли, а в качестве властелина на той или иной территории», где «сидело свободное общинное крестьянство» (В. И. Горемыкина. Указ. соч., стр. 40, 66).

⁹⁶ ГВНП, стр. 140—141, № 81.

⁹⁷ Там же, стр. 139—140, № 79—80.

⁹⁸ Там же, стр. 141, № 82; В. И. Коретский. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю.— «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 204—207; А. И. Семенов.

В только что вышедшем коллективном труде «Аграрная история Северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.» А. Л. Шапиро заново обратился к новгородскому актовому материалу XII в., рисуя складывание вотчинного землевладения. Он приводит выдержку из моей статьи «Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси»: «уже в X в. значительная часть обширных (у меня сказано „общинных“ — Л. Ч.) земель перешла в государственную феодальную собственность», — и указывает, что не может с этим согласиться. Очевидно, сказать надо было осторожнее, ибо о явлениях X в. мы можем более конкретно судить по источникам более поздним. Прав также Шапиро, когда говорит, что «нельзя всякие средневековые отношения властвования и подчинения рассматривать как право государственной собственности на землю». Но ведь он же отмечает, что «по мере развития феодальных отношений и развития феодального вотчинного хозяйства государственная власть накладывала лапу на общинные земли и все чаще распоряжалась ими». А раз так, то почему же расценивать грамоту на Буйце как «нечто среднее между пожалованием дани и пожалованием земли...»⁹⁹. «Нечто среднее» — это не историческая категория. Передается территория вместе с государственными доходами с нее. Почему переход Буйцы (Шапиро считает, что это не село, а волость) только «давал возможность для превращения черных земель в феодальную собственность»¹⁰⁰, а не означал их переход из собственности государственной в собственность церковную?

Спорна и предложенная Шапиро трактовка грамоты князя Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи, который передается Юрьеву монастырю «с землею и людьми». Во-первых, ничем не доказано, что это доменная земля, а не черная земля, во-вторых, нигде не следует, что «люди» — это холопы, а не крестьяне^{101–102}.

В Лаврентьевской летописи под 1158 г. говорится, что князь Андрей Боголюбский заложил во Владимире «церковь камену святую Богородицю» и пожаловал ей «много именья, и свободы купленыя и з даньми, и села лепшая...»¹⁰³. Здесь, очевидно, имеются в виду две разновидности земельной собственности: доме-

Неизвестный новгородский список грамоты князя Изяслава, данной Пантелеймонову монастырю. — «Новгородский исторический сборник», вып. 9, 1969, стр. 245—248. Грамота датируется 1148 или 1134 г. (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 2. М., 1951, стр. 115; В. Л. Янин. Из истории землевладения в Новгороде XII в. — В сб. «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 313—324).

⁹⁹ «Аграрная история Северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в.» Л., 1971, стр. 67.

¹⁰⁰ Там же, стр. 68.

^{101–102} Там же, стр. 67.

¹⁰³ ПСРЛ, т. 1, стб. 348.

ниальные княжеские села и земли, населенные крестьянами-данниками. Под тем же 1158 годом Ипатьевская летопись вспоминает вклад в Печерский монастырь, сделанный князем Ярополком Изяславичем, умершим в 1086 г.: «Сии бо Ярополк вда всю жизнь свою, Небльскую волость, и Дервьскую, и Лучьскую, и около Киева»¹⁰⁴. К более позднему времени (1287 г.) относится завещание волинского князя Владимира Васильковича о передаче своей вдове города Кобрин «и с людьми, и з данью» и села Городел («а людьє како то на мя страдале, тако и на княгиню мою по моемь животе»)¹⁰⁵.

Итак, процесс «окняжения» территории соседских общин приводил к их феодализации, к созданию фонда земель, которые впоследствии получили название «черных», к превращению дани в феодальную ренту. Этот процесс шел на протяжении X и XI столетий, его результаты отчетливо обнаружились к XII в.¹⁰⁶ Не понимаю заявления В. И. Горемыкиной: «Земельные пожалования монастырям исходили из административной власти князя, а не из права собственности на землю»¹⁰⁷. Раз князь отчуждал земли, значит он рассматривал их как государственный фонд.

Дифференциация соседской общины

Рассмотрим теперь другую сторону вопроса о генезисе феодализма: имущественную дифференциацию соседской общины в связи с ростом частной собственности. Соседские общины состояли из малых семей, которые вели индивидуальное хозяйство. В общем пользовании, очевидно, находились леса, выгоны, сенокосы. В. В. Седов, отмечая, что древнерусское название рядовых поселков, из которых состояли погосты-округа дофеодального типа, нам неизвестны, высказывает предположение, что в качестве такого названия употреблялся термин «весь»¹⁰⁸. Но

¹⁰⁴ Там же, т. II, стб. 492—493.

¹⁰⁵ ПРП, вып. 2, стр. 28.

¹⁰⁶ Так же шел процесс зарождения и развития феодальных отношений и в ряде других стран Европы и Азии. По словам Н. Ф. Колесниченко, «феодализм существовал и в „государственной“ форме, при которой вовсе не обязательно лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности», «между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных различий» (Н. Ф. Колесниченко. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. I. М., 1968, стр. 636). А. Л. Шапиро пишет о Руси: «Надо полагать, что в XI в. дань уже начала перерождаться в ренту продуктом и сливаться с нею, поскольку развивалось феодальное землевладение. Но, по источникам, этот процесс перерождения и слияния начинает проследиваться лишь с XII века» (А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю.— «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 69).

¹⁰⁷ В. И. Горемыкина. Указ. соч., стр. 67.

¹⁰⁸ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 30—31.

этот термин встречается преимущественно в памятниках церковно-поучительной литературы, причем в общей форме, как поселение не городское: «грады и веси»¹⁰⁹.

Гораздо вероятнее предположение, что крестьянские поселения в пределах погостов-общин назывались «селами» — термином, который впоследствии стал применяться главным образом к пунктам, принадлежавшим светским и духовным феодалам и населенным зависимыми от них людьми¹¹⁰. Таким образом, эволюция значения слова «село» (как и слова «погост») отражает процесс феодализации.

О поселениях крестьян, независимых от светских и духовных феодалов, говорит летопись, рассказывая об «обычаях» радимичей, вятичей, северян, которые устраивали «игрища межю селы». Самые разные населенные пункты деревенского типа (в том числе и такие, в которых жили крестьяне-данники) имеет в виду летописный рассказ под 988 г. о крещении людей «по всем градом и селом»^{111–112}. В таком же широком значении фигурирует слово «село» в «Поучении» Владимира Мономаха: «Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости деяти отроком ни своим, ни чюжим, ни в селлах, ни в житех, да не кляти вас начнуть»¹¹³. Наконец, и Русская Правда в статье о «гонении следа» упоминает «село», отнюдь не принадлежащее боярину или монастырю¹¹⁴.

Но особенно показателен летописный рассказ (под 1103 г.) о княжеском съезде у Долобского озера. Из речи Владимира Мономаха здесь наглядно выступает хозяйство крестьянина-данника¹¹⁵, над которым нависла опасность половецкого вторжения: «...Оже то начнеть орати смерд, и приехав половчин ударить и стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именем?»¹¹⁶ Село — это населенный пункт, где живет смерд, у которого семья, имущество, лошадь. Перед нами крестьянин, возможно аллодист¹¹⁷.

¹⁰⁹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 107.

¹¹⁰ Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 383.

^{111–112} ПВЛ, ч. I, стр. 15, 81.

¹¹³ Там же, стр. 157–158.

¹¹⁴ Б. А. Романов. Указ. соч., стр. 382.

¹¹⁵ Данные о крестьянах-аллодистах сохранились и в более поздних источниках (Л. В. Черепнин. Вотчинное право на Руси XIV—XV вв. — «Проблемы социально-экономической истории России». М., 1971, стр. 13–16).

¹¹⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 183.

¹¹⁷ Энгельс указывает, что в связи с развитием разделения труда и обмена «глубже подрывается старое общинное землевладение» и община «идет навстречу своему разложению, превращаясь в деревню мелких собственников-крестьян» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 166). В другом месте, отмечая, что находившиеся ранее «в общем владении пашни и луга стали подвергаться разделу по уже известному способу между возникшими теперь отдельными домашними хозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общи-

Возникновение аллодов как отчуждаемой частной собственности открывало путь дальнейшему социальному расслоению общины и появлению на одном полюсе лиц, имеющих условия для эксплуатации чужого труда, на другом — людей, лишенных средств производства и попадающих в зависимость от земельных собственников. Иначе сказать, создавались предпосылки роста феодальных вотчин. Сочетание же двух процессов — «окняжения» территории соседских общин и выделения из среды общинников аллодов порождает тот статус «черных волостей», который хорошо известен из документов XIV—XV вв.: «земля черная великого князя моей деревни»¹¹⁸. Другими словами, аллодисты делаются держателями земли, верховная собственность на которую принадлежит государству¹¹⁹.

Расслоение общины хорошо вскрывает летописный рассказ об убийстве древлянами князя Игоря в 945 г. На одном полюсе общества Древлянской земли находится местная знать — «лучшие мужи», «мужи нарочиты», «старейшины», «князья», на другом — народ — «люди», «людье». Знать живет за счет простых людей, которые «делают нивы своя и земле своя»¹²⁰. Процесс классового разложения дает заметные результаты уже к началу X столетия. В договорах Руси с Византией X в. упоминаются «светлые и великие князи», «великие бояре», «бояре» («боляре») ¹²¹. Конечно, здесь имеется в виду и родо-племенная знать, но, по всей вероятности, не только она, а и разбогатевшие общинники — представители рождающегося класса феодалов.

Княжеский домен

Собственниками складывающихся феодальных вотчин становятся князья, церковь, бояре. Раньше других, по-видимому, создаются княжеские домены (т. е. имения, принадлежащие не го-

ми», Энгельс добавляет, что «для России такой ход развития представляется исторически вполне доказанным» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 140).

¹¹⁸ АСЭИ, т. II, стр. 364, № 370.

¹¹⁹ По словам А. И. Неусыхина, «собственность каждого свободного общинника на обрабатываемый участок в сочетании с верховной собственностью на землю совокупности свободных данного поселения, объединенных в общину, является прочной производственной базой его свободы» (А. И. Неусыхин. Дофеодальный период, стр. 46). Когда верховная собственность от общины переходит к государству, понятие свободы общинников приобретает уже ограниченный характер. Тот же Неусыхин говорит, что в дофеодальный период свобода «имеет конкретное позитивное содержание полноправия», в феодальный «обозначает отсутствие известных форм личной и материальной зависимости того или иного лица от собственника землевладельца и становится чисто негативной (свободный — не крепостной)» (А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 33).

¹²⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 39—42.

¹²¹ Там же, стр. 25, 26, 35.

сударству, а самим князьям как феодалам). Одним из источников роста доменальных владений являются, надо думать, «окняженные» территории, населенные крестьянами-данниками.

Термин «село» применительно к княжеским имениям употребляется источниками XI—XII вв., но в рассказах о событиях начиная с X в. Так, в летописи упоминаются села княгини Ольги по Днепру и Десне¹²², сельцо Предславино на том месте, где князь Владимир «посади» одну из своих жен Рогнеду Полоцкую¹²³; сельцо, где Владимир держал наложниц (получившее затем наименование «Берестово»)¹²⁴. В Новгородской летописи под 1016 г. упоминается село Ракома — местопребывание князя Ярослава¹²⁵. Устюжский летописец под 970 г. называет село Будотино, куда княгиня Ольга сослала свою ключницу Мальку (Малушу)¹²⁶.

Некоторые историки относятся с недоверием к перечисленным данным. Действительно, источники слишком удалены от событий, о которых в них идет речь. Иногда перед нами позднейшее припоминание, а может быть, и домысел. Наконец, не ясно, что же это были за села: загородные замки или усадьбы, были ли они населены челядью или крестьянами и т. д. Однако для второй половины XI в. исследователи располагают источником, уже бесспорно свидетельствующим о наличии княжеского домена. Это так называемая Правда Ярославичей, датируемая скорее всего 1072 г. А ведь земельная собственность складывается не сразу, и княжеские села появились, конечно, не в 70-х годах XI в., а значительно ранее. Поэтому при всем критическом отношении к известиям о селах X в. нельзя их просто откинуть.

Для XII в. в нашем распоряжении уже более подробные сведения о княжеских имениях. Под 1146 г. летопись красочно описывает села князей Игоря Ольговича черниговского и Святослава Ольговича путивльского со множеством челяди, с дворами, гумнами, кладовыми, погребами, запасами вина, меда, с табунами коней и т. д.¹²⁷ Особенно интересно, что можно (конечно, гипотетически) связать с деятельностью одного из Ольговичей — Всеволода — издание определенных разделов Пространной редакции Русской Правды. Тем самым наглядно выступает воздействие социально-экономических отношений, складывавшихся в княжеском домене, на законодательство¹²⁸.

¹²² ПВЛ, ч. I, стр. 43 (947 г.); НПЛ, стр. 113.

¹²³ Там же, стр. 56 (980 г.).

¹²⁴ Там же, стр. 57 (980 г.).

¹²⁵ НПЛ, стр. 174.

¹²⁶ «Устюжский летописный свод». М.—Л., 1950, стр. 27.

¹²⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 331—334.

¹²⁸ Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда.— А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и др. Древнерусское государство..., стр. 258—268.

Грамота князя Ростислава Мстиславича Смоленской епископии 1136/37 г. интересна в другом отношении. В ней названы княжеские села (Дросенское, Ясенское «со изгой... и з бортником, и з землею») ¹²⁹, с которыми можно связать сохранившиеся до сих пор на Смоленщине селища ¹³⁰.

Вряд ли нужно приводить исчерпывающие данные о княжеских селах XII в. по всем источникам. Хотя прямых указаний на них и не так уж много, но весь имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о наличии в это время княжеского феодального землевладения. Существование его в указанную эпоху не является проблемой дискуссионной.

Земельная собственность бояр

Трудно сказать, когда появляется на Руси боярское феодальное землевладение. Этот вопрос пока еще не разрешен историками из-за недостатка источников.

Противоречивы мнения археологов. Б. А. Рыбаков, исследуя черниговский некрополь, датируемый им IX—X вв., и сопоставляя курганные группы, окружающие город, с летописными названиями сел, делает вывод: «...Рассредоточенность дружинных погребений может быть объяснена... *появлением у дружинников земельных владений вокруг города* (курсив автора), часть которых известна нам по именам». «Только владение землей, необходимость быть в селах, прочная связь с пригородными вотчинами могли создать такую яркую картину феодального рассредоточения черниговского некрополя», в котором имеются обычные могилы небольшого размера и крупные курганы с богатым инвентарем ¹³¹. По мнению исследователя, к началу X в. для феодалов Чернигова «вассалитет без земельных пожалований» был уже пройденным этапом ¹³².

К несколько иному выводу приходит на основе анализа смоленских владельческих поселений замкового типа В. В. Седов. По его мнению, время появления феодальных укрепленных усадеб падает на конец XI—начало XII в. Именно тогда княжеские «лучшие мужи» селятся «в собственных замках, посте-

¹²⁹ ПРП, вып. 2, стр. 41; Я. Н. Шапов. Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича.—«Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 37—47; А. В. Попиз. Учредительная грамота Смоленской епископии.—«Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 59—71.

¹³⁰ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 49.

¹³¹ И. И. Ляпушкин вносит в утверждения Б. А. Рыбакова поправку: все богатые погребения относятся только к X в.; богатых могил IX в. пока неизвестно (И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы..., стр. 163).

¹³² Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова.—«Материалы и исследования по археологии древнерусских городов». М.—Л., 1949, стр. 51—52.

ленно расширяя эти свои владения за счет земель свободных общинников»¹³³.

Вообще говоря, нет ничего удивительного в том, что в разных частях Киевской Руси процесс феодализации происходил неравномерно. Но, может быть, неодинаковые выводы двух исследователей объясняются различиями в методике изучения археологических памятников или неоднородностью последних. В таком случае положение историка, пользующегося археологическим материалом, затруднительно. Приходится обращаться к письменным источникам.

Показательно, что в Краткой редакции Русской Правды данных о боярском землевладении нет, и только в Пространной редакции (складывавшейся в конце XI—XII в.) мы находим сведения о «тивуне бояреске» (ст. 1), «бояреске рядовиче» (ст. 14), «боярстних холопах» (ст. 46), «боярстей заднице» (ст. 91).

В летописях, как уже говорилось, термин «село» встречается довольно часто, но в качестве обозначения имений бояр — со второй половины XI, а преимущественно с XII в. Вот несколько, правда хорошо известных, примеров. В 1096 г. князь Мстислав Владимирович, прервав военные действия, «распусти дружину по селом», а через некоторое время снова ее собрал для продолжения войны¹³⁴. В 1146 г. киевляне «розграбша... дружины» князей Игоря и Всеволода Ольговичей «и села, и скоты, взяша именья много в домех и в монастырех»¹³⁵. В 1150 г. князь Изяслав Мстиславич говорил своим дружинникам: «Вы есте по мне из Рускы земли вышли, своих сел и своих жизний лишився»¹³⁶. В 1177 г. войска князя Всеволода Юрьевича «села боярская взяша и кони и скот». В том же году рязанский князь Глеб Ростиславич «села пожже боярская»¹³⁷.

Сопоставляя все вышеизложенное, можно усомниться в правильности вывода Б. А. Рыбакова, что к X в. институт «вассалитета без ленов» уже изжил себя. Этот вывод, кстати, противоречит и летописному рассказу об Игоре и Свенельде и трактату Константина Багрянородного. Указанная система раздачи князьями дружинникам прав на получение дани, вероятно просуществовала еще долго. Появились ли у дружинников собственные имения уже в X в., мы сказать твердо не можем. Для второй половины XI в. — это факт бесспорный. Можно только подчеркнуть то, что было отмечено применительно к княжескому землевладению: феодальная собственность на землю склады-

¹³³ В. В. Седов. Указ. соч., стр. 124.

¹³⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 169. В. Т. Пашуто видит здесь указание на «кормление» дружины (В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси, стр. 52).

¹³⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 328.

¹³⁶ Там же, стб. 409.

¹³⁷ Там же, т. I, стб. 382—383.

вается медленно и надо думать, что первые сведения о ней попадают в источники значительно позднее того времени, когда она зародилась.

Другой вопрос, который должен быть поставлен, это — какой характер носило боярское землевладение: вотчинный или временный, условный? Прямых данных для ответа на него опять-таки нет. Но, по-видимому, бояре и княжеские «мужи» служили главным образом с вотчин¹³⁸. У нас нет сведений об условных земельных держаниях типа позднейших поместий. Получила довольно широкое признание точка зрения М. Н. Тихомирова о княжеских слугах «милостниках» как ранних помещиках¹³⁹. Она основана на весьма искусственном толковании ст. 111 Пространной редакции Русской Правды: «А в даче не холоп, ни по хлебе роботать ни по придатце; но оже не доходя ты года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноват еси». По мнению М. Н. Тихомирова, «милость» и «хлеб» — это земельное пожалование — бенефиций, которое держатель должен вернуть своему патрону, если до срока от него уйдет. Мне думается, что речь здесь идет совсем о другом — о том, что получивший ссуду с условием работать за нее в течение определенного срока мог освободиться от займодавца, или отработав долг, или вернув досрочно его неотработанную часть. Другими словами, закон запрещал обращать в холопство за ссуду.

Выражение «кормити хлебом» в приводимых М. Н. Тихомировым примерах из источников означает предоставление вассалу сюзереном не поместья (земельного участка), а «кормления», т. е. права на держание городов и волостей и получение с них доходов. В этом смысле Владимир Мономах указывает в письме Олегу черниговскому, что князь Мстислав Владимирович «сидеть... с малым братом своим, хлеб едучи дедень» в Ростове — своем родовом уделе¹⁴⁰. Тот же Олег в 1096 г. упрекал сына Мономаха — Изяслава: «Се бо мя выгнал из города отца моего. А ты ли ми зде хлеба моего же не хочещи дати?»¹⁴¹.

Исследователи давно уже обратили внимание на весьма колоритное место из летописного рассказа под 1093 г. о политике князя Всеволода Ярославича: «Сядящю бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих, яко начаша ему стужати, хотя власти ов сея, ово же другие; сей же, омиряя их, раздаваше власти им»¹⁴². Здесь речь идет о раздаче князьям-вассалам не просто земель, а «властей», т. е. территорий (в том числе и го-

¹³⁸ С. В. Юшков. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси, стр. 156—157.

¹³⁹ М. Н. Тихомиров. Условное феодальное держание на Руси XII в. — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей. М., 1952, стр. 100—104.

¹⁴⁰ ПВЛ, ч. 1, стр. 165.

¹⁴¹ Там же, стр. 168.

¹⁴² Там же, стр. 142.

родов), в пределах которых держатель пользовался государственными правами, вытекающими из верховной собственности.

В. Т. Пашуто первый четко поставил вопрос о «кормлении» как феодальном институте в Киевской Руси, связанном с отношениями сюзеренитета-вассалитета¹⁴³. Думается, что институт этот вырастал непосредственно из того порядка, при котором в лен жаловалось право на сбор дани¹⁴⁴. С «окняжением» государственной территории, с возведением на ней сети крепостей, с укреплением над ее населением княжеской власти, объектом пожалования в «кормление» делался комплекс политических прав, присущих верховной собственности, и связанных с ними доходов. Права эти дробились, а те, кто их получал (вотчинники-кормленщики или просто кормленщики), образовывали разветвленную иерархию земельных собственников и носителей политической власти, принимавшую вид своеобразной пирамиды, возвышавшейся над непосредственными производителями.

Земельная собственность церкви

Вопрос о церковном землевладении в настоящее время значительно прояснился благодаря исследованию Я. Н. Шапова¹⁴⁵. На основе скрупулезного исследования источников (главным образом княжеских уставов) он доказывает, что после принятия христианства, в X—XI вв., церковь существовала на средства, выделяемые ей государством в виде десятины от даней, судебных и торговых пошлин. Десятину во всех ее разновидностях автор считает «формой распределения ранней феодальной ренты» как ренты «совокупной» (в отличие от земельной в узком смысле слова)¹⁴⁶. Эта форма распределения характерна для того периода в истории общественного строя, когда наряду с княжеской вотчиной большое значение еще имели крестьянские общины, свободные от эксплуатации вотчинной и эксплуатируемые государством на основе взимания дани.

С ростом церковного землевладения значение десятины падает. Источником этого роста являются княжеские пожалования, сведения о которых относятся ко времени не ранее второй половины XI в., а в большей мере к XII в. В сказании о начале

¹⁴³ В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси, стр. 51—53.

¹⁴⁴ Не права В. И. Горемыкина, утверждающая, что дань, которую собирали киевские князья, будучи формой их кормлений, «не имела никакого отношения к процессу феодализации на Руси примерно до второй половины XII в.» (В. И. Горемыкина. Указ. соч., стр. 37).

¹⁴⁵ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти древней Руси.— А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и др. Древнерусское государство..., стр. 279—352.

¹⁴⁶ Там же, стр. 302. Я не уверен в целесообразности такого расширения понятия «рента».

Киево-Печерского монастыря, включенном в Повесть временных лет, говорится, что князь Изяслав Ярославич пожаловал монастырю «гору», недалеко от села Берестова¹⁴⁷ (этот вклад датируют 1061—1062 гг.)¹⁴⁸. В конце XI в. киевский митрополит Ефрем II (1092—1096 гг.) дал Печерскому монастырю церковь с селами¹⁴⁹. Выше говорилось о вкладе в Печерский монастырь трех волостей князем Ярополком Изяславичем (до 1086 г.)¹⁵⁰. Его дочь в 1158 г., следуя примеру отца, сделала в монастырь новое пожалование — 5 сел с челядью¹⁵¹.

Из новгородских материалов ранее были уже названы данные грамоты XII в. на земли князей Мстислава, Всеволода и Изяслава Юрьеву и Пантелеймонову монастырям, из смоленских — уставная грамота князя Ростислава местной епископии. При Андрее Боголюбском были заложены основы феодального землевладения Владимирской епископской кафедры. Церковь владела не только населенными селами и слободами, которые жаловали ей князья из своего домена и из государственного фонда, но и городами¹⁵².

Таким образом, в истории церковной феодальной собственности, так же как и земельной собственности князей и бояр, заметный перелом наступает со второй половины XI в. и особенно в XII в., когда Русь вступает из стадии раннего в период развитого феодализма. Церковь как феодальная организация занимает видное место в государственной системе того времени. Отводя ей высокую ступень на иерархической лестнице, княжеская власть оформляет специальными договорными актами (таковы грамоты Святослава Ольговича и Ростислава Мстиславича 1136/37 г.) свои с нею отношения по вопросам раздела ренты, судебных и административных прав.

Расчлененная форма земельной собственности

Феодальная собственность носила расчлененный характер, отразившийся в комплексе понятий, выработанных правосознанием того времени. Это прежде всего понятие «волоости» как

¹⁴⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 106.

¹⁴⁸ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти древней Руси, стр. 331.

¹⁴⁹ ПВЛ, ч. I, стр. 169; Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти древней Руси, стр. 332.

¹⁵⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 492.

¹⁵¹ Там же, стб. 493.

¹⁵² Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти древней Руси, стр. 333. Под 1176 г. в летописи говорится, что князья Мстислав и Ярополк Ростиславичи «святое Богородици Володимирское золото и серебро взяста... ключе полатни церковныя отъята и города ея и дани, что же башеть дал церкви тои блаженны князь Андреи...» (ПСРЛ, т. I, стб. 375).

территории определенного княжеского удела, верховным собственником которой является возглавляющий его правитель-князь.

В состав «волости» входят и города, и погосты, обложенные данью, и села (княжеские и других собственников). Так, в 1135 г. Всеволод Мстиславич с братьями «понидоша, воююще села и города Переяславской власти...»¹⁵³ В 1150 г. Андрей Боголюбский «еха... к отцю Киеву... да ему отец волость Туров и Пиньск и Дорогобужь и Пересопницю...»¹⁵⁴. В 1196 г. великий князь Всеволод «внида в волость их (Ольговичей) пойма города Вятские и землю их пусту створи»¹⁵⁵. Права князя как верховного собственника простираются и на население «волости», находящееся в феодальной зависимости того или иного характера. В 1100 г. Святополк Изяславич и его союзники предложили Володарю Ростиславичу: «Пойми брата своего Василка к собе, и буди вама едина власть, Перемышль... А холопа наша выдайта и смерды...»¹⁵⁶.

Конечно, характер феодальной собственности князя на территорию «волости» был совсем иным, чем на земли своего домена. В одном случае он был главой правящей феодальной иерархии земельных собственников, в другом — непосредственным землевладельцем. Но в обоих случаях земля и право на ренту (взимаемую ли централизованным путем через государственный аппарат или же частным образом через доменальные органы) являлись источником власти.

Термин «волость» в летописи обычно сопровождается притяжательным местоимением, указывающим, кому из князей она принадлежит: «моя», «твоя», «своя». Примеров можно привести множество: «пони на брать свой и прими волость его»; «выже-нем Ростиславича и волость их отымем»; «иди в волость отца своего..., а то есть волость отца моего»; «...а в чюжей волости не седи»; «...сынове его разидошася... каждо в свою волость»; «...моя волость пуста от половец»; «...начаста воевати волость Всеволю»¹⁵⁷ и т. д.

Феодальное право исходило из вотчинного принципа в распределении «волостей», из представления о «волости» как территории, принадлежащей к «отчине и дедине» определенной княжеской линии. Такой принцип — «каждо да держити отчину свою» — был отчетливо провозглашен на Любечском съезде князей 1097 г.¹⁵⁸ На практике принцип этот неоднократно нарушал-

¹⁵³ ПСРЛ, т. II, стб. 296.

¹⁵⁴ Там же, т. I, стб. 329.

¹⁵⁵ Там же, стб. 413.

¹⁵⁶ ПВЛ, ч. I, стр. 181.

¹⁵⁷ Там же, стр. 53 (975 г.), 153 (1096 г.), 168 (1096 г.), 169 (1096 г.); ПСРЛ, т. II, стб. 289 (1126 г.); т. I, стб. 395 (1185 г.), 434 (1208 г.).

¹⁵⁸ ПВЛ, ч. I, стр. 170.

ся бесконечными княжескими усобицами. Но из летописи видно, что он расценивался как правовая норма и идеальная формула междукняжеских отношений. В 1136 г. «вда Ярополк Олговичем отчину свою, чего и хотели». В 1140 г. Андрей Боголюбский «рече, съдоумав с дружиною своею: лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Коурьской княженьи; отец мой Коурьске не седел, но в Переяславли, хочю на своей отчине смерть прияти»¹⁵⁹. В обоих случаях, как и во многих других, летописный рассказ воспроизводит ходячие понятия о вотчинных основах княжеских претензий на «волости».

Взаимоотношения понятий «отчина» и «волость» сложны. Иногда они совпадают, ибо князь-правитель «волости» получал ее по вотчинному праву: она переходила к нему от отца и деда. Но в ряде случаев «отчина» выступает как совокупность «волостей», принадлежащих представителям одной княжеской линии. Каждый из них — верховный собственник принадлежащей ему территории («волости»), но все они образуют единый коллектив «отчичей», иерархически связанных друг с другом под главенством «старейшего» князя. Он осуществляет раздачу «волостей» и прав верховной на них собственности. Так, в конце XI в. «роздаял... города» князь Всеволод Ярославич¹⁶⁰. В середине XII в. «роздая волости детям своим» Юрий Долгорукий. В 1175 г. Мстислав и Ярополк Ростиславичи «розделивше волость Ростовскую седоста княжит». В 1180 г. князь Всеволод Юрьевич «иде к Рязаню... и поряд створив всеи братьи, роздав им волость их комуждо по старейшинству»¹⁶¹.

Иерархическая структура земельной собственности была связана с отношениями сюзеренитета — вассалитета. Их анализ, как уже указывалось, дан В. Т. Пашуто¹⁶².

* * *

Два этапа в процессе формирования феодальной земельной собственности — X — первая половина XI в. и вторая половина XI — XII в. — это не два периода, различные по системе производственных отношений: «дофеодальный» и «феодальный». Это два этапа развития феодализма: один — «раннефеодальный», другой — время, когда феодальное общество приняло уже развитой, сложившийся характер. К XII в. закончился генезис феодализма, начавшийся еще в рамках первобытнообщинного строя и интенсивно продолжавшийся в условиях раннефеодального древнерусского государства. В первый период преобладает вер-

¹⁵⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 299, 305.

¹⁶⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 171.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. I, стб. 345, 374, 388.

¹⁶² В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси, стр. 59—68.

ховная собственность на землю государства, во второй растет и ширится вотчинная собственность. Эти выводы подтверждаются рассмотрением эволюции форм феодальной зависимости, чему посвящается следующий параграф.

В заключение коснемся попытки возродить взгляд на Киевскую Русь как рабовладельческое государство, сделанной В. И. Горемыкиной. Она очень строга к своим предшественникам, особенно к Б. Д. Грекову, упрекая его в догматическом подходе «к отдельным высказываниям классиков марксизма-ленинизма без учета важнейших положений марксистско-ленинской теории» и в пользовании «логическим методом», основанным не на фактах, не на источниках, а на догадках¹⁶³. Горемыкиной кажется, что она доказала «несостоятельность концепции о феодальном строе Киевской Руси»¹⁶⁴.

Какова же система ее доказательств? В чисто теоретическом плане — это представление о единстве всемирно-исторического процесса, выражающемся в последовательной смене общественно-экономических формаций. Утверждение о рабовладельческом характере древнерусского государства — «свидетельство правильности его развития от родового строя к рабству и через него к крепостничеству, о чем писал В. И. Ленин»¹⁶⁵. Но понятие единства всемирно-исторического процесса предполагает последовательную смену формаций как генеральную линию, как основное направление пути общественного развития человечества, а не как стандарт, которому следуют все страны и народы. Поэтому вообще не серьезна постановка вопроса о «правильности» или «неправильности» исторического процесса. Это термины не научные. Следует говорить об общих и частных его закономерностях.

Что касается фактической стороны, то автор в основном ссылается на Русскую Правду, которую (так же, как Закон Судный людем) считает «законом рабовладельцев»¹⁶⁶. Но такая квалификация памятников, равно как и утверждения, что, судя по Русской Правде, «хозяйство князя базировалось на эксплуатации труда рабов», «людей рабского состояния — смердов-холопов... и рядовичей — наемников или поденщиков...»¹⁶⁷, никого не убеждают, ибо все это голословно. Русская Правда — памятник сложный и многослойный. Пользование им требует применения квалифицированной источниковедческой методики, и потребительское отношение к памятнику ученому противопоказано.

¹⁶³ В. И. Горемыкина. Указ. соч., стр. 74.

¹⁶⁴ Там же, стр. 72.

¹⁶⁵ Там же, стр. 74.

¹⁶⁶ Там же, стр. 68.

¹⁶⁷ Там же, стр. 22.

ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Этой проблемы я уже касался в специальной статье¹⁶⁸. Ее основные положения мне и сейчас представляются правильными. Но работы, вышедшие со времени опубликования этой статьи, заставляют заново вернуться к некоторым вопросам.

Общий процесс формирования феодально зависимого крестьянства на Руси проходил, как мне кажется, в следующих направлениях. Свободное крестьянство именовалось в древней Руси термином «люди». С утверждением феодального способа производства этот термин стал обозначать население, зависимое от земельных собственников. Превращение свободного «людина» в феодально зависимого крестьянина было явлением сложным и длительным.

В связи с переходом значительной части земель, населенных свободными общинниками, в верховную собственность (их «окняжением») эти крестьяне, поступающие в зависимость от государства, начинают эксплуатироваться путем сбора дани и получают название «смерды» (впоследствии — «черные люди»). С течением времени среди смердов-данников выделяется группа крестьян, «заложившихся» за князя как вотчинника и эксплуатировавшихся в его хозяйстве (впоследствии — дворцовые крестьяне).

В связи с ростом имущественного неравенства внутри соседской общины из ее состава выделялись люди, лишенные средств производства, — «изгои». В число «изгоев» попадали и выкупившиеся или отпущенные их господином на волю рабы. В дальнейшем изгои были вынуждены идти в кабалу к феодалам, получая от них земельные наделы и ссуду.

Одним из каналов формирования класса феодально зависимого крестьянства было рабство. Первое классовое деление общества на рабовладельцев и рабов нашло отражение в появлении на Руси терминов «раб» и равнозначного ему по смыслу «челядин». Наиболее ранней формой эксплуатации являлась эксплуатация патриархального раба — «работа». В дальнейшем, с развитием феодальных отношений, названия «челядин» — «челядь» приобрели значение, аналогичное термину «люди» — феодально зависимое население, а термин «работа» стал обозначать повинности (преимущественно барщинные) всего зависимого населения феодальной вотчины. Следовательно, часть патриархальных рабов переходила на положение крестьян.

В процессе дальнейшего роста частного феодального землевладения (княжеского, боярского, церковного) появляется категория зависимых крестьян-закупов. Закупам становились, с од-

¹⁶⁸ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. — «Исторические записки», кн. 56, 1956, стр. 235—264.

ной стороны, свободные общинники («люди») или смерды-даиники, в результате разложения соседской общины превращающиеся в изгоев и вынужденные идти в долговую кабалу; с другой стороны, получившие свободу и снова терявшие ее «челядины» (другая категория изгоев). Закупничество представляло собой наиболее тяжелую форму феодальной зависимости, близкую к крепостничеству.

Поскольку положение закупа было близко к положению раба, потребовалось провести в законе грань между этими двумя социальными категориями. Вместо единого термина «челядин» появляются два новых: «закуп» и «обельный» (или «полный») холоп.

Рассмотрим же более конкретно эволюцию отмеченных выше социальных категорий.

«Люди»

В наиболее ранних источниках основная масса сельского и городского населения Киевской Руси носит, как говорилось выше, название «люди»¹⁶⁹. В Краткой редакции Русской Правды под этим термином выступают все свободные, но преимущественно крестьяне-общинники в противоположность феодалам. Так, например, устанавливая штраф за убийство общинника в 80 гривен, Русская Правда подчеркивает, что в уплате этого штрафа не принимают участия члены общины, к которой принадлежит убийца («а людем не надобе», ст. 19). В другой статье памятника говорится, что человек, убивший в своем дворе вора («татя») после того как он был задержан и связан, причем это видели соседние общинники («а люди будуть видели связан»), должен уплатить за убийство виру (ст. 38). В таком же смысле употребляется термин «люди» и в Пространной Правде. В ст. 3 памятника «людин» противопоставляется княжому мужу. В ст. 7 говорится, что общинники («люди») не несут ответственности за разбойника, вышедшего из их среды. В ст. 8 указано, что общинники («люди») не помогают в уплате виры тому члену общины, который не участвует в круговой поруке. Ст. 40 Пространной Правды воспроизводит то же, что говорит ст. 38 Краткой Правды о «людях», привлекаемых в качестве свидетелей по делу об убийстве задержанного вора. В ст. 77, где речь идет о розыске вора («татя») по его следу, упоминается место, «где же не будеть ни села, ни людий», т. е. населенных крестьянских пунктов.

В Начальной летописи термин «люди» также употребляется для наименования широких слоев сельского и городского насе-

¹⁶⁹ Это отмечено А. А. Зиминим (ПРП, вып. 1, стр. 99).

ния¹⁷⁰. Сохранение в течение длительного времени этого термина в значении свободного населения указывает на то, что шедший в Киевской Руси процесс феодализации неодинаково затрагивал отдельные сельские крестьянские общины; жители многих из них, утрачивая сословную полноправность, сохраняли личную свободу.

Когда феодальный способ производства стал господствующим, а собственность на землю феодалов сделалась основой эксплуатации непосредственных производителей материальных благ, термин «люди» приобрел значение феодально зависимого крестьянства, эксплуатируемого государством путем сбора дани¹⁷¹ или частными феодалами путем привлечения к барщине или взимания оброка¹⁷². В позднейших актах слово «люди» обычно сопровождается указанием на то, что эти «люди» (крестьяне) находятся в зависимости от тех или иных разрядов феодалов («люди» великого князя, монастырские, боярские и т. д.).

Положение свободного общинника в Киевской Руси изучено явно недостаточно. Поэтому следует приветствовать попытку Е. Д. Романовой в какой-то мере восполнить этот пробел, посвятив данному вопросу специальную статью¹⁷³. Очень хорошо, что за это дело взялся медиевист, прошедший школу А. И. Неусыхина и владеющий его методикой изучения варварских Правд. Можно согласиться с главным выводом Е. Д. Романовой, что во времена создания Русской Правды черты «дофеодального уклада» на Руси были еще сильны¹⁷⁴.

Однако многое в работе Е. Д. Романовой вызывает серьезные возражения. Прежде всего она рассматривает Русскую Правду и Краткой и Пространной редакций как единое законодательство. Тем самым исследовательница идет вразрез со всей предшествующей историографией, доказавшей, что это памятник сложный, состоящий из ряда отдельных частей, возникших в разное время, — памятник, создававшийся под воздействием острых социальных конфликтов и отразивший общественную жизнь не в статике, а в динамике.

Эта выдвинутая Е. Д. Романовой источниковедческая предпосылка, с которой нельзя согласиться, приводит автора к утверждению тезиса, также неприемлемого: о социальной направлен-

¹⁷⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 43, 47 и др.

¹⁷¹ См., например, грамоту XII в. князя Всеволода Мстиславича Юрьеву монастырю на Терпужский погост Ляховичи «с землею и с людьми...» (ГВНП, стр. 139, № 80) или грамоту князя Владимира Васильковича 1287 г. своей жене на город Кобрын «и с людьми, и з данью...» (ПРП, вып. 2, стр. 27—28).

¹⁷² См., например, грамоту Владимира Васильковича своей жене на село Городел: «а людье како то на мя страдале, тако и на княгиню мою по моему животе...» (ПРП, вып. 2, стр. 27—28).

¹⁷³ Е. Д. Романова. Указ. соч., стр. 76—90.

¹⁷⁴ Там же, стр. 90.

ности законодательства, представленного Русской Правдой. Е. Д. Романова считает, что нормы Правды «регулируют взаимоотношения князя со всем прочим свободным населением», охраняют жизнь, личность, собственность «простого свободного», «свободного общинника». «...Нигде,— пишет Е. Д. Романова,— ни в Краткой, ни в Пространной Правде, не оговаривается, ...чья собственность нарушена. Собственник этих земель также „всякий“, „каждый“, „некто“, как и нарушитель, обязанный отвечать за свои поступки перед общим судом. Это тот же простой свободный, тот же свободный общинник, с которым мы имеем дело в подавляющем большинстве статей Русской Правды»¹⁷⁵.

Выражение (весьма расплывчатое) «в подавляющем большинстве», конечно, несколько ограничивает утверждение Е. Д. Романовой. Но даже приняв во внимание это ограничение, невозможно допустить, что в глазах составителей Правды, особенно тех, кто ее редактировал в XII в., стояла фигура свободного аллодиста, а не феодала-собственника. Конечно, под покровом феодальных норм, которыми пронизаны Правда Ярославичей и Пространная Правда, можно разглядеть целый ряд общинных институтов, и очень важно извлечь их оттуда. Но для этого надо отбросить идею о Правде как едином законодательстве, не дающем возможности «говорить о разных социальных группах с различным правовым статусом»¹⁷⁶. Бесспорно, статьи о «переорании» меж, об уничтожении бортовых «знамен» и т. д. имели общее применение, именно поэтому и нужно раскрыть социальную действительность, для которой они предназначались, во всей ее сложности и противоречивости. Только тогда «свободный общинник как представитель полноправного свободного населения Киевской Руси во время составления и действия Русской Правды, т. е., как обычно принято считать, в XI—XII вв.»¹⁷⁷, займет реально принадлежавшее ему место в общественной жизни.

«Челядь»

Выше уже говорилось, что первой формой эксплуатации на Руси была эксплуатация раба. Слово «раб» встречается в ряде источников, особенно литературного (преимущественно церковно-литературного) характера¹⁷⁸. Но большое распространение получил и другой термин — «челядин», фигурирующий в некоторых правовых памятниках, в летописях и пр.

¹⁷⁵ Е. Д. Романова. Указ. соч., стр. 89.

¹⁷⁶ Там же, стр. 87.

¹⁷⁷ Там же, стр. 90.

¹⁷⁸ См. об этом Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 237—239.

О том, что наиболее раннее значение слов «челядин», «челядь» — это рабы, свидетельствуют договоры начала X в. киевских князей с Византией. Так, в договоре 911 г., заключенном при князе Олеге, сказано, что в случае, если челядин убежит или будет украден, или насильно продан, его владелец из числа русской знати, находящейся в Византии, имеет право требовать возврата челядина при содействии византийских властей. В том же договоре говорится о праве как византийцев, так и русских выкупать пленных и проданных соотечественников («да искупать и»), уплачивая за них установленную цену («челядинная цена») ¹⁷⁹. О возврате владельцу беглого челядина, а также о праве выкупа пленных имеются соответствующие условия и в договоре с Византией киевского князя Игоря 944 г. ¹⁸⁰

Таким образом, по договорам русских князей с византийскими императорами начала X в. челядин выступает как объект купли-продажи ¹⁸¹; челядин принадлежит господину, и попытка освободиться от его власти путем бегства карается законом. В то же время закон санкционирует право челядина на выкуп.

Аналогичные выводы относительно положения челядина можно сделать и на основе так называемой Древнейшей Правды. В ней имеются постановления, регулирующие куплю-продажу челяди и утверждающие право господина требовать возврата беглого челядина ¹⁸². Эти статьи повторяются с некоторыми добавлениями и в Пространной Правде ¹⁸³. В последнем памятнике упоминается еще «плод от челяди», который, подобно тому как и «плод от скота», является собственностью господина, передаваемой по наследству. Наконец, устанавливается судебная пошлина, взыскиваемая при освобождении челядина от рабства ¹⁸⁴. Повесть временных лет также подразумевает под челядью рабов ¹⁸⁵.

Несомненно, что значительную часть челяди, особенно на ранних этапах ее истории, составляли пленные. Но, думается, нет оснований для утверждений И. Я. Фроянова, что «челядинами» всегда назывались рабы-пленники, что «плен был единственным

¹⁷⁹ ПрП, вып. 1, стр. 8—9, статьи 9, 11, 12; стр. 20—22 (комментарий А. А. Зимина).

¹⁸⁰ Там же, стр. 32—33, статьи 3, 4, 7; стр. 44—47 (комментарий А. А. Зимина).

¹⁸¹ А. А. Зимин выдвигает такую концепцию. В VI—IX вв. рабство на Руси, возникающее преимущественно в результате захвата пленных, носит патриархальный характер. В IX—X вв. рабы делаются предметом торговых сделок и не задерживаются на Руси. С X в. начинается закабаление свободных соплеменников, хотя основным контингентом рабов остаются пленники. С конца X в., особенно в XI в., в связи с развитием феодальных отношений, труд рабов все в большей мере применяется в сельском хозяйстве (А. А. Зимин. Холопы в Древней Руси, стр. 39—75).

¹⁸² Краткая Правда, статьи 11, 16.

¹⁸³ Пространная Правда, статьи 32, 38.

¹⁸⁴ Там же, статьи 99, 107.

¹⁸⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 39, 45, 48.

источником челяди»¹⁸⁶. Аргументация И. Я. Фроянова не убеждает. Одно его соображение сводится к тому, что «в массе летописных преданий о ратных делах немало таких, которые непосредственно оперируют термином «челядь»: «полонища челядь», «взяста веже с челядью» и т. д.¹⁸⁷ Но эти примеры ничего не доказывают, ибо они имеют в виду не то, что пленники обращены в челядь, а то, что челядь взята в плен или возвращена из плена.

Другое соображение И. Я. Фроянова вызвано сопоставлением двух терминов, встречающихся в Русской Правде и других источниках: более раннего — «челядин» и более позднего — «холоп». Автор считает, что указанные термины «отразили разные источники рабства: в первом случае — это плен, во втором размыывание внутренних основ общества, появление внутри него разорившихся элементов...»¹⁸⁸. Говоря более простым языком, челядин, по Фроянову, — раб-пленник, холоп-человек, вынужденный идти в рабство в силу экономической необходимости. Исторические памятники, говорит И. Я. Фроянов, «не смешивают этих двух категорий зависимого населения»¹⁸⁹. Автор ссылается при этом на ст. 110 Пространной Русской Правды, в которой в числе источников холопства отсутствует плен (ибо пленный якобы становится не холопом, а челядином).

Замечания И. Я. Фроянова безусловно остроумны. Но из них никак не вытекает, что челядь состояла только из пленных. Мне кажется, этот тезис надо отвергнуть. Слово «челядь» могло покрывать разные формы рабства. О том же, где искать водораздел между челядином и холопом, речь будет идти в дальнейшем, в связи с анализом термина и понятия «холопство».

Переходя к вопросу об эксплуатации челяди, надо сказать, что ранние сведения об использовании ее труда на пашне относятся к XI в. (а содержатся в источниках более поздних). Но, вероятно, применение рабской силы в сельском хозяйстве началось со времени зарождения вотчинного землевладения, т. е. еще в X в.

Интересные рассказы (можно сказать, живые бытовые зарисовки, хотя и с налетом литературной стилизации) имеются в Киево-Печерском Патерике. Там говорится про Феодосия, что он, «начат на труды подвижнее быти, яко же исходити ему с рабы своими на село делати с всякым прилежанием». В других местах этого памятника «рабы» также упоминаются вместе с «селами» («сиа же вся Христа ради остави: и жену, и дети, дом, и власть, и братию, други и рабы, и села...»). Очень интересен рассказ о монахе Киево-Печерского монастыря Федоре. Он якобы выполнял работу, положенную рабам («сам же вдасть

¹⁸⁶ И. Я. Фроянов. О рабстве в Киевской Руси, стр. 86, 88.

¹⁸⁷ Там же, стр. 86.

¹⁸⁸ Там же, стр. 90.

¹⁸⁹ Там же, стр. 91, 93.

себе в работу велию, да не паки, празден быв, место подасть ленисти.. и се в многа лета творяше, работаа на святую братию, и легота бываше рабом»). «Работа» заключалась в том, что Федор молотл жито, привозимое «от сел». Однажды Федора стал искушать бес. Тогда он заставил беса молотить жито, пригрозив ему: «Не престани от работы, дондеже измелеш все жито, да и ты поработаеши на святую братию». Другие бесы, искушавшие инока, также «съузу себе работную приискавшие»¹⁹⁰.

Хотя слово «раб» в церковных памятниках могло иметь и не прямой и узкий смысл, а означать вообще зависимого человека, во всяком случае пользование феодалами в XI в. рабским трудом несомненно. Рассматривая кодекс Ярославичей и Пространную Правду, А. А. Зимин делает вывод: «Феодализация шла в этот период за счет использования внутренних ресурсов крупного хозяйства, за счет трансформации труда челяди. Хозяйство князя по Уставу Ярославичей не знает еще применения труда ни свободных общинников, ни изгоев. Процесс феодализации на этом этапе поддается только такому толкованию, иначе придется делать ставший традиционным искусственный скачок прямо во вполне сложившееся крепостное право...» Ниже автор указывает, что в результате «розысков следов видоизмененного рабства в наших русских источниках решается очень существенная методологическая проблема, объясняются многие черты позднейших феодальных отношений, восстанавливается необходимая постепенность и последовательность сложного процесса феодализации, который нельзя с самого начала упрощать до феодально-крепостнической системы, взятой из разложившейся общины»¹⁹¹.

Надо отдать должное и источниковедческому поискам А. А. Зимина, и его теоретическим находкам при решении большой методологической проблемы о роли рабства в деле становления феодальных отношений. При этом думается, что трансформация труда челяди была лишь одной из линий этого сложного процесса. А параллельно можно разглядеть другие линии, по которым шел охват соседской общины данью и выделение из ее среды людского материала, из которого формировалось феодально зависимое крестьянство. И это был вовсе не искусственный скачок, а закономерный и длительный переход от свободной общины, с одной стороны, рабства — с другой к крепостничеству как результат взаимодействия трех линий развития.

Указанное взаимодействие приводит к тому, что термины «челядин» — «челядь» постепенно перерастают свое первоначальное узкое значение, сливаясь с названием «люди» в качестве обозначения всего зависимого от феодалов населения. В этом смыс-

¹⁹⁰ «Патерик Киево-Печерского монастыря». СПб., 1911, стр. 17, 18, 84, 116—117, 184, 213—215.

¹⁹¹ А. А. Зимин. Холопы в Древней Руси, стр. 56.

ле термины «челядин» — «челядь» встречаются в летописных рассказах о войнах XI—XIII вв., во время которых князья захватывали зависимых людей противника¹⁹². В данной Варлаама Хутынского новгородскому Спасскому монастырю XII в. говорится о передаче земли с «челядью и с скотиною». В числе «челяди» упомянуты «отроки» и «девки» (может быть, — рабы, может быть, — нет)¹⁹³.

Челядь живет по селам: «вда княгини 5 сел и с челядью»¹⁹⁴, «ехаша на село... и поемше дорогу от села, оже челядь бежала к лесу»¹⁹⁵ восставшие новгородцы села «распродаша и челядь»¹⁹⁶.

Наряду с термином «челядь» в источниках употребляется термин «люди» («и стояше велику пакость створиша, села пожгоша, люди повоеваша»¹⁹⁷; «и възяша села без учта съ людми, и с мужи, и съ женами, и коне, и скоты, и овыце...»¹⁹⁸; «и село пожгоша..., а людьє оуидоша, и мног полон възяша, скоты и коне»¹⁹⁹; «и сельских людеи много избиша»²⁰⁰). Из этих терминологических наблюдений видно, что значительная часть прежде свободных общинников — «людей» переходила в состав феодально зависимой челяди²⁰¹.

Челядь выполняла барщинные работы. В постановлениях Владимирского собора, изложенных в грамоте митрополита Кирилла 1274 г., в «вещех греховных» обвиняется тот, кто «челядь друча голодом и наготою, страдою насилье творя»²⁰². «Страда» — это, очевидно, барщинные работы. В связи с изменением значения термина «челядь» пережил известную эволюцию и термин «работа». Обозначая первоначально эксплуатацию рабского труда, он впоследствии получил значение повинностей (по-видимому, барщинных) феодально зависимого населения в целом. Такой смысл имеют термины «работа», «работать» в позднейших летописях. Про ростовского епископа Федора летопись говорит, что «много пострадаша человеци от него в держание его, и сел

¹⁹² ПВЛ, ч. I, стр. 149, 160, 185; ПСРЛ, т. II, стб. 219, 255, 393, 502, 608, 669, 677, 678, 698, 889, 911, 936.

¹⁹³ ГВНП, стр. 161, № 104.

¹⁹⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 493.

¹⁹⁵ Там же, стб. 887.

¹⁹⁶ НПЛ, стр. 51, 248.

¹⁹⁷ ПСРЛ, т. II, стб. 506; т. I, стб. 349.

¹⁹⁸ Там же, т. II, стб. 556; см. также стб. 560, 562; т. I, стб. 358.

¹⁹⁹ Там же, т. I, стб. 303; см. также стб. 361, 363, 529.

²⁰⁰ ПЛ, вып. I, стр. 31.

²⁰¹ С. А. Покровский пишет, что это мое заключение «лишено каких бы то ни было оснований» (указ. соч., стр. 155). Я не понимаю, чем вызвано столь решительное и безапелляционное суждение? Сближение терминов часто свидетельствует о сближении понятий и явлений, этими терминами обозначаемых. Впрочем, особенностью данного автора является категоричность выводов по всем вопросам, в том числе и по таким, по которым нет достаточного числа источников. Он не признает суждений, ограничиваемых словами: «может быть» (там же, стр. 154).

²⁰² РИБ, т. VI, стб. 91; см. также стб. 107.

изнебыша, оружия и конь, друзни же роботы добыша, заточенья же и грабления»²⁰³. В этом тексте под «работой», по-видимому, имеется в виду труд всего сельского населения, находившегося в феодальной зависимости от церковного землевладельца.

«Изгой»

На заре формирования феодальных отношений появляется социальная категория, известная под именем «изгой». Она упоминается в Русской Правде, но всего один раз²⁰⁴. Изгоя обычно толкуют как человека, вышедшего из общины (изжитого: от слов «гойть» — жить, «гобино» — жизнь). «Гобино», «жито», «жизнь» — термины, означающие продукты земледельческого труда крестьянина. В более поздних актах XIV—XV вв. слово «жить» применительно к крестьянину означает обрабатывать земельный участок своим трудом, добывая прибавочный продукт. Отсюда позднейший термин «старожилец». Термин «изгой» прямо противоположен слову «старожилец». Изгой — это крестьянин, лишившийся земли и средств производства и вынужденный идти в феодальную зависимость²⁰⁵.

В уставной грамоте князя Ростислава Мстиславича Смоленского 1136/37 г. (с припиской 1150 г.) говорится о передаче епископской кафедре сел «со изгой и з землею». И. И. Смирнов доказывает, что здесь под изгоями имеются в виду люди, порвавшие связь с соседской общиной²⁰⁶. Вряд ли только можно согласиться с автором, что в момент пожалования села не входили в состав княжеского домена, а являлись «общинной земельной собственностью». Тот, кто пользовался общинной землей, не был изгоем.

Грамота Ростислава — пожалуй, единственный правовой источник времени Киевской Руси (кроме Русской Правды), упоминающий изгоев из числа прежних общинников. Слово «изгой» в этом значении не получило широкого распространения. Появившись в начальный период возникновения феодальных отношений, оно исчезает в процессе феодализации соседских общин.

Другой источник изгойства — это выкуп из рабства. Изгоем становился выкупившийся на свободу челядин-холоп, который в дальнейшем мог перейти в вотчинные крестьяне²⁰⁷. Перед нами два потока, ведущих в русло складывающейся феодальной системы.

²⁰³ ПСРЛ, т. II, стб. 552; т. I, стб. 355.

²⁰⁴ Ст. 1 Краткой и Пространной редакций Русской Правды.

²⁰⁵ Об этом см. Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 243—244.

²⁰⁶ И. И. Смирнов. К вопросу об изгоях. — «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия». Сборник статей, стр. 106.

²⁰⁷ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 244—245.

«Смерды»

С процессом перехода земли в государственную собственность связано, по-видимому, возникновение термина «смерды», появляющегося в памятниках письменности с XI в. Существующие в литературе точки зрения на смердов как на свободных общинников или как на все древнерусское крестьянство не подтверждаются источниками.

В ряде новгородских актов смердами называются крестьяне, живущие на казенной земле и уплачивающие дань государству. Так, в дарственной грамоте середины XII в. князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю на село Витославиц и другие земли, которые он передал, «испрошав» их «у Новгорода», имеется фраза: «А смердам витославицам не потянути им ни ко князю, ни к епискупу, ни в городские потугни к смердам, ни в какие потугни иною вивирцою»²⁰⁸. Отсюда видно, что смерды — государственные крестьяне, выполнявшие по разверстке повинности в отношении князя и Новгорода. С переходом государственных земель в монастырь сидевшие на них смерды должны были нести повинности монастырским властям и освобождались от обязанности участвовать в раскладке их вместе со смердами, оставшимися в зависимости от князя и Новгорода.

В договорах Новгорода с князьями XIII и последующих веков, воспроизводящих старинные правовые отношения, встречается повторяющаяся в разных вариантах формула: «кто купецъ, поидеть в свое сто; а смерд поидеть в свои погост»; «а купецъ поидет во сто, а смерд потянет в свои потуг»²⁰⁹.

В смысле зависимых от государства данников «смерды» упоминаются в Новгородской летописи. Под 1169 г. говорится: «и отступиша новгородьци и опять воротившеся, взяша всю дань, а на суждальских смърдех другую...»²¹⁰. Под 1193 г. в летописи помещен рассказ о походе новгородцев на Югру, которая после пятидневной осады ее города обратилась к осаждающим с просьбой: «А не губите своих смърд и своей дани»²¹¹. В 1196 г. князь Ярослав, княживший в Торжке, «и по волости тои и дани пойма и по верх Мсты за волоком дани пойма на смърдех по своей воли»²¹². В 1229 г. князь Михаил черниговский «вда свободу смърдом на 5 лет дании не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, кто сде живеть, како уставили переднии князи, тако платите дань»²¹³. В свете всех приведенных изве-

²⁰⁸ В. И. Корецкий. Указ. соч., стр. 204—227.

²⁰⁹ ГВНП, стр. 16, 20, 22, 30, 41, № 6, 9, 10, 15, 22.

²¹⁰ ПСРЛ, т. III, стр. 14—15.

²¹¹ Там же, стр. 21.

²¹² ПСРЛ, т. XXV, стр. 98.

²¹³ НПЛ, стр. 68, 274.

ствий, можно думать, крестьян-данников имеет в виду и рассказ Новгородской летописи под 1016 г. о том, как князь Ярослав Владимирович одарил деньгами новгородских воинов, помогших ему в его борьбе со Святополком: «И нача вое свое делити: старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородьчем по 10 всем»²¹⁴.

Некоторые данные, подтверждающие изложенное выше понимание смердов, имеются и в материалах, относящихся к Галицкой Руси, где из смердов формировалось пешее войско. В 1159 г. во время борьбы князя Ярослава Осмомысла с Иваном Берладником последний пытался занять г. Ушицу, где была засада Ярослава; тогда смерды из войска засады стали перебегать через городские стены к Берладнику («а смерди скачючъ черес заборолъ к Иванови»)²¹⁵. Под 1219 г. в летописи говорится о том, что польские войска, захватившие Галицкую землю, «смерды избьени быша»²¹⁶. В 1245 г. князь Ростислав собрал в Перемышльской земле «смерды многы пыщце»²¹⁷.

Термин «смерд», «смерды» равнозначен позднему термину «черный человек», «черные люди», как назывались в XIV—XV вв. крестьяне, «сидевшие» на государственной земле и «тянувшие» «данью», «проторами» и «потугами» (т. е. выполнявшие ряд повинностей в пользу государства) согласно раскладке, проводившейся внутри крестьянских общин²¹⁸.

Однако слово «смерды» в XI в. означало не только государственных крестьян. В связи с развитием феодальных отношений среди крестьян-данников, сидевших на окняженной земле, выделялась особая группа, находившаяся в более тесной и непосредственной зависимости от князей вотчинников (типа последующих дворцовых крестьян). О них дает очень глухие и недостаточные сведения Правда Ярославичей. Ст. 26 этого памятника говорит, что за убийство смерда взыскивается штраф в 5 гривен, как и за убийство холопа. Ст. 33 запрещает «мучить» смерда (подвергать его пытке) «без княжа слова», т. е. устанавливает непосредственную подсудность смердов княжескому суду. Упоминается также рабочий конь смерда, за кражу которого взимается штраф меньший, чем за кражу княжеского коня (ст. 28). Пространная Правда повторяет и в ряде случаев дополняет эти постановления. Так, устанавливаются «уроки» (нормы) штрафа

²¹⁴ Там же, стр. 15, 175.

²¹⁵ ПСРЛ, т. II, стб. 497.

²¹⁶ Там же, стб. 738.

²¹⁷ Там же, стб. 797.

²¹⁸ Термин «черные люди» встречается в летописи уже в XII в. При описании битвы князя Игоря Святославича с половцами в 1185 г. говорится, что русские воины «молвахуть бо,— оже побегнемъ, утечемъ сами, а черныя люди оставим, то от бога ны будеть грех, сих выдавше, пондемъ» (ПСРЛ, т. II, стб. 641).

(«продажи»), уплачиваемого смердами за кражу скота (ст. 45). Статья о «мукe» смердов в Пространной Правде отредактирована несколько иначе, чем в Краткой редакции памятника. Речь идет здесь о случае, когда не вообще «смерд умучат» без княжеского повеления, а когда «смерд мучить смерда без княжа слова» (ст. 78), т. е., очевидно, запрещается общинный суд у смердов. Наконец, в Пространной Правде имеется специальная статья, говорящая о праве князя на наследство после смерти смерда, не оставившего сыновей, и о выделе части имущества смерда во владение его дочерям до их выхода замуж (ст. 90).

Из этого далеко не достаточного для полных выводов материала видно, что была группа смердов, зависимых от князя-вотчинника. Эти смерды имели земельные наделы, переходившие по наследству к их сыновьям, а в случае отсутствия у смердов детей мужского пола, отходившие в состав княжеских владений. Смерды имели собственное единоличное хозяйство, у них был свой рабочий скот. В развитии хозяйства смердов был заинтересован и князь, пользовавшийся частью их прибавочного труда как вотчинник. О зависимом положении смерда свидетельствует то обстоятельство, что за его убийство уплачивали штраф в такой же сумме, как и за убийство холопа. Феодальная зависимость этой группы смердов находила правовое выражение в их непосредственной подсудности князю²¹⁹.

Нет точных данных о том, в какой форме велась эксплуатация смердов на собственных землях князя: в форме барщины или натурального оброка. За предположение о преобладании в это время отработочной ренты говорит упоминание в ст. 24 Краткой редакции Русской Правды ратяного старосты (возможно, организатора барщинных работ). Однако нет никаких оснований отрицать существование в это время и натурального оброка.

Каков путь перехода смердов-данников в разряд зависимого населения княжеского домена? Ответить на этот вопрос помогают более поздние источники — договорные грамоты Новгорода с князьями XIII—XV вв., сохранившие, как уже указывалось, много правовых норм, относящихся к раннефеодальному периоду. Согласно условиям, имевшимся в этих договорах, князья не могли приобретать земли в пределах Новгородской республики и принимать закладников из числа смердов и купцов: «ни закладников примати ни княгыни твоен, ни бояром твоим, ни

²¹⁹ Возможно, что движение смердов на Белоозере, описанное летописью под 1071 г., было связано с переходом ряда погостов, населенных смердами-данниками, в состав доменальных княжеских владений (Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в древней Руси и Русская Правда. — А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и др. Древнерусское государство..., стр. 190).

дворяном твоим: ни смерда, ни купчины»²²⁰; «а что закладников... за тобою [князем], или за кн[я]гынею, или за мужи твоими: кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свои погост»²²¹.

Очевидно, в процессе феодализации часть смердов-данников была вынуждена в силу экономических условий или в результате внеэкономического принуждения переходить под патронат князей. «Закладывались», как это видно из грамот XIV в., и целые села, и отдельные крестьяне («А что сел или люди новгородских в сю замятню заложилось за князя и за княгину, или за дети, или за бояр[ы]...»²²²). «Закладники» сохраняли свою землю и хозяйство (что видно из статей Русской Правды об отписке на князя выморочного имущества смерда и из указаний источников на то, что смерды «по селом живут»²²³), но становились людьми зависимыми не от государства, а от князя феодала, несли на него повинности, подлежали его суду.

Значительное место, принадлежащее смердам в общественной жизни Руси, и в то же время недостаточность и неясность источников, о них говорящих, побуждают исследователей к новым размышлениям по вопросу о том, кто такие смерды, и порождают новые на них точки зрения. Одна такая точка зрения недавно высказана И. Я. Фрояновым. Он говорит о существовании двух групп смердов: 1) «внешних», являвшихся «покоренными племенами, как правило, не славянского происхождения», и 2) живших на территории древнерусских княжеств и по своему происхождению бывших рабами, посаженными на государственные земли. Первая категория, по мнению И. Я. Фроянова, возникла ранее второй. Дань, взимавшаяся с «внешних смердов», считает автор, не была феодальной рентой. В пределах второй группы смердов выделились, с одной стороны, крестьяне «государственные», платившие дань-ренту, с другой — владельческие (княжеские, монастырские)²²⁴.

Схему эту подкрепить источниками трудно. Несомненно, смерды были и неславянского и славянского происхождения, однако ниоткуда не видно, что последние представляли новообразование по сравнению с первыми. Превращение дани в феодальную ренту — процесс постепенный, но он затронул, конечно, не только славянское население.

Что касается отождествления части смердов с челядью, посаженной на землю, то это звено концепции И. Я. Фроянова пред-

²²⁰ ГВНП, стр. 11, № 2.

²²¹ Там же, стр. 13, № 3.

²²² Там же, стр. 23, № 11.

²²³ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. — «Чтения ОИДР», 1912, кн. 3, отд. II, стр. 14.

²²⁴ И. Я. Фроянов. Смерды в Киевской Руси, стр. 62—73.

ставляет собой развитие точки зрения, высказанной А. А. Зиминим²²⁵. Последний мотивирует свой взгляд следующими соображениями: 1) судя по летописному рассказу 1016 г., смерды получали за участие в войне вознаграждение в десять раз меньшее, чем рядовые новгородцы (не 10, а одну гривну)²²⁶; 2) иногда в источниках смерды «соседствуют» с холопами (ст. 26 Краткой Правды; летописный текст: «а холопы наша выдайта и смерды»²²⁷); 3) иногда термины «раб» и «смерд» употребляются альтернативно (одна редакция Киево-Печерского патерика изменяет выражение бесы «аки раби куплени работаютъ» на «аки смерди мелютъ»²²⁸); 4) уже в XI в. слово «смерд» получило презрительный оттенок (князь Олег Святославич в 1096 г. заявил: «нести мене лепо судити епископу, ли игуменом, ли смердом»²²⁹).

Все приведенные выше тексты свидетельствуют о том, что в процессе феодализации положение смерда ухудшалось, приближаясь к положению холопа, что в живой действительности иногда сливались оттенки, отличающие разные категории феодально зависимого населения. Но это еще ничего не говорит о генетической зависимости смерда от челядина-холопа.

Достаточно произвольны утверждения В. И. Горемыкиной, которая в трактовке смердов исходит из представления о Киевской Руси как рабовладельческом государстве. Она различает две категории смердов: свободных членов сельских общин и холопов, работавших в княжеском хозяйстве. Последняя категория, по мнению Горемыкиной, возникла из числа пленных, посаженных на землю. Вся эта теория базируется на механическом сопоставлении рассказа летописи под 1031 г. о том, что князь Ярослав Мудрый «посади» пленных поляков на р. Роси²³⁰, и статьи 26 Правды Ярославичей, упоминающей смерда рядом с холопом. Приведя два названных известия, Горемыкина делает вывод: «Следовательно „княжеский смерд“ это и есть посаженный на землю земледелец из числа пленных людей»²³¹. Но откуда это «следует»? Русская Правда говорит о «смерде и холопе» или о «смердьем холопе», а не о смерде — княжеском холопе. Летописное известие 1031 г. вообще не называет смердов.

²²⁵ А. А. Зимин. О смердах древней Руси XI — начала XII в. — «Историко-археологический сборник». А. В. Арциховскому к шестидесятилетию. М., 1962, стр. 222—228.

²²⁶ НПЛ, стр. 15, 175.

²²⁷ ПВЛ, ч. I, стр. 181.

²²⁸ «Патерик Киево-Печерского монастыря», стр. 230.

²²⁹ ПВЛ, ч. I, стр. 150. А можно ли здесь видеть презрительное отношение? Ведь логически рассуждая, его следует распространить и на епископа и на игуменов. Не требовал ли Олег просто суда, отвечающего его положению?

²³⁰ ПВЛ, ч. I, стр. 101.

²³¹ В. И. Горемыкина. Указ. соч., стр. 50; см. также стр. 22, 47—49.

И. И. Смирнов, разделяющий взгляды Б. Д. Грекова на смердов как крестьян в широком смысле слова, на основании сопоставления Краткой и Пространной редакций Русской Правды стремится проследить процесс превращения «свободного общинника» в «феодално зависимого крестьянина», процесс включения верви в сферу феодальных отношений как своего рода «переворот»²³².

Используя тонкие источниковедческие приемы в работе над текстом, автор делает интересные отдельные наблюдения. Они в какой-то мере смыкаются с представлениями Е. Д. Романовой о длительности существования свободной общины в древней Руси. И в то же время ряд выводов И. И. Смирнова (и прежде всего его положения о смердах) вызывает возражения и в источниковедческом и в общесторическом плане. Проблему генезиса и развития феодализма он пытается решить на основе не всего комплекса источников, а только Русской Правды (другие памятники если и привлекаются им, то лишь для комментирования Правды). Связанный представлениями о смердах, как понятии, охватывающем все виды крестьянства, а о феодальной эксплуатации как эксплуатации только вотчинной, исследователь в процессе общественного развития древней Руси усматривает лишь два крайних полюса: свободная вервь, свободный общинник-смерд — феодальная вотчина, зависимый смерд. Действительность не укладывается в эту слишком тесную для нее схему.

Мало продвинулось вперед изучение вопроса о смердах в исследовании М. Б. Свердлова. Его определение: смерды — «свободное сельское население, обязанное регулярно выплачивать фиксированные налоги под названием „дань“ или „дани“ и отбывать „воинскую повинность“»²³³, вполне приемлемо, если понимать под словами «свободное население» антитезу крепостному, т. е. крестьян, подвергавшихся государственной, а не вотчинной эксплуатации. Но определение это статично и не предусматривает изменений в положении смердов на протяжении трех столетий (XI—XIII вв.). А такие изменения были в связи с развитием княжеского доменального хозяйства и переходом части государственных смердов в число дворцовых. Этот процесс рисует Русская Правда, что отмечает и Свердлов: «Вполне естественно, что несвободные холопы, игравшие важную роль в доменальном хозяйстве, сравнивались со свободными смердами, крестьянами, занимавшими в раннефеодальном обществе низшую ступень»²³⁴.

²³² И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков, стр. 56, 62.

²³³ М. Б. Свердлов. Смерды в древней Руси.— «История СССР», 1970, № 5, стр. 76.

²³⁴ Там же, стр. 70.

Мало что прибавляют к нашим представлениям о смердах рассуждения С. А. Покровского. Они очень нечетки и противоречивы. Основная его дефиниция близка к тому, что говорит Свердлов: смерд — «непривилегированный простой свободный людин, т. е. простолюдин», «свободный, неограниченный в своей правоспособности человек...»²³⁵. Однако в дальнейшем Покровский, очевидно, сам не замечая противоречивости своего изложения, вносит все больше ограничений в это определение: смерды Русской Правды являются еще юридически свободными, но тот же памятник права отчетливо показывает сословную неравноправность смерда; смерды — «это крестьяне-общинники, юридически еще сохранившие свободу, но ставшие сословно-неравноправными по отношению к феодалам»²³⁶. И, наконец, еще одна формулировка, сопровождающая понятие свободы таким количеством оговорок, что сразу становится видна ее ограниченность: можно ли говорить, что «смерды-общинники XI—XII вв. не были зависимы от феодалов? Нет, эта зависимость имела место. Она выражалась в обязанности платить дань, в узурпированном князьями праве верховной собственности на землю, в захвате ими важнейших угодий, в передаче права сбора даней и судебных штрафов, а значит, и права суда боярам и монастырям, все ту же затягивавшим петлю крепостной зависимости, в праве захвата наследия смерда, умершего без сыновей. Это вело, но в период Русской Правды еще не привело, к утрате свободы, к превращению в крепостных»²³⁷.

Покровский хочет сказать, что смерд — не крепостной, хотя и шел по пути, который в дальнейшем привел его к крепостничеству. Верно, но ведь эксплуатация смердов государством, а затем князьями-вотчинниками и была веками на этом пути. Подняв всю историографию вопроса, Покровский не смог опровергнуть этой очень отчетливо обрисованной источниками схемы.

«Закупы»

В Пространной Правде появляется термин «закуп». Большое количество статей, посвященных закупничеству (56—62, 64, 66), показывает, что оно представляло собой явление распространенное, причем именно на определенном этапе процесса феодализации. Закуп — это человек, попавший в долговую кабалу и обязанный своей работой в хозяйстве землевладельца («господина») вернуть полученную от него «купу» (ст. 57) Ссуда под проценты называлась «наймом» (так в «Вопросах» Кирика сере-

²³⁵ С. А. Покровский. Указ. соч., стр. 71.

²³⁶ Там же, стр. 113.

²³⁷ Там же, стр. 115.

дины XII в. говорится: «а наим деля, рекше лихвы»²³⁸. Отсюда закуп, получивший ссуду, назывался «наймитом».

Закуп исполнял сельские работы, работал «на поли» («ролейный закуп») (статьи 57—58). Ему были предоставлены феодалом надел земли²³⁹, а также сельскохозяйственные орудия (плуг, борона), рабочий скот. Может быть, закупов имеет в виду летопись, когда говорит, что в конце XIII в. волынский князь Владимир Василькович «стада роздая убогымъ людемъ, у кого то конии нетуть»²⁴⁰. Закуп вел свое хозяйство, у закупа мог быть собственный конь, но он был обязан нести барщину на господина («аще ли господин его отслеть на свое орудье...» — ст. 57). Стараясь закрепить за собой закупов, землевладельцы требовали от них «купы» в увеличенном размере, стремились присвоить себе побольше продуктов их труда (урожай, скот) (статьи 59—60).

Закуп был сильно ограничен в своих правах, прежде всего было ограничено его право выхода. За побег от «господина» он превращался в полного («обельного») холопа (ст. 56). За кражу, совершенную закупом, отвечал его «господин», но закуп в этом случае, как и в случае побега, становился полным холопом (ст. 64). Землевладелец имел право подвергать закупа телесному наказанию (ст. 62). Хотя закон и оговаривал, что наказание должно применяться только «за дело» и запрещал «бить» закупа «без вины» с его стороны, однако эта оговорка в силу ее неконкретности недостаточно защищала закупа.

В церковных памятниках говорится об обидах, нанесенных «сироте», за которые виновный должен подвергнуться епитимье: «или сироту бил без вины..., или не дал сироте найма..., или продал еси человека по гневу любо право, любо криво»²⁴¹. Это как раз те самые правонарушения «господина» в отношении закупа, о которых говорит Русская Правда.

Но закон отличал закупа от полного холопа. Если господин продавал закупа в полные холопы, то за этот незаконный акт он должен был заплатить штраф, а закуп получал свободу (ст. 61). По небольшим делам в случае необходимости закуп мог выступать на суде в качестве свидетеля (ст. 66). Закуп мог обращаться в суд с жалобой на своего господина (ст. 56).

Несомненно, рост закупничества связан с развитием, наряду с государственной собственностью на землю, частного феодального (боярского, монастырского и пр.) землевладения. Про-

²³⁸ РИБ, т. VI, стб. 24.

²³⁹ И. И. Смирнов (Очерки..., стр. 353—355), а вслед за ним и В. И. Горемыкина (указ. соч., стр. 58) считают, что под «отарицей» закупа можно понимать не полученный им от господина земельный надел, а собственный участок земли, с которым он шел в кабалу к землевладельцу.

²⁴⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 914.

²⁴¹ С. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 141.

странная Правда, приводя большой материал о закупах, в то же время сохраняет и дополняет статьи Краткой редакции о смердах. Значит, она отличает закупов как особую категорию феодально зависимого крестьянства от смердов (государственных и княжеских доменных крестьян).

На происхождение закупничества проливает свет интересная грамота второй четверти XIV в. Ивана Калиты печерским сокольникам, в которой упоминаются «третники и наймиты, хто стражет на готовых конех, а не в кунах». Это те же «закупы-наймиты» Русской Правды, «емлющие» от господина «купу», работающие, очевидно, из доли урожая со своими собственными лошадьми. Они вышли из состава тяглой общины («погоста») и поэтому не подлежат обложению данью и другими повинностями как тяглые крестьяне-смерды на государственных землях («не надобе никоторая дань, ни ко старосте им не тянути, ни биричь их не поторгыват, не надобе ни корм, ни подвода»²⁴²). Таких людей, выбитых из общины, вынужденных идти в феодальную зависимость, Русская Правда называет «изгоями». Таким образом, вырисовывается путь образования закупничества: свободный общинник («людин») или смерд-данник в результате расслоения общины превращался в «изгоя» и был вынужден переходить в кабальную зависимость, становился «закупом».

Об этих двух путях речь как будто идет в послании Клиента Смолятича пресвитеру Фоме середины XII в., в котором говорится о землевладельцах, «славы хотящих, иже прилагают дом к дому, и села к селом, изгон ж и сябры, и бортни и пожнии, ляда же и старины»²⁴³. Под «сябрами», очевидно, имеются в виду смерды-общинники, сидевшие на государственных землях, переходивших в собственность отдельных феодалов. Изгон — крестьяне, лишённые земли и вынужденные идти в кабалу к землевладельцам. «Старины» — это старинные земли, на которых вели свое хозяйство смерды — княжеские данники, становившиеся лично зависимыми крестьянами. «Ляды» — это пашни, поросшие лесом, который требует расчистки; на «лядинных» участках феодалы заводят хозяйство силами лишённых собственной земли изгоев-закупов.

Когда в Лаврентьевской летописи под 1158 г. упоминаются принадлежавшие церкви св. Богородицы во Владимире «свободы купленыя и з даньми», то, по-видимому, имеются в виду, с одной стороны, сельские поселения, основанные феодалами на их землях и населённые изгоями — закупами, попавшими в долговую кабалу, а с другой стороны, перешедшие во владения част-

²⁴² ГВНП, стр. 142, № 84.

²⁴³ «Послание митрополита Клиента к смоленскому пресвитеру Фоме». Сообщение Х. Лопарева. — «Памятники древней письменности», вып. 90. СПб., 1892, стр. 14; Н. Никольский. О литературных трудах митрополита Клиента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, стр. 104.

ных феодалов государственные земли с сидевшими на них крестьянами-данниками (смердами).

Говоря о превращении изгоев в закупов, следует иметь в виду (как это уже было указано выше), что изгоями становились не только лишившиеся средств производства бывшие свободные крестьяне-общинники, но и выкупившиеся на волю челядины. Превращение такого получившего свободу челядина в закупа — это, вероятно, также частый путь образования закупничества.

В связи с этим следует остановиться и на истории термина «челядин». Обозначая сначала раба, он затем, с развитием феодальных отношений, стал применяться к феодально зависимому населению в более широком смысле слова. С другой стороны, в связи с укреплением феодального способа производства развивались наиболее тяжелые формы крепостнической эксплуатации, приближающие положение крестьянина к положению раба. Потребовалось провести в законе более четкую черту, отделяющую закупов (как наиболее бесправный разряд феодально зависимого крестьянства) от рабов. Из широкого понятия «челядин» выделились два новых: «закуп» и «обельный холоп» или «полный холоп». В подтверждение этому можно привести статьи так называемого Правосудия митрополичьего — памятника более позднего времени (по-видимому, XIV в.), в котором различаются «челядин полный» и «челядин-наймит» или «закупный наймит». «А се стоит в соуде челядин наймит, не похочет быти, а осподарь, несть емоу вины, но дати ему въдвое задаток; а побезит от сподаря, выдати его осподарю в полницу. Аще ли оубьет осподарь челядина полного, несть емоу душегоубства, но вина есть емоу от бога. А закоупнаго ли наймита — то есть душегоубство»²⁴⁴. «Челядин полный» соответствует «обельному холопу» или «холопу» Русской Правды, «челядин-наймит» или «закупный наймит» — «закупу-наймиту» Русской Правды.

В грамотах более позднего времени также различаются «челядь дерноватая» (термин, равнозначный «полным челядинам» и «обельным холопам») и «челядь» (термин, обозначающий крестьян-«людей»)²⁴⁵.

К вопросу о закупах возвращались и еще будут возвращаться исследователи. И. И. Смирнов предложил свое понимание сущности этой социальной категории. Отрицая долгое происхождение закупничества, он считает, что «право на использование господином рабочей силы челядина-наймита вытекало из тех отношений между господином и челядином-наймитом, которые создавал между ними акт дачи — получения „задатка“, т. е. акт „найма“»²⁴⁶. Формула несколько неясная, но,

²⁴⁴ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, стр. 129.

²⁴⁵ ГВНП, стр. 168, № 110.

²⁴⁶ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 295.

даже если ее принять, все же остается бесспорным, что полученный «задаток» делал закупа должником. Вопрос может быть только в том, что он должен был отрабатывать: проценты с долга или самую долговую сумму. Вернее, первое, ибо раздел о закупничестве помещен в Русской Правде непосредственно за статьями, касающимися ростовщичества, посвященными установлению нормы процента с денег, дающихся в долг, и т. д.

А. А. Зимин ставит знак равенства между закупками и рядовичами и указывает, что они выделились «из среды холопов в широком смысле слова в качестве феодально зависимых крестьян»²⁴⁷. Думаю, что это лишь один из путей формирования закупничества. Что же касается отождествления закупок и рядовичей, то я не вижу для этого оснований. Контекст, в котором упоминаются рядовичи в Русской Правде, такой: «А в сельском старосте княжи и в ратаинем 12 гривен. А в рядовнице княжи 5 гривен. А в смердьи в холопе 5 гривен»²⁴⁸. Просто рядовой княжеский холоп или смерд противопоставляются сельскому княжескому старосте, за убийство которого взимается повышенный (по сравнению с «рядовичем») штраф. Фраза «А в смердьи в холопе 5 гривен» поясняет предыдущую фразу: «А в рядовнице княжи 5 гривен», — именно поясняет, что рядович и есть смерд или холоп.

«Холопы»

Появление в Повести временных лет под 986 г., а затем в Русской Правде термина «холоп», обозначающего часть бывшей челяди, было связано с процессом роста феодально зависимого крестьянства, переходом в его состав бывших рабов и попыткой законодателя четко определить источники холопства и отграничить рабское население, как находящееся в полной собственности господ, от остальных социальных категорий, стоявших на пути от сословной неполноправности к прямому крепостному состоянию.

В Краткой (ст. 17), а особенно в Пространной Правде (статьи 46, 65, 66, 85, 121) холопы противопоставляются свободным мужам. На холопа как несвободного «не складывают» послушества (ст. 66). Холоп не может приносить присяги на суде, ибо послухи должны быть свободными (ст. 85). Холоп, ударивший «свободна мужа», несет кару (ст. 65). Холопов «князь продажею не казнить», «зане суть не свободни» (ст. 46). За холопа, совершившего кражу, несет ответственность его господин, в то время как свободные люди, которые «крали» или «хоронили» краденое вместе с холопом, уплачивают продажу (статьи 63, 120, 121). За убийство холопа уплачивается не «вира», а только

²⁴⁷ А. А. Зимин. Холопы в Древней Руси, стр. 63.

²⁴⁸ Краткая Правда, статьи 24—26; Пространная Правда, статьи 13—14.

«урок» его «господину» (ст. 89). Господин отвечает за сделки, заключенные его холопом (статьи 116, 117, 120). Ряд статей Пространной Правды посвящен вопросу об ответственности свободных людей за помощь, оказанную беглому холопу, и об обязанности властей и частных лиц содействовать холоповладельцам в поимке их холопов (статьи 112—115, 118). Законодательство определяет источники холопства: самопродажа в рабство, женитьба на рабе «без ряду», вступление «без ряду» в должность тиуна или ключника (ст. 110), растрата чужого имущества, взятого в долг и для торговли (ст. 54).

Законодательное определение правового положения холопства было также в значительной мере связано с усиливающейся ролью городов, притягивающих беглое население, в том числе и холопов. По Пространной Правде холоп не только скрывается в бегах в городе (ст. 114), но участвует в торговле (ст. 117), заключает сделки, «добывает» в бегах товар (статьи 116, 118—120) и т. д.

* * *

Суммируя все вышеизложенное, можно, мне думается, сказать, что в складывании различных категорий феодально зависимого населения намечаются те же два этапа, что и в процессе формирования феодальной собственности на землю. Гранью между ними является примерно середина XI—XII в. На первом этапе еще значительную роль в общественной жизни играло лично свободное, но подвергавшееся государственной эксплуатации население соседских общин — смерды-данники, а в составе несвободных преобладала челядь (рабы). На втором этапе, когда развиваются вотчинное землевладение и хозяйство, все большая часть непосредственных производителей переходит в число доменальных смердов, закупов, часто оказывающихся на грани холопства.

Не вижу оснований для утверждения, что «богатство князей множилось не за счет плодов земледельческого труда, а в результате накопления золота, серебра, «тяжкого товара» и увеличения стад, а также эксплуатации промысловых угодий» и что «частное землевладение... напоминало островки, затерянные в море свободного крестьянского хозяйства, господствовавшего в экономике времен Киевской Руси»²⁴⁹.

²⁴⁹ И. Я. Фроянов. Княжеское землевладение и хозяйство на Руси X—XII веков. — «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 50, 52.

Глава II

ФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА РУСИ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ И СКЛАДЫВАНИЯ ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА (ДО КОНЦА XV В.)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С укреплением феодального способа производства заканчивается раннефеодальный период истории Руси и она вступает в стадию развитого феодализма. Обычно считается, что эта стадия наступает к середине XII в., с расчленением древнерусского государства на ряд княжеств и установлением политической раздробленности. Часть этих княжеств, на западе и юго-западе, в дальнейшем попадает под власть других государств — Литвы, Польши, что накладывает особый отпечаток на их историю.

Ряд работ советских ученых посвящен экономике, социальному и политическому строю отдельных земель, выделившихся из состава древнерусского государства¹. В них выясняются как общие закономерности, так и специфика развития этих земель, вызванные своеобразием исторических условий, в которых они находились.

В настоящей главе делается попытка изучить дальнейшее развитие форм собственности (складывавшихся еще в X—XII вв.) на той территории, которая явилась впоследствии основой сплочения русских земель в единое политическое целое и образования русского национального государства (Северо-Восточная Русь)².

¹ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951; Л. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955; В. Н. Бернадский. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961; А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961; Л. В. Алексеев. Полоцкая земля в IX—XIII вв. М., 1966; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966; Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV веков. М., 1966; и др.

² В изучении этой проблемы больше всего сделано С. Б. Веселовским, которому принадлежат работы: «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926); «Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв.»

Прежде всего надо рассмотреть критерии выделения периода развитого феодализма как особой стадии в истории феодальных отношений. Недавно Ю. Г. Алексеев выступил с концепцией, согласно которой о развитом феодализме на Руси надо говорить не со времени установления феодальной раздробленности (как принято думать), а со времени ее ликвидации.

Основным критерием при определении грани между ранним и развитым феодализмом является для Ю. Г. Алексеева полное торжество феодальной вотчины над крестьянской общиной. Выдвигая этот критерий, Ю. Г. Алексеев, по его словам, исходит из положений новейшей советской медиевистики, развитых в трудах А. И. Неусыхина. «Как показывают исследования советских медиевистов,—пишет Ю. Г. Алексеев,—процесс вытеснения общины вотчиной составляет содержание целого исторического периода, который можно назвать периодом раннего феодализма. Для этого периода характерны свои категории и закономерности, позволяющие отличать период раннего феодализма как от генезиса феодальных отношений, так и от периода развитого феодализма. Важнейшая из этих закономерностей определяется самым фактом одновременного существования двух принципиально разных социальных организмов—еще сохраняющейся свободной крестьянской общины и уже сложившейся феодальной вотчины». Борьба между общиной и вотчиной, подчеркивает Ю. Г. Алексеев, составляет «основное содержание аграрной и социальной истории раннего феодализма». «Окончательное торжество феодальных отношений в масштабах всей страны или ее основной части означает конец процесса феодализации и знаменует наступление периода развитого феодализма». Для России, по Ю. Г. Алексееву, конечным этапом раннего феодализма является вторая половина XVI в., когда в центре страны произошло «уничтожение черной волости» и «земля стала на практике, как и в теории, монопольной собственностью класса феодалов»³.

Положения, выдвинутые Ю. Г. Алексеевым, являются весьма спорными, ибо в основе их лежат предпосылки, далеко не доказанные. Вызывает возражения отождествление крестьянской «свободной» общины дофеодального времени и черной волости в период феодализма. Столь же мало убедительным представляется ограничение разновидностей феодальной собственности вотчиной и поместьем. Стоит только поставить вопрос о земельной собственности государства, и черная волость приобретет другое качество и займет свое место в системе фео-

(М.—Л., 1936); «Феодальное землевладение в Северо-восточной Руси» (т. I. М.—Л., 1947). В этих книгах обработан огромный материал и суммированы важные наблюдения, хотя в методологическом отношении многое вызывает возражения.

³ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 3—4, 225.

дальних отношений, как земля, на которую уже наложила руку княжеская власть, превратив (или превращая) крестьян из собственников во владельцев.

Концепцию Ю. Г. Алексеева, согласно которой развитый феодализм в России надо начинать со второй половины XVI в., интересно сопоставить с выводами Н. Е. Носова (подтверждаемыми бесспорными фактами) о зарождении в то же время в среде черносошного крестьянства северных черных волостей буржуазных (автор предпочитает более осторожный термин — «предбуржуазных») отношений. В том, что признаки новых явлений — предвестников капиталистической формации проявились ранее всего в районах с менее развитыми феодальными отношениями, нет ничего невероятного. Гораздо труднее допустить наличие таких признаков в условиях дофеодальных (а черная волость, по Ю. Г. Алексееву, представляет собой организм именно дофеодального времени).

Н. Е. Носов иначе, чем Ю. Г. Алексеев, характеризует черную волость, говоря, что в Подвинье «она уже полностью утрачивает черты старой сельской общины как коллегияльного „верховного“ собственника волостных земель и угодий (эта волость исчезла на Руси еще в XIII—XIV вв., а во многих районах русской северной колонизации она вряд ли вообще существовала) и превращается в административно-тяглую территориальную единицу (типа посадской земской организации) — черной волостной мир, объединяющий крестьян-аллодистов, защищающий их от феодалов-землевладельцев, а главное — представляющий их общие интересы перед лицом государства и его органов»⁴.

Н. Е. Носов не ставит специально вопрос о природе черного землевладения (ибо это не его тема), но совершенно очевидно, что он не рассматривает черную волость как явление по своему характеру дофеодальное. Брошенное же вскользь замечание о крестьянах-аллодистах в сочетании с указанием на необходимость для них защищать свои интересы перед лицом феодального государства дает основание заключить, что право крестьян распоряжаться аллодами Н. Е. Носов не считает неограниченным.

Итак, согласиться с точкой зрения Ю. Г. Алексеева трудно. Однако в ней есть верное зерно — мысль о том, что одним из признаков развитого феодализма является развитие вотчинного и поместного землевладения за счет черного. И это заставляет нас вспомнить о концепции, развитой Б. Д. Грековым.

Б. Д. Греков период XIII—XV вв. считал временем, когда сложилась сеньория (боярщина), т. е. вотчина, собственник которой обладал политическими правами в отношении своих

⁴ Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России (Изыскания о земской реформе Ивана Грозного). Л., 1969, стр. 283.

крестьян. Эту точку зрения разделяет и И. И. Смирнов, в своем исследовании социально-экономических отношений Руси XII—XIII вв. опирающийся на следующее положение, выдвинутое Б. Д. Грековым: «Вотчинник становился владельцем все больших земельных пространств и большего количества зависимых от него смердов, обязанных давать ему ренту в натуральной ее форме; он приобретал все больший политический вес, зависящие от него смерды делались его подданными, сам он — государем в своих владениях. Прежнее значение челяди упало. Мы имеем право с этого времени говорить о боярщине-сеньории. Начался новый период в истории хозяйства, во взаимоотношениях между землевладельцем и земледельцем...»⁵. Приведя эту цитату, И. И. Смирнов отмечает, что уже «Пространная Правда в своих постановлениях о смердах и верви отразила процесс возникновения древнерусской сеньории и создала юридическую базу для дальнейшего развития ее институтов»⁶.

С критикой точки зрения Б. Д. Грекова выступил Г. Е. Кочин. По его мнению, «развитые Б. Д. Грековым положения о крепости крестьян боярщины-сеньории и об осуществлении сеньером-феодалом всей полноты власти как государя и как хозяина-руководителя не только собственного боярского хозяйства, но и крестьянских хозяйств в деревнях и селах принадлежащей ему вотчины, решительно расходятся с ясными массовыми показаниями источников о крестьянских и владельческих хозяйствах Новгородской земли и Северо-Восточной Руси»⁷. В другом месте своей книги Г. Е. Кочин так же решительно заявляет: «Все указывает на то, что мысль о полномочном хозяине-владельце всеобъемлющей вотчины — сеньории — не оправдана фактическим материалом»⁸.

Мне думается, здесь налицо смещение понятий. Б. Д. Греков утверждает (и, по-моему, совершенно справедливо), что феодалу — собственнику земли, в силу самой природы феодального землевладения с его иерархической структурой, расчлененностью, принадлежащая известная политическая власть над населением вотчины (что определяло и роль внеэкономического принуждения). Именно это имеет в виду автор, когда утверждает: «Над волостью и селом таким образом надстраивался новый этаж, появлялся собственник, хозяин земли и людей, сам в свою очередь зависимый от князя. Это и есть расчлененная

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 4—5.

⁶ И. И. Смирнов. Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М.—Л., 1963, стр. 82.

⁷ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.—Л., 1965, стр. 422.

⁸ Там же, стр. 424.

феодалная собственность»⁹. Г. Е. Кочин переводит вопрос совершенно в иную плоскость (из области правовой и политической в экономическую) и доказывает самостоятельность крестьянского хозяйства в рамках сеньории: «...Существует два типа совершенно самостоятельных хозяйств: первое — хозяйство крестьянина („двор“), а второе — хозяйство землевладельца-феодала, его „вотчина“ („боярщина“), поместье...»¹⁰. Думаю, что отрицать вообще какую-либо связь между барским вотчинным двором и крестьянским наделом вряд ли позволит фактический материал, но известная, а иногда весьма значительная экономическая независимость крестьянина, конечно, была. Однако это не аргумент против существования боярщины-сеньории, а конкретизация вотчинной и крестьянской экономики в условиях последней.

Таким образом, положение Б. Д. Грекова о «боярщине-сеньории» как признаке развитого феодализма (это понятие в широком смысле включает и «монастырщину-сеньорию») вряд ли требует пересмотра. А уже делом конкретного исследования является установить размеры, формы, характер таких боярщин.

Гораздо более уязвимым оказалось другое положение, выдвинутое Б. Д. Грековым: о смене в связи с развитием феодальных отношений форм докапиталистической земельной ренты. Исследователь доказывал господство во времена Киевской Руси примитивной отработочной ренты, в период феодальной раздробленности — ренты продуктами¹¹. Если для Б. Д. Грекова преобладание того или иного вида ренты было основным критерием при периодизации истории крестьянства, то К. В. Базилевич попытался воспользоваться этим критерием для периодизации истории Руси в эпоху феодализма в целом¹². Такая попытка, естественно, потерпела неудачу, и фактически К. В. Базилевич вышел далеко за пределы форм ренты, обратив внимание на исторический процесс во всей его совокупности (развитие производительных сил, производственных отношений, надстроечных явлений). Но и применительно к более узкой теме — истории крестьянства концепция Б. Д. Грекова пока не выдержала проверки фактами. Оказалось, что нельзя просто перенести в реальную действительность теоретически неопровержимую во всех своих звеньях схему Маркса. Марксистское учение о ренте помогает осмыслить исторический процесс, но приложение готовых политико-экономических категорий не должно его

⁹ Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 534.

¹⁰ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 313.

¹¹ Б. Д. Греков. Указ. соч.; он же. Главнейшие этапы в истории крепостного права в России. М.—Л., 1940; он же. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958.

¹² К. В. Базилевич. Опыт периодизации истории СССР феодального периода. — «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 65—90.

схематизировать. Работами А. П. Пьянкова¹³, А. Д. Горского¹⁴, А. А. Зимина¹⁵ поставлен под сомнение тезис о преобладании продуктовой ренты в период феодальной раздробленности, что заставляет пока (вплоть до пополнения арсенала исследователей новыми фактами) говорить о сосуществовании в это время разных видов ренты. Во всяком случае рискованно связывать переход от раннего феодализма к развитому со сменой форм ренты.

Недавно в литературе был поднят (хотя и не вызвал большой дискуссии) еще один вопрос: о соотношении понятий «развитой феодализм» и «феодальная раздробленность». Б. А. Рыбаков предложил отказаться от последнего термина, заменив его выражением «период зрелого феодализма, кристаллизации самостоятельных княжеств-королевств»¹⁶.

Это предложение вызывает известные возражения, потому что понятие «зрелый» или «развитой» феодализм имеет более широкое содержание, чем понятие «феодальная политическая раздробленность», и включает также время, когда последняя была уже преодолена и сложилось единое централизованное государство.

Термин «феодальная раздробленность» применяется к явлениям не только отечественной, но и всемирной истории и приобрел социологическое значение. Заменять его другим вряд ли следует, надо только четко определить его смысл. Экономически относительная раздробленность, т. е. известная хозяйственная замкнутость и разобщенность отдельных районов страны, живущей в условиях преобладания натурального хозяйства, характерна для всей феодальной эпохи. Но при периодизации термин «феодальная раздробленность» имеет более узкий смысл, обозначая начальный этап развитого феодализма, для которого характерна особая форма политической надстройки. Выражение «феодальная раздробленность» в общем неплохо

¹³ А. П. Пьянков. *Формы феодальной ренты в Северо-восточной Руси в XIV—XV веках.* — *Ученые записки Могилевского гос. педагогического института*, вып. 1. Минск, 1955, стр. 3—30.

¹⁴ А. Д. Горский. *Очерки экономического положения крестьян Северо-восточной Руси XIV—XV вв.* М., 1960.

¹⁵ А. А. Зимин. Рецензия на книгу А. Д. Горского. — *«История СССР»*, 1962, стр. 170—174.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Обзор общих явлений русской истории IX—середины XIII века. — *«Вопросы истории»*, 1962, № 4, стр. 49—51. В первом томе *«Истории СССР»* Б. А. Рыбаков при характеристике времени с 1132 до 1237 г. термином «феодальная раздробленность» пользуется, но с оговоркой: «Быть может, вернее называть эту эпоху не периодом феодальной раздробленности, а периодом развитого феодализма». Изложение материала в соответствующей главе идет под шапкой: «Русь в эпоху „Слова о полку Игореве“. Обособление самостоятельных русских княжеств в XII—начале XIII в.» (*История СССР с древнейших времен до наших дней*, Первая серия, т. I. М., 1966, стр. 573—574).

передает специфику данного этапа по сравнению с предшествующим, когда существовало раннефеодальное государство, и последующим, когда возникло государство централизованное.

Где же искать критерий перехода от раннего феодализма к развитому? Я думаю, как и при определении начальной грани раннефеодального периода, надо исходить из наблюдений за взаимодействием базиса и надстройки. В результате генезиса в недрах первобытнообщинного строя феодальных отношений возникает раннефеодальное государство, приспособляющееся к своим потребностям и перерабатывающее в своих интересах нормы и институты патриархального общества. Укрепление феодального способа производства приводит к складыванию новых форм политической и правовой надстройки.

Иерархическая структура земельной собственности приобретает классическую для феодального строя форму, обрастая такими институтами, как правовой режим сеньории, иммунитет, система вассальных связей и т. д. Господствующий класс организуется политически в основанную на договорно-служебных отношениях феодальную иерархию. Расчлененной форме земельной собственности соответствует расчлененная форма государства, раздробленная структура власти. Но раздробленность не есть политический распад, ибо система сюзеренитета-вассалитета связывает земельных собственников — обладателей той или иной доли государственных прав, обеспечивая им возможность организации производства, получения и распределения ренты. Таким образом, сама раздробленность есть своеобразная разновидность централизации, и из нее (правда, в острой борьбе) вырастает новая разновидность — единое государство.

Итак, из всего вышеизложенного следует вывод, что развитой феодализм на Руси начинается примерно со второй половины XII в., и нет надобности от этой точки зрения отступать.

Поскольку мое исследование посвящено аграрным отношениям, я не касаюсь здесь важного признака развитого феодализма — роли, которую приобретает тогда в социально-экономической жизни город.

Исследователь во многом зависит от источников. Характеристику развитого феодализма на Руси приходится давать в основном на документальном материале XIV—XV вв., хотя эта характеристика относится и к XIII столетию, изучение которого источниками обеспечено слабо.

Рассмотрение истории форм собственности в период развитого феодализма целесообразно, мне кажется, провести в следующих направлениях. Прежде всего необходимо дать общую характеристику ее расчлененного характера, подвергнув для этого анализу понятие княжеской «отчины» как государствен-

ной территории и показав соотношение прав на земли, там расположенные, князя как верховного собственника и других «отчинников». Далее будет затронут спорный вопрос о социальной природе черного землевладения: феодальное или свободное крестьянское? Завершением главы явится характеристика форм феодальной зависимости и положения крестьянства.

Для изучения социальных отношений XIV—XV вв. исследователь, как уже говорилось, располагает более значительным материалом, чем для предшествующего времени. Поэтому будет полезно, завершая исследование, еще раз бросить взгляд на Киевскую Русь и посмотреть, не проявятся ли в свете позднейших данных некоторые явления, слабо отраженные в источниках своего времени. Ретроспективный метод иногда помогает историку.

КНЯЖЕСКАЯ ВОТЧИНА

Княжеская «отчина» как государственная территория

Под княжеской «отчиной» — «вотчиной» подразумевалась перешедшая к данному князю по наследству от его отца территория, в пределах которой он пользовался государственными правами. Термин «отчина» применялся как к территории «великого княжения» (принадлежавшей тому из правителей, кто стоял во главе всей Северо-Восточной Руси), так и к ряду «великих княжеств», на которые Северо-Восточная Русь распадалась и где правили свои «великие» князья (московские, тверские, рязанские и т. д.)¹⁷, так, наконец, и к «уделам» с князьями, зависимыми от «великих».

Подобное употребление термина «отчина» применительно к трем разновидностям территории, подвластной правителям разных рангов, отчетливо выступает в договорной грамоте великого князя Василия II с князем Василием Юрьевичем галицким около 1439 г.: «А отчины ти моее Москвы и всего великого княжения, и оудела моего, того ти подо мною блюсти...»¹⁸ В ряде случаев термин «отчина» встречается в духовных и договорных княжеских грамотах лишь в одном из указанных значений, т. е. в сочетании со словами или «великое княжение», или «удел»¹⁹.

¹⁷ Один из них получал титул владимирского или великого князя всея Руси.

¹⁸ ДДГ, стр. 101, № 36.

¹⁹ «...в нашей очине, в великом княженьи...» (там же, стр. 22, № 6, 1371 г.); «...а вотчины ти нашей Москвы и всего великого княженья...» (там же, стр. 26, № 9, 1375 г.); «...в наших уделах и в очине, в великом княженьи...» (там же, стр. 38, № 13, 1390 г.); «...а которые земли и воды отошли от нашей отчины, Тфери и Кашина, от великого княженья...» (там же, стр. 203, № 63, 1462—1464 гг.) и пр.

Бросается в глаза, что выражения «вотчина», — «великое княжение», «отчина» — «удел» иногда связываются посредством союза «и», иногда просто стоят рядом. При этом различные варианты подобных формулировок можно отыскать в одних и тех же документах²⁰. Так, в договоре Василия II с князем суздальским Иваном Васильевичем 1448 г. находим, с одной стороны, слова «...в нашей вотчине, в великом княжении...», с другой — «...отчине нашей и всему нашему великому княжению...» Там же наряду с формулой «...твой оудел, твоя вотчина...» фигурирует текст «... в вотчину и в оудел...»²¹ Очевидно, в двух отличных по грамматической структуре вариантах обоих выражений, в которых даны во взаимосвязи «отчина» и «великое княжение», «отчина» и «удел»²², перед нами разная передача единых понятий.

В одном случае подчеркивается характер территории (подвластной великому князю как главе государства, раздробленного на ряд княжеств, или же принадлежащей титулованному обладателю какого-то удела — определенной доли земельных богатств и политических привилегий в пределах того или иного княжества). Вотчинный характер прав великих и удельных князей выступает здесь как дополнительный признак, и указание на него дается поэтому через союз «и».

В другом случае главный аспект обращен как раз на вотчинные основы княжеской власти над территорией того или иного рода. Грамматически это выражается в конструкции фразы, при которой слово «отчина» оказывается пояснением к терминам «великое княжение» и «удел», а логически — в отождествлении соответствующих понятий.

Терминология в какой-то мере отражает политику. В борьбе за землю и власть князья аргументировали свои претензии ссылками на вотчинное право. Подобные аргументы далеко не всегда соответствовали реальной действительности. Термин «отчина» применительно к «великому княжению» владимирскому появляется в духовных и договорных грамотах московских князей с 70-х годов XIV в.²³, и это было с их стороны не констатацией исторического факта (ибо борьба за общерусский великокняжеский стол среди представителей разных княжеских линий еще шла), а проявлением определенной политической тенденции. Когда Дмитрий Донской в 1389 г. писал в своей ду-

²⁰ «...в моеи вотчине и в оуделе...» (ДЛГ, стр. 24, № 7, 1374—1375 гг.): «а в твой нам оудел и в очину...» (там же, стр. 38, № 13, 1390 г.); «...отступился в оудел и в вотчину...» (там же, стр. 43, № 16, 1401—1402 гг.); «...дал был князь великий... волости в вудел и в вотчину...» (там же, стр. 141, № 46, 1447 г.) и пр.

²¹ Там же, стр. 156, № 52.

²² Там же, стр. 157, № 52.

²³ Там же, стр. 22, № 6 (1371 г.); стр. 26, № 9 (1375 г.); стр. 29, № 10 (1382 г.).

ховной «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем»²⁴, он не имел предшественников, ибо подобная клаузула в завещании его отца и деда отсутствовала.

Подчеркивая наследственно-родовой характер прав определенного князя на ту или иную территорию, грамоты иногда добавляют к выражению «отчина» термины «дедина» и «прадедина»²⁵. Договорной грамотой великого князя Ивана III и князя тверского Михаила Борисовича 1462—1464 гг. границы «отчины» последнего — Тверского и Кашинского княжеств устанавливаются так, как они сложились при его прапрашуре, пращуре, прапрадеде, прадеде, деде и отце²⁶. Такая проекция в глубь веков современных отношений иногда зиждилась на реальных основах, но часто бывала попыткой или найти в прошлом то, чего там в действительности никогда не существовало, или возродить то, что уже исчезло; иногда же из грамоты в грамоту просто переходил трафарет.

Документы свидетельствуют, что в процессе складывания территории единого государства понятие княжеской «отчины» усложняется. Владения одних князей увеличиваются за счет приобретения (силой или на основе соглашения) земель, принадлежавших другим. Эти новые территории фигурируют под названием «примыслы»²⁷, «отменьная места»²⁸, «купли»²⁹ и т. д., и их обладатель получает на них вотчинные права, хотя они и перешли к нему не по наследству. Так рождаются юридические формулы: «дать в вудел и в вотчину»³⁰, «отступиться в вудел и в вотчину»³¹ и т. д. Расширение сферы применения вотчинного права было средством, содействовавшим территориальному росту княжеств (а затем единого государства), само же понятие «отчины» приобретало условный характер.

Наряду с родовыми и вновь приобретенными территориями документы упоминают территории, «жалуемые» одним князем другому «в вотчину и в вудел»³². Так, в грамоте 1447 г. говорится, что великий московский князь Василий II «пожаловал» верейскому и белозерскому князю Михаилу Андреевичу «отчи-

²⁴ Там же, стр. 34, № 12.

²⁵ «А вашему, господине, великому княженью с нашею прадединою, и дединою, и отчиною суд по старине» (там же, стр. 120, № 40, 1445 г.); «Что, господине, князь великий Василей Васильевич отнял оу тебя твою отчину и дединоу...» (там же, стр. 200, № 62, 1461—1462 гг.).

²⁶ Там же, стр. 201—202, № 63.

²⁷ Там же, стр. 56, № 20 (ок. 1406—1407 гг.); стр. 58, № 21 (ок. 1417 г.); стр. 101, № 36 (ок. 1439 г.).

²⁸ Там же, стр. 15, № 4 (ок. 1358 г.).

²⁹ Там же, стр. 29, № 10 (1382 г.).

³⁰ Там же, стр. 141, № 46 (1447 г.).

³¹ Там же, стр. 43, № 16 (1401—1402 гг.).

³² Там же, стр. 248, № 70 (1473 г.).

ны заозерских князей половина..., как было за отчичи за князми»³³, т. е. передал ему узурпированные у последних наследственные права на определенный комплекс земель. Судя по другой грамоте того же 1447 г., Василий II отнял «отчину» у своего политического противника князя Дмитрия Шемяки, но в случае «челобитья» последнего был готов вернуть ее на началах «пожалования»³⁴.

Таким образом, распространение «жалованных» вотчин было связано с развитием вассально-служебных отношений. Рост территории единого Русского государства, ядро которого составили владения великих князей московских, сопровождался и в значительной мере определялся сосредоточением вокруг них бывших титулованных «отчинников», переходивших на положение зависимых земельных держателей.

Разновидности земельной собственности в пределах княжеской «отчины»

Права князей на различные земли в пределах их «отчин» как территорий определенных княжеств (великих и удельных) были неодинаковы. Духовные княжеские грамоты упоминают различные по своему характеру объекты, передаваемые завещателями наследникам. Это, во-первых, города и административно-территориальные единицы (станы, волости, пути); во-вторых, земледельческие и промысловые поселения (седа, сельца, слободы, деревни, починки); в-третьих, государственные доходы, оброки и пошлыны (торговые и др.)³⁵. В документах обо всем этом говорится весьма суммарно³⁶ и иногда сумбурно³⁷. Однако имеющиеся в нашем распоряжении тексты дают основание различать, с одной стороны, верховную собственность князя на всю государственную территорию княжества в качестве его политического главы, с другой — частную собственность на те земли, расположенные на данной территории, которые принадлежали ему как землевладельцу-феодалу и которые в дальнейшем получили название дворцовых.

³³ ДДГ, стр. 128, № 44.

³⁴ Там же, стр. 130, № 45 (ок. 1447 г.).

³⁵ Там же, стр. 8, № 1 (1339 г.); стр. 15, № 4 (ок. 1358 г.) и пр.

³⁶ Например, Василий II «благословляет» своего сына Ивана «Коломною с волостями, и с путми, и с селы, и со всеми пошлынами, Володимирем с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлынами...» и т. д. (там же, стр. 194, № 61, 1461—1462 гг.).

³⁷ Князь Владимир Андреевич серпуховский и боровский дал жене своей Лужу «и со всеми слободами, и с волостми, и с околицами, и с селы, и з бортью, и с тамгою, и с мыты, и со озеры, и со всеми пошлынами» (там же, стр. 47, № 17, ок. 1401—1402 гг.).

Князья были феодальными собственниками ряда сел, деревень, починков, слободок, обрабатываемых челядью и зависимыми крестьянами, с которых взыскивалась рента. В документах имеются сведения о купле, продаже, обмене этих владений³⁸, передаче их монастырям³⁹. Содержится и материал, касающийся форм эксплуатации крестьянского труда. В вотчинах великой княгини Софьи Витовтовны работали холопы-«страдники» и крестьяне-«издельники», взявшие у госпожи ссуду «серебром», (деньгами) и погашавшие ее трудом на барской пашне или эксплуатируемые на основе денежной ренты. Подводя в духовной грамоте 1451 г. итоги хозяйственному состоянию своих владений, княгиня Софья отметила экономическое неравенство в среде «издельников»; наряду с теми, кто мог вернуть полностью свой долг, были и люди «охудевшие», для которых представлялось трудным «и половины того изделного серебра заплатить»⁴⁰. Дмитровский князь Юрий Васильевич упоминает в 1472 г. «серебро на людех» («христианех») своих сел⁴¹, имея в виду, очевидно, также или данную им займы ссуду, или не выплаченный ими денежный оброк. За крестьянами, жившими в селах и деревнях князя Андрея Васильевича вологодского, в 1481 г. значилось как «серебро изделное и ростовое», так и «жито... заемное и оброчное»⁴², т. е. занятые у феодала под проценты деньги, полученное от него в виде подмоги зерно и задолженность по продуктовой и денежной ренте. О деньгах, розданных крестьянам («а что мои денги в моих селех в ростех, и в пашни...»), идет речь в духовной грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича около 1486 г.⁴³

Суммируя все эти не столь многочисленные и довольно отрывочные данные, можно сказать, что в княжеских владениях рассматриваемого периода сосуществовали различные формы ренты.

Наряду с землями княжеского домена, в пределах «отчин» великих и удельных князей документы, как уже выше говорилось, называют территориально-административные единицы — станы, волости, пути, где имелись села и деревни других собственников. Выражением их подвластности политическому главе княжества и верховному собственнику его территории является право последнего на производство суда и сбор дани. Это право находит выражение в стандартных формулах духовных и договорных княжеских грамот: «а судом и данью потянути по

³⁸ Там же, стр. 10, № 1 (ок. 1339 г.); стр. 14, № 3; стр. 24—25, № 8 (ок. 1375 г.); стр. 33, № 12 (1389 г.) и др.

³⁹ Там же, стр. 276, № 74 (1481 г.).

⁴⁰ Там же, стр. 177—178, № 57.

⁴¹ Там же, стр. 222—224, № 68.

⁴² Там же, стр. 277, № 74.

⁴³ Там же, стр. 311, № 80.

земле и по воде»⁴⁴, «...взяти дань [князю] на своей вотчине и на великом княженьи...»⁴⁵, «и... князь... возмет [дань] с своего оудела...»⁴⁶, «а [бояре] судом и данью потянут по уделом, где кто живет»⁴⁷, «а которой... [князь] возмет дань на своем уделе, и та дань тому и есть»⁴⁸ и т. д.

Право производства суда и сбора дани передается по княжеским завещаниям вместе с территориальными единицами разного типа, принадлежащими завещателям на неоднородных началах: или как доменальные земли, или как части государственной территории. «А где есмь ни подавал своей княгине волости и села в уделех детей своих, во чьем ни буди, и те волости и села данью и судом потянут к моей княгине, а дети мои в то не вступаются», — пишет в 1461—1462 гг. великий князь Василий II в своей духовной. «А которым есмь детям своим села подавал во чьем оуделе ни буди, ино того и суд над теми селы, кому дано», — говорится в том же документе⁴⁹.

Объектом передачи по княжеским духовным грамотам являются также пошлыны, взимавшиеся на княжеской «отчинной» территории, — прежде всего таможенные и проезжие (тамга, мыт, осмичее, костки и др.). Документы рассматривают сбор пошлын в качестве части прав верховной собственности на те или иные волости. Не случайно сам термин «волость» иногда употребляется в смысле не только территориально-административной единицы, но и денежных с нее поступлений в княжескую казну.

В духовной грамоте Ивана Калиты около 1339 г. говорится: «А из городьских волости даю княгине своей осмичее. А тамгою и иными волостми городьскими поделятся сынове мои; тако же и мыты, которые в котором оуезде, то тому»⁵⁰.

Князь регулировал размеры обложения в своей «отчине», придерживаясь «старины» или прибавляя «пошлын в тамзе и в-ыных пошлынах»⁵¹, отдавал торговые сборы в качестве «руги» в монастыри и церкви и т. д.⁵² В этом проявлялись его права полномочного распорядителя доходами, поступавшими в государственную казну с «волостей» как объекта верховной собственности.

На территории станов и волостей, имевшихся в княжеской «отчине», документы называют, помимо сел и деревень, при-

⁴⁴ ДДГ, стр. 28, № 9 (1375 г.).

⁴⁵ Там же, стр. 24, № 7 (ок. 1374—1375 гг.).

⁴⁶ Там же, стр. 35, № 12 (1389 г.).

⁴⁷ Там же, стр. 47, № 17 (1401—1402 гг.).

⁴⁸ Там же, стр. 49, № 17 (1401—1402 гг.).

⁴⁹ Там же, стр. 197, № 61.

⁵⁰ Там же, стр. 8, № 1.

⁵¹ Там же, стр. 277, № 74 (1481 г.).

⁵² Там же, стр. 15, № 4 (ок. 1358 г.).

надлежавших князю на правах домена, также земли «данные»⁵³ — «служни» и «черные»⁵⁴, боярские, детей боярских, монастырские⁵⁵.

Расчлененный характер феодальной собственности

«Черными» документы называют земли, населенные крестьянами, находившимися в зависимости не от князя как землевладельца-феодала, а непосредственно от феодального государства; «служилыми» — земли дворцовых слуг, которыми последние пользовались лишь до тех пор, пока исполняли свои функции в разных отраслях княжеского хозяйства⁵⁶. «Черные люди» были подчинены «сотникам» или «становщикам», «слуги» — «дворскому». Князья обязывались «блюсти... их с одного», не принимать в «службу» (очевидно, военную) с тем, чтобы они «потягли» лежащие на них повинности⁵⁷. Существовал запрет покупки «черных» или «служних» земель без княжеского разрешения. Тот, кто нарушал этот запрет, обязан был или вернуть приобретенный земельный участок (путем ли выкупа или даром), или же «потянуть к черным людям»⁵⁸, т. е. вместе с ними выполнять повинности за тягльца, продавшего ему свой надел. Терял свое держание «слуга под дворским», ушедший из княжества, где он нес дворцовую службу. В духовной грамоте князя серпуховского и боровского Владимира Андреевича около 1401—1402 г. говорится: «А кто будет по дворским слуг, тех дети мои промеж себя не принимают, ни от сотников. А кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моеи, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чен будет удел»⁵⁹.

Пытаясь сохранить от расхищения фонды «черных» и «служних» земель, князья в то же время сами в качестве верховных собственников государственной территории не раз содействовали их распылению, передавая другим феодалам. Примером может служить предсмертное распоряжение 1481 г. князя Андрея Васильевича вологодского, который, завещая Троице-Сергиеву монастырю «из Сямские волости сорок деревень волостных...», просил Ивана III, наследника его «вотчины», «отвести» эти деревни «к их землям к монастырским». В той же

⁵³ Термин «данные» относится или к землям, указывая, что они переданы держателям в пользование князем, как верховным собственником, или к самим держателям, подчеркивая, что они обложены данью (там же, стр. 87, № 34, 1434 г. — «данные люди» или стр. 31, № 11, 1389 г. — «численные люди»).

⁵⁴ Там же, стр. 32, № 11 (1389 г.).

⁵⁵ Там же, стр. 341, № 84 (1496 г.); см. также стр. 253, № 72 (1481 г.).

⁵⁶ Это были псаря, садовники, бобровники и т. д.

⁵⁷ ДДГ, стр. 20, № 5 (ок. 1367 г.).

⁵⁸ Там же, стр. 32, № 11 (1389 г.); стр. 215, № 66 (до 1472 г.).

⁵⁹ Там же, стр. 48, № 17.

духовной князь Андрей Васильевич обращается к Ивану III с просьбой «не порушить» его грамот, которыми он «подавал в свои вотчине монастырем и церквем божим села и деревни»⁶⁰.

Из приведенного материала выступает сложный, расчлененный характер феодальной собственности на землю. Если князь является непосредственным собственником сел и деревень своего домена, то право верховной собственности на «черные земли» принадлежит ему как главе княжества-«отчины». Таково было феодальное правосознание. И это не фикция, ибо князь реально вторгается в «черные» волости.

С той же расчлененностью мы сталкиваемся, наблюдая взаимоотношение понятий — княжеская «отчина» и «отчины» и «купли» бояр и монастырей. В 1497 г. Иван III «променил» волоцким князьям Федору и Ивану Борисовичам из «своеи отчины, Тферские земли» — волости Буйгород и Колпь, «к их отчине, к Волоку». В пределах этих волостей были «боярские и монастырские... отчины и купли». Согласно жалованной меновой и отводной грамоте Ивана III, собственники-бояре, дети боярские, монастыри должны были «држат свои земли по старине», а волоцким князьям предоставлялось «ведать» их «судом и данью»⁶¹. Тверская и Волоцкая «отчины» — это территории Тверского (когда-то самостоятельного) княжества и Волоцкого удела. Под эгидой титулованных верховных собственников там находились земли «отчичей» нетитулованных — светских и церковных. Важно установить существо реальных прав тех и других.

В отношении к местным вотчинникам великий или удельный князь выступает в двойной роли: во-первых, как такой же феодальный землевладелец, имеющий свой домен, во-вторых, как государь, которому подвластна вся «отчина». Свои доменальные земли князь может отчуждать другим вотчинникам путем купли, дарения, обмена и т. д., сохраняя за собой права суда и сбора дани. Так, в духовной грамоте Василия II 1461—1462 гг. упоминаются села, которые он «давал своим князем, и бояром, и детем боярским ... в жалованье, или хотя и в куплю...»⁶². Довольно многочисленны сведения о конкретных сделках на землю, осуществляемых князьями. Князь Иван Андреевич Можайский, захватив в 40-х годах XV в. Суздальскую «отчину», отдал Троице-Сергиеву монастырю «оуделное» село Шухобалово, а своему боярину продал слободку Шиповскую⁶³. Василий II продал боярам села Толстикovo и Башарово с деревнями с оговоркой: «а суд и дань с тех сел и з деревень по старине»⁶⁴. В 80-х годах XV в. белозерский и верейский князь Михаил Анд-

⁶⁰ ДДГ, стр. 276—277, № 74.

⁶¹ Там же, стр. 342, № 85.

⁶² Там же, стр. 197, № 61; см. также стр. 248, № 70 (1473 г.).

⁶³ Там же, стр. 120, № 40 (1445 г.).

⁶⁴ Там же, стр. 180, № 58 (1451—1456 гг.).

реевич «дал в куплю» боярину князю Василию Васильевичу Ромодановскому и другим боярам пустоши, «и грамоты есмь им свои купчие и жаловальные на те земли подавал». Ряд земель Михаил Андреевич завещал монастырям⁶⁵.

Князья не только отчуждали недвижимости, но и приобретали их у землевладельцев своей «отчины», реализовавших таким образом свои права земельной собственности. Иван Калита купил в Ростове села Богородицкое и др.⁶⁶ В духовной Василия II названы села, данные ему «в куплю» (под условием пожизненного ими владения) двумя боярынями⁶⁷. В завещании князя Михаила Андреевича верейского и белозерского перечислен ряд сел, купленных у разных лиц, а перед смертью переданных в монастыри⁶⁸.

Таким образом, верховная собственность князя на территории его «отчины» не лишала местных вотчинников-феодалов юридических прав на свои земли. Но она не была и фикцией. Ее выражением являлись подсудность и подвластность в фискальном отношении главе княжества населения всех имевшихся в его пределах владений — таков был юридический статус, несмотря на широкое распространение на практике судебного и податного боярского и церковного иммунитета.

Без санкции главы княжества не могли быть совершаемы земельные сделки на его территории землевладельцами из других княжеств согласно известной стандартной формуле междукняжеских соглашений: «а тебе ... в моем оуделе сел ти не купити, ни твоим бояром, ни закладнев ти, ни оброчников не держати. Тако же и мне в твоём оуделе сел не купити, ни моим бояром, ни закладнев ми, ни оброчников не держати»⁶⁹. В духовной грамоте серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича около 1401—1402 гг. запрет покупок недвижимости в чужих уделах сопровождается оговоркой: «...без повеленья, чей будет удел сына моего»⁷⁰.

Документы сохранили сведения о сделках на недвижимости, оформлявшихся с ведома и разрешения верховных титулованных собственников. Так, Василий II «поволил» боярыне Марии Федоровне Голтыевой дать удельному князю волоцкому Борису Васильевичу свои села в великокняжеской «отчине, в великом княжение» и закрепил дарственный этот акт в своем духовном завещании. Преемник Василия II Иван III подтвердил распоряжение своего отца, предоставив Борису право «те села ведати и з судом и з данию» и обязавшись «ся в то ни вступати»⁷¹.

⁶⁵ Там же, стр. 308—315, № 80 (ок. 1486 г.).

⁶⁶ Там же, стр. 10, № 1 (ок. 1339 г.).

⁶⁷ Там же, стр. 198, № 61 (1461—1462 гг.).

⁶⁸ Там же, стр. 308—315, № 80 (ок. 1486 г.).

⁶⁹ Там же, стр. 20, № 5 (ок. 1367 г.).

⁷⁰ Там же, стр. 48, № 17.

⁷¹ Там же, стр. 269—270, № 73 (1481 г.).

Распределяя в своей духовной недвижимое имущество между сыновьями, Василий II специальным пунктом указал: «А възсхочет мой сын Иван оу своего брата оу Юрья выменити Коломенские села, и сын мой Юрьи те села ему променит, а Иван сын выменит оу своего брата те села, а его не изобидит»⁷².

Переход удела от одного князя к другому влек за собой пересмотр земельных пожалований первого. Когда Василий II «отступился» Юрию Дмитриевичу Бежецкого Верха, в докончание между князьями было внесено следующее условие: «А оу кого будут в Бежыцком Версе грамоты жаловалныи отца твоего, великого князя (т. е. Василия II), или твои, оу бояр, или на слободы, или оу иного оу кого, и в тех грамотах волен яз, князь Юрьи Дмитриевич, кого как хочю жаловати»⁷³. Аналогичным образом суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи в договоре с галицким князем Дмитрием Шемякой требовали возврата всех недвижимостей, приобретенных в период феодальных войн в Суздальско-Нижегородском княжестве лицами, жившими на других территориях⁷⁴.

Большой интерес для характеристики структуры феодальной земельной собственности представляет духовная грамота удельного князя Михаила Андреевича. Он завещал свою «отчину Белозеро» (т. е. Белозерское княжество) Ивану III. Речь шла о передаче московскому великому князю не только земель, принадлежавших завещателю лично, но и прав верховной собственности на всю территорию. При этом возник вопрос о судьбе всех прежних земельных пожалований и «дач в куплю» Михаила своим боярам, детям боярским и монастырям. Завещатель просил Ивана III «не порушить его данья» и «не вступаться» в те владения, которые получили от него бояре и дети боярские. Относительно своих вкладов в монастыри Михаил высказал пожелание: если пожалованные села и деревни будут «надобе» великому князю, пусть он возьмет их себе, заплатив за них монастырским властям деньги⁷⁵. Но независимо от характера своих распоряжений завещатель обращается к Ивану III как проситель («...и господин бы мой, князь велики, пожаловал...») ⁷⁶, признавая его правомочным пересмотреть свои земельные операции.

Документы свидетельствуют, что глава княжества лишал сво-

⁷² ДДГ, стр. 194—195, № 61 (1461—1462 гг.).

⁷³ Там же, стр. 76, № 30 (1433 г.).

⁷⁴ «А что, господине, в нашо неверемя ваши князи служилые и ваши бояре покупили в нашої отчине в Суздали оу нас, и оу нашии братьи, и оу наших бояр, и оу монастырей волости и села, или в Новогороди, и на Городце, или что князь велики подавал в куплю, и грамоты свои подавал купленные, ино те все купли не в куплю, а те все волости и села нам по старине и нашим бояром» (там же, стр. 120, № 40, 1445 г.).

⁷⁵ Там же, стр. 308—311, № 80 (ок. 1486 г.).

⁷⁶ Там же, стр. 310, № 80.

их бояр и слуг земельной собственности в наказание за их провинности. Так, Василий II «взял в своею вине» села у Ивана Дмитриевича Всеволожского⁷⁷. Князь Борис Васильевич волоцкий «поотимал» «отчины» у ряда детей боярских⁷⁸. Князь Михаил Андреевич белозерский отнял «вотчинку» у Ивашка Селиверстова⁷⁹. Как и в первом случае, в двух остальных причинной конфискации выставляется «вина» вотчинников.

Известны также случаи, когда князь, лишив владений своих бояр и слуг, затем наделял их теми же или другими землями под условием несения службы. Подобные акты означали замену родовых вотчины вотчиной жалованной служилой. Так, волоцкий князь Борис Васильевич «пожаловал» двух своих бояр, «подавал... им отчину в их отчины место» «доколе [они] служат» ему и его детям. «...И оучнут служить моему сыну и их дети, ино то им и есть,— пишет князь в своей духовной,— а не имут служить моему сыну, ино их отчина моему сыну. А возмет бог моего сына Федора, ино то мое жалованье им в отчину, в их отчины место»⁸⁰. Сходно поступил белозерский князь Михаил со своим слугой Ивашкой Селиверстовым. Отбрав у него «вотчинку, отца его куплю», он затем вернул ему часть земель, «и грамоты... свои жаловальные отпускные подавал»⁸¹. Недвижимость, полученная по наследству, превращается в княжеское пожалование, хотя нет сведений о том, было ли оно в данном случае обусловлено службой.

Таковы формы вмешательства главы княжества в земельные отношения в пределах своей территории. Вмешательство это приводило к тому, что вотчинное землевладение все более приобретало условный характер. В этом отношении можно провести аналогию между феодальной собственностью бояр и «отчинами» самих князей, которые, как было указано выше, также с течением времени часто из родовых превращались в жалованные.

К сожалению, в силу лаконизма источников не всегда удается с достаточной определенностью установить, о какой форме земельной собственности идет речь. Классическим примером в этом отношении является текст духовной Ивана Калиты об условиях пожалования купленного им села Борису Воркову: «аже иметь сыну моему которому служить, село будет за ним, не иметь ли служить детям моим, село отоймут»⁸². Неясно, были ли Ворков пожалован своею же вотчиной или поместьем.

Говоря о пирамиде земельных собственников, надо также

⁷⁷ Там же, стр. 76, № 30 (1433 г.).

⁷⁸ Там же, стр. 251, № 71 (1477 г.).

⁷⁹ Там же, стр. 310, № 80 (ок. 1486 г.).

⁸⁰ Там же, стр. 251, № 71 (1477 г.).

⁸¹ Там же, стр. 305, № 80 (ок. 1486 г.).

⁸² Там же, стр. 10, № 1 (ок. 1339 г.).

указать на то, что великий князь сохранял право верховной собственности на территории, передаваемые в качестве уделов своим сыновьям. Феодальная средневековая дипломатика разработала формулы, которыми закреплялся раздел княжества на уделы в духовных грамотах великих князей: «аже что бог розмыслит о моем животе, даю ряд своим сыном...»; «приказываю отчину свою...»; «а се даю сыну своему...»; «а се благословляю сына своего...»⁸³ и т. д.

Особое место в структуре княжеской «отчины» занимает землевладение княгинь-вдов. Оно складывается из разнотипных частей. Во-первых, перед смертью глава княжества выделяет своей жене часть волостей и сел из уделов своих сыновей в пожизненное владение («до ее живота») ⁸⁴. После смерти княгини эти земли возвращаются удельным князьям: «а что бог розмыслит о моей княгине, и те волости и села во чьем оуделе, то тому и есть» ⁸⁵. Кроме того, у вдовствующих княгинь имеются «прикупы» («купи») и «примыслы», сделанные ими самими или их мужьями. Это собственность, которой они могут распоряжаться по своему усмотрению: завещать любому сыну, отдать в качестве вклада по душе ⁸⁶.

На всей территории, составляющей долю княгини-вдовы, и там, где она является полной собственницей земли, и там, где земля принадлежит ей пожизненно, она обладает правом суда и сбора дани. «...А дань емлет княгини моя су-удела своего и с сел... сама; а судит княгини моя удел свои и те села и бояре свои сама...» — читаем в завещании серпуховского и боровского князя Владимира Андреевича ⁸⁷. «А ис тех волости, и слобод, и сел, что есмь вымал оу детии своих оуделов, а подавал княгине своей, а кому будет жалоба сиротам на волостели, и тем людем оучинит исправу княгини моя», — говорится в духовной грамоте Дмитрия Донского ⁸⁸.

У княгинь были свои слуги — земельные собственники или держатели данных им сел ⁸⁹. К числу таких держателей принадлежал, например, боярин Софьи Витовтовны Федор Басенок ⁹⁰.

⁸³ ДДГ, стр. 15, № 4 (ок. 1358 г.); стр. 34, № 12 (1389 г.).

⁸⁴ Там же, стр. 15, № 4 (ок. 1358 г.).

⁸⁵ Там же, стр. 34, № 12 (1389 г.).

⁸⁶ «...А в тех примыслех волна моя княгини, сыну ли которому даст, по души ли даст» (там же, стр. 35, № 12, 1389 г.).

⁸⁷ Там же, стр. 48, № 17 (ок. 1401—1402 гг.).

⁸⁸ Там же, стр. 36, № 12 (1389 г.); см. также стр. 197, № 61.

⁸⁹ «А жоне своей, княгине Олене, дал есмь ей Лужу... и что в Луже села за слугами и в слободах, и те села все княгине моей» (духовная грамота князя Владимира Андреевича серпуховского, 1401—1402 гг. — там же, стр. 47, № 17). В духовной Василия II 1461—1462 гг. упомянуты дети боярские и слуги, которые «служат» его княгине; некоторым он и княгиня давали свои села, у некоторых имеются свои «отчины» и «купи» (там же, стр. 199, № 61).

⁹⁰ Там же, стр. 199, № 61.

Расчлененный характер феодальной собственности вызывал известную противоречивость положения вдовствующей княгини в системе княжеской «отчины». С одной стороны, ей пожизненно принадлежал лишь удел, складывавшийся из долей, разбросанных по уделам ее сыновей. Частью своих владений она могла распорядиться на случай смерти, частью — нет. С другой стороны, духовные грамоты князей предусматривают обстоятельства, при которых к их вдовам должны перейти права верховной собственности на территорию всего княжества. Если кто-либо из сыновей умрет, матери вменяется в обязанность поделить его удел между оставшимися в живых братьями. Если у кого-либо из сыновей «убудет отчины», княгиня возмещает ему потерю из владений других братьев⁹¹.

Иерархическая структура земельной собственности

Итак, внутренняя структура княжеской «отчины» была сложной. Здесь имелись доменальные княжеские села и деревни, уделы княгини, земли «черные», «служни», боярские монастырские. Каждая из этих разновидностей феодальной собственности имела свою специфику, как неоднородны были и права собственников. Княжеская «отчина» в целом представляла собой самодовлеющий организм, обладающий иммунитетом. Во взаимоотношениях между главами княжеств действовала формула: «Тобе знати своя очина, а мне знати своя очина». Существо ее заключалось в том, что один князь-«отчинник» не мог посылать на территорию, принадлежавшую другому, данщиков и приставов, выдавать там жалованные грамоты, приобретать земли, обращать в феодальную зависимость от себя население. Не должны были нарушать иммунитет чужого княжества и его бояре⁹².

В то же время между главами отдельных княжеств устанавливались договорные связи, в силу которых их «отчины» образовывали сложную иерархическую систему. Можно наметить три основных типа междукняжеских отношений: «великих» князей между собой (московского с рязанским, московского с тверским и т. д.), «великих» князей с удельными, «великих» князей со служебными.

Первая разновидность «докончаний» — это политические соглашения глав княжеств, имеющих государственный суверенитет. Поскольку лишь один из «великих» князей является обладателем общерусского «стола» (или «великого княжения» владимирского), он выступает в качестве сюзерена всей княжеской иерархии. Постепенно владимирский великокняжеский

⁹¹ Там же, стр. 55, № 12 (1389 г.); стр. 197, № 61 (1461—1462 гг.).

⁹² Там же, стр. 20, № 5 (ок. 1367 г.).

титул укрепляют за собой князья московские, которые с течением времени, при помощи военной силы и дипломатии, присваивают себе и общегосударственные функции, лишая их других «великих» князей. Вторую разновидность соглашений составляют договоры о службе князей со своими вассалами, выступающими как государи у себя в «отчинах», но лишенными самостоятельности в общегосударственных делах (в области внешней политики, в военном деле и т. д.). Наконец, третья категория договорных актов — это акты о коммендации князей, терявших политическую независимость и обращающихся с просьбой о патронате к более мощному сюзерену.

В договорных грамотах князей все оттенки отношений сюзеренитета-вассалитета находят выражение в устойчивых и детально разработанных формулах. Характерной чертой русского феодального права и русской средневековой дипломатии является использование терминов кровного родства для передачи системы иерархических связей между князьями: «отец», «брат», «брат старейший», «брат младший» и т. д. Иногда эти термины соответствуют реальным семейным отношениям, иногда имеют условный характер и указывают лишь на положение, занимаемое тем или иным лицом на лестнице феодальной иерархии.

Типичная для феодализма связь землевладения и службы проявляется в условиях междукняжеских соглашений, согласно которым сюзерен обязуется взять под свой патронат не только вассала, но и его «отчину»⁹³: «а отчина ти, господине, наша... держати под нами»⁹⁴; «а кто имеет мою отчину обидети, и тебе мене боронити»⁹⁵. Около 1430 г. «добил... челом» Витовту и «дался ему в службу» князь Иван Владимирович пронский. Витовт обещал ему «пособляти на всякого» и «не вступатися» в его вотчину. Сохранились и другие аналогичные «челобитья в службу» литовским князьям⁹⁶.

Вассал со своей стороны брал обязательство оберегать владения сюзерена и его наследников и не пытаться ими овладеть: «...вотчины ми, господине, твое... под тобою не искати и под твоими детьми...»⁹⁷; «а вотчине нам князя великого и его братии не чинити некоторые пакости»⁹⁸, городов и волостей, принадлежащих сюзерену, «в вудел и в вотчину ... не хотети»⁹⁹ и т. д.

⁹³ ДДГ, стр. 40, № 14 (не ранее 1390 г.); стр. 125, № 43 (ок. 1445 г.); стр. 208, № 64 (1462—1464 гг.).

⁹⁴ Там же, стр. 122, № 41 (1445 г.).

⁹⁵ Там же, стр. 77, № 30 (1433 г.).

⁹⁶ Там же, стр. 68—69, № 26 (ок. 1430 г.); см. также стр. 67—68, № 25 (ок. 1430 г.); стр. 117—118, № 39 (1442 г.).

⁹⁷ Там же, стр. 23, № 7 (ок. 1374—1375 гг.).

⁹⁸ Там же, стр. 141, № 46 (1447 г.).

⁹⁹ Там же; см. также стр. 157, № 52 (1448—1449 гг.).

Разные нюансы в формулировках (с одной стороны, в положительной форме — «жаловати», «печаловаться», «держати», «боронити», с другой, в негативной — «не искати», «не чинити», «не хотети») указывают на неравноправный характер двух «отчинников», из которых один активно опекает «отчину» другого, а тот устраняется от всяких происков в отношении первого. Но обе договаривающиеся стороны, при всей неравноправности, ведут речь об «отчинах» как о территориях (великого княжения или удела), где они пользуются государственными прерогативами.

Часть князей, утрачивая ряд прерогатив, превращается в титулованных вотчинников, служащих «из своих отчин» князьям, преуспевшим в политической борьбе¹⁰⁰. Их «отчины» приобретают характер условного держания, что лишает их права перехода с землей от одного сюзерена к другому. Обычным пунктом договорных грамот великих и удельных князей становится статья: «А князеи ти с отчинами не примати. А примешь, и он вотчины лишен»¹⁰¹. Иван III передал по духовной грамоте 1504 г. князей новосильских, одоевских, белевских с вотчинами своему сыну Василию III «к нашему великому княжеству»¹⁰².

В противоположность служебным князьям, бояре и «слуги вольные» пользовались правом «отъезда» от своих сюзеренов. Междукняжеские соглашения гарантировали им свободу службы: «А бояром и слугам вольным воля»¹⁰³. Князья обязывались «блюсти» «чужих» бояр и слуг, как и «своих»¹⁰⁴, «нелюбья не держати» на тех из них, кто «отъехал»¹⁰⁵, не лишать их вотчин на территории своих княжеств¹⁰⁶. В военные походы бояре и слуги должны были выходить в составе войск того князя, с которым их связывал вассальный договор, а не того, в «отчине» которого находились их земли¹⁰⁷. Лишь в случае осады врагом города на его защиту должны были выступать живущие в княжестве бояре независимо от того, чьими они являлись вассалами.

Но жизнь вносила поправки в правовые нормы, регулировавшие вопросы службы и землевладения. В случае «коромолы» бояр князья нарушали и свободу вассального договора, и

¹⁰⁰ Там же, стр. 161, № 53 (1449 г.).

¹⁰¹ Там же, стр. 101, № 36 (ок. 1439 г.). Другой вариант: «А князеи ти моих служебных с вотчиною собе в службу не примати. А который имут тебе служити, и им в вотчину свою не вступатися» (там же, стр. 65, № 24, 1428 г.).

¹⁰² Там же, стр. 355, № 89.

¹⁰³ Там же, стр. 13, № 2 (ок. 1350—1351 гг.).

¹⁰⁴ Там же, стр. 63, № 23 (1427 г.).

¹⁰⁵ Там же, стр. 20, № 5 (ок. 1367 г.).

¹⁰⁶ Там же, стр. 27, № 9 (1375 г.).

¹⁰⁷ Там же, стр. 83, № 32 (1434 г.): «А кто которому князю служит, где бы ни жил, а поехать ему с тем князем, которому служить».

неприкосновенность вотчин опальных. Так, в середине XIV в. великий князь Семен Иванович и его братья обязались «не принимати» боярина Алексея Петровича Хвоста, «вшедшего в коромолу...»¹⁰⁸. А в 1375 г. великий князь Дмитрий Иванович в договоре с князем тверским Михаилом Александровичем оговорил себе право распорядиться по своему усмотрению селами «отъехавших» от него в Тверь изменников — Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата сурожанина¹⁰⁹. Так разрыв служебных и поземельных отношений, провозглашенный для бояр княжескими dokonчаниями, находил на практике серьезный корректив.

Иерархическая структура земельной собственности и система связей сюзеренитета-вассалитета создавали основу для политического господства феодалов. Ведя постоянные распри друг с другом, земельные собственники объединялись для защиты своих классовых интересов. Этой цели служили условия договоров князей о выдаче друг другу оказавшихся на чужой территории «татя», «разбойника», «грабежника», «беглеца», «холопа», «робы» и пр.¹¹⁰

Мы видели, рассматривая в первой главе источники по истории Киевской Руси, что уже тогда сложилась та структура княжеской «отчины», которую отчетливо воспроизводят документы XIV—XV вв. В материалах XI—XII вв. мы находим представление о «волости» как государственной территории, о наличии в ее составе различных видов собственности и о верховной собственности князя, как главы государства, на всю территорию. Очень рано складывается понятие «отчинного» права князей на «волости». Наконец, уже в эпоху Киевской Руси отчетливо выявляются иерархическая структура феодальной собственности и отношения сюзеренитета.

«ЧЕРНОЕ» ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Историография вопроса о «черных» землях

Вопрос о «черном» землевладении стал в последнее время предметом большой дискуссии. Спор идет главным образом о том, являются ли «черные» земли собственностью свободных крестьян-общинников, еще не попавших в феодальную зависимость, или же это феодальная собственность государства, находящаяся лишь во владении особого разряда неполноправного

¹⁰⁸ ДДГ, стр. 13. № 2 (ок. 1350—1351 гг.).

¹⁰⁹ Там же, стр. 27, № 9 (1375 г.).

¹¹⁰ Там же, стр. 27, № 9 (1375 г.); стр. 42, № 15 (ок. 1396 г.); стр. 55, № 20 (1406—1407 гг.); стр. 65, № 24 (1428 г.).

крестьянства. Данный вопрос имеет большое теоретическое значение, ибо в зависимости от того, как он будет решен, по-разному придется оценить характер феодальных отношений в XIV—XV вв. Наличие большого массива свободных крестьянских «волостей» позволило бы говорить о низком уровне феодализации, большом весе в рассматриваемое время дофеодального уклада. Если же «черные» земли представляют собой разновидность феодальной собственности, то тем самым исследователь получает основание для утверждений о развитом феодализме в изучаемый период.

Последняя точка зрения наиболее аргументированно и детально развита А. Д. Горским. Он произвел терминологический анализ источников, показав, что они пользуются одинаковыми выражениями, говоря о наделении крестьян как вотчинной и дворцовой, так и «черной» землей; рассмотрел сведения, свидетельствующие об однородности вотчинных и государственных повинностей; привел случаи отчуждения великими и удельными князьями частным феодалам земельных участков (ненаселенных или населенных) из состава «черных» волостей, а также ограничения переходов «черных» крестьян; наконец, разобрал имеющиеся в источниках утверждения о принадлежности «черных» волостей князьям¹¹¹. Общий вывод А. Д. Горского сводится к тому, что «по своему классовому характеру собственность частных феодалов на частновладельческие земли и собственность великого князя, как представителя класса феодалов в целом, на черные земли — явления принципиально однородные»¹¹².

Я согласен с точкой зрения А. Д. Горского и аналогичный взгляд развиваю в ряде своих работ, особенно в книге «Образование Русского централизованного государства»¹¹³.

Противоположная точка зрения имеет также ряд сторонников. А. И. Копанев в своей интересной книге о земельных отношениях в Белозерском крае для теоретического осмысления проблемы о характере собственности на «черные» земли привел известное место из конспекта В. И. Ленина труда Каутского «Аграрный вопрос»: «Формы кр[естьянского] з[емле]вл[а]-д[е]ния — компромисс м[ежду] общинным и частным з[емле]-вл[а]д[е]нием...»¹¹⁴. Это ленинское положение, пишет А. И. Ко-

¹¹¹ А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 113—139.

¹¹² Там же, стр. 135.

¹¹³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 182—183. Ю. Г. Алексеев упрекает меня в том, что я в своих прежних трудах рассматривал «черные» волости как общинные, жители которых ведут борьбу против попыток феодалов захватить их земли и обратить их самих в феодально зависимое население (Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 5, прим. 7). Это не совсем так. Моя принципиальная позиция в рассматриваемом вопросе не менялась, хотя в ранних работах и не была сформулирована достаточно четко.

¹¹⁴ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 31.

панев, подтверждается актовым материалом по Белоозеру. «Мы имеем многочисленные факты продажи, обмена и завещания в монастырь волостными крестьянами своих земель. Это указывает на то, что крестьяне владели землей на правах частной собственности. Но несомненно также, что часть волостных земель была в общем владении всех крестьян волости — в распоряжении мира»¹¹⁵.

Того же взгляда, что и А. И. Копанев, придерживается И. И. Смирнов. Он высказался по вопросу о «черном» землевладении в рецензии на мою книгу «Образование Русского централизованного государства»¹¹⁶. Не давая анализа источников, И. И. Смирнов ограничился здесь лишь рядом теоретических соображений. Для понимания природы «черных» земель он предложил привлечь высказывания Маркса о шотландских родах-кланах, «каждый из которых был собственником занятой им земли», а глава клана — «большой человек» являлся «титულным собственником», которому шла не земельная рента, а дань в знак признания его верховенства¹¹⁷. По аналогии с горной Шотландией И. И. Смирнов представляет себе и русскую средневековую действительность: «...Черносошные крестьяне — это собственники, а не пользователи черных земель...», а князю принадлежит лишь «титульное право собственности», как выражение верховенства над территорией княжества. Поэтому, утверждает автор, нельзя говорить об «эксплуатации» черных крестьянских общин государством¹¹⁸.

По мнению И. И. Смирнова, «черные» земли являлись «материальной основой свободы населяющих их крестьян», процесс же превращения «черных» земель в феодальную собственность, а крестьян-общинников — в феодально зависимых, крепостных принял особые размеры и интенсивность лишь в XVI в. Что касается распоряжения князьями «черными» землями в XIV—XV вв., то это, полагает автор, была политика, существо которой состояло в борьбе за их экспроприацию¹¹⁹. И. И. Смирнов считает, что в своем определении «черного» землевладения как разновидности феодальной земельной собственности я опираюсь на «воззрения» великокняжеской власти. Поэтому, указывает он, принятая в моей книге концепция оставляет без ответа вопрос, когда и как черносошные крестьяне стали объектом феодальной эксплуатации, и превращает «процесс экспроприации

¹¹⁵ А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 190.

¹¹⁶ И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. — «История СССР», 1962, № 2, стр. 148—152.

¹¹⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 522, 524; т. 23, стр. 734—736, 739—740.

¹¹⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 150—151.

¹¹⁹ Там же, стр. 151—152.

общинных земель у крестьянства и перехода их в собственность другого класса, класса феодалов» в «процесс перераспределения этой собственности через посредство феодального государства между отдельными прослойками класса феодалов». Наконец, изъян моего понимания природы «черного» землевладения И. И. Смирнов видит в том, что борьба крестьян «за свою общинную собственность и свободу снижается до... борьбы за сохранение одной из „разновидностей феодальной земельной собственности“ и только»¹²⁰.

С возражениями против положений, развиваемых мною и А. Д. Горским, выступил также Г. Е. Кочин. Свою полемику он построил довольно своеобразно. Кочин повторил доводы И. И. Смирнова (не прибегая к рассмотрению источников и не добавляя новых теоретических соображений), но адресовал его аргументы не только ко мне (ведь рецензия Смирнова была на мою книгу), а и к А. Д. Горскому, причем значительно их искажил. Если И. И. Смирнов предложил привлечь для осмысления вопроса о характере «черного» землевладения характеристику, данную Марксом шотландскому клану, то Г. Е. Кочин передал его замечание как упрек мне в расхождении «с высказываниями классиков марксизма-ленинизма» «о месте сельской общины в процессе развития социальных отношений в деревне и развития форм земельной собственности...»¹²¹.

Если И. И. Смирнов возражал против моего тезиса о том, что в «черных» землях XIV—XV вв. нельзя видеть собственность свободных крестьян, то Г. Е. Кочин изобразил этот тезис как вообще отрицание мною сельской общины в качестве предшественницы феодальной собственности¹²² (а этого вопроса я просто в своей книге не касаюсь). Эти и другие «неточности»¹²³ вряд ли можно отнести к таким критическим приемам, которые способствуют достижению истины, как цели всякой дискуссии.

О природе «черных» земель высказался в своем интересном исследовании о землевладении Переяславского уезда Ю. Г. Алексеев. Идя вслед за И. И. Смирновым, он начал с критики

¹²⁰ Там же, стр. 151.

¹²¹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 370—371.

¹²² Там же, стр. 370.

¹²³ Например, Г. Е. Кочин пишет: «Так Л. В. Черепнин (как и А. Д. Горский) придает особое значение тем записям крестьянских показаний на суде, в которых крестьяне называют волостные черные земли землями великого князя, но Л. В. Черепнин (а также Горский) оставил в данном случае без внимания то, что те же крестьяне одновременно называют те же земли „нашими (т. е. крестьянскими) волостными землями“» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 371). Я не «оставил это без внимания» (см. мою книгу «Образование Русского централизованного государства», стр. 265). Г. Е. Кочин утверждает, что «оба... автора» (я и А. Д. Горский) якобы «забыли о настойчивой, длительной борьбе крестьян черных волостей за свои земли...», хотя этому вопросу в моей книге посвящен ряд страниц (стр. 287—292).

взгляда на «черные» земли как собственность феодального государства¹²⁴. Но конкретное исследование Переяславской волости привело его к выводам, близким к критикуемой концепции. «Черные волостные земли и их население входят в состав феодального государства. Развитие феодальных отношений бросает свою тень и на те земли, которые еще не попали непосредственно в руки феодалов. В политической и социальной организации Руси XV в. черные люди занимают низшую ступень непосредственных производителей; они ограничены в правах и испытывают в полной мере феодальное „разноправие“»¹²⁵. Думается, что эта характеристика не укладывается в схему И. И. Смирнова, но конечное определение Алексеева приближается к его точке зрения: «земельная собственность волостных крестьян» — это «перерождающаяся в условиях феодального государства прежняя дофеодаловая собственность свободных общинников»¹²⁶.

А. Н. Сахаров отметил «привлекательность точки зрения И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, Ю. Г. Алексеева и других представителей „ленинградской“ школы», состоящей в расширении наших представлений о русском крестьянстве. Оно «предстает перед нами не только пассивной стороной, закрепощенным классом, эксплуатация которого усиливалась со времен „Русской Правды“ и до XIX в., но и в качестве самостоятельной исторической силы»¹²⁷. Я думаю, что для исследователя важна не «привлекательность» той или иной концепции, а ее убедительность, соответствие действительности. Расценивая в таком плане точку зрения «ленинградской» школы, мне кажется, что А. Н. Сахаров несколько поспешно присоединился к ней, заявив, что «до XVI в. на Руси преобладали свободные земледельцы»¹²⁸. «Некрепостные» еще не означает «свободные».

Компромиссную позицию по вопросу о «черных» землях занял А. Л. Шапиро. Он считает, что «в черной волости XIV—XVI вв. мы встречаемся с разделенной собственностью феодального государства в лице князя, с одной стороны, и волостной общины вместе с крестьянами-волощанами — с другой»¹²⁹. Думаю, что концепция эта уязвима теоретически, ибо расчленение собственности имеет место в среде феодалов, присваивающих прибавочный продукт крестьянского труда. Крестьянин же (частновладельческий или государственный) является владельцем земли, и его земельный надел, с которого идет рента, никак нельзя подвести под понятие «разделенной собственности».

¹²⁴ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 4—5.

¹²⁵ Там же, стр. 40.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — «Вопросы истории», 1970, № 1, стр. 28.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ А. Л. Шапиро. О природе феодальной собственности на землю. — «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 71.

«Черные» земли — собственность феодалов государства

Разберем аргументы сторонников теории, рассматривающей «черные» земли как собственность крестьян, еще не попавших в феодальную зависимость. Прежде всего следует вдуматься в высказывания классиков марксизма, на которые опираются те, кто защищает эту теорию.

Мне кажется, нет никаких оснований переносить на русское «черное» крестьянство XIV—XV вв. суждения Маркса о шотландском клане в его трудах «Герцогиня Сатерленд и рабство» и «Капитал». Ведь, как указывает Маркс, кельтский клан «принадлежит к тем формам общественной жизни, которые в общем процессе исторического развития стоят на целую ступень ниже феодального строя, иными словами он принадлежит к *патриархальному общественному строю*». «Все обычаи и традиции шотландских гэлов основаны на предпосылке, что все члены *клана* принадлежат к одной и той же родственной группе», — подчеркивает Маркс. Наконец, касаясь земельных отношений, он говорит, что «раздел и последующее распределение земли соответствовали военным функциям отдельных членов клана. Вождь жаловал им известные надель, в зависимости от их военных качеств, по своему усмотрению увеличивая или урезывая земельные держания отдельных старейшин, которые, в свою очередь, распределяли отдельные участки земли между своими вассалами и подвассалами»¹³⁰.

Что общего между этой, основанной на родственных началах, военной организацией с «деспотической властью» вождя (по словам Маркса) и русскими «черносошными» крестьянами, уже давно прошедшими стадию патриархально-родовой общины и владевшими землей вовсе не в связи с выполнением военных функций? Правда, И. И. Смирнов, ссылаясь на замечание Маркса, что «клану — роду — принадлежал тот округ, в котором он поселился, точно так же как в России земля, занимаемая крестьянской общиной, принадлежит не отдельным крестьянам, а всей общине»¹³¹, делает вывод, что Маркс «прямо подчеркивает тождество форм земельной собственности шотландского клана и русской общины...». Но, во-первых, далеко не ясно, об общине какого времени идет здесь речь. Может быть, о современной Марксу эпохе, может быть, о верви Киевской Руси. Менее всего вероятно, что Маркс имеет в виду «черную» общину XIV—XV вв. А во-вторых, аналогия между шотландским кланом и русской общиной (независимо от того — какой эпохи)

¹³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 523.

¹³¹ Там же.

проводится Марксом в области не форм собственности, а форм землепользования (общинное, а не индивидуальное)¹³².

Мало убедительна и ссылка, которую И. И. Смирнов в подтверждение своей мысли дает на статью В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции», где Ленин, основываясь на положениях «Капитала» Маркса, говорит: «Капитализм *сам создает* себе соответствующие формы земельных отношений из старых форм — из феодального помещичьего, из крестьянски-общинного, кланового землевладения и т. д.»¹³³. Весь контекст доказывает, что Ленин здесь хотел подчеркнуть многообразие способов, какими капитализм преобразует аграрные отношения в разных странах. Данный текст ничего не дает для решения вопроса о том, сколь сходны земельные отношения в шотландском клане и русской общине. Особенно нельзя ссылаться на приведенное высказывание Ленина при характеристике порядков дофеодального периода, ибо Ленин касается явлений совсем другого времени — периода генезиса капитализма.

Для доказательства того, что «черные» земли были собственностью свободных крестьян, нельзя использовать (как пытается А. И. Копанев) и ленинский конспект книги Каутского «Аграрный вопрос». Речь идет не о характере собственности, а о системе хозяйства, которая «преобл[адает] везде, все равно и у своб[одных] и у зависимых кр[естьян»¹³⁴. Таким образом, текст не дает материала для выявления разницы (с точки зрения наличия земельной собственности) в положении тех или иных групп крестьянства.

Мне представляется, что при изучении вопроса о «черном» землевладении следует не искать у классиков марксизма готовые образцы для его характеристики, а стремиться применить общие положения марксистской теории к анализу конкретных источников. А для этого прежде всего следует выяснить, какой взгляд на «черные» земли проводится в актовом материале. Причем сразу должен отвести упреки по моему адресу критики, что, идя таким путем, я будто бы воспроизвожу воззрения княжеской власти¹³⁵. Основным источником являются как раз записи судебных показаний черносошного крестьянства.

Мы встречаемся в них со следующими определениями «чер-

¹³² Думается, что нет основания относить к русским черносошным крестьянам и выводы Маркса о том, что дань, уплачиваемая главе шотландского клана, не была земельной рентой и что члены клана не были «наследственными арендаторами» земли (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 740, прим. 214, 217).

¹³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 252.

¹³⁴ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 31. Об этом см.: А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 16, прим. 1.

¹³⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 152; Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 371.

ных» земель: «земли великого князя»¹³⁶, «земли великого князя черные»¹³⁷, «земли великого князя тяглые»¹³⁸, «земли великого князя черныи тяглыи»¹³⁹, «земли волосные»¹⁴⁰, «земли великого князя волостные»¹⁴¹, «земли великого князя такой-то волости»¹⁴², земли «великого князя черные такой-то волости»¹⁴³, «пустоши тяглые черные волосные»¹⁴⁴, «земли становые»¹⁴⁵, «земли такого-то стану великого князя»¹⁴⁶, «земли великого князя такого-то погоста черные»¹⁴⁷ и т. д. Сами князья называют «черные» земли и крестьян «своими»¹⁴⁸.

Таким образом, термины, входящие в состав определения характера «черных» земель, подчеркивают, что они принадлежали князю и были обложены тяглом, которое крестьяне «тянули» к волости, стану, погосту. При переводе этой терминологии на язык феодального права, по-моему, имеются основания видеть в князе верховного собственника «черных» волостей, в черносошных крестьянах — владельцев земли. И. И. Смирнов возражает мне: но ведь князь был верховным «собственником и земель, принадлежавших отдельным феодалам, — боярских вотчин и вотчин монастырей», однако это не мешает признавать и светских феодалов и церковные корпорации также земельными собственниками; неправомерно, следовательно, отрицать право собственности и у черносошных крестьянских общин¹⁴⁹.

¹³⁶ АСЭИ, т. I, стр. 310, № 421 (1473—1485 гг.).

¹³⁷ Там же, стр. 399, № 523 (1485—1490 гг.).

¹³⁸ Там же, стр. 236, № 326 (1462—1473 гг.).

¹³⁹ Там же, т. II, стр. 362, № 368 (ок. 1462—1470 гг.).

¹⁴⁰ Там же, т. I, стр. 530, № 617 (1498 г.).

¹⁴¹ Там же, стр. 319, № 430 (ок. 1474—1475 гг.).

¹⁴² Там же, т. III, стр. 290, № 276 (1499—1500 гг.).

¹⁴³ АФЗХ, ч. I, стр. 261, № 309 (1511 г.).

¹⁴⁴ АСЭИ, т. I, стр. 403, № 525 (1485—1490 гг.).

¹⁴⁵ Там же, стр. 461, № 582 (1595—1599 гг.).

¹⁴⁶ АФЗХ, ч. I, стр. 222, № 258 (ок. 1501—1502 гг.).

¹⁴⁷ Там же, стр. 255, № 306 (1504 г.).

¹⁴⁸ АСЭИ, т. I, стр. 239, № 330 (1462—1484 гг.); стр. 443, № 564 (1491 г.).

¹⁴⁹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 149. В частности, автору представляется очень показательным в этом отношении один документ — правая грамота (ок. 1463 г.) Симонову монастырю по судебному земельному делу (АСЭИ, т. II, стр. 370—374, № 375). Монастырские старцы так высказались по поводу спорных участков: «...а земли, господине, то монастырские божии же да великого князя». «Заявление старцев говорят особенно выразительно, — пишет И. И. Смирнов, — если учесть, что они имели в виду земли, полученные монастырем в качестве вклада от вотчинника Тимофея Дыбина и боярина В. М. Морозова. И в той же правой грамоте эти земли прямо названы „боярскими“...». Но И. И. Смирнов не упоминает, что на суде некоторые из свидетелей говорили, что спорные владения — «земля великого князя, становая, истарины, тяглая» и что Тимофей Дыбин испросил разрешения сделать вклад у великой княгини Софьи Витовтовны, которая «ослободила... ему пустоши... дати» монастырю. Другими словами, перед нами, очевидно, случай превращения «черных» пустошей в боярские, а затем и монастырские.

Думаю, что не следует смешивать явления принципиально разного рода. Расчлененный характер собственности на земли, принадлежащие феодалам различных рангов, отражает сложные иерархические отношения внутри господствующего класса. Верховная собственность государства в лице князя на «черные» волости есть выражение классового антагонизма, принимающего одну из форм феодальной эксплуатации. И это различие форм собственности проявляется в актовой терминологии. Расчлененный характер собственности феодалов виден из формулы «отчина в отчине»¹⁵⁰ (т. е. недвижимость боярина на княжеской территории). К «черным» землям понятие вотчинного права не применяется¹⁵¹. Так, Василий II дал Кириллову монастырю «на Сяме свое пустоши» с оговоркой: «у которых поустошен вотчиков нет»¹⁵².

Сторонники точки зрения на «черную» землю как собственность свободных крестьян в качестве одного из аргументов ссылаются на то, что крестьяне, говоря о ней, в ряде случаев употребляют при этом местоимение «наша»: «наша земля тяглая, черная»¹⁵³, «земля великого князя такой-то волости тяглая наша»¹⁵⁴, «земля великого князя такой-то волости наша черная»¹⁵⁵, «земля великого князя такого-то погоста тяглая наша»¹⁵⁶ и т. д. И. И. Смирнов и Г. Е. Кочин усматривают в этих заявлениях указание на реальные права собственности. Ближайшее рассмотрение актового материала дает, мне кажется, основание сказать, что они ошибаются, что подобный вывод сделать нельзя.

Бросается в глаза, что определение «наша» — «наши» относится по большей части не к самой земле (которая рассматривается как княжая), а к крестьянскому хозяйству, к тому, что является результатом труда землевладельцев (постройкам, пашням, покосам и пр.) на ней: «...земля великого князя черная тяглая такой-то волости, такой-то деревни, а пашут... ту землю крестьяне...»¹⁵⁷; «...пашня — земля черная великого князя моей деревни»¹⁵⁸; «наволок — ...земля великого князя черная такого-

¹⁵⁰ Так, в жалованной грамоте князя Михаила Андреевича Гриди Степанову 1484 г. говорится: «Что в моей отчине на Белеозере... его отчина...» (АСЭИ, т. II, стр. 177, № 265).

¹⁵¹ Чрезвычайно редким документом является правая грамота 1453—1462 гг., где пустоши и бортные леса по реке Уводи рассматриваются как «вотчина» великокняжеских бортников Михаила Тальшанина с детьми (АСЭИ, т. II, стр. 544, № 496). Выдача им Василием II жалованной грамоты, очевидно, объясняется большим хозяйственным значением бортного промысла.

¹⁵² АСЭИ, т. II, стр. 123, № 192 (1471 г.).

¹⁵³ Там же, т. I, стр. 401, № 524 (1485—1490 гг.).

¹⁵⁴ АФЭХ, ч. I, стр. 217, № 254 (ок. 1501—1502 гг.).

¹⁵⁵ АСЭИ, т. III, стр. 239, № 221 (1501 г.).

¹⁵⁶ Там же, т. I, стр. 551, № 639 (1501—1502 гг.).

¹⁵⁷ Там же, т. III, стр. 291, № 276 (1499—1500 гг.).

¹⁵⁸ Там же, т. II, стр. 364, № 370 (1462—1478 гг.).

то погоста, а розпаш... отцов наших»¹⁵⁹; «...пожня наша такой-то деревни великого князя тяглыи земли»¹⁶⁰; «...земля великого князя, а тянет... тот луг изстарины к моей деревне, ...а кошу... тот луг яз да и сено вожоу»¹⁶¹; «...то земля великого князя..., где тот починок стоит»¹⁶²; «...лес великого князя, села, а нашего починка»¹⁶³. «Мои», «наши» (т. е. крестьянские) — это деревни, починки, а не земля.

Владение землей крестьянами в противоположность собственности на нее государства обозначается при помощи различных форм (и сочетаний форм) глаголов «жить», «сесть жить»: «жили на тех селищех крестьяне за великим князем»¹⁶⁴; «...живут на великого князя земле на черной на тяглои»¹⁶⁵; «сел жити... за великого князя»¹⁶⁶; «сел на пустой выти... что та пожня великого князя»¹⁶⁷; «сели... на те места за великого князя на лес на старь...»¹⁶⁸; «пришел в ...деревню... в тяглую»¹⁶⁹ и т. д.

«Живя» за великим князем на земле, ему принадлежащей, крестьяне вкладывали в нее свой труд, заводя поселения, выполняя различные сельскохозяйственные работы. Так, в одном документе говорится, что крестьяне деревню поставили «на великого князя земле, на дву селищех»¹⁷⁰, в другом акте — что крестьяне дворы возвели «на великого князя пустоши» «черной волостной»¹⁷¹. Крестьянин Ивашко Саврасов «землю великого князя черную» «поорал»¹⁷²; крестьяне Минка Ескин и др. «секли... лес... и сеяли... а лес то... великого князя»¹⁷³. В одном из судебных списков упоминается «пожня ... земля великого князя», которая «тянула... к черной деревне... а косил ее изстарины хрестиянин...»¹⁷⁴ и т. д. Все это хорошо укладывается в рамки понятия о владении землей, собственниками которой земле-владельцы не являются.

Говоря о наделении крестьян земельными участками, документы подчеркивают активную роль в этом деле княжеской администрации или представителей чернососных общин, имеющих соответствующие полномочия. Поэтому формула — «сел»

¹⁵⁹ АФЗХ, ч. I, стр. 255, № 306 (1504 г.).

¹⁶⁰ АСЭИ, т. II, стр. 150, № 229 (1475—1476 гг.).

¹⁶¹ АФЗХ, ч. I, стр. 258, № 308 (1498—1499 гг.).

¹⁶² АСЭИ, т. III, стр. 222, № 209 (ок. 1495—1497 гг.).

¹⁶³ Там же, т. I, стр. 458, № 581 (ок. 1495—1497 гг.); см. также А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 219.

¹⁶⁴ Там же, стр. 452, № 571 (ок. 1492—1494 гг.).

¹⁶⁵ Там же, т. II, стр. 411, № 402 (1490 г.).

¹⁶⁶ АФЗХ, ч. I, стр. 230, № 259 (1498 г.).

¹⁶⁷ АСЭИ, т. II, стр. 383, № 383 (ок. 1465—1470 гг.).

¹⁶⁸ Там же, т. III, стр. 181, № 172 (1504 г.).

¹⁶⁹ Там же, т. II, стр. 320, № 334 (ок. 1499—1500 гг.).

¹⁷⁰ Там же, стр. 425, № 407 (1492—1503 гг.).

¹⁷¹ АФЗХ, ч. I, стр. 262, № 309 (1511 г.).

¹⁷² АСЭИ, т. II, стр. 406, № 400 (1485—1490 гг.).

¹⁷³ Там же, стр. 329, № 337 (1502 г.).

¹⁷⁴ Там же, т. I, стр. 551, № 639 (ок. 1501—1502 гг.).

такой-то крестьянин на великокняжеской земле — в ряде случаев превращается в другую — крестьянина «посадили» на великокняжескую землю. Последняя формула неоднократно встречается в разных вариантах в актах: «посажал ... нас на той земле слободчик ..., а сказывал нам, ... кое то земля великого князя»¹⁷⁵; «... нас ... посадил на тех селищах князя великого поселской ...»¹⁷⁶; «... посадил нас ... на те починки дворской ...»¹⁷⁷; «... велел ся нам садити государь наш князь велики ...»¹⁷⁸ и т. д.

Особый интерес представляет жалованная грамота князя Даниила Александровича Пенкова Спасо-Каменному монастырю 1497 г. В ней говорится, что жалователь «велел тиуну своему ... сажати... крестьян на ... пустошы», и когда тот выполнил это повеление и «посадил» семь «жыльцов», князь передал вновь заведенные починки в монастырь¹⁷⁹. Здесь достаточно ясно выступает право верховной собственности князя не только на «черную» землю, но и на крестьян, которые на ней селятся.

Для обозначения актов передачи органами княжеской власти или общинного управления «черной» земли крестьянам, кроме различных форм глагола «сажать», употребляются и другие термины: «дать», «рядить» и т. д. В документах можно, например, встретить такие выражения: «...дали нам... ту землю становичи Михайловского стану»¹⁸⁰; «по грамоте великого князя ... доложу ... тиуна ... сямского волостеля, се яз, соцкой сямской ..., поговоря есми с людми добрыми с сямлены, з болшими и с меншими ..., дали есмя ... таким-то пустошь ... под двор на двенадцать лет ...»¹⁸¹; «по великого князя слову ..., се яз, такой-то ... [волостель], поговоря есми ... с сотским, да с суседы с волостными ... пожаловал есми ... таких-то ... дубровою ... да и со всем с тем, что х той дуброве изстарины потягло ...»¹⁸²; «по слову великого князя ... се яз, ... дворской такой-то волости, да з десятким ... порядили есмя такого-то на лес на старь ...»¹⁸³; «... а рядил нас [крестьян] ... на тот лес на старь дворской ... с волостными людми з добрыми»¹⁸⁴ и т. д.

В числе крестьян, «садившихся жить» на «черные» земли, были люди, ранее ушедшие из сел и деревень, принадлежавших частным феодалам или феодальным корпорациям, «отказав-

¹⁷⁵ АСЭИ, т. I, стр. 419, № 540 (ок. 1488—1490 гг.).

¹⁷⁶ АФЗХ, ч. I, стр. 116, № 125 (1462—1505 гг.).

¹⁷⁷ АСЭИ, т. III, стр. 187, № 173 (1504 г.).

¹⁷⁸ Там же, т. II, стр. 500, № 463 (1465—1466 гг.); см. также А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 117 и др.

¹⁷⁹ АСЭИ, т. III, стр. 286—287, № 272 (1497 г.).

¹⁸⁰ Там же, т. I, стр. 461, № 582 (1495—1499 гг.).

¹⁸¹ Там же, т. II, стр. 249, № 293 (1493 г.).

¹⁸² Там же, стр. 528—529, № 489 (1497—1498 гг.).

¹⁸³ Там же, т. III, стр. 177, № 164 (1497 г.).

¹⁸⁴ Там же, стр. 181, № 172 (1504 г.).

шись» от своих господ. Напротив, бывали случаи «отказов» и переходов в церковные или в монастырские села «черных» крестьян. Таким образом, статус крестьянских «выходов» и «отказов» был для «черных» волостей таков же, что и для всех феодальных вотчин.

Статус этот выступает в конкретных очертаниях из нескольких судебных дел конца XV в. Крестьяне Окулик и Олферко «ся ... отказали за великого князя» из селища Симонова монастыря¹⁸⁵. Васька Игнатов «отказался ... с ... деревнею ... в Мишутинской стан» Переяславского уезда из Троице-Сергиева монастыря¹⁸⁶. Савка Мандаков, по словам старца Кирилло-Белозерского монастыря Мартемьяна, «отказал из нашия деревне за великого князя в волость ...»¹⁸⁷. Костромской слободчик Оверкей Клоков говорил на суде, что с земли, которую он считал «великокняжеской», «изшол» крестьянин Якуш Карач¹⁸⁸. Согласно показаниям пошехонского старосты Ивана Сонины, «жил за великим князем христианин Губа Полутов ..., а ныне ... тот Губа вышел ис тое деревни вон ..., а та ... деревня была великого князя чернаа ...»¹⁸⁹.

Когда в середине XV в. князья стали своими грамотами вводить для отдельных монастырей положения о едином сроке крестьянского «отказа» (за неделю до Юрьева дня и неделю после него), эти положения затронули и «черные» волости¹⁹⁰. В грамоте Василия II содержался запрет наместникам, волостелям, посельским, слободчикам «отказывать ... людей» из Кирилло-Белозерского монастыря в какое-либо время года помимо вышеуказанного срока; а далее говорилось: «также и игумен з братьею не отказывают к собе людем по тому жо»¹⁹¹. Аналогичные распоряжения князей имеются и в других документах, касающихся монастырей Кирилло-Белозерского, Ферапонтова, Троице-Сергиева¹⁹². Некоторые из этих документов прямо затрагивают вопрос о крестьянских «отказах» из монастырских вотчин в «черные» волости. Таковы, например, две грамоты «с прочетом» белозерского князя Михаила Андреевича и великого князя Ивана III, адресованные одна волостелю Волочка Слоvensкого, а другая — белозерскому сотнику, старостам и крестьянам ряда белозерских волостей и регламентирующие порядок расчетов с монастырскими властями «отказывающихся» от них

¹⁸⁵ Там же, т. II, стр. 411, № 402 (1490 г.).

¹⁸⁶ Там же, т. I, стр. 538, № 628 (ок. 1499—1502 гг.).

¹⁸⁷ Там же, т. II, стр. 193, № 285 (ок. 1492 г.).

¹⁸⁸ Там же, т. I, стр. 419, № 540 (ок. 1488—1490 гг.).

¹⁸⁹ АФЗХ, ч. I, стр. 265, № 309 (1511 г.).

¹⁹⁰ На это указал А. Д. Горский (указ. соч., стр. 130).

¹⁹¹ АСЭИ, т. II, стр. 61—62, № 101 (1448—1462 гг.).

¹⁹² Там же, т. I, стр. 192, № 264 (1455—1462 гг.); стр. 245, № 338 (1463—1468 гг.); стр. 263, № 359 (1467—1474 гг.); т. II, стр. 112, № 177 (1462—1481 гг.); стр. 124—125, № 193 (1471 г.).

на «черные» земли крестьян по своим долговым обязательствам и повинностям¹⁹³.

Прерогативой князя как верховного собственника «черных» земель является право распоряжения ими. От имени князей, по их велению совершаются различные сделки (дарение, продажа, обмен) с «черными» пустошами и деревнями, в результате чего они переходят к другим вотчинникам. В княжеских грамотах неоднократно встречаются такие указания: «... дал ... в монастырь деревню свою ... волосную ...»¹⁹⁴; «... дал есмь ... игумену ... з братиею ... свою деревню тяглую ... и с судом и з данью»¹⁹⁵; «... пожаловал есмь ... архимандрита ... придал есми им черные деревни ... и с судом и с данью»¹⁹⁶; «променил есмь игумену да и братии свои деревни черные тяглые ...»¹⁹⁷; «... менял есмь с ... игуменом ... и со всею братиею землями: променил есмь им ... свои земли тяглые черные ...»¹⁹⁸; «пожаловал есмь игумена ... с братьею, ... променил есмь им свою деревню тяглую ...»¹⁹⁹.

Переход недвижимостей из фонда государственных в разряд церковных отражается на судьбе черносошного крестьянства. Так, в 1488—1489 гг. было произведено размежевание земель Рождественского владимирского монастыря и великокняжеских, а «что поставил великого князя крестьянин ... починок ... и ... князь велики пожаловал — велел дати тот починок монастырю же, а того крестьянина велел выслати вон»²⁰⁰. Когда же на рубеже XV и XVI вв. Иван III «пожаловал» истопника Антона Гладкого пустошами в Мишутинской волости Переяславского уезда, от княжеского имени была отправлена специальная грамота к мишутинскому дворскому и «всем хрестьяном» с предписанием «стоять» за эти пустоши, оберегая их от посползовений со стороны Троице-Сергиева монастыря²⁰¹.

Известны случаи передачи князьями другим феодалам земель вместе с крестьянами. Так, в 1460 г. князь Василий II дал Симонову монастырю жалованную грамоту на два озера по «новгородской рубези» «да и люди по обе стороны» одного из озер²⁰². В конце XV в. князь Федор Борисович «пожаловал» Симонову монастырю в своей «отчине» во Ржеве те же озера, земли, «да и те есми люди дал им старожилцов, которые живут

¹⁹³ АСЭИ, т. II, стр. 184, № 275 (1488—1489 гг.); стр. 307, № 326 (1455—1467 гг.).

¹⁹⁴ Там же, т. I, стр. 219, № 308 (1462—1466 гг.).

¹⁹⁵ Там же, т. III, стр. 111, № 78 (ок. 1470-х гг.).

¹⁹⁶ Там же, т. II, стр. 401, № 394 (1481 г.).

¹⁹⁷ Там же, т. III, стр. 89, № 58 (1470 г.).

¹⁹⁸ Там же, стр. 113, № 80 (ок. 1470—80-х гг.).

¹⁹⁹ Там же, стр. 285 (ок. 1480—1481 гг.).

²⁰⁰ Там же, стр. 121, № 89 (1488—1489 гг.).

²⁰¹ Там же, т. I, стр. 539, № 628 (ок. 1499—1502 гг.).

²⁰² Там же, т. II, стр. 353, № 360; стр. 359, № 365.

на той земле»²⁰³. В 1470 г. князь Андрей Васильевич «променил» игумену Саввино-Сторожевского монастыря черные тяглые деревни и вместе с ними крестьян-старожильцев²⁰⁴. В 1458—1459 гг. киевская княгиня Анастасия с детьми передала Троице-Сергиеву монастырю две волости в Малоярославецком уезде «... и с людьми, што издавна к tým волостем прислушали и к tým приселком...»²⁰⁵.

Сам распоряжаясь «черными» землями, князь давал и другим феодалам разрешение на их покупку. В 1420—1421 гг. Василий I «ослободил» митрополиту Фотию «купити ... деревню ... волостную», с тем чтобы она в дальнейшем «тянула» к нему, а не к волости «судом и всеми пошлинами» (за исключением дани и яма)²⁰⁶. Василий II в 1447—1455 гг. «пожаловал» игумена Троице-Сергиева монастыря, «ослободил купить своих земель черных тяглых на десять сох»²⁰⁷. Вологодский князь Андрей Васильевич около 1478—1481 гг. «пожаловал ... Злобу Васильева сына, ослободил ... емоу на Вологде купити земли на соху боярских и служых и черных тяглых земель, хто ему продасть», с тем чтобы с «черными людьми не тянуть», «а служити своею братьею з детми з боярскими»²⁰⁸.

По мнению И. И. Смирнова, все вышеприведенное характеризует не верховную собственность великокняжеской власти на «черные» земли, а нечто совсем иное. Это «перечень различных способов ликвидации черных земель, т. е. ликвидации права собственности крестьянства на черные земли путем отчуждения их у черного крестьянства и передачи в собственность другим лицам». И. И. Смирнов считает, что надо говорить не о «государственной собственности», а о «политике феодального государства в вопросе о черных землях, ... существо которой состояло в борьбе за ... превращение их в феодальную земельную собственность. Но реализация этой политики, выражавшей интересы класса феодалов, потребовала целой исторической эпохи ...» Только в XVI в. «основной фонд черных земель полностью поглощается феодальным землевладением, сохранившимся лишь на Поморском Севере ... вплоть до Петровских указов о подушной подати ...»²⁰⁹.

Точка зрения И. И. Смирнова вызывает возражения в нескольких направлениях. Прежде всего автор считает феодальной собственностью на землю только вотчинное и поместное землевладение. С этим никак нельзя согласиться, ибо тогда пришлось бы совершенно отказаться от постановки проблемы «государ-

²⁰³ Там же, стр. 449—450, № 417.

²⁰⁴ Там же, т. III, стр. 89—90, № 58.

²⁰⁵ Там же, т. I, стр. 200, № 279.

²⁰⁶ АФЗХ, ч. I, стр. 200, № 226.

²⁰⁷ АСЭИ, т. I, стр. 143, № 200.

²⁰⁸ Там же, т. II, стр. 165, № 250.

²⁰⁹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 151—152.

ственного феодализма», так убедительно разработанной (на основе марксистско-ленинской методологии) Н. М. Дружининым для России XVIII в.²¹⁰ Конечно, «черные» крестьяне XIV—XV вв. и государственные XVIII в.—социальные категории разных исторических эпох, и было бы неправильно подходить к ним с единым мерилom. Но к числу тех разрядов населения, из которых формировались государственные крестьяне, относилось и черносошное крестьянство. И если для И. И. Смирнова черносошное Поморье XVII в.—это уголок свободного крестьянского мира, сохранившегося в феодальном окружении, то, по более убедительно аргументированному мнению Н. М. Дружинина, «государство, воплощенное в лице государя-вотчинника, и здесь выступало в роли монополиста-землевладельца; и здесь крестьяне — держатели казенной земли были обязаны платить государству-землевладельцу феодальную ренту в форме оброчных денег и натуральных приношений»²¹¹.

Возвращаясь теперь к материалу XIV—XV вв., я должен выразить недоумение по поводу формулы, предложенной И. И. Смирновым: распоряжение князей «черными» землями — это проявление их политики, а не реализация права верховной собственности. Политика власти в классовом обществе обычно совершается в соответствии с правом, выражающим волю господствующего класса и сформулированным в законе или имеющим характер обычая. Конечно, власть может пойти и вразрез с господствующим правом, но это обычно происходит под воздействием каких-то сил, требующих нарушения сложившихся устоев общественной жизни. В отношении «черных» земель князья действовали в соответствии с правовой нормой, изложенной в их договорных грамотах и требующей княжеского разрешения на покупку «черных» земель. Политика здесь не противоречила праву.

Совсем уж неубедительно звучит замечание Г. Е. Кочина: «Представители государственной власти — великие князья и князья удельные — признавали права крестьянской общины на черные земли, но сами предпочитали их расценивать как земли государственные, предвидя возможность при благоприятных условиях воспользоваться этими черными землями в качестве фонда для пожалования в феодальное владение кому-либо из своих слуг»²¹². Во-первых, здесь рассматриваются не реальные социальные отношения и не реальная политика, а лишь настрoения и намерения князей. Во-вторых, зачем говорить о предвидении князьями XIV—XV вв. будущих возможностей

²¹⁰ Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. I. М.—Л., 1946.

²¹¹ Там же, стр. 28.

²¹² Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 371—372.

использования «черных» земель, когда у нас имеются прямые данные об их земельных операциях в настоящем?

Сторонники теории о наличии у черносошного крестьянства прав земельной собственности в качестве аргумента ссылаются на «многочисленные факты продажи, обмена и завешания в монастырь волостными крестьянами своих земель»²¹³. Наличие таких фактов бесспорно, хотя трудно сказать, сколь они были многочисленны, потому что в документах, фиксирующих сделки на недвижимости, далеко не всегда указывается социальное лицо их участников. Но одновременно следует обратить внимание и на то, что земельные сделки черносошного крестьянства находились под известным правительственным контролем. В ряде случаев они совершались с доклада княжеским властям: тиуну, волостелю²¹⁴. Кроме того, по княжеским грамотам представители общинной организации черносошного крестьянства иногда получали право на выкуп отчужденных отдельными ее членами недвижимостей. Так, князь белозерский Михаил Андреевич «пожаловал старосту городецкого и всех крестьян, велел ... им» выкупить у игумена Кириллова монастыря пожни, заложенные некими Бренком и Семеном Поповым²¹⁵. Тот же князь «ослободил» заболоцким крестьянам совершить выкуп земельного вклада, сделанного в монастырь Дрокиной женой по своему муже²¹⁶. Приведенные единичные факты можно было бы расценить как случайные, если бы не существовало общего положения (сформулированного в договорных грамотах князя) об обязательном выкупе отчужденных на сторону «черных» земель.

Вообще же говоря, не только «черные», но и владельческие крестьяне иногда утрачивали представление о различии между владением земельным наделом и собственностью на него и начинали им свободно распоряжаться. Так, в 1501—1502 гг. крестьянин Троице-Сергиева монастыря Микула Крутиков продал Ивану Сухоне две монастырские пожни, причем на суде говорил совсем так же, как его «черные» собратья по классу: «... Те ... пожни наши, а розчисть ... деда моего ... и отца моего ... и мои ...» Судьи эти доводы не признали, пожни присудили вернуть монастырю, а деньги велели «доправить» на М. Крутикова²¹⁷.

Пожалуй, наиболее существенный довод сторонников теории о «черном» землевладении как свободной крестьянской собственности сводится к тому, что черносошные тяглецы не несли зе-

²¹³ А. И. Копанев. Указ. соч., стр. 190.

²¹⁴ АСЭИ, т. II, стр. 17, № 4 (1397—1410 гг.); стр. 29, № 41 (1397—1427 гг.) и др.; см. также А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 137.

²¹⁵ АСЭИ, т. II, стр. 69, № 112 (1448—1470 гг.).

²¹⁶ Там же, стр. 83, № 141 (1448—1470 гг.).

²¹⁷ Там же, т. I, стр. 551, № 638 (1501—1502 гг.); стр. 572—575, № 651 (1504 г.).

мельной ренты²¹⁸. Это сложный вопрос, ибо у нас слишком мало данных о повинностях «черных» крестьян, а сохранившиеся сведения чересчур суммарны, недифференцированы. Совокупность повинностей обозначается в документах словами «тягль», «потуг»²¹⁹. В актах встречаются такого рода формулировки: «черная» земля «в дань ... и в проторы тянула ... к волости»²²⁰; слободчик «тянул проторы и потуги ...»²²¹; крестьяне «дань ... давали и во все потуги ... тянули»²²²; крестьянин «тянул в тягло», а староста «пomet ... на него метал»²²³; «черный» тяглец «тянул с крестьяны в столец»²²⁴ и т. д.

Более конкретные данные можно извлечь из грамот, предоставляющих податные льготы крестьянам. Из них видно, какие повинности предстояло тяглецам выполнять по истечении льготного срока. В разных сочетаниях упоминаются «дань», «оброк»²²⁵, «ям», «городовое дело»²²⁶, «дело великого князя», «волостелевы кормы», «пошлины тиуновы, праведчиковы, доводчиковы»²²⁷. Из текста грамот обычно следует, что это лишь примерный перечень, ибо он сопровождается указанием, что льгота простирается и на другие повинности: «ни иные некоторые пошлины»²²⁸; «никоторая пошлина, никакова тягота великого князя»²²⁹; «не тянути ... ни в розмет, ни в-ыные ни в которые пошлины»²³⁰; «ни в вытны розрубы в столец не тянути ни во что»²³¹.

О повинностях «черных» крестьян можно в какой-то мере судить и по актам передачи их земли князьями другим феодалам. Так, в 1482 г. Иван III дал Симонову монастырю село с «черными деревнями» «и с судом, и с данью, и с оброком, и с хлебом что в земле ...»²³².

Даже неполные наши знания о всех повинностях черносошных крестьян, думается мне, дают полное основание отвергнуть утверждение И. И. Смирнова, что якобы нельзя говорить об их

²¹⁸ И. И. Смирнов пишет: «...Экономическое содержание права земельной собственности составляет получение собственником земли земельной ренты с принадлежащих ему земель при сохранении их юридического статуса...» (указ. соч., стр. 152).

²¹⁹ АСЭИ, т. I, стр. 241, № 332 (1462—1485 гг.); т. II, стр. 252, № 296 (ок. 1496—1505 гг.).

²²⁰ Там же, т. I, стр. 466, № 584 (1495—1499 гг.).

²²¹ Там же.

²²² Там же, т. II, стр. 372, № 375 (ок. 1463 г.).

²²³ Там же, т. I, стр. 464, № 583 (1495—1499 гг.).

²²⁴ Там же, стр. 471, № 586 (1495—1499 гг.).

²²⁵ Там же, стр. 491—492, № 595 (1495—1499 гг.).

²²⁶ Там же, т. II, стр. 249, № 293 (1493 г.).

²²⁷ Там же; см. также т. III, стр. 177, № 164 (1497 г.).

²²⁸ Там же, т. I, стр. 491, № 595 (1495—1499 гг.).

²²⁹ Там же, т. III, стр. 177, № 163 (1496 г.).

²³⁰ Там же, т. II, стр. 529, № 489 (1497—1498 гг.).

²³¹ Там же, стр. 249, № 293 (1493 г.).

²³² Там же, стр. 401, № 394 (1481 г.).

эксплуатации государством и рассматривать их подати и дани как особую форму феодальной ренты²³³. Напротив, из источников видно, что государство в качестве феодального собственника взимало с «черных» крестьян долю прибавочного продукта их труда. Не совсем ясна позиция в этом отношении Г. Е. Кочина. С одной стороны, он указывает, что феодальная земельная рента — отработочная и продуктовая — применялась в отношении владельческих крестьян; с другой стороны, пишет: «Государственные повинности, хотя они и являлись общими и как будто обязательными для всех граждан государства, а практически для всего сельского тяглого населения, на деле оказывались возложенными в основном на крестьян черных волостей»²³⁴. Значит, надо говорить о формах эксплуатации двух разных категорий крестьянства, но в обоих случаях эксплуатации феодальной, т. е. на основе взыскания земельной ренты²³⁵.

И. И. Смирнов считает, что «при взгляде на черные земли как на разновидность феодальной земельной собственности, и на черносошное крестьянство — как на крестьян, эксплуатируемых феодальным государством», крестьянская борьба за землю приобретает характер борьбы за сохранение одного из типов феодальных отношений²³⁶. Это какое-то недоразумение. Борьба крестьян с феодалами является борьбой двух антагонистических классов. Таковой она оставалась на протяжении всей истории феодального общества. Но ее формы, непосредственные предпосылки, мотивы, лозунги, задачи менялись в зависимости от конкретных условий. И когда «черные» крестьяне выступали против монастырей, расхищавших земли, находившиеся в их владении, то это были классовые выступления, ибо они происходили не во имя отстаивания феодальной системы, а во имя сохранения тех условий в рамках этой системы, которые казались крестьянам более благоприятными. Ведь и в XVIII в. помещичьи крестьяне стремились иногда перейти в разряд государственных, но это не значит, что они боролись за феодализм или за какую-то его разновидность.

И последнее. **И. И. Смирнов** видит уязвимость разделяемого мною взгляда на «черные» земли в том, что он оставляет «без

²³³ **И. И. Смирнов**. Указ. соч., стр. 151.

²³⁴ **Г. Е. Кочин**. Указ. соч., стр. 378—379.

²³⁵ **С. М. Каптанов** правильно отмечает, что «сходство между феодальным государством и т. н. „частными“ феодалами заключалось в том, что власть их не носила чисто экономического или чисто политического характера. И тот и другой вид господства представлял смешение публичного и частного права, свойственное, по словам Маркса, всем средневековым установлениям... Значит, непосредственные владельцы земли, обрабатывая ее и выплачивая налог государству, вступали в определенную форму производственных отношений с ним» (**С. М. Каптанов** и **Ю. Р. Клокман**. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века. — «История СССР», 1967, № 5, стр. 163—164).

²³⁶ **И. И. Смирнов**. Указ. соч., стр. 151.

ответа основной вопрос: когда и как эти земли сделались феодальной собственностью, а их население стало подвергаться феодальной эксплуатации»²³⁷. Такой упрек повторяет и Ю. Г. Алексеев: «Слабое место этой концепции — отказ от изучения самого процесса превращения черных земель в феодальную собственность»²³⁸. Я прежде всего не понимаю, почему неизученность проблемы, объясняемую объективными причинами, и прежде всего малочисленностью источников, надо рассматривать как «отказ от изучения»? И. И. Смирнов поступает более справедливо, чем Ю. Г. Алексеев, когда говорит об отсутствии ответа на поставленный вопрос, а не о нежелании его дать. Попробуем все же, хотя бы в очень общей форме, ответить И. И. Смирнову и Ю. Г. Алексею: когда и как «черные» земли сделались феодальными? Ключ к решению проблемы дает сам Ю. Г. Алексеев, указывая, что это был процесс, причем — добавим от себя — процесс длительный, сложный и неравномерно охвативший большую территорию Северо-Восточной Руси. К середине XIV в. он был в основном завершен, ибо к тому времени запрещение покупать «черные» земли уже вошло в качестве признанной правовой нормы в официальные документы. Это не значит, конечно, что феодализация вообще стерла с лица земли свободное крестьянство. Я говорю лишь об основной линии развития. Итак, середина XIV в. — это существенная (хотя, разумеется, не конечная) грань в охвате феодальными отношениями черносошных крестьян. Начальной же гранью является зарождение феодализма, происходившее одновременно в разных частях страны, но в X в. прослеживаемое уже достаточно отчетливо по письменным источникам.

Если взять классический район «черного» землевладения — Белоозеро, то уже из летописного рассказа о движении смердов 1071 г. видно, что в то время там шел процесс феодализации. А с конца XIV в. сохранился ряд актов, рисующих черносошное крестьянство как группу феодально зависимого населения. На протяжении указанного времени и завершилось, очевидно, его превращение из свободных производителей в сословно неполноправную часть общества²³⁹.

Как это случилось? Надо думать, в результате усиления феодального государства, освоения им территории, укрепления пунктов властвования и взимания дани, использования в этих целях органов крестьянского общинного самоуправления. Рас-

²³⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 151.

²³⁸ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 5.

²³⁹ Это имеет в виду А. Л. Шапиро, когда говорит: «В XIV—XVI вв. в отличие от X—XI вв. князь использовал волостные земли своей властью и в своем интересе. Он имел законное право отчуждать их и передавать в руки светских и церковных вотчинников и помещиков» (А. Л. Шапиро. Указ. соч., стр. 71).

слоение в среде крестьян-общинников, очевидно, давало возможность государству опереться на их зажиточные и влиятельные слои, возложив на них административные функции и подчинив их деятельность своим задачам.

ВОПРОС О КАТЕГОРИЯХ КРЕСТЬЯНСТВА

К концу XIV в. в источниках появляется для обозначения трудового сельского населения термин «крестьяне», встречающийся также в написаниях «хрестьяне», «христьяне», «християне» и т. д. Первоначально этот термин имел значение религиозно-национальное (православный, русский народ), в период борьбы с монголо-татарским игом он стал обозначать широкие массы русских горожан и крестьян и получил социальный смысл: крестьянин — земледелец. Это значит, что различные категории зависимого населения приобрели некоторые общие черты, характерные для крестьянства как класса феодального общества²⁴⁰.

Конечно, классовая общность не снимает вопроса о присущих отдельным группам крестьян особенностях, вызвавших и появление в источниках специальных терминов, такие особенности подчеркивающих («старожилы», «люди пришлые», «люди окупленные», «серебrenики», «половники» и т. д.). Однако, мне представляется, что в этих терминах надо искать указание не столько на наличие каких-то разнородных, друг от друга отграниченных разрядов крестьян, сколько на возможность рассматривать их с разных точек зрения. Так, «старожилец» (по давности поселения в вотчине) может быть «серебrenиком» (по своей задолженности господину) и «половником» (по форме эксплуатации — из доли урожая). В этом мое расхождение с Б. Д. Грековым, относившим указанные названия к особым замкнутым категориям феодально зависимого населения. Взгляд, близкий к только что изложенному, высказывает и Г. Е. Кочин: «Закон (и обычное право) всех земель-княжеств Северо-Восточной и Северо-Западной Руси с конца XIV в. знает одну основную категорию трудового сельского населения — крестьян...»²⁴¹.

²⁴⁰ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси. — «Исторические записки», кн. 56, 1956, стр. 262—264. Г. Е. Кочин правильно пишет: «Широкое распространение слова «крестьянин» совпало по времени с четким оформлением социальных признаков трудового сельского населения — земледельцев Руси» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 415).

²⁴¹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 398. Правильно сформулировав вышеприведенное положение, Г. Е. Кочин без всяких оснований бросил упреки Б. Д. Грекову, что якобы его исследование «направлено на то, чтобы заслонить самостоятельную, основополагающую в строительстве и в жизни народного хозяйства роль крестьян», что он «не нашел возможным обрисовать крестьян в их подлинном единстве как социальную категорию и созидательную силу, противостоящую феодалам» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 413—414). Все это несправедливо и неверно.

Переходя к анализу актовой терминологии, относящейся к крестьянству, прежде всего следует остановиться на значении слова «старожилец», встречающегося в источниках с конца XIV в. Б. Д. Греков определял его так: «Старожилец — это феодально зависимый тяглый крестьянин. За выполнение им тягла отвечает землевладелец. Термин „старожилец“ появился тогда, когда возникла потребность отмежевать категорию старых зависимых от землевладельца тягловцев от увеличившейся массы новоприходцев»²⁴². Полемизируя с Б. Д. Грековым, я писал: «„Старожильцы“ — это основное крестьянское население феодальных вотчин или государственных земель, противопоставляемое не просто новоприходцам (таким термином документы XV в. вообще не пользуются), а крестьянам, вновь призванным феодалами в свои имения из других княжеств»²⁴³.

Цитируя это замечание в рецензии на мою книгу «Образование Русского централизованного государства», И. И. Смирнов указывает: «...Определение Л. В. Черепнина является в значительной мере формальным, представляя собой пересказ формулы о старожильцах и „людях из иных княжений“ жалованных грамот XV в.»²⁴⁴.

Но дело в том, что критикуемый И. И. Смирновым мой текст представляет собой отнюдь не «определение старожильства» (оно дается мною в ином месте и по-иному), а непосредственное возражение Б. Д. Грекову по поводу его противопоставления «старожильцев» и «новоприходцев» (или «новопорядчиков» — выражения, которыми исследователь пользуется альтернативно)²⁴⁵.

Терминов «новоприходец» — «новопорядчик» нет в источниках XV в.²⁴⁶ — это признает и И. И. Смирнов, отстаивающий,

²⁴² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., изд. 2-е, кн. II. М.—Л., 1954, стр. 95.

²⁴³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв., стр. 210.

²⁴⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 154.

²⁴⁵ Отсюда и «неполнота» моей формулировки, в которой упрекает меня И. И. Смирнов, указывая, что через несколько страниц своего исследования (Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 218) я уточняю ее, отмечая, что старожильцам в жалованных грамотах противопоставляются не только «люди» «пришлые», «перезванные» из других княжеств, но и «люди» «окупленные» или «купленные» (И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 154). По-моему, это естественное развитие авторской мысли, и вряд ли рецензент правомочен укладывать ее в какие-то стандартные рамки. Отталкиваясь непосредственно от текста Б. Д. Грекова и касаясь первоначально лишь его, я затем постепенно расширяю поле наблюдений.

²⁴⁶ «Показательно то, что никаких „новопорядчиков“ не упоминают документы XIV—XV вв., — пишет Г. Е. Кочин. — Этот термин ввел Б. Д. Греков и разъяснил его содержание применительно к своему пониманию „пришлых“ крестьян» (указ. соч., стр. 403). В другом месте Г. Е. Кочин говорит, что теория Б. Д. Грекова о «старожильцах» и «новопорядчиках» оказывается

однако, право применять их по аналогии с терминологией более позднего времени. Конечно, условно это делать можно, но, заменяя словоупотребление XV в. позднейшим, мы невольно меняем и его смысл. «Пришлые люди», упоминаемые жалованными грамотами XV в., — это не всякие земледельцы, вновь пришедшие, вновь подрядившиеся в какую-либо вотчину, а крестьяне, призванные феодалами в свои имения из других княжеств²⁴⁷. Следовательно, перед нами понятие, специфическое для периода феодальной раздробленности.

Помимо противопоставления «старожильцев» «новоприходцам», в концепции Б. Д. Грекова вызывает возражение указание на несение государственного тягла как характерный для «старожильцев» признак. Тяглом были обложены и другие крестьяне, например, некоторые половники, платившие дань и выполнявшие разные повинности²⁴⁸.

Несогласие с рядом положений Б. Д. Грекова побудило меня выдвинуть иное, чем предлагал он, понимание «старожильства». Признак, выделяющий старожильцев из числа феодально зависимого населения, — это не просто обложение тяглом, а хозяйственная связь крестьянина с земельным наделом, предоставленным ему феодалом или феодальным государством, — с землей, заселенной, обжитой, возделанной крестьянским трудом и являющейся для феодалов основой получения ренты²⁴⁹. Это мое, основное определение почему-то оставлено без внимания И. И. Смирновым, иначе вряд ли бы он стал меня упрекать в формализме. Нашел бы он в моей книге и его связь «с определенной эпохой и с изменениями в положении крестьянства»²⁵⁰, ибо я указываю, что выделение категории крестьян-старожильцев в противоположность «людям призванным и окупленным» произошло в процессе трудовой деятельности русского крестьянства по освоению территории под сельскохозяйственную культуру. Бросается в глаза полное соответствие форм поселений, с одной стороны, и разрядов крестьян — с другой. В старых селах «живут» «старожильцы», «тутошние люди», «сельчане» и «деревенщики», имеющие земельные наделы, пашущие пашню, несущие феодальные повинности. Призванные из других княжеств и «окупленные» люди «сажаются» на пустоши или лесные участки, где «сажают» починки. Феодалы помогают им в этом, предоставляя податные льготы, а затем, когда земля действительно становится жилой, крестьяне-новики превращаются в старожиль-

в резком противоречии со свидетельствами документов (указ. соч., стр. 422).

²⁴⁷ АСЭИ, т. I, № 30, 44, 49, 128, 131 и т. д.

²⁴⁸ Там же, стр. 468, № 585 (1495—1499 гг.); стр. 474, № 587 (ок. 1495—1499 гг.).

²⁴⁹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 216.

²⁵⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 154.

цев, а феодал пользуется продуктом их прибавочного труда в форме ренты²⁵¹.

Основное различие между «пришлыми» людьми и «старожильцами» с экономической точки зрения и заключается в том, что первые являются недавними поселенцами, заводящими хозяйство заново, последние — крестьянами, уже вплотную связанными с сельскохозяйственным производством. Для феодалов труд первых представляет лишь потенциальный источник ренты, продукты труда последних составляют основной фонд присвоения²⁵². Разница в экономическом положении влекла за собой для «старожильцев» и «пришлых» людей и некоторые различия правового порядка, о чем — ниже.

Ставя вопрос об истории «старожильства», И. И. Смирнов, вслед за Б. Д. Грековым, отмечает, что «термин „старожильцы“ представляет собой новое имя для обозначения наиболее древней группы в составе феодально зависимого крестьянства, ведущей свою родословную от смердов...»²⁵³. Если понимать этот тезис в том смысле, что и «смерд» и «старожилец» — крестьяне, то он не вызывает никаких возражений. Но путь от «смерда» к «старожильцу» исторически был длительный и сложный, ибо первый термин вначале обозначал крестьян-данников на государственной территории, затем — несвободных крестьян на дворянских княжеских землях²⁵⁴; второй же термин применялся к значительной части феодально зависимого сельского населения как «черных» земель, так и церковных имений, и боярских вотчин.

И. И. Смирнов подчеркивает также генетическую связь терминов «старожилец» и «сирота»²⁵⁵. По этому поводу можно сказать то же самое, что и по поводу взаимоотношений терминов «старожилец» и «смерд». Историческая смена и преемственность этих наименований сложные. Определение «сирота» в разные периоды социальной истории применялось к различным группам населения. Сначала оно означало то же, что и «изгой», — человек, порвавший связь с общиной; затем стало употребляться в смысле, близком к слову «закуп»; наконец, под ним начали понимать крестьян в широком значении (не только «старожильцев») ²⁵⁶. Для конца XIV—XV в. словоупотребление «сироты»

²⁵¹ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 225.

²⁵² Вряд ли прав Г. Е. Кочин, когда пишет: «По нашему твердому убеждению, между „пришлыми“ и „старожильцами“ разница лишь в количестве льготных лет: для одних 7—10 лет, для других 5—7 лет» (указ. соч., стр. 413).

²⁵³ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 157.

²⁵⁴ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 245—252.

²⁵⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 156—157.

²⁵⁶ Л. В. Черепнин. Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси, стр. 261—262.

(применительно к сельскому населению) встречается в актовом материале уже редко (ибо широко распространяется термин «крестьяне»). Лишь в небольшом числе грамот указанного времени находим слово «сирота», причем, как правило, наряду с другими равнозначными терминами («христиане», «люди» и т. д.)²⁵⁷.

Не легко решить вопрос, кто такие «люди купленные» или «окупленные». По-моему, среди них были и холопы, выкупленные из неволи и посаженные на землю в качестве крестьян (те, кого феодалы «окупят» — «откупят», «окупив», «откупив», «посадят»)²⁵⁸, и закабаленные (получившие ссуду, «подмогу») крестьяне. И. И. Смирнов принял второе толкование и отказался принять первое. Возможности для полемики здесь весьма ограничены ввиду того, что источники содержат слишком мало данных для решения поставленного вопроса. Лишь в одном документе — рядной некоего Алексея с Вяжицким монастырем 1456 г. о пожизненном владении Толвуйской вотчиной, данной в монастырь в качестве вклада, — имеется прямое указание, что среди «окупленных людей» были крестьяне, взявшие ссуду у господ²⁵⁹. Но из этого никак нельзя делать вывода, который делает И. И. Смирнов: «Таким образом, рядная Алексея, полностью разъясняя смысл формулы жалованных грамот об окупленных людях, позволяет заключить, что объектом действия в формуле жалованных льготных грамот „или кого окупив посадят“ является не холоп, а крестьянин, и что процедура „окупа“ означает не выкуп холопа из холопства, а именно окуп крестьянина „на землю“»²⁶⁰. Почему же? Исторические источники, термины, явления многогранны и сложны по значению. И каналы, по которым шло формирование феодально зависимого населения, тоже были разнообразны. Поэтому трудно согласиться с И. И. Смирновым, когда он называет «ошибочным» путь поисков предпосылок для образования категории «окупленных людей» не только «в сфере процессов, развивающихся внутри крестьянства», но и в «процессе сокращения полного холопства...»²⁶¹. Это чисто умозрительное заключение.

²⁵⁷ АСЭИ, т. I, стр. 93, № 117 (1435 г.); стр. 121, № 165 (1440 г.); стр. 124, № 170 (1441 г.); стр. 215, № 304 (1462 г.); стр. 403, № 525 (1485—1490 гг.); т. III, стр. 16, № 5 (1391 г.); стр. 152, № 116 (1362—1364 гг.); стр. 154, № 117 (ок. 1435—1437 гг.); стр. 155, № 118 (ок. 1450 г.); стр. 193, № 178 (1363—1389 гг.); стр. 260, № 239 (1424 г.); стр. 324, № 296 (1423 г.); АФЗХ, ч. I, стр. 179, № 201 (1391 г.); стр. 204, № 233 (конец 20-х — начало 30-х гг. XV в.).

²⁵⁸ АСЭИ, т. I, стр. 99, № 128 (1436 г.); стр. 108, № 140 (1439—1440 гг.); стр. 124, № 171 (1442 г.) и др.

²⁵⁹ ГВНП, стр. 293, № 294: «А где будет какова христианина или на землю окупить или помочи чим ни буди, а то имену Якиму и всеи братье с Алексеем сопча».

²⁶⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 151.

²⁶¹ Там же, стр. 149.

Указывая на «сложность», многозначность и «противоречивость» терминов «откуп», «окуп», «искуп», И. И. Смирнов не отрицает и их значения, как цены выкупа холопа²⁶². А раз так, то можно думать, что среди «окупленных людей» были и бывшие холопы.

Отмечая, что «формула об „окупленных людях“ употребляется в грамотах параллельно с формулой о людях пришлых» и что «цель этих формул — предоставление финансовых льгот — совершенно одинакова и для окупленных и для пришлых людей», И. И. Смирнов делает вывод: «...В обоих случаях речь идет о крестьянах, и... перед нами лишь две различные группы в составе крестьян-новоприходцев»²⁶³. Мне представляется гораздо более убедительным совсем противоположное заключение: если бы выражения «окупив посадят», «окупят» относились только к крестьянам, то тогда, очевидно, жалованные грамоты имели бы в виду в первую очередь тех «пришлых» людей, которых феодалы «призовут» на свои земли. К чему же в таком случае союз «или»? Надо было бы сказать иначе: «А кого к себе призовут... и кого себе окупят».

В подтверждение своего взгляда на «окупленных людей» И. И. Смирнов ссылается на жалованную грамоту князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю 1471 г., в которой нет формулы «или кого окупив посадят», но есть другая: «и кого... посадят жити своих люден монастырских серебряников»²⁶⁴. И. И. Смирнов отсюда заключает: «„Окупленные люди“ — это „серебренники“, т. е. крестьяне, закабаленные через „серебро“»²⁶⁵. Я думаю, что подобная интерпретация документа неверна. Жалованная грамота князя Андрея выдана на пустоши, которые нгумен должен заселить, или «посадив» туда «своих людей монастырских серебряников» (т. е. крестьян, переведенных со своих же собственных земель, вероятно «старожильцев», а не новых), или вернув крестьян-«старожильцев», ранее живших на пустошах, а затем оттуда ушедших, или же, наконец, призвав «людей из иных княженей». Об «окупе» людей на стороне здесь нет ни слова. Поэтому для суждения о характере этой категории феодально зависимого населения грамота Андрея источником быть, мне кажется, не может.

И. И. Смирнов подвергает анализу формулу договорных княжеских грамот: «А полон ти, господине, мой старои и нынешней сыскав, отпустити доброволно. А мне, господине, так же твои

²⁶² ДДГ, стр. 42, № 15; стр. 65, № 24; стр. 86, № 33; стр. 106, № 37.

²⁶³ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 150. Кстати сказать, неверно утверждение И. И. Смирнова о «широком употреблении» формулы об «окупленных людях» в жалованных грамотах. Она встречается не так уж часто.

²⁶⁴ АСЭИ, т. II, стр. 123, № 192.

²⁶⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 152.

полон, старон и новон и новгородской, сыскав, отпустити доброволно же. А нятцев ти, господине, моих отпустите без окупа. А мне твоих отпустити без окупа. А кто будет дан на поруке, или кабалы на них, или серебро переведено, и тебе, господине, порука и кабалы, и переводное серебро с них свести. А кто, господине, оу меня на поруке твоих людей, и мне с тех порука свести, и кабалы отдати, и переводное серебро»²⁸⁶. Анализируя текст, автор приходит к выводу: «...Окуп вносится за тех людей, которые оказались тем или иным путем закабаленными: через „поруку“, „кабалу“ или „переводное серебро“. И процедура уплаты „окупа“ означает акт „сведения“ с этих людей того, что их закабаляло: поруки, кабалы или серебра»²⁸⁷. Я не понимаю этого толкования: что значит, например, «закабалить через поруку» или «свести поруку»? По-моему, смысл текста заключается в том, что князья обязуются отпустить без выкупа полоняников, но предвзвешенно хотят выяснить, нет ли среди них людей, отданных в каких-либо делах на поруку, выдавших на себя кабалы, привлеченных к суду по денежным искам. Княжеские судьи должны как установить характер обязательств привлеченных лиц, так и проследить за их выполнением. Вряд ли следует все сводить к закабалению: порука могла быть по разным делам, так же как и денежные иски.

Итак, я остаюсь при убеждении, что «окупленные люди» — это не только закабаленные крестьяне, но и выкупившиеся на волю и перешедшие в крестьянство холопы.

Большие споры в литературе идут по вопросу о «серебренниках». И. И. Смирнов упрекает меня за «подчеркнуто безразличное отношение к самой специфике серебренничества как определенной формы феодально-крепостнической зависимости крестьянства XV в.»²⁸⁸. Мне кажется, И. И. Смирнову следовало бы сказать иначе: дело не в безразличии, а в моем несогласии с представлением о «серебренничестве» как особой «форме феодально-крепостнической зависимости крестьянства». В противоположность Б. Д. Грекову, считавшему, что в «серебренниках» можно видеть специфическую категорию или даже «несколько категорий феодально зависимых людей»²⁸⁹, я пытался обосновать другую точку зрения (И. И. Смирнов дальше ее приводит): «серебренники» — это не особая категория крестьян; это крестьяне-должники, обязанные вернуть феодалам взятые у них денежные суммы или внести им денежный оброк; «серебренниками» могли быть и «старожилы», и вновь перезванные феода-

²⁸⁶ ДДГ, стр. 114, № 38.

²⁸⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 150.

²⁸⁸ Там же, стр. 152.

²⁸⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, изд. 2-е, кн. II, стр. 131.

лами на свои земли люди²⁷⁰. К такому выводу привел меня анализ значения термина «серебро» в актах, говорящих о сельском хозяйстве. Под ним можно понимать в разных случаях и доходы от реализации хлеба на рынке феодалом, и денежную ренту с крестьян, и деньги, розданные крестьянам в долг и подлежащие возврату (с процентами и без процентов)²⁷¹.

И. И. Смирнов, отрицая многозначный смысл «серебра», понимает его в одном значении — кабальной ссуды. «Можно вполне согласиться с Л. В. Черепниным, — пишет автор, — что термин «серебро» фигурирует в источниках «в разном контексте». Но в каком бы контексте ни фигурировало в источниках «серебро», оно всегда означает различные разновидности долга». И далее: «Мне представляется, что распространение „серебра“ в XV в., будучи одним из показателей развития денежных отношений в деревне, свидетельствовало не о развитии денежной ренты (денежного оброка), а о росте закабаляющего значения „серебра“, как инструмента, посредством которого феодалы втягивали в сферу феодальной зависимости новые слои крестьянства»²⁷².

Не касаясь пока вопроса о распространении денежной ренты (об этом — ниже), я должен сказать, что тезис И. И. Смирнова о кабальной ссуде как средстве закрепощения у меня возражений не вызывает, и я сам писал о задолженности крестьян как одном из каналов, через который шло укрепление крепостничества²⁷³. Я возражаю лишь против стремления И. И. Смирнова всегда видеть в «серебре» крестьянский долг по помещичьей ссуде и в «серебреннике» — особый тип кабального должника. Для доказательства этого положения ему приходится расширительно толковать сведения отдельных документов, распространяя наблюдения (иногда гипотетические) над содержанием одних актов на другие, хотя прямых оснований для этого нет.

И. И. Смирнов упрекает меня, что при рассмотрении вопроса о «серебренниках» я не использовал духовную митрополита Алексея Чудову монастырю около 1377 г. Это, действительно, упущение с моей стороны, ибо в названном документе имеется интересное для поднятой темы распоряжение: «А все те села

²⁷⁰ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 245.

²⁷¹ Г. Е. Кочин никак прямо не выражает своего отношения к моему определению «серебренника». Но его собственное понимание этого термина, мне кажется, близко к предложенному мною: «Крестьянина, обязанного „серебром“, начинают именовать крестьянином „серебренником“, причем такого „серебренника“ ограничивают в его деятельности и в его правах» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 364). И в другом месте: «...Многие слова превращаются в термины видового значения по отношению к „крестьянину“: половник, серебренник, юрьевский и т. п.» (там же, стр. 415).

²⁷² И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 153, 159.

²⁷³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 245.

даю с серебром и с половники и с третники и с животиною. А что моя челядь в селех, а на них серебрецо, и не похотят слу- жити, и хто куды похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а хто рост дает, тем воля же» ²⁷⁴.

И. И. Смирнов считает, что «серебро» в селах — то же самое, что и «серебрецо» на митрополичьих людях — «половниках» и «третниках», которых митрополит именует обобщающим словом «челядь». Это та же социальная категория, которую известный правовой памятник «Правосудие митрополичье» называет «челядинами-наймитами» и которая восходит к «закупам» Русской Правды. Выражения «служить» и «давать рост» И. И. Смирнов относит одно к «половникам», другое — к «третникам» и видит здесь две формы долговой кабалы: под условием уплаты процентов или выполнения барщинных работ. «Третников» духовной митрополита Алексея И. И. Смирнов сопоставляет с упоминаемыми в грамоте Ивана Калиты печорским сокольникам «третниками и наймитами, хто стражет на готовых конех» ²⁷⁵, и с фигурирующими в «Записи о Ржевской дани» второй половины XV в. «третьниками в... пенязех», уплачивающими господину «треть жита» (хлебного урожая) ²⁷⁶. Общий вывод автора: в духовной митрополита Алексея имеются в виду не обычные крестьяне, а «те элементы населения митрополичьих сел, которые находились в особой (кабальной) зависимости от феодала...», т. е. «серебренники» ²⁷⁷.

Если даже принять все построения И. И. Смирнова как бесспорные, то и тогда представится чересчур смелым и поспешным его заключение, что якобы рассмотренный им документ раскрывает содержание формулы «села с серебром», фигурирующей во многих других документах: «и в данных, и в купчих, и в духовных, и, наконец, в грамотах на держание служных земель». Это произвольное допущение.

Но не все и бесспорно в построениях И. И. Смирнова. Гипотетично отождествление «половников» и «третников» с «челядью». Это могли быть разные разряды сельского населения. «Половники» и «третники» в селах — скорее всего основное вотчинное крестьянство (в других документах именуемое «старожильцами»), вносявшее господину половину или треть урожая ²⁷⁸.

²⁷⁴ АСЭИ, т. III, стр. 51, № 28.

²⁷⁵ Там же, стр. 15, № 2 (1328—1340 гг.).

²⁷⁶ АЗР, т. I, № 71.

²⁷⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 154—156. Вывод И. И. Смирнова принимает Ю. Г. Алексеев (указ. соч., стр. 105—106).

²⁷⁸ Так, например, понимает вопрос Г. Е. Кочан: «Предполагается существование сел и деревень с земледельческим крестьянским населением, работающим на монастыри... (дается цитата из духовной Алексея) ...Упоминания о „половниках“ и „третниках“, естественно, связываются с знакомыми

И непонятно, почему И. И. Смирнов считает, что во фразе о «селах» нет указаний на крестьян-«старожильцев»²⁷⁹. Почему также надо относить к «половникам» и «третникам» выражение «серебрецо» на «челяди»? Ведь митрополит завещал села «с серебром и с половники и с третники», а не с «серебром» на «половниках» и «третниках»²⁸⁰. В данном случае под «серебром» могли подразумеваться вообще денежные владельческие доходы с сел. А «серебром», подлежащим взысканию с «челяди», мог быть «окуп», т. е. выкуп, данный в свое время господином за холопа, посаженного на пашню.

Словом, я продолжаю думать, что значение термина «серебро» многозначно, а в «серебренниках» нельзя видеть какую-то особую социальную категорию.

Формы феодальной земельной ренты

Еще не все сделано в области изучения феодальной земельной ренты. Б. Д. Греков, положивший в основу периодизации истории русского крестьянства смену форм ренты, считал, что в XIII—XV вв. основой «материальной жизни вотчины стал труд крестьянина, сидящего на оброке»²⁸¹. В более поздних работах А. П. Пьянкова²⁸² и А. Д. Горского²⁸³ на большом конкретном материале показано применение в те же столетия барщины, что дает право говорить об ее сосуществовании с оброком. Я в своей монографии о Русском централизованном государстве сделал попытку выявить распределение оброка и барщины по географическим районам, а в пределах тех или иных районов по селениям, связав барщину со «старыми» селами, расположенными как в центральных, так и в окраинных уездах, оброк — с новыми поселениями, возникающими на пустошах²⁸⁴. Мои наблюдения встретили поддержку со стороны И. И. Смирнова²⁸⁵. Ряд критических замечаний высказал Г. Е. Кочин.

Нет надобности сейчас заново воспроизводить весь материал об отработочной и продуктовой формах ренты, собранный

по Новгородским Писцовым Книгам формами натуральной земельной ренты: „половьем из хлеба“ и с „третью из хлеба“» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 335—336).

²⁷⁹ И. И. Смирнов. Указ. соч.—История СССР, 1962, № 3, стр. 155, прим. 135.

²⁸⁰ См., например, данную Елены Ивановны Кормилицыной Кирилло-Белозерскому монастырю на деревню «...и с серебром, что на половники» (АСЭИ, т. II, стр. 25, № 29, 1397—1427 гг.).

²⁸¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, изд. 2-е, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 515.

²⁸² А. П. Пьянков. Указ. соч., стр. 3—30.

²⁸³ А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 176—187, 234—245.

²⁸⁴ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 227—233.

²⁸⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч.—История СССР, 1962, № 2, стр. 153.

указанными выше исследователями. Он достаточно известен. Остановимся лишь на соображениях Г. Е. Кочина. Они сводятся к двум пунктам. Автор прежде всего возражает против представления о «широком распространении отработочной ренты (и именно в форме барщины) еще с XIV—XV вв. ...» «Конечно, — пишет Г. Е. Кочин, — и в XIV—XV вв. могла быть барская полевая пашня, но не в таком размере, чтобы именно ее продукцией заполнять барские житницы»; «...барские поля были, но они в XIV—XV вв. были столь малыми, что их никак нельзя ставить вровень с полями десятинной пашни и крестьянской пашни на государя»²⁸⁶.

Здесь какое-то недоразумение. Никто из исследователей, называемых Г. Е. Кочиним (А. П. Пьянков, А. Д. Горский, Л. В. Черепнин), не говорил о «широком распространении» барщины или ее преобладании над оброчной системой. Наличие барщинных повинностей (это признает и Г. Е. Кочин) и их распространение не есть еще преобладание над повинностями другого рода. Чтобы утверждать как это, так и обратное, случайных источников (а они именно таковы) недостаточно. Я говорил только, что по актовым материалам устанавливается значительно больший удельный вес барщины в феодальном хозяйстве рассматриваемого времени, чем думал Б. Д. Греков²⁸⁷. Примерно в том же плане высказывался А. Д. Горский, кстати сказать, собравший сведения не только о полевой барщине, но и обо всех видах крестьянских отработок и поставивший вопрос об отработочной ренте в целом²⁸⁸. В чем же заключаются те «серьезные коррективы», которые Г. Е. Кочин предлагает внести «в высказывания Л. В. Черепнина, А. Д. Горского и А. П. Пянкова...»?²⁸⁹ Думаю, что речь идет больше об отдельных формулировках, чем о существе дела.

Более существенно другое замечание Г. Е. Кочина. Говоря об отработочной ренте, он обращает внимание на необходимость различать барщину в собственном смысле слова и десятинную пашню. При десятинной пашне господский пахотный участок находился в общем клоне крестьянских полей; его обработка, посев хлеба, сбор урожая — все это производилось крестьянами, которые часто свозили и зерно в житницы землевладельца. При барщине ответственность за организацию владельческого хозяйства (обеспечение зерном, выбор культур, забота об удобрении, о качестве обработки полей, об уходе за урожаем) лежала на господских слугах. Подчеркивая эти различия, Г. Е. Кочин отмечает близость десятинной пашни к издольщи-

²⁸⁶ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 330, 352—353.

²⁸⁷ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 230.

²⁸⁸ А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 239, 242.

²⁸⁹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 355.

не, к натуральному оброку²⁹⁰. Заслуживает внимания указание Г. Е. Кочина, что ряд документов XIV—XV вв. имеет в виду именно десятинную пашню.

Совсем уж трудно сказать что-либо определенное об удельном весе денежной ренты в XIV—XV вв. Ее наличие несомненно. Об этом свидетельствуют данные о денежном оброке, собранные А. Д. Горским²⁹¹, Г. Е. Кочиным²⁹² и др. Я в своем исследовании пытался показать, что в рассматриваемое время значение денежной ренты в феодальном производстве повышается²⁹³. Свидетельством этого, по-моему, могут служить многочисленные указания актов на «серебро» и его роль в сельском хозяйстве.

Мои наблюдения встретили возражения со стороны И. И. Смирнова, считающего, что «серебро» никогда не означает денежную ренту, а всегда значит долг²⁹⁴. Но ведь это еще надо доказать, мне же думается, данный тезис просто недоказуем. В ряде грамот глухо говорится о том, что «серебро» должно быть собрано с крестьян по селам и деревням, а характер «серебра» при этом не разъясняется²⁹⁵. И для толкования этих документов мне представляется весьма важным учесть мнение Б. Д. Грекова, что иногда «крестьянские денежные оброки (рента) и долги (ростовое серебро) собираются феодалом с крестьян без всякого различия, просто сливаются в общую сумму земледельческих доходов»²⁹⁶. Ведь в самом деле не случайно обычная для данных грамот фраза о передаче одним собственником другому земли «с серебром» иногда заменяется словами об отчуждении ее «с оброком».

И. И. Смирнов весьма последователен и однолинеен в толковании терминов. Так, выражение «пахать» или «косить» «на серебро», встречающееся в некоторых документах, говорящих о крестьянских повинностях на землевладельцев, исследователь всегда понимает как выполнять «изделье» за долг или проценты с него. Причем автор относит эту формулу к повинностям особой группы кабальных должников-«серебреников». С таким же мерилom (в данном случае вслед за Б. Д. Грековым) автор подходит к анализу интересного формуляра уставной грамоты митрополита монастырю, в которой говорится: «А что идет им хлеб из сел монастырских, что на них хрестьяне пашутъ, или на серебро монастырское пашутъ, и они то делят межи собою...

²⁹⁰ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 335, 351.

²⁹¹ А. Д. Горский. Указ. соч., стр. 195—199.

²⁹² Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 336.

²⁹³ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 242.

²⁹⁴ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 153.

²⁹⁵ АСЭИ, т. I, стр. 80, № 100 (1432—1445 гг.); стр. 379, № 501 (1483 г.); стр. 524, № 612 (ок. 1497 г.).

²⁹⁶ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, изд. 2-е, кн. II, стр. 407.

А что которых монастырских земель не испахивают, ни пожен не искашивают, а дают внаймы: и теми наймы также делятся»²⁹⁷. И. И. Смирнов считает, что здесь подразумевается та часть монастырской пашни, которую пашут кабальные должники-«серебренники» («пашня на серебро»)²⁹⁸. По-моему, толкование весьма натянутое, а подобного рода специфическая пашня (под «серебренниками») вряд ли вообще существовала (по крайней мере мы о ней ничего не знаем). Гораздо правдоподобнее думать, что митрополит имеет в виду целиком все монастырское земледельческое хозяйство и называет разные формы ренты: барщину или натуральный оброк («а что идет им хлеб из сел монастырских, что на них хрестьяне пашут»), денежную ренту («сила на серебро монастырское пашют»). Кроме того, упоминается отдача земли «внаймы» на сторону²⁹⁹.

И. И. Смирнов весьма категоричен и в определении других терминов. Так, он полагает, что «издельное серебро» всегда означает феодальную кабалу, ссуду, получаемую от феодала крестьянином, превращающимся таким образом в закабаленного серебренника, обязанного делать «дело» или «изделье» на феодала «за рост» на взятое «серебро»³⁰⁰. Так же думает и Г. Е. Кочин³⁰¹. И если считать, что «изделье» — это сельские работы, барщина, а «издельник» — крестьянин-барщинник, то можно признать, что оба автора правы. Но «изделье» — «дело» можно понимать и просто как повинность, а в «издельнике» или «издельном серебреннике» видеть крестьянина, труд которого в сельском хозяйстве является источником денежной ренты.

Конечно, И. И. Смирнов с основанием не хочет здесь видеть «коммутацию» барщины³⁰². Одновременно нельзя принять безоговорочно и утверждение Г. Е. Кочина, что сведения источников о «серебре издельном», о «ростовом серебре», о «жите заемном» рисуют «взаимоотношения крестьян с землевладельцами, вышедшие за пределы обычного круга: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты»³⁰³.

Исходя из наблюдений над духовной Софьи Витовтовны 1451 г.³⁰⁴, И. И. Смирнов пишет: «Итак, „издельное серебро“

²⁹⁷ РИБ, т. VI, стб. 887—888.

²⁹⁸ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 158.

²⁹⁹ Г. Е. Кочин не высказывается по поводу такого толкования, но цитирует уставную грамоту в ряду других документов, доказывающих, по его мнению, что «регулярная выплата крестьянами земельной ренты — то в размере доли урожая зерновых хлебов, то установленным их количеством на каждый год, то в форме ренты деньгами... в равной мере была обязательной как в Новгородской земле, так и в Северо-Восточной Руси...» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 336).

³⁰⁰ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 161.

³⁰¹ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 348, 354, 358—360, 364.

³⁰² И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 159.

³⁰³ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 360.

³⁰⁴ ДДГ, стр. 178, № 57.

превращает крестьянина, во-первых, в „серебряника“, во-вторых, в „издельника“. Эта терминология отчетливо выявляет как закабаляющий характер „издельного серебра“, так и форму эксплуатации „издельных серебряников“ — „изделье“, барщину»³⁰⁵.

Но можно, во-первых, увеличить терминологический ряд, привлекая еще несколько выражений, взятых из документов, близких к духовной княгине Софьи; во-вторых, расположить эти термины несколько в иной последовательности. И тогда мы получим следующую логическую цепь доказательств: «издельник» — это «половник», делающий землю³⁰⁶ (т. е. обрабатывающий пашню) и «тянувший заделем»³⁰⁷ (т. е. несущий повинности); причем это «половник в серебре»³⁰⁸ или «издельник серебряник» (т. е. человек, работающий из денежного оброка).

Приведенный материал, по-моему, наглядно показывает, сколь сложно решение вопроса об «издельном серебре». Поэтому мне не кажется достаточно убедительным заявление И. И. Смирнова, что высказанные им соображения позволяют «устранить те моменты альтернативности в трактовке категории „серебра“, которыми характеризуется позиция Л. В. Черепнина в этом вопросе»³⁰⁹.

Думаю, что нельзя избежать «альтернативности» и при толковании духовной грамоты князя Андрея Васильевича 1481 г., в которой упомянуты два парных ряда крестьянских обязательств землевладельцу: «серебро издельное и ростовое» и «жито... заемное и оброчное»³¹⁰. Логически следует, что если «жито заемное и оброчное» — это хлеб, розданный крестьянам в долг или следуемый с них в качестве оброка, то названные параллельно хлебу две разновидности «серебра» — это деньги, отданные крестьянам взаймы под проценты, или денежная рента, которую они должны внести. И. И. Смирнов остроумно замечает: «Однотипность структуры „житного“ и „серебряного“ рядов, однако, вовсе не означает их тождественности». И высказавшись так, исследователь пессимистически заканчивает свою мысль: «...Ни содержание „издельного серебра“, ни характер его связи с „издельем“ не могут быть установлены на основании духовной Андрея Васильевича»³¹¹. Конечно, безоговорочное решение вопроса здесь недостижимо. Я привел лишь одно из возможных (имеющихся в литературе) толкований, с моей точки зрения — наиболее вероятное.

³⁰⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 161—162.

³⁰⁶ АСЭИ, т. I, стр. 469, № 585 (1495—1499 гг.).

³⁰⁷ Там же, стр. 483, № 591 (1495—1499 гг.).

³⁰⁸ Там же, т. II, стр. 307, № 326 (1455—1467 гг.).

³⁰⁹ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 162.

³¹⁰ ДДГ, стр. 277, № 74.

³¹¹ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 161.

Все вышесказанное, кажется мне, дает основание для включения материала о «серебряниках» в число источников, рисующих развитие денежной ренты.

Вопрос о «переходах» крестьян и процесс юридического оформления крестьянского закрепощения

Процесс оформления крестьянской крепости выражался в стеснении права крестьян «переходить» из одних феодальных владений в другие. Мы не знаем, как и когда возникло это право. И. И. Смирнов считает, что Киевской Руси оно не было известно: «...Смерды-общинники не переходили и не могли переходить без потери принадлежности к своей прежней социальной группе (то же следует сказать и о закупе: бежавший от господина закуп превращался в холопа)». По мнению И. И. Смирнова, право крестьянских «переходов» возникает в XIV в.³¹²

Это чисто умозрительное построение, да оно и не может быть иным из-за бедности источников³¹³. Те же скудные данные, которыми мы располагаем, говорят скорее против концепции И. И. Смирнова. Закуп действительно карался обращением в холопство за побег, но Русская Правда предусматривает легальные случаи ухода закупа от господина (для обращения в суд, за деньгами для расплаты по ссуде). В отношении смердов у нас нет аналогичного материала, но косвенно об их «переходах» как будто свидетельствует летописный рассказ 1071 г., согласно которому два волхва, двигавшиеся по Волге из Ярославля до Белоозера, собрали по пути около себя до 300 смердов³¹⁴.

От XIV—XV вв. сохранилось уже достаточно грамот, позволяющих составить себе вполне конкретное представление и о праве крестьянского «выхода» и об его применении на практике. Изучив их, И. И. Смирнов построил определенную концепцию: начавшись с XIV в., крестьянские «переходы» в XV в. нарастают и носят «универсальный» и «ничем не ограниченный» характер, а к концу столетия принимают столь значительные размеры, что начинают «угрожать экономике феодальной вотчины». Только тогда государством и был поставлен вопрос об «ограничении крестьянских переходов»³¹⁵.

³¹² Там же, стр. 148.

³¹³ Г. Е. Кочин так высказался по поводу концепции И. И. Смирнова: «...Все это отвлеченные суждения, пригодные лишь в условиях молчания источников... Мы не можем согласиться с приводившимися общими, отвлеченными суждениями о процессе феодализации в Киевской Руси и вообще в древней Руси на ранней его стадии» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 421—422).

³¹⁴ ПСРЛ, т. I, вып. 1, изд. 2, стб. 175.

³¹⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч.—«История СССР», 1962, № 3, стр. 140, 143, 144, 148.

Из всех приведенных высказываний И. И. Смирнова бесспорно одно: существование в XIV—XV вв. права крестьянских «переходов» и его использование сельским населением. Источники не говорят о том, что это право возникло в XIV в., и не дают оснований утверждать, что «переходы» участились в XV в., хотя подобное явление и возможно³¹⁶. Никакими конкретными данными не обосновывает И. И. Смирнов свою мысль о крестьянских «выходах» как факторе, к концу XV в. подорвавшем феодальную экономику.

Прямо противоречит источникам тезис об «универсальном» и «неограниченном» праве крестьян «переходить» из одного владения в другое. Если верно, что княжеские грамоты «имели своей предпосылкой признание факта крестьянских переходов», то никак нельзя согласиться с И. И. Смирновым, что князья до конца XV в. (т. е. до Судебника 1497 г.) не проводили политики их ограничения³¹⁷. Разве не выражением этой политики являются предписания князей монастырским властям: «А людей им тяглых отца моего и моих к себе не примати»³¹⁸; «А тутошних людей станowych игумен в монастырь не примает»³¹⁹. Разве не показательно свидетельство одной грамоты середины XV в., в которой от имени московского великого князя Василия II говорится, что если кто-либо «откажет» крестьян-старожильцев Троице-Сергиева монастыря, то игумен может их «не... выпускати ни х кому»?³²⁰ А другой грамотой примерно того же времени и тому же монастырю Василий II «не велел пушати прочь» крестьян, которые «живут» в монастырских «селех нынеча»³²¹. С 60-х годов XV в. в источниках появляются термины «люди писменные», «данские люди письменные», т. е. крестьяне, обложенные данью и записанные в особые книги. Князья запрещают землевладельцам принимать их в свои вотчины. Иногда этот запрет распространяется и на «людей неписменных», т. е. в перепись не попавших³²².

³¹⁶ Г. Е. Кочин указывает, что И. И. Смирнов, говоря о «мобильности» крестьян в XV в., неправомерно делает «широкие обобщения, на основе частного случая с материалами малого масштаба», а также не обращает внимания на особые обстоятельства, вызывавшие передвижение крестьян, например, татарские набеги (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 407).

³¹⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 147.

³¹⁸ АСЭИ, т. I, стр. 207, № 291 (1461 г.).

³¹⁹ АФЗХ, ч. I, стр. 205, № 234 (ок. 1418 г.).

³²⁰ АСЭИ, т. I, стр. 192, № 264 (1455—1462 гг.).

³²¹ Там же, стр. 192, № 265 (1455—1462 гг.). Анализируя эти две грамоты, Г. Е. Кочин приходит к выводу: «...Это частное и временное решение и поэтому не следует расценивать его в более широком плане; оно касается только Троице-Сергиева монастыря. Вопрос о воспрещении или ограничении крестьянских переходов, равно как и вопрос об установлении единого порядка „отказа“ крестьян, еще не назрел» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 410). Не назрел, но назревал, — и об этом свидетельствуют оба документа.

³²² АСЭИ, т. I, стр. 249, № 341 (1466 г.); т. II, стр. 352, № 359 (1460 г.); стр. 354, № 360 (1460 г.).

Были, правда, и обратные случаи, когда князья прямо разрешали вотчинникам пополнять свои имения людьми из числа «письменных» и тяглых крестьян. Так, И. И. Смирнов ссылается на жалованную грамоту князя Андрея Васильевича вологодского Кирилло-Белозерскому монастырю 1471 г., в которой вслед за клаузулой «А тяглых людей им моих, князь Андреевых, данских в то село и в деревни к собе не примати» следует статья «А кого к собе примут людей и писменных и данных, и тех людей наместници и волостели и их тивуни судят и кормы свои емлют на них»³²³. Но ссылка на этот документ — не довод в пользу «универсальности» права крестьянского «перехода», а лишь свидетельство противоречивости и неустойчивости княжеской политики в сложных условиях складывания единого государства.

Другой акт, которым оперирует И. И. Смирнов, — это жалованная грамота митрополита Ионы Андрею Афанасьеву 1450 г., где сказано: «А которой христианин волостной... выйдет за рубеж, а хотя ити к Андрею на ... пустошь, и Андрею тех христиан волостных, ни сельчан церковных не примати»³²⁴. Вслед за С. Б. Веселовским И. И. Смирнов отмечает, что здесь «формула о неприеме грамотчиком волостных крестьян сочетается с признанием за ними права выхода»³²⁵. Это так, но раз регламентировался прием землевладельцами чужих крестьян, то тем самым для последних стеснялась и реальная возможность «выхода».

Свидетельства многих актов настолько ясны, что И. И. Смирнов вынужден вразрез с собственной концепцией признать: жалованные грамоты «выражали собой определенную форму борьбы с переходами крестьян, однако (делает новую оговорку исследователь) борьбы не путем юридических „запретов“, а путем определенной системы финансовых стимулов и санкций»³²⁶. Правильнее, мне кажется, будет сказать, что в качестве средств борьбы применялись как правовые санкции, так и стимулы в виде податных льгот.

Одним из ранних образцов крепостнического законодательства являются постановления жалованных грамот о «старожильцах». Крестьяне-«старожильцы» начинают рассматриваться как крепкие земле, связанные с определенными земельными участками. Возврат «старожильцев» считается приходом на свои «старые места». По мнению И. И. Смирнова, нельзя квалифицировать все эти постановления «как некий „закон“ о старожильцах», ибо жалованные грамоты «не являются за-

³²³ Там же, т. II, стр. 129, № 199.

³²⁴ АФЗХ, ч. I, стр. 123, № 133.

³²⁵ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 146.

³²⁶ Там же, стр. 147. С И. И. Смирновым в данном случае согласен Г. Е. Кочин (указ. соч., стр. 422).

конодательными актами нормативного характера, а представляют собой памятники практической политики феодального государства»³²⁷.

С утверждением И. И. Смирнова трудно согласиться. Конечно, через жалованные грамоты князьями проводились конкретные политические мероприятия, но эти мероприятия отражали и становление общих норм феодального права, и в этом плане жалованные грамоты нельзя не расценивать как акты правотворчества государственной власти, диктовавшегося развитием социальных отношений и выливавшегося в закон феодального общества.

Поэтому, когда жалованные грамоты не один раз говорят о «тутошних старожильцах», которые «разошлись ... по иным местам, а придут на свое места...»³²⁸, вряд ли имеются основания сомневаться (как это делает И. И. Смирнов), что здесь хотя бы в потенции присутствует стремление законодателя к «прикреплению старожильцев к земле», к «определенным земельным участкам»³²⁹. По-моему, ничего «парадоксального» (выражение И. И. Смирнова) нет в том, что при возврате на «старые места» «тутошним старожильцам» предоставляются меньшие финансовые льготы, чем пришлым людям — «инокняжцам». Ведь у них, как старых поселенцев, было больше возможностей наладить заброшенное хозяйство.

В своем исследовании об образовании Русского централизованного государства я сделал попытку наметить ход правового оформления крестьянской зависимости от феодалов в XIV—XV вв. Сначала определяются категории крестьян «великокняжеских» в противоположность частновладельческим (боярским, монастырским, митрополичьим и пр.). Феодалам запрещается перезывать в свои владения тяглых крестьян, живущих на земле, находящейся в верховной собственности князей. Основное крестьянское население боярских, церковных вотчин или государственных земель выделяется законом из общей массы сельских жителей в качестве «старожильцев», которые противопоставляются «людям пришлым инокняжцам», т. е. крестьянам, призываемым землевладельцами из других княжеств. Крестьяне-«старожильцы», вышедшие из феодальных имений, не перестают рассматриваться господами и верховной властью как зависимые от прежних владельцев люди, которых не должны принимать в свои имения другие землевладельцы данного княжества. Легальным признавался лишь призыв вотчинниками крестьян из «иных княжений».

С объединением русских земель отдельных княжений оставалось все меньше. Тем самым подготавливалось стеснение

³²⁷ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 2, стр. 159.

³²⁸ АСЭИ. т. I, стр. 140, № 195 (1447—1455 гг.).

³²⁹ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 2, стр. 159.

права перехода крестьян в масштабе единого государства. Делать это, как и раньше, противопоставляя «старожильцев» данного княжества «инокняжцам», было уже невозможно. В то же время центральная власть еще не была достаточно сильна для осуществления политики полного юридического закрепощения сельского населения. Поэтому правительство пошло по линии ограничения крестьянских переходов путем установления легальной формы «отказа» от землевладельца уходящего из его имения крестьянина в определенный, законом фиксированный срок (за неделю до Юрьева дня осеннего — 26 ноября и в течение недели после этого праздника), с ликвидацией всех своих обязательств и соблюдением установленных формальностей. Постановление о Юрьеве дне осеннем, вводимое сначала отдельными княжескими грамотами применительно к отдельным феодальным владениям, с образованием Русского централизованного государства приняло форму общегосударственного закона и вошло в Судебники 1497 и 1550 гг.³³⁰

Попытку уловить связь и историческую зависимость между законодательством о «старожильцах» и о Юрьеве дне И. И. Смирнов считает стремлением изобразить «стеснение права крестьянского перехода» как «автоматический» процесс³³¹. Думаю, что подобная характеристика ничем не оправдана. Речь идет о диалектике исторического развития, о том, чтобы проследить, как складывание единого государства по-разному на разных этапах влияло на изменение положения русского крестьянства. Когда же И. И. Смирнов утверждает, что вопрос о необходимости ограничения крестьянских переходов встал в порядок дня и был решен феодальным государством путем выработки нормы о Юрьеве дне³³², он опускает предысторию этого вопроса и тем самым сдвигает историческую перспективу.

И последнее. И. И. Смирнов пишет: «...Совершенно очевидно и не нуждается в доказательствах то, что статья „О христианском отказе“ Судебника 1497 г. отнюдь не имела своей целью регулировать переходы одних лишь „инокняжцев“, людей „из иных княжений“, а предполагала совершенно иную сферу действия содержащейся в ней нормы». А раз так, продолжает автор, то «в сочетании со схемой Л. В. Черепнина это означало бы, что норма Судебника 1497 г. ... представляла собой не дальнейшее ограничение и стеснение..., а скорее... существенное расширение права крестьянского перехода, универсализируя это право и включая в сферу его действия и всю территорию Русского государства и все разряды сельского населения, т. е.

³³⁰ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства, стр. 245—253.

³³¹ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 143.

³³² Там же, № 3, стр. 143.

предоставляя право перехода... и тем группам крестьянства, которые этого права, по схеме Л. В. Черепнина, не имели»³³³. Такую «схему эволюции права крестьянского перехода в XV в.» И. И. Смирнов называет «парадоксальной», уже не впервые награждая мои построения таким эпитетом. Но мне кажется, что в рассуждениях И. И. Смирнова недостаточно логики. Вопрос об «инокняжцах» стоял тогда, когда существовали самостоятельные княжения. Когда их не стало или почти не стало, он утратил силу. Никаких новых прав прежние «инокняжцы» не получали, напротив, возможности «перехода» для них были стеснены. Что касается «старожильцев», то для них введение Юрьева дня как государственного срока «отказа» означало новую форму ограничения права «переходов», более соответствующую условиям единого государства. А самое главное это то, что Судебник не знает ни «старожильцев», ни «инокняжцев», знает только крестьян — «христиан» и для них как класса феодального общества устанавливает единый закон, в то время как раньше действовали правовые нормы, проводимые отдельными грамотами³³⁴. В целом, для всего русского крестьянства это был шаг по пути усиления его феодальной зависимости.

³³³ И. И. Смирнов. Указ. соч. — «История СССР», 1962, № 3, стр. 143.

³³⁴ Г. Е. Кочин согласился с моей трактовкой статьи Судебника 1497 г. «О христианском отказе» (Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 426).

НЕСКОЛЬКО ОБОБЩАЮЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Итак, мы проследили генезис феодальных отношений в X—XII вв. в древнерусском государстве и их дальнейшее развитие в период феодальной раздробленности на территории Северо-Восточной Руси в XIII—XV вв. (в силу состояния источников по преимуществу в XIV—XV вв.). В свое время Б. Д. Греков справедливо указывал, что «возникновение и дальнейшее развитие крупного землевладения в Северо-восточной Руси идет совершенно тем же путем, что и в Поднепровье и в Поволжье»¹.

Конечно, мною допущено известное территориальное ограничение темы, ибо процессы, начавшиеся в Киевской Руси, получили продолжение не только на северо-востоке, а и на юго- и северо-западе (в Руси Галицко-Волынской, Полоцкой, Смоленской, Новгородско-Псковской). Но такое ограничение закономерно и позволяет более детально изучить ход феодализации.

Сужен мною был и предмет исследования. Из широкого комплекса вопросов, связанных с развитием феодализма, я взял один, по-моему — первоочередной: Формирование феодальной собственности на землю и складывание различных форм зависимости непосредственных производителей от привилегированных землевладельцев. Внимание мое было обращено главным образом на дискуссионные проблемы, выдвинутые историками при разработке этой тематики.

Я старался показать непригодность для исследования генезиса феодализма понятия «дофеодальный период», не включающего в себя какого-либо позитивного содержания. Не представляется мне полезным для осмысления исторических явлений и выделение особого периода между двумя формациями: первобытнообщинной и феодальной. Мне кажется, что процесс генезиса феодального строя обнимает большой хронологический

¹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М.—Л., 1946, стр. 522; см. также С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.—Л., 1936, стр. 16.

отрезок, захватывающий последнюю стадию первобытнообщинной формации и завершающийся в недрах феодализма, на его ранней стадии.

Исходя из изложенных теоретических предпосылок, я не вижу оснований начинать историю феодализма в Киевской Руси с XII в. или со второй половины XI в., относя предшествующие столетия к дофеодальному времени. Основываясь на марксистском положении о взаимодействии базиса и надстройки, думаю, что образование в конце IX в. древнерусского государства знаменовало начало феодального строя. Но X—XI столетия — это раннефеодальный период, когда генезис феодальных отношений еще продолжается.

Известны три линии, по которым шло развитие форм феодальной собственности и обращение сельского населения в зависимость от господствующего класса. Во-первых, происходило «окняжение» земли и обложение свободных общинников данью, перераставшей в феодальную ренту. Так складывалась государственная собственность, получившая впоследствии наименование «черной». Во-вторых, наблюдалось расслоение соседской общины, из которой выделялись крестьяне-аллодисты, превращавшиеся затем в феодалов, и безземельные люди, труд которых присваивался землевладельцами. Наконец, в-третьих, собственники-феодалы сажали на землю рабов, становившихся зависимыми крестьянами. Для времени до середины XI—XII в. господствующей формой феодальной собственности была государственная, господствующим видом эксплуатации — взимание дани. К XII в. складывается землевладение княжеское (домениальное), боярское, церковное, основанное на присвоении прибавочного продукта, произведенного трудом зависимого крестьянства и посаженных на землю холопов. Но это не две разные формации, а два периода в пределах одного общественного строя (феодального).

Спорный вопрос о начале периода развитого феодализма нельзя решать в зависимости от того, когда черные волости поглощаются вотчиной и поместьем, ибо черное землевладение — это тоже разновидность феодальной собственности. Мне не представляется убедительным существующий в литературе взгляд на черных крестьян как на свободных общинников, обрабатывающих собственные земли.

О развитом феодализме можно говорить тогда, когда оформляются основные институты, присущие этому строю: светская и духовная сеньория, иммунитет, иерархическая структура землевладения, система сюзеренитета-вассалитета и т. д. На Руси все эти явления отчетливо обнаруживаются к середине XII в., когда меняется политическая надстройка общества: раннефеодальное, относительно единое, государство распадается на отдельные княжества; наступает раздробленность.

На протяжении XIII—XV вв. расчлененная феодальная собственность приобретает черты, характерные для классического средневековья. Свободная крестьянская община исчезает, будучи поглощаемая государством, светскими вотчинниками, духовными корпорациями. Различные категории зависимого сельского населения сливаются в класс средневекового крестьянства, эволюционирующего по пути к крепостничеству.

Заканчивая исследование вопроса о феодальной собственности на землю рубежом XV и XVI столетий, когда образовалось единое государство, я отдаю себе отчет в известной условности выбранной грани. Ведь принято думать, что XVI столетие тоже относится еще ко времени развитого феодализма. Лишь в XVII в. можно уловить зачатки капитализма, и это дает право говорить, что именно тогда начался позднефеодальный период. Все это так, и я думаю, что нет оснований для пересмотра указанной концепции, находящей признание среди целого ряда советских историков.

И тем не менее XVI век занимает особое место в рамках развитого феодализма. Расчлененная форма собственности приобретает централизованный характер. Большую роль в социально-экономическом развитии начинает играть новая ее разновидность — поместье, имевшее немаловажное значение для установления крепостного права. В то же время в XVI столетии растет денежное хозяйство, распространяется товарное производство. Некоторые исследователи уже тогда усматривают первые завязи буржуазных явлений, приглушаемые усиливающимся крепостничеством. Отсюда противоречивость исторического процесса. Он шел не по прямой, а по кривой или ломаной линии. И вторая половина XVI в. представляет собой известное попятное движение в сторону натурально-хозяйственных форм, типичных для феодализма. А в XVII в. поступательное движение как бы возобновляется с того момента, на котором оно было прервано в первой половине столетия событиями опричнины, Ливонской войны, установлением крепостного права.

Вышеизложенное понимание существа явлений XVI столетия представляет собой голую схему, которая требует обоснования конкретным историческим материалом. Это должно быть сделано в специальном исследовании.

ВВЕДЕНИЕ

Правомерно ли выделение в особую группу трех стран, образующих прибалтийский регион нашей Родины? Думается, что допустимо, ибо Эстония, Латвия и Литва, как единодушно свидетельствуют археологи, этнографы и лингвисты, имели некоторые давние, весьма устойчивые, только им присущие хозяйственно-культурные особенности, заметно отличавшие их от других регионов¹; эти страны взаимно сближает и роль, сыгранная ими в истории.

Изучение прибалтийской модели феодализма имеет немалый теоретический интерес по крайней мере в следующих отношениях.

Прежде всего оно содействует углублению наших знаний о закономерностях истории народов Прибалтики². Литва, Латвия и Эстония в основном входили в вассальную сферу древнерусского государства; почти одновременно и относительно позднее своего сильного соседа они вступили на путь феодализма;

¹ Н. Н. Чебоксаров. О древних хозяйственно-культурных связях народов Прибалтики. — «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 113, 115; Х. А. Моора. К вопросу о возникновении прибалтийской историко-культурной области. — «VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук». М., 1964.

² Это тем более важно, что в современной советской прибалтийской историографии продолжается дискуссия по всему кругу проблем, связанных с уровнем развития феодализма в странах региона в X—XIII вв. См. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 118, 152—153, 154—156 (здесь ставили вопрос — Х. А. Моора и Х. М. Лиги — об отсутствии в XI—XII вв. феодализма в Эстонии, Т. Зейдз — о наличии его зрелых форм в Латвии); см. также Ю. Кахк, Э. Тарвел. Аграрная история Эстонии — итоги и задачи исследования. — «История СССР», 1970, № 1, стр. 58—61; ср. Г. Ф. Беляков, Н. Ф. Колесницкий. Симпозиум по проблеме генезиса феодализма. — «Вопросы истории», 1964, № 6, стр. 163—167.

затем они попали под удар немецкого Ордена и его союзников, и далее их развитие пошло по-разному: в Эстонии и Латвии по пути балто-немецкого, а в Литве — балто-славянского синтеза.

Изучение прошлого трех прибалтийских стран помогает понять важные проблемы истории России, более того, всей феодальной Европы. В самом деле, история стала свидетельницей упадка всех этнически неоднородных феодальных государств, простиравших свою власть на территорию Восточной Европы, — Византии, Золотой Орды, Ливонского Ордена, Литовского великого княжества, Шведского королевства, Речи Посполитой, Турции и, наконец, Австрии. Лишь Россия сохраняла и увеличивала свой неславянский ареал.

Одна из причин этого своеобразия кроется в издавна сложившемся неоднородном характере древнерусского государства с его территориально, экономически и политически преобладающим славянским этническим ядром. Русское централизованное государство возродило и укрепило это ядро. В свете сравнительно-исторического анализа прошлого Прибалтики полнее раскрывается выдающееся значение древнерусского раннефеодального и русского централизованного государств в истории нашей Родины.

Справедливость этого утверждения отчасти можно проверить, привлекая для сравнения историю государств, — в первую очередь, Ливонского Ордена и Литовского великого княжества, — включавших в свой состав территории народов Прибалтики. Изучение истории феодальных структур Эстонии, Латвии и Литвы позволяет понять, почему победа крепостничества в Ордене привела его к политическому распаду, к утрате независимости в пользу Речи Посполитой, Швеции и Дании (1591 г.), а эстонский и латышский народы обрекла на долгое прозябание под гнетом немецких феодалов, сумевших и при иноземной власти добиться торжества своего «особого» прибалтийского порядка (1645 г.)³; это изучение позволит, наконец, понять, каким образом Великое княжество Литовское, чтобы отбить наступление Ордена и сохранить власть над Белоруссией, ограничило свою собственную независимость в пользу Польши в 1386 г., а чтобы утвердить крепостничество в 1588 г., пошло на утрату независимости в 1568 г.

Далее. Поскольку оба государства — и Ливонский Орден, и Литовское великое княжество — пали, не выдержав столкновения с Россией, встает вопрос о значении прибалтийско-русских связей для их истории. Факты свидетельствуют, что все три страны прибалтийского региона навеки сохранили глубоко-

³ О сущности остзейского порядка см.: М. М. Духанов. Остзейцы. Явь и вымысел. Рига, 1970.

кие следы дофеодального и раннефеодального балто-славянско-го симбиоза, которые вновь отчетливо выступили в пору борьбы России за восстановление ее былых позиций в Поморье.

Далее. Предпринятый анализ свидетельствует, что идея миссии немецкого Ордена и Ганзы, якобы принесших в прибалтийский регион феодализм и его культуру, представляет собой элемент реваншистской концепции современного реакционного остфоршунга ФРГ. Сравнительно-историческое рассмотрение общественно-политической структуры Ливонского Ордена позволяет определить место этой недолговечной феодальной колонии — продукта крестовых походов — в многовековом прошлом Европы.

В сущности вопрос стоит так: почему в России укрепление крепостничества сопрягается с усилением централизации, в Ордене — с ее упадком, в Литве — с попытками сохранить ее посредством унии с Польшей. Не в том ли причина, что в России она служила делу национальной консолидации, в Ордене — национальному угнетению, в Литовском великом княжестве — тому и другому?

Глава I

ОСОБЕННОСТИ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

В современной марксистской историографии продолжается углубленное изучение этой структуры, начатое трудами Я. Я. Зутиса¹, Х. А. Моора, В. В. Дорошенко и др. Исследуется и этногенез народов и генезис у них классового строя. Нас занимает вторая проблема, но мы, разумеется, учитываем социальные последствия этнической истории и дофеодалного времени и, особенно, той поры, когда национальные отношения выступают в классовых, политических формах.

Ныне интенсивно изучается зона взаимной славянской и балтийской (угро-финской и летто-литовской) инфильтрации. Археологами, этнографами и языковедами (Х. А. Моора², В. В. Седов³, Н. Н. Чебоксаров⁴, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев⁵, П. Н. Третьяков⁶, Е. Антонец, К. Мусьянович⁷, Е. Да-

¹ V. Pašuto. Baltijas jautājums (līdz XVI gs.) J. Zuša darbos.— В сб.: «Akadēmiskis Jānis Zutis». Rīgā, 1964, 151—156 lpp.

² Х. А. Моора. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых других народов в свете данных археологии.— В сб.: «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 49—141; подробнее см. W. W. Doroszenko. Badania historiografii radzieckiej z lat 1945—1961 nad dziejami Lotwy i Estonii w okresie feudalizmu.— «Zapiski historyczne», t. 28, z. 3. Toruń, 1963, str. 346 i nast.

³ В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1966.

⁴ М. В. Витов, К. Ю. Марк, Н. Н. Чебоксаров. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959.

⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; В. Н. Топоров. Некоторые задачи изучения балтийской топонимии русских территорий.— «Вопросы географии», вып. 58. М., 1962, стр. 41—49.

⁶ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966; он же. К вопросу о балто-славянских отношениях в области Верхнего Поднепровья в первом тысячелетии нашей эры.— «Liber I. Kostrzewski». Wrocław, 1968, str. 288—296.

⁷ J. Antoniewicz. Problemy i potrzeby badań archeologicznych na ziemiach północno-wschodnich Polski.— «Acta Baltico-Slavica», t. I. Białystok, 1964, str. 13—24; он же. Tribal Territories of the Baltic Peoples in the Hallesztalt.— Ibid., t. IV, 1966, p. 7—27; K. Musianowicz. Granica mazowieckodrehowicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu.— «Materiały wczesnośredniowieczne», t. V. Warszawa, 1960; подробнее см. В. Т. Пауто.

нилайте⁸ и др.) развивается мысль, что славяно-балтийский (как и славяно-финно-угорский и славяно-ирано-тюркский) симбиоз (взаимоблагоприятное сожительство народов) — это многовековой процесс, археологически, топонимически и лингвистически отраженный в чересполосных поселениях и смешанных формах материальной культуры, постепенно приводящий к расширению славянского региона и консолидации народностей на более четко очерченных территориях.

К нашей теме имеет прямое отношение гипотеза о значительности балтийских этнических регионов и интенсивности их славянской колонизации в дофеодальную эпоху. Эта гипотеза должна пройти проверку посредством глубокого предварительного изучения (антропологического, языкового, археологического, этнографического) каждого из синтезируемых этнических элементов и сравнительно-исторического сопоставления моделированных зон (древнерусской, белорусской, финно-угорской, летто-литовской, прусской) региона.

Но уже и сейчас историк не может пренебрегать хорошо аргументированным выводом В. В. Седова (поддержанным П. Н. Третьяковым⁹) о славяно-балтийской основе белорусской народности. Этот вывод многое проясняет в процессе образования Литовского великого княжества, в частности, в усвоении им в пору господства над Белоруссией важнейших элементов ее общественно-политического строя и культуры. И если прежде образование самой белорусской народности ставили в зависимость от этого вхождения в состав Литовского великого княжества, то теперь (разумеется, предположительно) можно говорить об ее предшествующем формировании, которое лишь получило более законченную форму под властью Литвы.

Даже при нынешнем состоянии разработки проблемы историк Прибалтики может исходить из следующей презумпции: поскольку процесс энергичной славянской колонизации прибалтийской этнической сферы протекал в дофеодальную, догосударственную пору, главной его фигурой был славянский земледelec. Это была в основном мирная колонизация, несшая земледельческий прогресс в среду менее развитых народов. В этих условиях складывание славянских ремесленно-торговых очагов в неславянских землях содействовало их этническому сплочению.

М. А. Ючас. Новый славяно-балтийский ежегодник. — «Советское славяноведение», 1968, № 1, стр. 100—103. Исследование Ятвягии Е. Антоневичем и его коллегами облегчает археологические изыскания в юго-западной Литве, в Занеманье и Судовии.

⁸ Е. Данилайте. Штрихованная керамика в Литве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1967.

⁹ П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Следовательно, древнерусско-балтийские связи, постепенно фиксируемые источниками феодальной эпохи, имели за собой не одно столетие.

Переходя к рассмотрению особенностей генезиса классового строя и раннефеодальной структуры региона, мы также опираемся на выводы историографии, относящиеся к Эстонии¹⁰, Латвии¹¹ и Литве¹².

Ознакомление с источниками и выводами историков позволяет заключить, что примерно с X (Литва) — XI (Эстония и Латвия) вв. народы региона вступают на путь становления феодального общественного строя.

ТЕРРИТОРИЯ

Несколько слов о территории. Она относительно невелика. Ныне территория Литвы составляет 65,2 тыс. кв. км, при протяженности границы 1842 км¹³; соответственно площадь Латвии — 64 тыс. кв. км¹⁴, Эстонии — 45 тыс. кв. км, при протяженности границ для Латвии — 1700 км и для Эстонии — сухопутной 645 км, морской материковой — 1240 км. Притом следует

¹⁰ Х. А. Моора. Возникновение классового общества в Прибалтике. — Советская археология, т. XVII, 1953, стр. 105—132; Х. А. Моора, Х. М. Лиги. К истории сельского хозяйства в Прибалтике в период образования феодальных отношений. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г.» Вильнюс, 1965, стр. 77—89; А. Э. Кустин. Археологические памятники периода зарождения раннефеодальных отношений на островах Сааремаа и Муху (в XI—начале XIII в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Таллин, 1962; Ю. Я. Селиранд. Могильные памятники II—III вв. в материковой Эстонии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Таллин, 1966; Х. М. Лиги. Феодальные повинности крестьян в Эстонии (до начала XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таллин, 1968.

¹¹ T. Zeidze. Feodalisms Livonijā. Rīga, 1951, 38—63 lpp.; Х. М. Лиги, Э. Тарвел. Очерки аграрной истории Латвии. Рига, 1960; В. Р. Анисимова. Распад первобытнообщинного строя и зарождение классового общества на территории Латвийской ССР в I тыс. н. э. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рига, 1966; В. Калнынь. Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI вв. Рига, 1962; A. Bīrons, V. Dorošenko. Vēstures zinātnes attīstība padomju Latvijā. Rīga, 1966, 16—28 lpp.

¹² R. Volkaitė-Kulikauskienė. Lietuviai IX—XI amžiais. Vilnius, 1970; ср. она же. Боевой конь литовского воина. Vilnius, 1971. Исследовательница начала работу на известном городище Майшягола; уже первые раскопки дали обширную информацию о хозяйстве Литвы XIV—XV вв. Библиографию см. В. Т. Паушто. Образование Литовского государства. М., 1959; П. Куликаускас. Исследование городищ Занеманья в Литве. — «Liber I. Kostrzewski», str. 297—313.

¹³ «Lietuvos TSR. Fizinė geografija», I. Vilnius, 1958, p. 7—9; БСЭ, т. 50, 1957, стр. 672 (площадь — 65 тыс. кв. км).

¹⁴ БСЭ, т. 50, 1957, стр. 677, 690; ср. т. 24, 1953, стр. 318 (площадь Латвийской ССР здесь — 64,5 тыс. кв. км).

принять во внимание эстонские острова — Сааремаа (площадь 2714 кв. км), Хиума, Муху и еще около 800 (при протяженности их границ 2540 км)¹⁵, которым было суждено играть заметную роль в средневековой истории страны.

СРЕДСТВА ЖИЗНИ И ТРУДА

Естественно-географические условия кое-что объясняют в истории региона. Он был достаточно обеспечен средствами жизни и труда. Расположенный на северо-западной лесистой окраине Русской равнины (и поныне 20% поверхности Эстонии, 27% — Латвии и 16% — Литвы покрывает лес) он имел почвы в эстонской части (включая и острова) главным образом дерново-карбонатные, в латвийской и литовской — дерново-подзолистые, в последней еще и подзолисто-болотные. Характер почв не содействовал раннему развитию земледелия в крае. В Литве болота занимают 5%, в Латвии — 10%, в Эстонии — 30% (включая полуболотные почвы) территории. Фауна региона многообразна — медведь, кабан, благородный олень, лось, кося, заяц, белка, барсук, рысь, волк, много промысловой птицы — глухарь, тетерев, рябчик, утка; обилие пчел. Край богат рыбой, ибо он связан с морем и в нем множество озер — в Эстонии их 1500 (5% территории), в Латвии — 3000 (1,6% территории), в Литве — 4000 (1,5% территории). Он доныне обилен морским зверем — тюлень, нерпа, и промысловой морской рыбой — треска, салака, камбала, проходной — лосось, таймень, сиг, угорь, минога, а также пресноводной — ряпушка, лещ, судак, плотва, окунь, щука; в прудах — карп.

Из средств труда важнейшую роль играло Балтийское море: протяженность морской береговой линии Литвы равна 99 км, Латвии — около 500 км, Эстонии (с островами) — около 4000 км; оно доставляло, помимо продуктов промысла, товары из других стран — с Готланда, из Руси, Швеции, Дании. Торговля еще была тесно связана с грабежом — приток иностранных товаров и пленный стимулировал развитие общественного неравенства; вторжения скандинавских пиратов, напротив, подрывали хозяйство¹⁶.

Реки также влияли на жизнь региона. В Эстонии они короткие и мелководные, но две — Эмайыги и Нарва — многоводные и судоходные, первая впадает в Чудское озеро, вторая связывает его с Финским заливом. Они были естественными артериями, соединявшими этот суровый приморский край с Русью (Псковом и Новгородом).

¹⁵ «Eesti nõukogude entsüklopeedia», t. II. Tallinn, 1970, 49 lk.

¹⁶ См., например, сообщения о скандинавских походах на Эстонию: MGH SS, t. XVI, p. 404 (1196 г.); ср. SRS, t. I (1), p. 48 (1198 г.).

Народ превратил его в край по тому времени богатый. Хронист Генрих, сторонник рижского епископа, современник и очевидец завоевания Эстонии, пишет об одной эстонской деревне, что она «очень красива, велика и многолюдна», как и другие деревни «по всей Эстонии, но наши не раз впоследствии опустошали и сжигали их»¹⁷. Эсты выводили в море огромный флот — 300 кораблей, «помимо малых судов»¹⁸. Когда Генрих говорит, что приморские эсты могли выставить «много тысяч всадников и еще большее число людей на кораблях»¹⁹, то за его словами также угадываются сотни кораблей.

Большинство латвийских рек впадает в Балтийское море и Рижский залив; из них важное значение всегда имели Даугава (Западная Двина), берущая начало с Валдайской возвышенности и издавна связывавшая этот край с Русью (Полоцком), а также — Лиелупе, Гауя и Вента. Устья Даугавы и Венты испокон веков служили естественными гаванями²⁰, вторая была круглый год открыта для морского судоходства. Этот район, как и поморско-эстонский, был издавна связан с Готландом, что ясно отражено и в раннем немецко-куршском договоре (Приложение, № II, ст. 3), и в ливском археологическом материале²¹. Первые же письменные свидетельства говорят о «месте Риги», а также и Земгальской гавани как заметных торговых центрах²². Литва лежит в бассейне р. Нямунас — Неман (берущей начало неподалеку от Минска) с притоками — Меркис, Вилия (Нерис), Шешупе и др., связывающей ее с Русью и с Балтийским морем.

Наконец, регион богат минеральными строительными материалами — доломитами, глинами, известняками, гипсами; Эстония — горючими сланцами, Литва — болотными железными рудами²³. На основе археологических данных Х. А. Моора и А. Х. Моора, учитывая запасы средств жизни, выделили в восточной Прибалтике три главных хозяйственных района: центральный (западная Литва, западная и центральная Латвия

¹⁷ ГЛ, XV, 7.

¹⁸ Там же, XV, 3; XIX, 5 (200 кораблей); VIII, 4 (22 судна).

¹⁹ Там же, XV, 3. Эстонский корабль вмещал 30 человек (ГЛ, VII, 2).

²⁰ В. В. Павулан. Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. — В сб.: «Экономические связи Прибалтики с Россией», Рига, 1968, стр. 75—94. О том же говорят исследования В. А. Уртана в Даугмалском городище; см. также он же. Латвийские клады (до 1200 г.) как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1971.

²¹ Э. Ю. Тыниссон. Археологические памятники ливов в Видземе (X — начало XIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Таллин, 1968, стр. 36.

²² ГЛ, II, 4; IV, 3 и стр. 462; IV, 6; IX, 3; II, 10.

²³ См. интересный опыт определения древних центров кузнечного ремесла на базе болотных руд: Я. Станкус. История технологии производства железных изделий на территории Литвы во II—XIII вв. Вильнюс, 1971.

и большая часть материковой Эстонии) — с давними земледельческими традициями; приморский (эстонские острова, северо-западная часть эстонского материка, побережье Курземе) — с издревле развитым морским промыслом и мореходством и, наконец, восточный (эстонское Причудье, юго-восточная Эстония, Латгалия, Восточная Литва) — переходный между древнерусским и прибалтийским хозяйственным укладом, край озерный с развитым рыболовством²⁴ и другими подсобными промыслами.

ЭТНОС

Этнически регион делится на две зоны. Современная археология считает, что около середины I тысячелетия н. э. здесь из древних угро-финнов и балтов сформировались две этнические группы: эстонско-ливская в Эстонии и северо-западной Латвии и балтийская летто-литовская на юге. Появление в русских источниках XII в. «всей Чюдской земли»²⁵ и «Литвы»²⁶ свидетельствует о начале формирования местных народностей.

ДЕМОГРАФИЯ

О численности населения возможны лишь гипотезы. По мнению Х. А. Моора, исходя из общего количества крестьянских «сох», с которых немецкие и датские феодалы начали взимать повинности, население Эстонии в начале XIII в. насчитывало 150—200 тыс. человек²⁷. Для Латвии Х. Ловмянский, взяв в расчет плотность не выше 2,5 человек на 1 кв. км, т. е. около 160 тыс. человек, а для Литвы — 3 человека на 1 кв. км, т. е. около 190 тыс. человек²⁸, насчитывал в целом для региона около полумиллиона населения²⁹.

Регион, расположенный в зоне здорового, умеренно-континентального климата, населен автохтонными, антропологически

²⁴ Х. А. Моора, А. Х. Моора. К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики. — «Советская этнография», 1960, № 3, стр. 43. Эта проблема нашла дальнейшую разработку в исследовании Х. Моора и Х. Лиги «Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII века» (Таллин, 1969, стр. 9—28).

²⁵ НПЛ, стр. 35 (1176 г.); ПСРЛ, т. II, стр. 608 (1078 г.).

²⁶ Ср. R. Volkaitė-Kulikauskienė. Op. cit., p. 21.

²⁷ «История Эстонской ССР», т. I. Таллин, 1961, стр. 82; в среднем 2,5 человека на 1 кв. км принимал в расчет П. Иохансен [P. Johansen. Siedlung und Agrarwesen des Esten im Mittelalter. — «Verhandlungen der Gelehrten estnischen Gesellschaft», Bd. 23. Dorpat, 1925, S. 2 (т. е. около 120 тыс. человек); Х. Э. Палли. Источники по исторической демографии Эстонии (XIII—XVIII вв.). — В кн.: «Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики». Рига, 1970, стр. 45 (1200 г. — 100—200 тыс. человек)].

²⁸ H. Łowmiański. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego, t. 1. Wilno, 1931, str. 95.

²⁹ H. Łowmiański. Podstawy gospodarcze formowania się państw słowiańskich. Warszawa, 1953, str. 243—244.

хорошо развитыми расами, приспособленными к жизнедеятельности и на суше, и на море. Различие климатических условий на севере и на юге региона (разница в вегетационном периоде до двух недель), разумеется, сказывалось на качестве и темпах развития земледелия. В целом территория региона относительно (особенно в сравнении с Русью) невелика (174 тыс. кв. км) и лишена сильных естественных преград, а потому ее народы оказались с первых же шагов их истории втянутыми во взаимоотношения друг с другом и с соседними славянскими землями.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ГЕНЕЗИСА ФЕОДАЛИЗМА

Заметные сдвиги в общественном производстве у народов региона в начале 2 тысячелетия, бесспорно устанавливаемые археологами: рост плужного земледелия, переоснащение хозяйства железным инвентарем, появление гончарного круга, торжество парной семьи, исчезновение равенства имуществ внутри неукрепленных поселений и появление богатых дружинных комплексов вне их³⁰, — все это естественно сопоставить с синхронными письменными свидетельствами о процессе зарождения государств и поискать связь между этими двумя явлениями.

История Европы свидетельствует, что феодализм постепенно и крайне медленно вырастает из патриархально-общинного строя; сам общественный переворот, приведший к торжеству феодализма, тянулся столетия. Отдельные государственные формы складывались исподволь и были долго опутаны паутиной патриархальной старины, как видно на примере древнеитовского государства, где процесс становления феодализма был осложнен и ускорен балто-славянским синтезом; о том же говорит пример Эстонии и Латвии, в которых, однако, процесс органического развития нового общественного и государственного строя был прерван и на столетия деформирован немецко-датским завоеванием.

Анализируя особенности складывающегося общественного

³⁰ Имею в виду относящиеся к характеристике производства труды А. Расиньша, А. Антейна, И. Дайги, А. Зариньши, а также исследования городищ, выполненные М. Х. Шмидехельм, Э. П. Бривкальне, А. Я. Стубавсом, Э. Д. Шноре и другими учеными. Степень развития этих элементов, понятно, неодинакова и в рамках региона и даже в пределах каждой из стран. Ср., например, отсутствие известий о гончарном круге на эстонских островах до XIII в., а также заметной имущественной дифференциации среди их населения до XII в. — А. Э. Кустин. Указ. соч., стр. 28; ср. Ю. Я. Селиванов. Указ. соч., стр. 26, 30, 32; Н. Моора. Käsitöö arenemisjärg Baltimail 12. — 13. sajandil. — В сб.: «Pronksiajast varase feodalismini». Tallinn, 1966. 123—128 lk. Автор справедливо связывает относительно медленное развитие ремесла (оно находилось на уровне русского деревенского) в Эстонии и Латвии со свидетельствами источников об уровне имущественной и социальной дифференциации. Речь идет о возобладающих тенденциях.

строая в странах региона, мы должны прежде всего учесть, что они в основном находились в вассальной зависимости от древнерусского государства, которое возникло и сложилось как этнически неоднородное под господством славянской знати³¹.

Последствия этой трехсотлетней зависимости были многообразны, причем интересно, что именно в прибалтийской вассальной сфере наиболее рано и ярко проявился процесс этнического и общественного сплочения подвластных Руси неславянских народов, свидетельством которого стали все более энергичные их попытки добиться политической самостоятельности³². Наибольшие успехи на этом пути отмечены в Литве, чьи князья (в числе 21) уже в 1219 г.³³ заключили равноправный договор с Галицко-Волынской Русью. Литва вышла из вассальной сферы во внешнеполитическую; аналогичные тенденции отмечены и в истории Эстонии и Латвии³⁴, тем не менее они (включая и ливов) оставались данниками Руси³⁵, т. е., в первую очередь, Полоцка, Пскова и Новгорода, вплоть до начала полувековой балто-русской освободительной войны против немецких феодалов в XIII в.³⁶ При анализе проблемы следует

³¹ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства. — А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин, В. П. Шушарин, Я. Н. Шапов. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 88 и сл.

³² Хотя, в общем, функционирование системы управления сопровождалось не столь уж частыми конфликтами (там же, стр. 117—118, 100).

³³ ПСРЛ, т. II, стб. 735—736.

³⁴ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 117—118.

³⁵ О подданстве Руси ливов, куршей, земгалов, литовцев и жемайтов см.: ПВЛ, ч. I, стр. 10; о подданстве Полоцку (через русского субвассала в Кокнесе) ливов и латгалов см.: ГЛ, XII, I (1208 г.), ср. I, 3; XI, 7 (латгалы Толовы «всегда были» русскими данниками); XXVIII, 9; о подданстве селов, ливов и латгалов Руси см.: LR, S. 15, v. 645—646 (Selhen, Liven, Lettenlant wären in der Rusen hant); о ливах — подданных Полоцка писал Арнольд Любекский — MGH SS, t. XXI, p. 212; папа Климент III признавал, что ливское епископство находилось «in Ruthenia» — LUB, Bd. I, № 10 (1188 г.); папа Гонорий III именовал ливонских епископов *fideles per Russiam constituti* — там же, № 66 (1224 г.); папа Урбан IV считал, что восточная Латгалия помещается «in regno Russiae»; о давности русского владычества см.: H. Łowmiański. Geneza ziemi Połockiej. — «Z polskich studiów slawistycznych», seria 3. Historia. Warszawa, 1968, str. 23.

³⁶ Мы не касаемся здесь хорошо разработанного вопроса об экономических взаимосвязях Прибалтики и Руси (см., например: Н. Н. Чебоксаров. Указ. соч., стр. 94—115; Э. С. Мугуревич. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965; А. Стубавс. Некоторые археологические находки 11—13 веков из городища Кокнесе. — В сб.: «От эпохи бронзы до раннего феодализма». Таллин, 1966, стр. 166—172; Э. Д. Шноре. Латгало-славянские контакты на территории Восточной Латвии во второй половине I и начале II тыс. н. э. — «Acta Baltico-Slavica», 6. Białystok, 1969, str. 1965. J. Antoniewicz. Niektóre średniowieczne skarby pruskie i litewskie i ich związki z Rusią. — «Liber I. Kostrzewski», str. 540—550; H. Moora. Über den ostbaltischen Handel im 12.—13. Jh. — Ibid., str. 517—525).

четко различать источники, относящиеся к истории народов региона и к истории органов русской власти.

Немецкая буржуазная историография ныне уже не в состоянии отрицать давнее подданство Руси народов Прибалтики, но искажает его по крайней мере в трех отношениях.

Во-первых, она извращает этническую природу древнерусского государства, когда говорит о «варяжско-русском» или «варяжско-восточнославянском» верховенстве, хотя признает, что следов варяжского властвования в Восточной Прибалтике найти не может³⁷.

Во-вторых, она превратно понимает социальную природу древней Руси, когда вслед за П. Б. Струве пишет о «политическом феодализме»³⁸, ставит под сомнение ее государственный характер³⁹ и потому рекомендует «представлять рыхлой насколько возможно» власть «и туземных и иноземных владетелей замков», чтобы тем яснее оттенить ее отличие от «организационной и политической стабильности», присущей немецким владениям и территориям в Прибалтике⁴⁰. Наша наука уже вскрыла несостоятельность современного взгляда буржуазных ученых, в частности немецких остфоршеров, на древнерусский феодализм. Новые зарубежные исследования подкрепляют выводы нашей науки⁴¹. Когда М. Хеллманн утверждает, что князь Всеволод, признавая епископа Альберта отцом (*eam in patrem eligens*), выходит за пределы русского правосознания, так как «в русских источниках нет никаких указаний на такое духовное отец — сын взаимоотношение (с государственно-правовыми связями и обязательствами)»⁴², то он глубоко ошибается: таких указаний на феодальный вассалитет множество⁴³. И потому нет ничего «гротескного» в том, что епископ рижский Альберт фактически стал вассалом Полоцка по ливской дани⁴⁴, а русский князь Всеволод из Ерсике — вассалом (*feudum oblatum*) епископа⁴⁵, тесть епископова брата псковский князь Владимир Мстиславич сделался немецким фогтом⁴⁶. Эти

³⁷ M. Hellmann. Das Lettenland im Mittelalter. Münster — Köln, 1964, S. 52—53, 59; см. также В. В. Дорошенко. Феодализм в Латгалии и восточной Видземе в освещении западногерманского историка. — «Известия АН ЛатвССР», 1956, № 9, стр. 147—155.

³⁸ M. Hellmann. Op. cit., S. 132.

³⁹ Ibid., S. 61.

⁴⁰ Ibid., S. 111.

⁴¹ K. R. Schmidt. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters. Kopenhagen, 1964, S. 535—537.

⁴² M. Hellmann. Op. cit., S. 132; LUB, Bd. I, № 15; ГЛ, XIII, 4, стр. 127.

⁴³ В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси. — А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и др. Древнерусское государство..., стр. 53 и сл.

⁴⁴ ГЛ, XIV, 9.

⁴⁵ Там же, XIII, 4.

⁴⁶ Там же, XVI, 7.

факты определялись сходством общественного строя Руси и Германии.

В-третьих, она затемняет идеологию древней Руси, принимая на веру рассуждение Генриха о «бесплодии» православной церкви⁴⁷; подчеркивая высокие «миссионерские» устремления немецких завоевателей⁴⁸, она пишет об идейной индифферентности русских властей. Источниковедческая простота М. Хеллмана поистине поразительна, когда он, характеризуя политику полоцкого князя Владимира, пишет, что тот «осуществлял свое господство над неверными не ради чести и не по призванию господню, а для извлечения политических и материальных выгод» и де «моральная несостоятельность подобного господства в глазах западного современника отчетливо высказана Генрихом»⁴⁹. Но, прежде всего, русские власти умело и широко использовали христианизацию в своей политике в неславянской вассальной сфере⁵⁰, внедрялось христианство и в Прибалтике соответственно целям властвования; моральные же сентенции Генриха, участника разбойничьих походов, в которых число убитых едва ли не превосходило число крещеных, недорого стоят.

Поиски письменных свидетельств об имущественной и социальной дифференциации в странах региона ведут нас к той поре, когда Эстония входила в союз с княжениями новгородских словен и полоцких кривичей, участвуя вместе с ними сперва в отражении набегов норманских «находников»⁵¹, а затем в договоре-ряде о приглашении отрядов варяжских князей на службу славянской знати⁵². Реальность этого участия подтверждается вполне доброкачественным документом — русско-византийским договором 944 г., в котором мы впервые встречаем эстонских служилых людей на Руси. Они представляют ее в качестве послов в Константинополе: таковы Искусеви — от княгини Ольги (вообще имевшей интересы в северо-западном крае), Кунндар — от княгини Предславы и купец Пубинскари. Рядом с ними выступают Ливи — видимо, от ливского наместника Арфаста и Ятвяг — от прусского (ятвяжского) наместника Гуннара⁵³.

Последующая служба прибалтийских выходцев («муже лучшие») и их дружин на Руси, ясно отраженная летописями для X—XII вв., позволяет заключить, что местный нобилитет

⁴⁷ ГЛ, XXVIII, 4, стр. 237.

⁴⁸ М. Hellmann. Op. cit., S. 117—118.

⁴⁹ Ibid., S. 119.

⁵⁰ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 109.

⁵¹ ПВЛ, ч. I, стр. 18.

⁵² Там же.

⁵³ Там же, стр. 34; Я. Я. Зутис. Русско-эстонские отношения в IX—XI вв. — «Историк-марксист», 1940, № 3, стр. 41; ПРП, вып. 1, стр. 30, 51.

уже тогда располагал достаточным авторитетом и властью, чтобы, подобно известным Микуле, Тукию и Станиславу Туковичу, жившим в Киеве, или Иванке Чудиновичу, дружиннику черниговскому, принять христианство и стать в ряды крупного служилого боярства⁵⁴.

Владимир Святославич «нарубал» (набирал) эстонских «лучших мужей», наряду со словенскими, кривичскими и вятичскими⁵⁵. Сам термин «лучшие мужи» применялся в Повести временных лет в отношении раннефеодальных общественных структур, например, древлян (где они «держат» землю, образуют выборное посольство из 20 человек для переговоров с Ольгой⁵⁶), белозерцев (где упоминаются «лучшие жены»⁵⁷), печенегов (с тем существенным отличием, что здесь они действуют как избранные «в родех»⁵⁸). Тот же термин прилагался и к феодальному обществу: с новгородскими «лучшими мужами» ездил Нифонт в Киев, они — при дворе Святослава Ольговича в Новгороде; им сносят головы во время городского движения в Смоленске⁵⁹. К. Р. Шмидт прав, что в этих случаях термин совпадал с вятскими, старейшими, передними, добрыми мужами⁶⁰. Б. Д. Греков уже заметил, что на Руси словом «мужи» переводили термин «nobiles»⁶¹.

Источники дают право говорить и о влиянии русского властвования на общественное развитие народов Прибалтики, позволяют говорить о славяно-балтийском синтезе. В самом деле, наличие русских центров властвования и христианизации, таких, как Ерсике, Кокнесе в Латвии, Тарту (Юрьев), вероятно, Вильянди в Эстонии, предполагает существование здесь очагов русского землевладения (вроде тех «сел о Юрьеве», которые упомянуты под 1061 г.⁶²) и светского и церковного (если в этих центрах, как, например, в Ерсике⁶³, были русские храмы). По-видимому, ни естественно-географические условия, ни принятая Русью форма властвования не препятствовали развитию в регионе слоя крупных русских вотчинников, почему русское население отмечено и в Кокнесе, и в Ерсике, и в ранней Риге, и в Тарту. В «русском замке»⁶⁴ Кокнесе при княжеском

⁵⁴ ПВЛ, ч. I, стр. 40, 83, 114, 212, 132; ПРП, вып. I, стр. 79, 113; ПСРЛ, т. II, стб. 298; В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 106 (здесь допущена ошибка: Станислав Тукович был боярином Ярополка Владимировича).

⁵⁵ ПВЛ, ч. I, стр. 83.

⁵⁶ Там же, стр. 41, 42.

⁵⁷ Там же, стр. 117.

⁵⁸ Там же, стр. 87.

⁵⁹ НПЛ, стр. 23—25, 38.

⁶⁰ К. Р. Schmidt. Op. cit., S. 227, 229, 232.

⁶¹ Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 6-е. М., 1953, стр. 126—127.

⁶² НПЛ, стр. 183.

⁶³ ГЛ, XIII, 4.

⁶⁴ Там же, X, 3.

дворе находились и мужи (*virī*) и челядь (*servi*)⁶⁵; русские мужи-дружинники, как и сам князь Вячко (*Vesceka*), жили за счет (упомянутых в иной связи) «данников этого короля»⁶⁶. Князь Всеволод «наследственно» владел городом Ерсике и тоже опирался на феодальную дружину: он был вынужден уступить епископу город «вместе с землей и всеми именениями (*bonis*), к этому городу относящимися», а также «своих данников... вместе с данью и землями их»⁶⁷. Эти владения составили три лена⁶⁸. Когда «новгородцы и русские короли» дали князю Вячко «в вечное владение» замок Тарту⁶⁹ с правом собирать «подати с окружающих областей»⁷⁰, его постоянная русская дружина насчитывала 200 воинов-лучников.

Нам известна русская система управления вассальными землями, сохранявшая раннефеодальные формы подчинения: повсеместный сбор дани-подати (оброка) посредством доставки ее (повоза) в определенные для этого места (погосты). В погостах ее принимали местные власти и под контролем русских представителей (данщиков) доставляли в опорные пункты русского управления. Наличие этой системы и на землях Прибалтики не вызывает сомнений⁷¹. Здесь «погост» предстает как объединение группы деревень; сама система погостов, вакусов, посаджайев восходит еще ко временам погостной реформы, проведенной великой княгиней Ольгой на землях словен и кривичей (947 г.). Дань была ежегодной⁷², т. е. регулярной.

Эта гибкая система господства носила смешанную русско-балтийскую форму: вот почему в Тарту эстонско-русским войском предводительствует Вячко, а в Вильянди — Варемар⁷³. В этой связи понятно, почему «храбрейший из латгалов»⁷⁴ носил имя Руссин; этот старейшина имел много «близких и друзей»⁷⁵. «Замок Руссина» упомянут и хроникой и актом⁷⁶. Эта система вводила начала субвассалитета, административного управления, с податными округами и достаточно ясно очерченными границами.

Живущие в Прибалтике русские князья, бояре, дружинники руководствовались нормами Русской Правды; вероятно, она распространялась и среди прибалтов-христиан, тогда как языч-

⁶⁵ ГЛ, XI, 2 (*cum viris suis*); XIII, 4; XI, 9 (*servi regis*).

⁶⁶ Там же, XII, 1 (*qui regis erant tributarii*).

⁶⁷ LUB, Bd. I, № 23 (1209 г.).

⁶⁸ ГЛ, стр. 512—513.

⁶⁹ Там же, XXVIII, 3.

⁷⁰ Там же, XXVII, 5 (*tributa de circumiacentibus provinciis*).

⁷¹ В. Калынь. Указ. соч., стр. 8.

⁷² ГЛ, XIV, 9.

⁷³ Там же, XXVII, 1.

⁷⁴ Там же, XII, 6 (*Russinus de castro Sotecle*).

⁷⁵ Там же, XV, 7.

⁷⁶ LUB, Bd. I, № 66 (1318 г.).

ники судились по общинному праву. Конкретные условия владения, которое продолжалось не одно столетие (например, Ерсике для русского князя — «наследие отцов»⁷⁷) и сопровождалось подчас серьезными осложнениями между русскими сюзеренами и их прибалтийскими вассалами⁷⁸, неизбежно предполагают юридические казусы, требующие применения и феодальных и языческих норм права.

Это были глубоко проросшие связи, тем более что русская феодальная знать матримониально сближалась с прибалтийской: в хронике Генриха встречаем зятя Каупо по имени Иван (Wape)⁷⁹. И эсты, даже попавшие под власть Ордена, продолжали дружить с русскими: папа Гонорий III велел ливонским судьям преследовать тех русских, которые, живя в Ливонии, увлекали в свою веру эстонских неопитов, что особенно часто случалось при желании расторгнуть брак⁸⁰.

Вероятно, русские — судьи вершили суд во время сбора дани — в определенные сроки, остальное время действовало местное право. Поэтому мне представляется плодотворной мысль В. Е. Калныня, предложившего сопоставить нормы кодифицированного немецкими и датскими завоевателями права эстов и латышей с Русской Правдой⁸¹; совпадение ряда важных норм несомненно. Исследователь обратил внимание и на то, что в латышском языке еще и в XVII в. жило слово «вирник» (wihrneeks) и что в хронике Генриха употребляется термин «дружины» (draugs)⁸². Такую работу нужно продолжать, но беда в том, что до сих пор у нас нет современного издания памятников права народов СССР, в том числе и народов Прибалтики⁸³, и приходится довольствоваться дефектными или устаревшими публикациями⁸⁴. Они позволяют, однако, уловить

⁷⁷ ГЛ, XIII, 4.

⁷⁸ В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 117—118; Генрих называет их «друзьями» (ГЛ, X, 12).

⁷⁹ ГЛ, XIV, 8.

⁸⁰ HRM, t. I, № 12 (1222 г.).

⁸¹ В. Е. Калныня. Древнерусская государственность и право на территории Латвии в XI—XIII вв. — «Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки», т. 64. Государственно-правовые науки, вып. 7. Рига, 1964, стр. 117—127; ср. В. В. Дорошенко. Киевская Русь и возникновение феодализма на территории Латвии. — В кн.: «История Латвийской ССР», т. 1. Рига, 1952, стр. 65.

⁸² В. Е. Калныня. Древнерусская государственность..., стр. 121, 127; ГЛ, XVI, 4.

⁸³ Вопрос о таком издании ставился нами еще в 1962 г. и получил поддержку широкой научной общественности («Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1962 г.», Минск, 1964, стр. 9; ср. «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР», М., 1969, стр. 97—98, 316).

⁸⁴ Среди них лучшим изданием Правд остается: L. Arbusow. Die altlivländischen Bauerrechte. — «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 23. Riga, 1924—1926, S. 1—144, 635—645.

лишь тенденцию превращения лично свободных земледельцев в крепостных. Отстает у нас и правовая археология, т. е. специальный анализ памятников, относящихся к народным собраниям, суду, наказаниям и т. п.⁸⁵

НОБИЛИ И ОБЩИНА

Немецкая буржуазная историография ошибалась сама и вводила в заблуждение мировую науку, утверждая, что в Эстонии и Латвии не было феодализма вплоть до завоевания крепостосцев, а в Литве и того дольше — вплоть до первой унии с Польшей.

Говоря об Эстонии и Латвии, можно рассмотреть комплексно некоторые источники, что позволит заглянуть в глубь местных общественных порядков. Я имею в виду прежде всего группу документов, в которых завоеватели по горячим следам, в ходе наступления, определяют права и повинности сааремаасцев — в 1241, 1255, 1284 гг. (Приложение, № IV, V, VIII), куршей — 1230, 1231, 1267 гг. (Приложение, № I, II, III, VI) и земгалов — в 1272 г. (Приложение, № VII); кроме того, можно привлечь памятники права, а именно Ливонскую Правду, имевшую силу на землях ливов, куршей и земгалов, и Эстонскую Правду, действовавшую на территории Западной Эстонии⁸⁶.

Классификация списков Ливонской Правды нами изменена по сравнению с традиционной следующим образом:

I. Ливонская Правда (Краткая редакция) — для ливов. 25 статей. Дошла в списке — ЛП I (XVI в.)⁸⁷.

II. Ливонская Правда (Средняя редакция) — для ливов, куршей и земгалов. 27 статей. Дошла в списке — ЛП II (начало XVII в.)⁸⁸.

III. Ливонская Правда (Пространная редакция) — для ливов и Лифляндии. 45 статей. Дошла в списках (отражающих варианты) — ЛП III₁ (списки середины XVI — середины

⁸⁵ Сколь плодотворен может быть такой анализ, см.: J. Zontar. Zur Problematik der Rechtsarcheologie bei den Völkern Jugoslawiens. — «Wiener Archiv für Geschichte des Slawentums und Osteuropas», Bd. 2, 1956, S. 169—202.

⁸⁶ Эстонскую Правду (из 12 глав) — для земель Сааремаа и Ляэнемаа используем по списку середины XVII в. (ниже — ЭП), опубликованному с вариантами по другим спискам XVII—XVIII вв. (L. Arbusow. Op. cit., S. 75—88, 28—30).

⁸⁷ F. G. Bunge. Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen. Riga — Dorpat, 1832, S. 82—85; лучшее издание — L. Arbusow. Op. cit., S. 32, 34, 36, 38, 40, 42, 44, 46, 48, 49.

⁸⁸ F. G. Bunge. Op. cit., S. 85—88; L. Arbusow. Op. cit., S. 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47.

XVII в.)⁸⁰, ЛП III₂ (список XVIII в.)⁸⁰, ЛП III₃ (список XVI в., хранящий отрывок текста в староэстонском переводе)⁹¹.

Предлагая новое наименование и подразделение Правд, мы считаем определяющим содержание источника, а не место его кодификации или копирования. При этом мы учитываем выводы Л. Арбузова, отдавая себе полный отчет в условном, предварительном характере предложенной нами классификации.

Документы хранят следы тех общественных отношений, которые постепенно сложились к XIII в. Власть на Сааремаа осуществляли «старейшины» (*seniores*) земли (Приложение, № IV, ст. 3; № V, ст. 6); они делали это на основе «своего права» (*ius suum*), права земли (Приложение, № V, статьи 6 и 7). Именно у этих знатных (*nobilem*) людей немецкие завоеватели брали в заложники сыновей⁹²; в Рифмованной хронике они названы «лучшими» (*besten*)⁹³; в ней же говорится о значительности слоя «богатых» в Эстонии и обилии в ней земли: «*si haben sô manchen rischen man // und auch besunder lande vil*»⁹⁴.

Примечательно, что когда в документах идет речь о правах местных жителей, т. е. в первую очередь нобилей, то, в сущности, трактуется один вопрос — о «наследстве». Термин полностью не раскрыт, но видно, что имеется в виду собственность недвижимая и движимая. Может быть, это некогда поделенная по наследственным жребиям (как у пруссов — *per sortes hereditarios*) общинная собственность? Она становилась отдельной, а затем частной. Ведь в хронике Генриха называются *parcs Saurebnis*⁹⁵, в которую входили его, как увидим, достаточно выразительные «имения» (*bona*); в той же хронике есть *parcs Dabrelis*⁹⁶. К сожалению, для этой части региона мы не располагаем данными о дарении и обмене унаследованной и благоприобретенной собственности. Но то, что мы знаем о развитии

⁸⁰ L. Arbusow, *Op. cit.*, S. 50—67. Один из списков (1617 г.) опубликован позднее: А. Я. Лесмент. Ливонская Правда. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 198—206.

⁸⁰ L. Arbusow, *Op. cit.*, S. 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65, 67 (правые колонки страниц).

⁹¹ *Ibid.*, S. 50—67; отрывок в эстонском переводе — *ibid.*, S. 68—70. Отметим, кстати, что в рукописном собрании Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина есть списки правовых кодексов Ливонии и Земгалии (немецк. F II, 189) и Эстонии (немецк. F II, 47, 215).

⁹² ГЛ, XXX, 5 (1227г.).

⁹³ LR, S. 144, v. 6292.

⁹⁴ *Ibid.*, S. 9, v. 372—373.

⁹⁵ ГЛ, XI, 3.

⁹⁶ Там же, XIV, 10.

местной торговли, в частности и челядью, побуждает решать этот вопрос положительно⁹⁷.

Итак, о наследовании сааремаасцев читаем: «...Ни одно наследство (*hereditas*) среди них не может быть передано в пользование господина земли, пока есть некто, о ком известно, что он в родстве [с оставившим наследство] и выплатил возмещение за человекоубийство» (Приложение, № V, стр. 2). Речь идет о тех, кто участвовал в освободительном восстании, но выплатил компенсацию и старался оградить свое имущество от новых немецких властителей. Этот пункт договора был принят Орденom не только в качестве уступки сааремаасцам, но и в пику епископу. Первоначально действовало право свободного завещания земли прибалтами⁹⁸. В 1237 г. оно под давлением Орденa отменено⁹⁹. Церковники, богатевшие от вкладов, протестовали, но тщетно.

Эта собственность сохранялась за наследниками (*haeredis*) и в том случае, если ее владелец изгонялся с острова, как это предусматривалось в определенных случаях местным обычным правом (Приложение, № V, ст. 3); по этому же праву присвоение наследства ближним (*proximū suū*) могло караться его убийством (№ V, ст. 6). Упоминание этого «ближнего» не вполне понятно, но что он относится к патриархальной семье — очень вероятно; весьма заманчиво видеть в этой статье попытку местной знати покончить с притязаниями родственников на аллод. Существовало и право на наследство рабов (№ V, ст. 4), о которых речь будет ниже.

Из соглашения епископа эзельского с Орденom от 1254 г. узнаем о реализации этого договора, о «неприкосновенном праве (*solvo iure*) неофитов», которые «знают, что до сих пор они мирно сохраняли за собой свое наследство и в пашнях, и в лугах, и в медоносных деревьях, и в иных владениях (*possessionibus*) или других правах, [и] которые сообразно обычным правам (*de iuribus consuetis*) ответят тому господину, под чьей властью (*domino*) находится их наследство»¹⁰⁰.

Сааремаасцы знали, следовательно, достаточно развитое наследственное право, хотя оно и не выражено в их договоре с немецкими властями с такой полнотой, как, скажем, право пруссов в Кишпоркском договоре 1249 г.¹⁰¹

⁹⁷ См. также Э. С. Мугуревич. Торговые пути на территории ливов и латгалов в IX—XIII вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Рига, 1961.

⁹⁸ ГЛ, XXI, 4 (1217 г. — Каупо, умирая, отдает *bonis suis* ливонской церкви).

⁹⁹ LUB, Bd. I, № 146. «В Ливонской и Эстонской земле тевтоны и неофиты не склонны от земель своего наследства делать взнос церквам ни при жизни, ни даже после смерти».

¹⁰⁰ LUB, Bd. VI, № 2735, 2736.

¹⁰¹ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 497. Кстати говоря, списки этого договора имеются в рукописном собрании Государствен-

Аналогичные, лишь несколько более развитые институты, находим в Латвии: у куршей в качестве представителя власти выступает король (гех) Ламмекин и с ним другие «язычники» — представители двух «земель» (de terris), четырнадцати кихельконд и от остальных «кихельконд деревень», лежащих по обе стороны реки Венты (Приложение, № II, преамбула). В документе, говорящем о правах куршей, в первую очередь, понятно, «хороших и верных» (guden truwen) (Приложение, № VI, ст. 2), главным вопросом также является право на собственность, которая здесь ясно обозначена как собственность на землю: курши принимают христианство и его организацию, но «без ущерба для себя во владении (possessionibus) и собственности на землю (proprietas agrorum)» (Приложение, № I, ст. 3). Их право знает наследование до четвертого колена (Приложение, № VI, ст. 8). Прежде оно могло быть неограниченным.

Документ, относящийся к земгалам, беднее содержанием, но и у них власть олицетворяют «старейшины земли» (eldesten des landes) (Приложение, № VII, ст. 1).

В документе о куршах сказано, что все они подлежат «ливскому праву» (Liveschen rechte) (Приложение, № VI, ст. 14), а в документе о земгалах, что суд фогтов должен осуществляться у них трижды в году «по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии» (Приложение, № VII, ст. 5); на Сааремаа он ограничен одним сроком в году (Приложение, № V, ст. 7).

Обращаясь к этому праву, к Ливонской Правде, созданной немецкими властями при участии «olden Lyfflenderen», мы и в ней находим статьи о наследовании сыновей, жены, дочерей (ЛП I, статьи 10, 11; ср. ЛП II, ст. 27), брата (ЛП I, ст. 17 — брат по смерти брата наследует вместе с имуществом и его долги; ср. ЛП II, ст. 16 — более поздний этап, когда брат отошел на второе место после более близких наследников: sterwet enn man, de erwen adder bröder hefft, so sint de schuldig [tho] bethern von sienem gude) и очевидные пережитки патриархально-общинной старины, вроде статьи о повышенном штрафе за ранение в доме (ЛП I, ст. 24; ЛП II, ст. 19).

В статьях, относящихся к защите других имущественных прав, речь идет об охране все той же земельной собственности — межевых знаков на полях (ЛП II, ст. 25), полей и лугов от погравы (ЛП I, ст. 19; ЛП II, ст. 17), бортовых деревьев, клетей (ЛП I, статьи 12, 13; ЛП II, ст. 14), скота (ЛП III, статьи 23, 24), сена (ЛП I, ст. 21; ЛП II, ст. 18; ЛП III, ст. 39). Подобные статьи могли быть в древнем общинном праве и в ранних редакциях Ливонской Правды потому, что и поля, и борты, и прочее добро уже попадали в руки местной знати, как увидим из

ной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Q II, 163, л. 7 (Privilegium primum Pruthenorum eis a legato apostolico).

хроник. Можно допустить, что и статьи об охране леса от пожара (ЛП II, ст. 22) и о самовольной порубке (ЛП II, ст. 26) восходят к общинному праву.

В эстонском праве находим такие яркие следы дофеодалной старины, как бегство убийцы на один год и день из страны или возмещение содеянного по иску «друзей» убитого в течение этого срока (ЭП, гл. II, § 1)¹⁰². Эстонское право хорошо сохранило пережитки кровной мести, которая в немецкой записи осуждается как умысел (*vorsatz*) и «нарушение мира», с появлением феодальной власти ведущие к потоку и разграблению; ранение из мести в поле или днем на дороге (*auf heller strassen*) каралось «шеей» (*so bricht er seinen hals*), причем возмещаются не только раны, но и умысел — полувиroy (*halbmannbote*) (ЭП, гл. VI).

В этом праве каралось виroy в 40 марок ограбление «на свободной дороге» (*auf freyer strasze*) (ЭП, гл. VIII, § 1), а также покушение на собственность в поле, на лугу, в рыбных угодьях (ЭП, гл. VIII, § 2); более мелкие присвоения возмещались дифференцированно, в размере от полумарки до 9 марок (ЭП, гл. IX, § 1—6).

Более подробно отражена в эстонском праве охрана дома, жилья — нарушение мира в чужом доме каралось «шеей» (ЭП, гл. VII, § 1); специально предусмотрена охрана забора, ворот, меж, санных слег (ЭП, гл. VII, § 3), зерна, дров, строительного леса (ЭП, гл. VII, § 4). От полной оценки соотношения штрафов за убийство и взысканий за хищение имущества придется воздержаться до поры, когда будут изучены древнейшие списки Ливонской и Эстонской правд, но бросается в глаза их сходство с нормами древнерусского права. Продолжая начатое В. Калнынем сопоставление, отметим следующее.

Прибалтийское право, как и древнерусское, в значительной мере основано на дуодецимальной системе, где главные числа 12 и его части. Большое сходство наблюдается и в нормах возмещений.

Начнем с уголовного права. Первоначально в Прибалтике, как некогда и на Руси, действовал *jus talionis*, в частности при убийстве: «von einen doden einen dotschlag» (ЛП I, ст. 1), позднее замененный виroy в 40 марок (ЛП III, ст. 9), с последующим уточнением, что это вира за крестьянина (*eines rauhen*), а за немца и свободного она равна 80 маркам (ЛП III, ст. 9).

То же находим в Русской Правде, где первоначальная вира составляла 40 гривен (РП Кр., ст. 1), тогда как 80-гривенная вира охраняла специально привилегированный слой (РП Кр., статьи 19, 22, 23; РП Пр., статьи 1, 3)¹⁰³.

¹⁰² Подобный срок знает и Помезанская Правда, статьи 98, 118.

¹⁰³ РП, вып. I, стр. 77—78, 108.

Неумышленное убийство (*umb speel*) подтверждалось в ливонском праве личной присягой или свидетельством «друзей» (ЛП I, ст. 8); по Эстонской Правде требовалась присяга виновного как сам-седьмого (ЭП, гл. IV, § 2). Согласно Русской Правде, поклепную виру можно было отвести при семи послухах (РП Пр., ст. 18). В процессе по обвинению в ночном убийстве Эстонская Правда предусматривает испытание каленым железом (ЭП, гл. III). В Русской Правде «прохождение ношное», как повод к обвинению, требует той же процедуры оправдания (РП Пр., ст. 87).

Следующим по важности преступлением против личности было увечье (*verlehmung*): по Ливонской Правде если пострадавший лишился ноги, руки, глаза или носа, это каралось полувирой в 20 марок — «vor eine verlehmunge der vote effte hande. ogen effte nese. de sall ene halve mannes petringe don» (ЛП I, ст. 4; ЛП II, ст. 3; ЛП III, статьи 1—3). Что мы читаем в Русской Правде? «Аче ли утнеть руку, и отпадет рука или усхнеть, или нога, или око, или не[с] утнеть, то полувирые 20 гривен» (РП Пр., ст. 27); когда вира пошла князю, пострадавшему стали давать за увечье 10 гривен¹⁰⁴.

В оценке ран также наблюдаем примечательное совпадение. По Ливонской Правде рана мечом — «vor eine seringe des schwerts» — возмещалась суммой в 3 марки (ЛП I, ст. 2), то же — в Русской Правде — 3 гривны уже идут властям, а пострадавшему гривна (РП Пр., ст. 30). Знает Ливонская Правда и рану ножом, карая ее 6 марками (ЛП I, ст. 3; ЛП III, ст. 11), в одной из редакций — двумя марками (4 озеринга) (ЛП II, ст. 2); Русская Правда о ране ножом не говорит, но в смоленско-немецком договоре такая рана оценивается в 3 гривны¹⁰⁵.

Синяк в Прибалтике, полученный от удара палкой, возмещался 3 марками (ЛП I, ст. 7), позднее платилось по 1 марке (2 озеринга) за каждый нанесенный до крови или синяка удар (ЛП II, ст. 12; ср. ЛП III, ст. 11; ЛП III, ст. 11), затем появи-

¹⁰⁴ Увечье пальцев в прибалтийском праве оценивалось дифференцированно — от 2 до 6 (ЛП I, ст. 5) и от 3 до 5 марок (ЛП III, статьи 4—8), тогда как в Русской Правде любой палец ценился в 3 гривны (РП Пр., ст. 7), а позднее, когда князь присвоил виру, пострадавший получал 1 гривну (РП Пр., ст. 28).

¹⁰⁵ РП Пр., вып. 2, стр. 72. Курс смоленской гривны иной: вира в договоре равна 10 гривнам. Для оправдания в нанесении непредумышленной раны топором или мечом Ливонская Правда требует присяги (ЛП I, ст. 6), потом — уплаты 1 марки (ЛП II, ст. 11; ЛП III, статьи 12, 15). По Русской Правде 1 гривной карался виновный в том, что замахнулся мечом (РП Пр., ст. 19; РП Пр., ст. 24). Со временем Ливонская Правда выделяла еще рану на лице, карая ее 6 марками, из которых 2 шли господину (ЛП III, ст. 25). Наконец, в той же Правде фигурирует рана, нанесенная ножом в доме, — 9 марок (ЛП I, ст. 24), впоследствии по статье, говорящей вообще о побоях и ранах, нанесенных в доме, — 3 марки (ЛП II, ст. 19).

лась градация возмещения синяков — от 1 до 3 марок (ЛП III, статьи 29, 30, 26). То же самое видим в Русской Правде (РП Кр., статьи 2, 30; РП Пр., ст. 29).

Ливонское право карало укусы. Каждый, укусивший другого «примерно тремя зубами», должен был их выкупить за 3 марки, иначе их выбивали (ЛП III, ст. 27). В Русской Правде этой нормы нет, но по церковному Уставу Ярослава (ст. 28) 3 гривны за укус шли епископу¹⁰⁶.

Кража в поле, в бортовых угодьях, в клети, похищение лошадей — «Item is dat ein brecke effte felt, honichbome eder kleyt..., effte perde de gestolen werden, effte ander dink» — все это каралось 3 марками (ЛП I, ст. 12; ЛП II, ст. 25 — за нарушение межи — 6 озерингов, статья 22 — о краже скота с поля, со двора, из хлева; за огораживание чужой земли эстонское право взыскивало 3 гривны — ЭП, гл. IX, §1). Русская Правда требовала за хищение коня 3 гривны (РП Кр., ст. 13; ср. статьи 12, 28), за кражу борти — тоже 3 гривны (РП Кр., ст. 32); за присвоение скота из хлева и имущества из клети — 3 гривны 30 кун (РП Пр., ст. 41). Нарушение межи бортовой, дворовой и пашенной оценивалось вчетверо дороже — 12 гривен (РП Кр., ст. 34; РП Пр., ст. 72), что и понятно при большем, чем в Прибалтике, развитии феодальной земельной собственности на Руси¹⁰⁷.

Кража охапки сена влекла за собой штраф в 3 марки, менее охапки — в 1 марку (ЛП I, ст. 21; ср. ЛП II, ст. 18); позднее — по 3 марки с украденного воза с уплатой господину за сено — «für jeglichen fuder, als viel er gestohlen» (ЛП III, ст. 39; ср. ЭП, гл. IX, § 2—5). По древнерусскому праву, в подобном случае взыскивались 9 кун, притом сходно с поздней ливонской нормой — «господину колико будет воз украдено», полагалось «имати... за воз по 2 ногате» (РП Кр., ст. 39; РП Пр., ст. 82). В эстонском праве кража предметов, связанных с рыбным промыслом, наказывалась 3 марками (ЭП, гл. IX, § 6), словом, по

¹⁰⁶ РПР, вып. 1, стр. 261; ср. стр. 269 (от 1 до 12 гривен). Насилие над женщиной каралось Ливонской Правдой смертью — «шеей» (ЛП I, ст. 9; ЛП II, ст. 13; позже — ЛП III, ст. 16 — требовались 3 свидетеля). В Русской Правде этой статьи нет (за убийство женщины вира равнялась 20 гривнам — РП Пр., ст. 88); в Уставе Ярослава (ст. 2) нормы вычислены в золоте — РПР, вып. 1, стр. 259; в смоленско-немецком договоре (ст. 12) — от 1 до 5 гривен (РПР, вып. 2, стр. 62), т. е., согласно нормам этого документа, не выше полувиры за убийство.

¹⁰⁷ Были в Прибалтике и другие нормы наказаний за кражу, притом очень суровые: совсем мелкая кража осуждалась или «шеей» (повешением), или уплатой 6 марок (ЛП I, ст. 15); за кражу на сумму до марки предусматривались порка, отрезание ушей и выжигание щек (ЛП I, ст. 14); столь же решительно осуждалось ограбление, хотя бы на сумму до 6 пфеннигов, в местах, издавна охраняемых обществом, — на дороге, в бане, на мельнице и, наконец, в церкви — все это каралось «шеей» (ЛП III, ст. 41; ЛП II, ст. 21; ЛП III, ст. 42).

той же норме, что на Руси хищение всего относящегося к охоте (РП Кр., ст. 37; РП Пр., статьи 80—81).

И в судебном процессе по делам о краже, о преступлении против личности и имущества есть общие черты в балтийском и древнерусском праве. В Латвии свидетельствующий по делу о ранах и не сумевший доказать обвинение платился 1 маркой (ЛП III, ст. 36); на Руси тот, кто клепал виру и не доказал, — 1 гривной (РП Пр., ст. 20). Ливонское право на первый раз требовало с обвиняемого личную присягу, на другой раз — присягу сам-второй, на третий раз — испытания каленым железом (ЛП I, ст. 16; ЛП II, ст. 15; ср. ЛП III, ст. 10). Русская Правда Краткой редакции знает в этом случае свод из 12 соприсяжников или уплату 3 гривен (РП Кр., ст. 15), но позднее в делах до полугривны золота предусматривалось испытание каленым железом, до 2 гривен серебра — испытание водой, на меньшую сумму — присяга.

С суда в Прибалтике шло по делам о ранах и убийстве $\frac{2}{3}$ пострадавшему и $\frac{1}{3}$ господе (ЛП III, ст. 25); древнерусский вирник получал $\frac{1}{4}$ с виры в 80 гривен (РП Пр., ст. 10).

В наследственном праве при известном своеобразии общественного строя Прибалтики тоже немало общего — действует преимущественное наследование сыновей (ЛП I, ст. 10; ЛП II, ст. 27; ср. РП Пр., ст. 92)¹⁰⁸, а также наследование долгов вместе с имуществом (ЛП I, ст. 17; ЛП II, ст. 16; то же подразумевает РП Пр., ст. 105)¹⁰⁹.

Из сказанного следует, что воспринятые остфоршерами утверждения старых немецких историков прибалтийского права (Л. Арбузова) об его подобии немецкому праву и полной зависимости от него по меньшей мере сомнительны, особенно учитывая почти полное отсутствие немецкой крестьянской колонизации в регионе. Трехсотлетнее общение Руси с Прибалтикой, как видим, оставило след в сходстве правовых норм их народов.

Наши источники дают основание говорить о давнем существовании в обществе Эстонии и Латвии правящего слоя старейших (они же — богатые), о господстве индивидуальной семьи с наследственным правом на недвижимость, прежде всего на землю. Перед нами аллодисты; как можно видеть, они крупнее в Латвии. Литовский и прусский материал рисует нам три группы аллодистов-нобилей, среди которых мы находим уже собственников не только жребиев, но и деревень (как Лингевин, Сударг и др.) и целых земель с городами (как, например, жемайтский князь Выкинт или аукштайтский Миндовг)¹¹⁰.

¹⁰⁸ Ср. РП, вып. 1, стр. 180.

¹⁰⁹ Мы не касаемся более поздних статей, например, эстонского права о крестьянском отказе (ЭП, гл. X, § 1—2; гл. XI, § 2, 3; гл. XII), о найме слуг, об еретичестве и т. п.

¹¹⁰ В. Т. Паушто. Образование Литовского государства, стр. 260, 296 и сл.

То, что мы до сих пор знали об общественной структуре региона из хроник, как видим, подкрепляется сведениями комплексно рассмотренных памятников права. Эстонцы и латыши были отнюдь не равны и вовсе не безвластны под верховенством Руси. Хронист Генрих называет их непосредственных властителей старейшинами (*seniores*), или по-другому — «лучшими» (*meliores*), «знатными» (*nobiles*) и, что очень важно, «богатыми» (*divites*), давая основание думать, что власть титулованной знати уже давно покоится отнюдь не на одном авторитете¹¹¹. Можно догадаться, что в обществе лично свободных земледельцев-аллодистов далеко не все местные вотчинники были «нобилями», а лишь те из них, которые были связаны с выполнением функций управления и власти.

Терминология хрониста достойна полного внимания, особенно когда идет речь о людях, власть имущих. Латышская и эстонская знать фигурирует под теми же названиями, что и литовская, — *senior*, изредка — *princeps ac senior*¹¹². Но в Литве терминология, ее обозначающая, значительно многообразней ввиду более широкого диапазона собственников земли¹¹³. В Латвии лишь перебежчик лив Каупо, пользующийся особым расположением хрониста, назван *quasi rex et senior*¹¹⁴. Этот слой знати многочислен: в Саккале однажды было убито 300 лучших людей и старейшин (*viris ac senioribus*)¹¹⁵; «верхушка Эстонии» (*caput Estonie*) — это старейшины¹¹⁶; в Литве они также составляли многочисленный слой¹¹⁷.

Каково же имущественное и общественное положение этих людей? Лив Каупо отнюдь не рядовой общинник: у него свой замок¹¹⁸, где были его «родные и друзья»¹¹⁹; однажды враги именина его разорили пожаром, поля отняли, улья переломали¹²⁰. Это уже феодал, ибо, конечно, свои поля он обрабатывал не сам и не силами патриархальной общины¹²¹. Когда Генрих говорит, что немецкими завоевателями, искавшими союза

¹¹¹ *Seniores* — ГЛ, I, 14; XII, 6; XV, 7; *meliores* — II, 2; IV, 4; X, 14; *nobiles* — XXX, 5; *divites et seniores* — XV, 7.

¹¹² ГЛ, X, 8; XXI, 2; «князь и старейшина» лив Везике (XVI, 4). Есть старейшины деревень (XXIV, 5), замков, областей, земель, например, Саккалы (XX, 2); численность населения некоторых эстонских областей достигала 1,5—2,5 тыс. жителей (XXIV, 5).

¹¹³ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 123, 151—152, 295—296.

¹¹⁴ ГЛ, VII, 5.

¹¹⁵ Там же, XII, 6.

¹¹⁶ Там же, XV, 3.

¹¹⁷ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 297.

¹¹⁸ ГЛ, IX, 3.

¹¹⁹ Там же, X, 10; ср. «большой замок» Каупо — XV, 3, стр. 142.

¹²⁰ Там же, X, 13 (1206 г.).

¹²¹ Археологические наблюдения подкрепляют свидетельства Генриха (Э. Ю. Тынянов. Указ. соч., стр. 37).

с ливами, «разрешено было [им] вновь владеть деревнями, полями и всем, что они, казалось, потеряли»¹²² — он имеет в виду, думается, местный нобилитет. Он упоминает «деревню Анно», соратника Каупо¹²³.

Еще лучше раскрыто положение эстонского нобиле Лембиту, одного из «старейшин» Саккалы¹²⁴. Вначале он боролся и против Руси и против Ордена¹²⁵, но позднее стал заклятым врагом рыцарей, предводительствуя 6-тысячным войском¹²⁶. Хронист упоминает «деревню Лембиту», где была майя — сборный пункт эстов¹²⁷; его замок Леоле, видимо, хорошо укреплен: рыцари потратили на осаду три дня; он был обнесен валом из земли и бревен; в нем укрывалось немало людей: когда замок пал, то «приняли крещение вероломный Лембиту со всеми прочими, женщинами, детьми и мужчинами, что были в замке», где войско рыцарей «разграбило все добро, угнало коней, быков и весь скот, захватило много добычи», а «старейшин (seniores) замка, Лембиту и других увело с собой»¹²⁸. Видимо, Лембиту — самый главный из этих старейшин, которые при благоприятных условиях трансформировались бы в его дружину. Когда позднее Лембиту пал в битве¹²⁹, рыцари заняли его деревню, бывший здесь брат его просил у них мира¹³⁰, т. е. налицо наследственная собственность и власть среди эстонской знати.

«Старейшина» земгалов Виестард собирал войско «из всех своих владений» (finibus suis)¹³¹ и водил 3-тысячный отряд¹³²; он же давал заложников «от каждого замка (de quolibet castro)» Земгалии¹³³; в Рифмованной хронике Вестер (Vester) — konic земгалов¹³⁴; у земгалов был известен и Намейсис — ir houbet zu Terwetein¹³⁵, а точнее — ir aller houbetman¹³⁶. Принявшие православие¹³⁷ латгальский (талавский) нобиль Таливальд и его сыновья владели замком Беверин в области Трикате¹³⁸ и други-

¹²² ГЛ, IX, 13.

¹²³ Там же, XI, 5, стр. 110.

¹²⁴ Там же, XV, 1 (в другом месте он назван «князем и старейшиной» Саккалы — XXI, 2).

¹²⁵ ГЛ, XV, 10 (1212 г.).

¹²⁶ Там же, XXI, 2 (1217 г.).

¹²⁷ Там же, XV, 7.

¹²⁸ Там же, XVIII, 7.

¹²⁹ Там же, XXI, 3.

¹³⁰ Там же, XXI, 5.

¹³¹ Там же, XXIII, 4 (1219 г.).

¹³² Там же, X, 10 (1206 г.).

¹³³ Там же, IX, 2.

¹³⁴ LR, S. 39, v. 1700; S. 40, v. 1729.

¹³⁵ Ibid., S. 207, v. 9038—9042; S. 210, v. 9193—9196.

¹³⁶ Ibid., S. 198, v. 8659.

¹³⁷ ГЛ, XVIII, 3.

¹³⁸ Там же, XII, 6; XV, 7; XVIII, 5; В. В. Дорошенко. Киевская Русь и возникновение феодализма..., стр. 70.

ми именениями; восточнолатгальские нобили Мелюке и Варгриббе поплатились своими «владениями» и «хлебом» за набег на Русь¹³⁹; старейшина ливов Дабрела имел «весьма крепкий и неприступный замок»¹⁴⁰. Эти сеньоры или нобили — относительно мелкие фактические феодальные собственники, живущие среди общин. Мы говорим о фактических собственниках, имея в виду их отнюдь не номинальную зависимость от Руси.

Характер общины можно определить лишь по совокупности источников.

Прежде всего нобили не зря интересуются наследованием земли: они неразрывно связаны с ней, как ее «старейшины» (*senior terrae, senior provinciae*)¹⁴¹. Объем экономических и политических прав старейшин, конечно, различен, но вырастали все они из недр общин. Хронист сообщает, что в одной из «областей» (*provincia*), входившей в состав «земли» (*terra*), были крещены «все в четырнадцати деревнях вместе со старейшиной их Табелином»¹⁴², а ниже упоминается «область Табелина»¹⁴³, куда собираются старейшины «земли». Возглавляя группу деревень или кихельконду, такой старейшина, выполняя функции главы общинного управления, имел, понятно, достаточно экономических и административно-политических возможностей для накопления собственности. Это видно и из договора куршей (Приложение, № II, преамбула), где вместе с королем Ламмекином другие язычники выступают представителями «земель» и «провинций» (кихельконд), наконец, «кихельконд деревень», т. е. сельских общин, которые должны были на своих собраниях решать вопрос о будущем края.

Сообщения письменных источников о большей имущественной и социальной дифференциации на юге восточной Прибалтики по сравнению с севером и западом или в Аукштайтии сравнительно с Жемайтией находятся (по мнению Х. А. Моора, А. Х. Моора, Х. М. Лиги и других ученых) в соответствии с естественно-географическими условиями региона. Сильно пересеченный рельеф и связанные с ним разнообразие и разбросанность пригодных для обработки земель не создавали в ряде зон условий для концентрации крупных земельных массивов либо общинных, либо сеньориальных¹⁴⁴. Авторы отмечают наличие устойчивого слоя мелкой знати на Сааремаа, связанной с морской торговлей, а не с сельским хозяйством; они подчеркивают относительно ранний переход центрального земледельче-

¹³⁹ ГЛ, XXIII, 5.

¹⁴⁰ Там же, X, 10.

¹⁴¹ Там же, IV, 4; XIV, 10; XVII, 2, 5.

¹⁴² Там же, XXIV, 1 (1220 г.).

¹⁴³ Там же, XXIX, 7.

¹⁴⁴ Х. А. Моора, А. Х. Моора, К вопросу об историко-культурных подобластях и районах Прибалтики, стр. 43; ср. рецензию Х. А. Моора на мою книгу («Вопросы истории», 1961, № 9, стр. 153).

ского района к подворному землепользованию с устойчивым исследованием нераздельного (ввиду относительной скудости почв) участка. Общественное значение выросшего таким образом многочисленного слоя, например, жемайтского боярства, хорошо известно.

Сам факт превращения нобилей Эстонии, в большей мере более ясно — нобилей Латвии и, особенно, нобилей Литвы — во владельцев замков хорошо объясняется наблюдениями Ю. Юргиниса над упадком общинных укрепленных весей и возрастанием роли замков старейшин-нобилей¹⁴⁵. Особенно значительны были владения литовского короля Миндовга, располагавшего 30-тысячным войском¹⁴⁶. Источники ясно говорят о деревнях и селах (*dorpe, villa*) и выселках (*villula*) у прибалтов; сами жители-земледельцы многократно упоминают «свои деревни», «свои поля», свои дома и семьи¹⁴⁷. Ниже, при рассмотрении догосударственной политической структуры региона, мы еще вернемся к общине, а сейчас должны будем поставить вопрос об экономических формах связи ее членов с нобилями, чтобы определить социальное лицо последних.

Все сказанное заставляет задуматься о том, какую значительную роль играет синтез развитых феодальных общественных отношений с патриархально-общинными на последней стадии их существования. В нашей науке сравнительно полно изучено сочетание, соединение патриархально-общинных отношений с рабовладельческими и выяснено, что оно приводило к заметному ускорению становления феодального способа производства. Синтез же развитых феодальных отношений с патриархально-общинными пока еще должным образом не изучен.

В конкретных условиях истории прибалтийских земель подобный синтез мог быть осуществлен лишь в двух формах: либо в форме завоевания феодально развитой страной прибалтийских земель, либо в форме завоевания прибалтами соседних феодально развитых территорий при сохранении независимости своей земли, что пытались сделать пруссы в Польше и что на время удалось осуществить литовцам в отношении части Руси. Во втором случае история явилась свидетелем ускоренного развития Литовского феодального государства. В меньшей степени явления синтеза присущи истории Жемайтии, где поэтому налицо особенно длительное сохранение раннефеодальных форм общественного и политического строя.

Главный вывод, который можно сделать, заключается в том, что становление феодальных производственных отношений сле-

¹⁴⁵ J. Jurginis. Baudžiavos įsigalėjimas Lietuvoje. Vilnius, 1962, p. 106—111; ср. В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 252, 254, 260, 294—295.

¹⁴⁶ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 136.

¹⁴⁷ ГЛ, XXIX, 1; см. В. В. Дорошенко. Киевская Русь и возникновение феодализма..., стр. 64.

дует связывать не с периодом объединения бывших племенных земель в относительно единое государство, а с более ранним периодом обособленного самостоятельного их существования. Здесь налицо общество, которое имеет позади длительную историю патриархально-общинного строя; оно представляет собой последний этап его развития, канун окончательного объединения нобилитета в господствующее сословие, канун раскола на два антагонистических класса — феодалов и крестьян.

РАБЫ

Сведения о рабах скудны. Но рабы существовали: эсты и курши добывали их в пиратских набегах; эсты и курши призывали к набегам на Швецию и Данию¹⁴⁸, причем сааремаасцы продавали шведских пленных куршам и другим язычникам¹⁴⁹. В то же время земли самих эстонцев и латышей были зоной литовских походов за данью, добычей и челядью¹⁵⁰. Облегчение участи рабов предписывал папа Григорий IX своему легату в восточной Прибалтике Вильгельму Моденскому (впрочем, формула о рабах — общее место в подобного рода актах курши)¹⁵¹. Это, понятно, не античные рабы, а раннефеодальная челядь, как можно видеть из относящегося к Сааремаа документа 1255 г., согласно которому (Приложение, № V, ст. 4) она (это могли быть и иноземные и туземные пленные и их потомки) сидела на землях нобилей, имевших право на нее и ее имущество (*hereditas servogum*). Следовательно, имея в виду существование денег, можно утверждать, что не только орудия и продукты труда, не только земля (это подтверждается наследственным правом), но и сама рабочая сила приобрели стоимость.

КРЕСТЬЯНЕ

В сущности, о крестьянах как классе говорить еще преждевременно, ибо многочисленные нобили не слились еще в одно сословие и не утвердили своего господства и монополии на землю с помощью аборигенной государственной власти. Но мы вправе ставить вопрос о формах зависимости «трудящихся субъектов» — земледельцев от нобилей, которые сами землю не пахали, а участвуя в делах управления, жили за счет чужого труда. Здесь нам вновь придется вспомнить о древнерусско-бал-

¹⁴⁸ ГЛ, VII, 1; XIV, 1, 3—4.

¹⁴⁹ Там же, XXX, 1.

¹⁵⁰ В. Т. Пашуго. Образование Литовского государства, стр. 128—129.

¹⁵¹ LUB, Bd. I, № 458 (9 марта 1238 г.).

тийском общественном синтезе и по-новому взглянуть на правовые акты Ордена и его союзников.

Еще во время борьбы славянских княжений вместе с эстами против норманнов случалось, что последние совершали набеги за данью и брали ее «от мужа», т. е. уже тогда в Эстонии ни род, ни племя, ни даже большая семья в оклад (точнее в окуп) не шли. Сами древнерусские князья эксплуатировали свои славянские земли очень гибко: здесь дань и мехом, и монетой, и по-воз (с радимичей), и барщинная толока (с тиверцев)¹⁵². Сбор дани и повинности осуществлялись при юридической ответственности каждой семьи — большой (дым, т. е. дом) и малой (рало, т. е. соха); эти повинности и дани предполагают наличие стоимостной оценки движимой и недвижимой собственности. Позднее славянские земли стали под относительно единообразную юрисдикцию древнерусского государства.

Но в вассальной сфере сохранялись раннефеодальные формы управления; с Прибалтики, в частности, собирали дань. Киевский придворный летописец рассматривал в XII в. жителей региона как данников Руси¹⁵³, то же писали немецкие хронисты XIII в. Полоцкий князь Владимир видел в своих подданных ливах рабов (т. е. челядь в широком смысле слова)¹⁵⁴, которых он волен крестить или нет. Спрашивается, с кого и кто собирал эту дань? Разумеется, с трудящегося населения, силами местных нобилей под контролем русских данщиков. Следы этого порядка видим в сообщении Генриха о захвате немцами «по деревням русских и эзельских гонцов, которые пришли было по поручению русских собрать войско по всей Эстонии»¹⁵⁵. Это не случайное известие: то же видим в вассальных полоцких землях ливов и латгалов, где русские послы, «рассыпавшись во все стороны по области», зовут своих подданных к оружию против Риги¹⁵⁶. Русские послы (*legati*) и гонцы (*puncii*) — это давний институт.

В летописях и хрониках речь идет о денежной дани серебром и золотом, но ведь в них описаны случаи, так сказать, чрезвычайные, связанные с применением вооруженной силы, когда воевали «в зажитие» и интересовались тем, что дороже и более пригодно для оплаты вассалов и их дружин. Нормальные же поступления, хотя и исчислялись в деньгах, шли, конечно, натурой. Они поступали с «земель», т. е. в конечном итоге с деревень и их жителей, т. е. от «дыма» или «рала». Соха первоначально

¹⁵² В. Т. Пашуто. Особенности структуры Древнерусского государства, стр. 87.

¹⁵³ ПВЛ, ч. I, стр. 13.

¹⁵⁴ ГЛ, XVI, 2 (*servos suos*).

¹⁵⁵ Там же, XXII, 2; ср. XX, 7 — новгородцы «послали звать по всей Эстонии» к походу на рыцарей.

¹⁵⁶ ГЛ, X, 3—4 (1206 г.); ср. X, 12.

означала надел пахотной земли с соответствующим правом пользования лесом, лугом и пастбищем, бывшими в общем владении сельской общины. Размеры и качество наделов с течением времени изменялись. Отсюда — периодические переделы. Например, у куршей в XIII в. они производились каждые 20 лет¹⁵⁷. И у эстов соха как поземельная мера существует издавна¹⁵⁸.

Участвуя в сборе этой дани, местный нобилитет составлял как бы промежуточное звено раннефеодально-вассальной системы. Не имея, вероятно, строго оформленных имунитетных прав (во всяком случае до принятия христианства), он фактически располагал ими. Вот почему ранние орденские и епископские акты, возлагающие на аборигенов, при посредстве «старейшин» и «нобилей», натуральный ежегодный чинш в виде сбора мукой от сохи и бороны — у куршей (Приложение, № I, ст. 1), от сохи — у сааремаасцев (Приложение, № IV, ст. 1), с гака — у земгалов (Приложение, № VII, ст. 1), едва ли вводили что-то новое¹⁵⁹. Не случайно в последнем документе подчеркнуто, что это «непременный обычай», т. е. обычай, который получил государственную санкцию завоевателей. Да и хронист Генрих писал, что русские собирали оброк (чинш, *censum*) в Латгалии «по обычаю» (*solito more*)¹⁶⁰. Он же различает дань и добычу¹⁶¹. Примечательно, что другой хронист, Герман Вартберге, говоря о подвластности земгалов Ордену, употребляет для определения ее форм уже знакомые нам термины «*censum*» и «*tributum*»¹⁶². Немецкие власти использовали уже созданную Русью систему вассального и даннического управления краем. Другое дело — повсеместное введение крестоносцами десятины, а затем и барщины.

Из сказанного можно заключить, что местный эстонский и латышский нобилитет давно участвовал в присвоении прибавочного продукта у отечественных земледельцев, получая часть дани за услуги русским сюзеренам. Это, вероятно, Варидоте, вас-

¹⁵⁷ LUB, Bd. I, № 1135: «вслед за оценкой сох, которые были через 20 лет»; см. Я. К. Земгарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). — «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1965, стр. 191.

¹⁵⁸ P. Johansen. Op. cit., S. 38.

¹⁵⁹ Ср. наблюдения Э. Тарведа об исконности и взаимном сходстве поземельных мер и единиц у народов Прибалтики (Э. Тарвел. Основы землепользования и обложения эстонского крестьянства в XIII—XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таллин, 1971, стр. 8, 47—48).

¹⁶⁰ ГЛ, XX, 5. Местное население было хорошо знакомо с драгоценными металлами, взимавшимися в виде дани. Из эстонского похода сыновья Таливальда привезли 3 ливонских таланта (сотни кг) серебра (ГЛ, XVIII, 5).

¹⁶¹ ГЛ, XVI, 2 (*sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subiugare*); XXVIII, 4, 9.

¹⁶² HW, p. 48.

сал русского князя из Ерсике¹⁶³. Присвоение было облечено в патриархальные языческие формы, когда сбор русской дани (в тех районах, где отсутствовали постоянные опорные пункты) в виде полюдья (*vakus* — у эстонцев, *pagast* — у латышей, *rasėdziai* — у литовцев) сопровождался сходками общин, советами знати «земель», вершившей суд по их праву и получавшей «угощение», «дары» и «подарки». Их следы сохранились в документах (Приложение, № VIII, ст. 12)¹⁶⁴.

Русское господство в Прибалтике опиралось на систему крепостей, которые контролировали податные округа (погосты, волости), в основном совпадавшие с древним делением земель на общины и группы общин. За терминами «*villula*», «*villa*», «*terra*», «*provincia*» скрывается нарождающаяся система политической и податной структуры, в которой *castrum* всегда центр; вокруг *castra*, как свидетельствуют ранние немецкие жалованные грамоты, лежат их *confinia*, *terra*¹⁶⁵. Понятно, что и русская правовая терминология — «суд», «право», «судья», даже «темница»¹⁶⁶ и др. — пришли к народам Прибалтики из древнерусского языка. Это была раннефеодальная вассальная система, когда жаловались не столько сами ленy, сколько дани с них.

Исподволь, незаметно местный нобилитет приобретал черты мелкого феодального служилого люда, а старинные органы общественного управления перерождались в органы раннефеодальной государственной власти.

ФОРМЫ ДОГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ

Принудительная власть, как известно, древнее государства. Она возникла из нужд управления внутри общин — была связана с потребностями организации труда, охраны личности земледельца, имущества села, защиты его прав от покушений извне. Прибалтика давно миновала этот этап развития органов общественного управления. В ней группы общин уже составляли устойчивые территориальные союзы (кихельконды, «провинции»), которые, в свою очередь, объединялись в «земли» (мааконды, *terra*). Так было в Эстонии, где насчитывалось 8 мааконд-земель¹⁶⁷, об одной из них (Поморье — Лязнемаа) знаем, что она включала 7 кихельконд¹⁶⁸; а в земле Вирумаа упомянуты 5 кихель-

¹⁶³ ГЛ, XII, 6.

¹⁶⁴ ГЛ, IX, 8; НПЛ, стр. 52, 251; ГЛ, XXI, 2; XXIX, 3 (*terrass ac provincias*).

¹⁶⁵ LGU, Bd. I, № 2 (1209 г.), 25 (1257 г.).

¹⁶⁶ Давая распоряжение карать куршей за кражи тюрьмой, комтур Гольдингена писал: «*man sulle sie die thymnitze setzen und an die helse rich-ten*», а если не поможет, то «*an die bome hengen*» (LUB, Bd. IV, № 1778, 1782 (1409 г.)).

¹⁶⁷ «История Эстонской ССР», т. I, стр. 103.

¹⁶⁸ ГЛ, XVIII, 2.

конд-«провинций»¹⁶⁹. В Латвии процесс этнической консолидации позволяет зафиксировать 5 земель — бывших племен латгалов, земгалов, селов, куршей, а также финно-угорских ливов. Земли составляли конфедерации. У куршей фиксируется давность по крайней мере пяти областей (*civitates*), согласно житию Анскария (IX в.)¹⁷⁰. То же было в Литве, где, однако, конфедерация земель перерастает в устойчивый союз князей (1219 г.), из которого рождается королевская власть сильнее-го — Миндовга (1236 г.). В Пруссии источники позволяют наблюдать деятельность конфедерации 11 земель бывшего племени и даже довольно близко присмотреться к общественно-политической структуре одной из них — Помезании.

Если носители общинной власти — старосты и им подобные по своему положению заметно не отличались от рядовых земледельцев, то руководители кихельконд, не говоря уже о людях, возглавлявших мааконды, стояли дальше от них. Эти представители общественного управления имели достаточно многообразные функции, связанные с поддержанием безопасности (строительство общинных укреплений, засек, мостов, дорог)¹⁷¹, правопорядка (суд, толкование и пополнение обычного права), внешних сношений¹⁷² (поддержание торговых¹⁷³ и военных соглашений с другими маакондами), наконец, военные и жреческие обязанности, в целом позволяющие рассматривать их как зачаточную форму государственной власти. Правящий слой предстает в источниках как титулованный, это ясно указывает на его давний отрыв от общин и позволяет видеть корни богатства, благородства, старейшинства знати в движимой и недвижимой собственности. Существенно и то, что в регионе существует территориальное деление с ясно очерченными, устоявшимися границами.

Наконец, вся эта структура входила как одно из слагаемых под вассальную юрисдикцию Руси. Здесь налицо также переплетение патриархальных форм налога, шедшего в виде даров местным нобилям, с податями и данью, которые, поступая на Русь, являлись своеобразной формой феодальной ренты. Здесь же и переплетение исконных территориальных организаций с данническими округами, подвластными древнерусским опорным пунктам. К сожалению, мы не располагаем источниками, позволяющими ближе определить правовые преимущества нобилитета как служилой части лично свободного населения региона, подвас-

¹⁶⁹ ГЛ, XXIII, 7.

¹⁷⁰ «Rimberti Vita Anskarii», cap. 30. — «Fontes saeculorum noni et undecimi historiam Ecclesiae Hammaburgensis necnon imperii illustrantes». Berlin, 1961, p. 94.

¹⁷¹ LR, S. 163, v. 7313—7316 (у куршей).

¹⁷² ГЛ, X, 1 (1206 г. — старейшины ливов отправляют гонцов в Полоцк).

¹⁷³ Там же, II, 10 («купцы, принеся дары старейшинам, спасли себе жизнь»).

сального Руси, но их существование заставляет предполагать тот факт, что нобили — наследственные собственники своих владений и должностей. Интересно, что на первых порах в эту структуру субвассалитета был включен и епископ рижский, который искал «дружбы и расположения» (*amicitia et familiaritas*)¹⁷⁴ полоцкого «великого короля»¹⁷⁵ и платил ему дань со своих ливских подданных.

Хорошо известно также, что нобилитет подвластных народов нес и военную службу Руси: действия отрядов ливов и литовцев вместе с полочанами отмечены источниками¹⁷⁶. Наличие «русских замков», вроде Кокнесе, предполагает существование и какой-то замковой повинности.

Конфедерации общин, областей, земель имели власть, достаточно прочную для осуществления внутренней функции, но весьма малоприспособленную для защиты от сильных государств; тому пример пруссы, эстонцы, латыши, чья правящая знать лишь изредка умела объединять действия многих или всех земель. Но и объединенное выступление нобилей Эстонии против Руси в 1176 г., принимая во внимание численность населения, не могло противостоять 20-тысячному войску.

Итак, перед нами догосударственный строй, подчиненный (в очень разнообразных формах и в неодинаковой мере) строю феодальному. Поэтому, наряду с русскими опорными пунктами, походами, даниями и пр., существовали многочисленные институты обычного права — это собрания (*congregatio, placitum*) старейшин земли. Мы их видели в договорах, упоминают их и хроники: у куршей на совет (*rât*) собираются *eldesten*¹⁷⁷, а лучшие дают заложников¹⁷⁸; и земгалы тоже решают *mit eime gemeinem rate* вопрос о выплате чинша (*zins*) завоевателям¹⁷⁹. Местные нобили действуют фактически как владельцы бывших общинных убежищ; курши *hatten burge gnûc*¹⁸⁰, много таких укреплений было и у земгалов¹⁸¹ и у селов. Эти замки повсеместно оказывались центрами территориальных единиц, выступавших, следовательно, в качестве окруженных селами и дерев-

¹⁷⁴ Там же, X, 1, 2.

¹⁷⁵ Там же, XX, 3; XVI, 2. С. А. Аннинский отметил, что Генрих везде именует русских князей «*geges*» (ГЛ, IX, 10; XI, 9 — кокнеского князя Вячко; XXV, 2 — ерсикского Всеволода; XV, 13 — псковского князя-изгоя Владимира Мстиславича однажды называет «*regulus*»), а иногда дает им, в частности великому князю новгородскому (XV, 8; XXI, 2; XXV, 2), князю полоцкому (XX, 3; XXV, 2) и однажды великому князю киевскому (XXVI, 1), титул «*magnus rex*» (ГЛ, стр. 455). Он, следовательно, отдавал себе отчет в русской вассальной субординации.

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 620; ср. стб. 496, 519.

¹⁷⁷ LR, S. 55, v. 2392, 2395.

¹⁷⁸ Ibid., S. 56, v. 2417—2419; ср. Vita Anskarii, cap. 30, p. 98.

¹⁷⁹ Ibid., S. 80, v. 3450.

¹⁸⁰ Ibid., S. 159, v. 6955.

¹⁸¹ «История Латвийской ССР», т. 1. Рига, 1952, стр. 85—87.

нями замковых округов¹⁸². Наиболее крупных нобилей окружают дружины — в Литве о них не раз идет речь в летописном и актовом материале¹⁸³, есть они и у ливских и латгальских нобилей под тем же наименованием «сородичи» и «друзья» (*cognati et amici*)¹⁸⁴.

Латгальский старейшина Руссин называл немецкого магистра «своим другом, то есть товарищем» (*draugum suum, id est consocium*), пишет Генрих¹⁸⁵, свидетельствуя о внедрении в среду руссифицированного прибалтийского нобилитета древнерусских социальных институтов («приятель» в древней Руси — синоним вассала) и терминов. Но если служба нобилей в отношении Руси носила государственный характер, то дружины, окружавшие нобилей, сохраняли до поры сильные патриархальные черты семейной и личной службы. Еще не сложилось единое сословие нобилей, покамест нет местного развитого вассалитета, как нет и внутренней системы налогов в пользу нобилитета.

Хронист Генрих приводит несколько свидетельств о нормах «обычного права»: так, «ежегодно по обычаю» «племена» «сходились на собрание» в одну центральную область Эстонии¹⁸⁶, впрочем, сходились не все, а нобили, которые «по обычаю», наварив меду, совещались¹⁸⁷, чинили суд¹⁸⁸, пополняли нормы обычного права. Еще отсутствуют государственные налоги в пользу местного нобилитета, но есть добровольные приношения и услуги, следы которых уцелели в актах их узурпирования немецкими господами (Приложение, № VIII, ст. 12). Заключение мира или договора подкреплялось или обменом копьями, как у ливов¹⁸⁹, или пролитием крови, как у куршей¹⁹⁰; ливы и латгалы скрепляли договор, «наступив на мечи»¹⁹¹. Господствовала кровная месть «за родителей и близких»¹⁹²; важные акты сопровождались жертвоприношениями — убивали быков и скот «в жертву своим богам»¹⁹³ (ср. Приложение, № IV, ст. 5); похороны «по своему обычаю» справляли «с плачем и пирами»¹⁹⁴; наконец, с родовыми пережитками связано и убийство детей (Приложение, № IV, ст. 4).

¹⁸² ГЛ, XI, 6; XII, 6; XIV, 9; XIX, 3; XXII, 4; XXIII, 8.

¹⁸³ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 137—138, 298.

¹⁸⁴ ГЛ, X, 5.

¹⁸⁵ Там же, XVI, 4.

¹⁸⁶ Там же, XX, 2.

¹⁸⁷ Там же, II, 8.

¹⁸⁸ Там же, IX, 5; ср. I, 10.

¹⁸⁹ Там же, II, 5.

¹⁹⁰ Там же, V, 3.

¹⁹¹ Там же, XVI, 3.

¹⁹² Там же, XIX, 3.

¹⁹³ Там же, XV, 3; XVI, 4, стр. 157.

¹⁹⁴ Там же, XII, 6.

Общественно-политическая структура региона была сложной, переходной от патриархально-общинного к феодальному строю. Основная масса земледельцев-общинников лично свободна, но уже существует слой знати по титулу, располагающей наследственной собственностью на землю, челядью и зависимыми людьми. Знать играет руководящую роль в управлении землями и их конфедерацией, но пока что не слилась в единое господствующее наследственное сословие. Еще не завершился раскол общества на феодалов и крестьян.

Эта структура осложнена славяно-балтским синтезом, длительным подданством региона древнерусскому государству (по отношению к которому земледельческое население региона выступало как зависимое, а нобили — как служилые вассалы), под чьей властью она в течение столетий развивалась и окрепла в такой мере, что породила растущую тенденцию к политической независимости Эстонии, Латвии и Литвы.

Эта структура не была единообразной. Ее ранние формы представлены в части Эстонии, более развитые — в Латвии и наиболее зрелые — в Литве, где складывается самостоятельное раннефеодальное государство. Эта незавершенная общественно-политическая структура получила свое дальнейшее развитие в Литве, где она была осложнена литовско-белорусским синтезом; в Эстонии и Латвии она была деформирована гнетом немецкого Ордена и его союзников.

Глава II

ДВЕ ФОРМЫ СИНТЕЗА

Речь пойдет о сопоставлении немецко-балтийской и балто-славянской (литовско-белорусской) форм общественного синтеза; в первом случае он — результат открытого военного завоевания союзом более развитых государств с помощью немецкого Ордена народов, не облекшихся еще в суверенные государственные формы, во втором — продукт соглашения раннефеодального Литовского государства с феодально развитыми княжествами Полоцко-Минской Руси.

НЕМЕЦКО-БАЛТИЙСКАЯ ФОРМА

Эта форма возникла в результате почти вековой войны немецкого Ордена и его союзников в Эстонии и Латвии (от появления Мейнарда в 1186 г. и до 1290 г., когда последний вооруженный отряд земгалов оставил замок Ракете и ушел в Литву¹), войны кровавой и беспощадной, поставившей под вопрос само историческое существование завоеванных народов. События войны хорошо известны. Здесь мы коснемся историко-правовой стороны вопроса. В разгар наступления немецкие власти не только истребляли враждебную им часть местного нобилитета, разоряли русские и туземные замки, убежища и деревни, грабили имущество, захватывали лучшие земли и угодья, но и старались заложить основы своей военно-административной системы.

При той общественной структуре, которую они застали, крепостносцы, узурпируя на основе божественного права (*jus divinum*) верховную собственность на землю, сохраняли в качестве господствующей формы эксплуатации оставшуюся от Руси дань с плуга, т. е. с семьи. Часть местного нобилитета перешла с русской на немецкую службу, сменив при этом православие на католичество; русских данщиков заменили немецкие. Военная колонизация сопровождалась основанием замков, монастырей, церквей и формированием бенефициев.

¹ LR, S. 261, v. 11420.

Х. М. Лиги пришел к заключению, что аллодом (alodium) в источниках этой поры назывались хозяйства-мызы (mõis) растущих феодалов, чьи владения, судя по Эстляндскому списку Датской поземельной книги (около 1240 г.), лишь в несколько раз превышали обычный крестьянский участок, размером в 1 гак². Такой сравнительно мелкий феодальный люд, не успевший оформиться в единое правящее сословие, нашел после завоевания свое место среди вассалов новых властителей края. По данным Х. М. Лиги, из 120 харью-вируских вассалов в названном источнике около 10% эстонского происхождения³. Мызники — существенный (но едва ли единственный) вид раннего земельного собственника, к которому и был применен завоевателями термин аллод⁴; об аллодистах Латвии можно судить по владениям сыновей латгальского nobilia Тальвальдиса⁵, ливов Эппеле и Каулеме⁶ и земгалов в районе Добеке и Спарнене⁷.

Приводимые здесь акты позволяют ближе присмотреться к первоначальной структуре немецко-балтийского синтеза, к его решительно и быстро растущей феодально-крепостнической сущности.

Начнем с оброков. Из хроники Генриха мы знаем, что с часті ливов первоначально ежегодно взыскивали «полталанта ржи с плуга»⁸, т. е. около 96 кг ржи с гака. Здесь и ниже при определении норм повинности я руководствуюсь метрологическими выводами, содержащимися в ценном исследовании Э. Тарвела⁹.

² Соха (латинск. — *uncus*, *aratrum*; немецк. — *haken*) — площадь пахотной земли, обрабатываемая одной сохой или одной бороной, т. е. одной лошадей; в более позднее время равнялась 9—10 га (Я. К. Земгарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XVI вв.). — «Проблемы источниковедения», т. IV. М., 1955, стр. 190—191, 195). Согласно новейшему исследованию Э. Тарвела, соха равнялась 6—10 га (Э. Тарвел. Основы землепользования и обложения эстонского крестьянства в XIII—XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таллин, 1971, стр. 48).

³ Х. М. Лиги. Феодальные повинности крестьян в Эстонии (до начала XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Таллин, 1968, стр. 6.

⁴ F. Bunge. Das Herzogtum Estland unter den Königen von Dänemark. Gotha, 1877, S. 361—367.

⁵ H. Laakmann. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit. — «Berichte zur Kunde Estlands», Bd. 18, H. 2. Reval, 1933, S. 83—84.

⁶ LGU, Bd. I, № 21 (1252 г.), 42 (1289 г.); LUB, Bd. I, № 529 (1289 г.).

⁷ LUB, Bd. I, № 432 (1272 г.).

⁸ ГЛ, X, 13 (1206 г.); ср. II, 7 (1198 г.) — «меру хлеба с плуга».

⁹ E. Tarvel. Adramaa. Eesti talurahva maakasutuse ja maksutuse alused 13.—19. sajandil. Tallinn, 1970, p. 58—59, 60—61, 67, 74—77, 123, 161—162 (докторская диссертация, хранящаяся в Научной библиотеке Академии наук ЭССР). Привошу глубокую благодарность Э. Тарвелу, ознакомившему меня с результатами своих исследований. Согласно его наблюдениям, основанным на большом сравнительно-историческом материале, можно считать (разумеется, приближенно, особенно используя нормы веса, а не объема), что 1 рижская пюра равнялась 48 кг, 1 модий начала XIII в. — 35,6 кг.

Несколько позднее с других ливов по их настоянию вместо десятины стали брать 1 модий, т. е. около 35,6 кг зерна с каждого коня¹⁰; с латгалов примерно в то же время собирали по одной мере хлеба с двух коней¹¹. В дошедших договорах видим не только распространение в самой общей форме власти епископа на куршей (Приложение, № II, ст. 2), но и признание ими христианства и обеспечение священников «всем необходимым» (Приложение, № II, ст. 1). Договор, заключенный в голодном 1230 г., устанавливает повинности, наследственно возложенные на куршей, в размере половины шиффунта, т. е. около 83 кг, уже не зерна, а муки тонкого помола с каждой сохи и с каждой бороны (Приложение, № I, ст. 1). Источник позволяет заключить, что владелец двух лошадей вносил около 166 кг муки, так как в следующей статье сказано, что имеющие одну и ту же лошадь и в сохе, и в бороне поставляют полшиффунта муки. Это много больше оброка, который поступал с ливов и латгалов; сохраняется и обязанность обеспечивать «жизненные нужды» духовенства (ст. 3). Видимо, размеры оброка колебались в зависимости от политической конъюнктуры.

Когда в 1241 г. в разгар немецко-датского похода на Русь сааремаасцы восстали и перебили рыцарей и духовенство, а епископ Генрих едва спасся, магистр Андрей фон Вельфен поспешил заключить с ними мир и «даровал им некоторые права и вольности» (*quedam jura et libertates*)¹², как сказано в хронике Германа Вартберге. Среди этих «прав» мы видим чинш, равный половине пунта, т. е. около 90,8 кг муки тонкого помола с каждой сохи, с доставкой (или без доставки) ее в хранилище (Приложение, № IV, ст. 1). Вновь укреплялись, видимо, подорванные владения церкви, ибо сааремаасцы обязывались давать ей установленное, что «обычно давали» прежде (Приложение, № IV, ст. 8). Поборы в пользу духовенства были немалые, если вспомним, что «синодальное зерно» в Тартуском епископстве в 1242 г. взималось с сохи в размере одного кюльмета солода и овса, полкюльмета ржи, четверти кюльмета пшеницы, полкурицы и одной двадцатой воза сена¹³.

В новом договоре с куршами (1267 г.) чинш с сохи составлял два лопа (две пурь), т. е. около 96 кг ржи (Приложение, № VI, ст. 3). Это больше, чем побор с сааремаасцев, и больше, чем

1 шиффунт (пунт, талант) = 2 бочкам = 4 рижским пурам (ячменя) = 167,5 кг; но 2 пурь ржи = 96 кг, сааремааская пура = 53 литрам и 1 талант в Сааремаа = 181,6 кг; 1 рижский фунт = 418,821 г; 1 ливонский фунт = 20 рижских фунтов = 8,3 кг; 1 кюльмет в Тарту = 13,4 кг.

¹⁰ ГЛ, XV, 5 (1211 г.).

¹¹ Там же, XVIII, 3 (1214 г.).

¹² HW, t. II, p. 38.

¹³ LUB, Bd. I, № 173; см. также А. Вассар. Эстония в период феодальной раздробленности. — «История Эстонской ССР», т. I. Таллин, 1961, стр. 194.

брали с куршей в 1230 г. В этой же статье уточнено, что если у куршей не будет ржи, то они могут вносить один лоп пшеницы и один — ячменя; в договоре определен и минимальный возраст лошади (4 года), с которой собирался оброк (ст. 4).

Здесь впервые встречаемся с новым явлением, которого в пору русского управления не было и которое составит в дальнейшем экономический стержень «европейской культуры», принесенной немецкими феодалами в Латвию и Эстонию, — это барщина. В договоре читаем, что каждый, засевающий поле на рыцарей, должен работать на нем 4 дня в году (ст. 5); на куршей возлагается также достаточно обременительная (в течение месяца за свой кошт) строительная замковая повинность (ст. 6). Немецкие господа живут еще главным образом потребительским хозяйством, и потому размеры отработочной ренты невелики.

Наконец, и договором с земгалами (1272 г.) после их упорного сопротивления чинш был определен в размере 2 лопов (2 пур) рижской меры, т. е. около 96 кг с сохи, один — рожью, другой — ячменем (Приложение, № VII, ст. 1). Примечательно, что при большом разнообразии мер норма натуральной повинности зерном для всех земель Прибалтики более или менее сходна. Видимо, связи между нобилитетом этих земель были достаточно прочными, и они, ссылаясь на прецедент, на первых порах могли ограничить алчность захватчиков.

У земгалов барщина тоже делается больше и разнообразнее: она составляет от сохи 4 дня в году со своей телегой, причем все работоспособные того же хозяйства должны трудиться на заготовке сена и дров; последних без твердой нормы (ст. 2). При неисполнении зернового чинша натурой он возмещался деньгами в размере за каждый лоп 2 артуга¹⁴⁻¹⁷, или 2 мордки, или 8, видимо, серых беличьих шкурок (ст. 3); замковая и дорожная повинности, разумеется, сохранялись (ст. 4).

И, наконец, установление (уже не договор) для сааремаасцев (1284 г.). В нем видим десятину и денежную (Приложение, № VIII, ст. 1) и барщинную (ст. 8). С сохи взимается высокий денежный чинш размером в 2½ марки (ст. 2), что, вероятно, связано с торговыми возможностями жителей острова; барщина на своих быках равна трем дням (1 день пашни и 2 дня жатвы) в год (ст. 4); с каждой сохи шла курица (ст. 3), поставлялось сено (два воза с семьи, имеющей косца) (ст. 5), сажень¹⁸ дров (ст. 6), крепкая брага (ст. 7); замковая повинность выполняется и на государство, и на церковь, и на господина (ст. 9); сверх то-

¹⁴⁻¹⁷ Артур (artog, arting) — мера веса, равная 1/24 марки (Я. К. Земзариус. Указ. соч., стр. 209). Марка (marck) — мера веса, равная около 207 г серебра (там же).

¹⁸ Сажень (немецк. — faden, raden) — мера длины от 150 до 185 см (там же, стр. 186); в тексте назван и локоть (латинск. — cubitum), приблизительная мера длины — от 44 до 61 см; с XVII в. — 53,75 см (там же, стр. 183, 186).

го, военная повинность (ст. 10) и, наконец, «добровольные» приношения господам в виде оброков (*servitum*) и даров (ст. 12). «Подарки» отнюдь не мелочь: рыцарь Годфрид, будучи судьей у ливов, «собрал массу денег и подарков»¹⁹. Мор и голод обрушились тогда на этот цветущий некогда край; даже хронист Генрих понимал, что «голод и смертность» — результат войн²⁰.

Так утверждал себя «особый порядок», таковы его первые шаги от натуральной дани к продуктовой ренте, денежному оброку, регламентированной полевой и неограниченной строительной и подводной барщине. Правовой формой этих норм были издавна известный чинш (*census*) и вновь введенная десятина (*decima*).

Источники позволяют составить представление и об утверждении иноземного судопроизводства, видимо, также шедшего по стопам русского. Прежде всего было узурпировано местное «мирское право» (*ius seculare*), охватывавшее сферу личных и имущественных отношений неопитов — «насилия, грабежи, кражи»²¹; вначале право суда в отдельных землях, а затем, по мере их завоевания, и между землями²². Источники намекают на церковные земельные владения с первых же лет вторжения и завоевания²³, и затем церкви шли «доходы с хлеба и с полей»²⁴. Первоначально, пока светский суд вершили ставленники епископа, судопроизводство, по мнению его апологета хрониста Генриха, шло гладко, а «позднее по всей Ливонии и Латгалии и Эстонии все было испорчено действиями разных гражданских судей-мирян, которые, выполняя судейские обязанности, больше заботились о наполнении своих кошельков, чем о божьей справедливости»²⁵.

Соппротивление народов, существование давних русско-прибалтийских общественно-политических форм, да и само соседство Руси и Литвы вынуждали церковь призывать немецкие власти к известной осмотрительности. «Представьте очами мысли вашей жестокою смерть тех, что были тяжелым бременем для подданных» дева Марии, остерегал крестоносцев хронист Генрих; ведь она радуется «не большому оброку, какой обычно платят новообращенные, не деньгами она умиливается, что

¹⁹ ГЛ, XI, 4 (1207 г.).

²⁰ Там же, XV, 7, 11.

²¹ Там же, X, 15; ср. Приложение, № VIII, ст. 12.

²² Там же, XII, 6.

²³ Там же, I, 10 (1186 г.) — помощник Мейнарда владел полями; ущерб от угона коней и необработки полей оценен в сумму менее 200 марок — II, 9 (1198 г.); священники разграничивали свои приходы — X, 14.

²⁴ ГЛ, XXVIII, 9.

²⁵ Там же, X, 15. О подлинной политике церкви см.: А. Д. Ролова. Послевоенная буржуазная историография о роли церкви и религии при завоевании Прибалтики в XIII в. — «Ученые записки Латвийского гос. университета им. П. Стучки», т. 82. Исторические науки, вып. 5. Рига, 1967, стр. 20—39.

отнимают у них разными поборами»²⁶. Осторожно, исподволь осуждая судебную деятельность соперников епископа, орденов рыцарей и датчан, собиравших двойные и тройные оброки²⁷, хронист свидетельствует, что во время восстания эстонцы в Саккале в первую очередь перебили немецких рыцарей — судей и их слуг, а одного из судей, Гебба, даже зажарили на огне²⁸.

Среди фогтов — судей рижского епископа был одно время (в 1212—1214 гг.) и тесть его брата, бывший псковский князь Владимир Мстиславич²⁹, который в земле ливов и латгалов, вероятно, привычно выполнял те же функции, что прежде судебные агенты русских наместников в Тарту или Ерсике. Но вассал он был строптивый — еще в 1213 г., оставив свое фогство, уходил на Русь, затем, вернувшись, вновь судействовал, с тем чтобы в 1214 г. окончательно воротиться на Русь. С собой он прихватил епископского брата и позднее вместе с новгородцами воевал против Риги. Нужно ли удивляться тому, что хронист Генрих осуждает и его действия, говоря, что он «пожинал многое, чего не сеял», что местные жители держали его «без большой радости», что он накомил «вещей и денег, будучи судьей в гражданских делах», и что местный священник Алебранд укорял его за стяжательство. Князь Владимир Мстиславич ничем не отличался от своих немецких собратьев-фогтов.

Удивляться нужно другому, что М. Хеллмани, игнорируя сведения хрониста о немецких судьях, представил русского судью как некое порождение не знавшей европейского правопорядка Руси. Он пишет: «Этот случай бросает яркий луч на различие понимания задач фогства русским и немцем. Для русского главным были оброки, которые он использовал для своего содержания. При этом он вершил и суд, но не в соответствии с немецкими представлениями о нем..., а согласно собственному усмотрению, невзирая на строгие процессуальные правила, которые само собой разумелись с немецкой точки зрения, а все потому, что подобные правила в русском праве средневековья существовали лишь в начатках. Да и оброки, которые требовали немцы, были ограничены и отличались от даней, взимавшихся русскими»³⁰. Эти мысли о русском князе показались М. Хеллманну столь заслуживающими внимания, что он вернулся к ним в специальной статье³¹, в которой бедный Владимир Мстиславич служит уже

²⁶ ГЛ, XXV, 2 (1221 г.); ср. о тяжести ига рыцарей — XXIX, 3.

²⁷ Там же, XXIV, 7.

²⁸ Там же, XXVI, 6—7.

²⁹ Сведения о деятельности Владимира Мстиславича см.: там же, XV, 13 (1212 г.); XVI, 1; XVI, 7; XVII, 4 (1213 г.); XVII, 6; XVIII, 1, 2 (1214 г.); XX, 3, 7—8 (1216 г.); XXI, 1—2 (1217 г.); XXII, 2, 4 (1218 г.).

³⁰ M. Hellmann. Das Lettenland im Mittelalter. München — Keln, 1954, S. 218—219.

³¹ M. Hellmann. Probleme des Feudalismus in Russland. — «Studien zum mittelalterlichen Lehenwesen». Konstanz, 1960, S. 235—258.

для доказательства отсутствия и феодального вассалитета на Руси.

Договор 1241 г. свидетельствует, что сперва суд фогта на Сааремаа действовал раз в год «от [имени] совета старейшин» (Приложение, № IV, ст. 3), которые некогда судили самостоятельно. Более точная регламентация суда появилась в договоре 1255 г., где определены сроки ежегодной деятельности фогтов — от дня св. Михаила (29 сентября) до Великого поста, т. е. около половины года, а в остальное время жители «пользуются в суде своим правом» (Приложение, № V, ст. 7). В отличие от Сааремаа суд фогтов у земгалов (1272 г.) производился «по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии» трижды в году (Приложение, № VII, ст. 5). Здесь фогты были столь же ненавистны, как и в других местах, — во время восстания земгалы изгоняли их из страны³².

Договоры хранят материал о внедрении немецкого права во все сферы жизни завоеванных. На Сааремаа новое светское уголовное право (1241 г.) взяло на себя кару за человекоубийство — 10 марок серебра (Приложение, № IV, ст. 7) и отдельно за убийство мальчика — 3 озеринга³³ (ст. 4); церковное право карает полумаркой штрафа за жертвоприношение (ст. 5) и за нарушение поста (ст. 6). В договоре с куршами (1267 г.) определяются сроки иска при ограблении (Приложение, № VI, ст. 13), размеры имущественной ответственности при краже (ст. 2) и займе (ст. 12), формы иска при ограблении за Двиной и за морем (ст. 13), а также устанавливается контроль Ордена над ограниченным береговым правом: $\frac{1}{3}$ имущества нашедшему его на берегу (ст. 10) и половина — в море (ст. 11).

Ливонская Правда содержит статьи, «приучающие» подвластных к новому суду: за неявку в суд виновный карался 1 маркой штрафа (ЛП I, ст. 23), в другой редакции уточнено, что неявка истца в суд освобождает обвиняемого от иска (ЛП II, ст. 20); позже появляются статьи, уточняющие ответственность свидетеля (ЛП III, ст. 36), устанавливающие кару в одну марку за необоснованный иск (ЛП III, ст. 44) и за новое возбуждение дела, уже решенного господами (ЛП III, ст. 43). Что касается собственно крестьянского права, то тут все ясно: за кражу господской десятины — ответственность «шеей» (ЛП III, ст. 17).

Наконец, несколько слов о военной повинности, непременно упоминаемой договорами и установлениями. Подобно судебной, она внедрялась с помощью штрафов и насилий: с ливов и лат-

³² LR, S. 120—121, v. 5246—5259.

³³ Озеринг (oszering) — мера денежного счета, равная полумарке или 8 лотам серебра (L. Arbusow. Die ältlivländischen Bauerrechte. — «Mitteilungen aus der livländischen Geschichte», Bd. 23. Riga, 1924—1926; S. 33).

галов взимался за уклонение от участия в походе немалый штраф — 3 марки с человека³⁴; хронист определенно говорит, что немецкие власти собирали новых подданных на войну, «угрожая пеней не явившимся и действуя страхом»³⁵. В раннем договоре с куршами (1230 г.) относящаяся сюда статья изложена в виде указания на то, что «походы против язычников» они участвуют (Приложение, № II, ст. 5); в предыдущем же договоре ясно утверждается, что курши «выступают вместе» с рыцарями против язычников (№ I, ст. 4). Военная повинность сааремаасцев на суше и на море (№ V, ст. 8) подтверждена и позднее (№ VIII, ст. 10); в других договорах о ней речи нет, тем не менее она разумеется сама собой из общей ситуации зависимости.

Так внедрялась в Восточной Прибалтике немецкая форма феодального строя, зарождались и развивались те социальные и национальные противоречия, которые привели Орденское государство к краху через 300 лет после его возникновения. Исторические судьбы эстонцев и латышей сложились своеобразно: они были независимы на ранних ступенях первобытнообщинного строя; раннефеодальный период, характеризующийся натуральной и денежной данью, они пережили в русской политической форме, период развитого феодализма, характеризующийся ростом барщины, — в форме немецкой, особенно жестокой уже потому, что немецкие феодальные колонии были вынесены за пределы Германии и, как лишенные хинтерланда, утверждали свое господство варварскими методами угнетения. Способ завоевания и немецко-балтийский симбиоз определялись в конце концов способом производства, господствовавшим в столкнувшихся странах. Это становится особенно очевидным, если мы сопоставим с ним установление литовского господства в землях Белоруссии.

БАЛТИЙСКО-СЛАВЯНСКАЯ ФОРМА

Если немецкий Орден грубо деформировал раннефеодальный общественный строй народов Прибалтики, а в Пруссии уничтожил даже самую народность, то распространение литовской власти на древнерусские земли вело к существенно иным результатам.

В пору образования Литовского государства (1219—1341 гг.) выяснилось, что его ядро — Аукштайтия — не имело достаточных экономических и политических сил для прочного подчинения белорусских и украинских земель. Но феодалы этих более развитых, чем Литва, земель, напуганные завоеваниями монгольской Орды и немецкого Ордена, пошли на сговор с литов-

³⁴ ГЛ, XI, 5 (1207 г.), стр. 111.

³⁵ Там же, XIV, 10 (1210 г.).

скими феодалами. В его основу был положен традиционный на Руси принцип договора-«ряда».

Превращение небольшого Литовского государства в Литовское великое княжество в результате присоединения древнерусских земель стало возможно лишь при условии признания широких иммунитетных прав за местным боярством; не происходило существенного перераспределения и ломки форм собственности, которые характеризуют, например, централизаторскую политику московского правительства. Именно боярство решило судьбу не только белорусских, но и украинских земель, а также смоленских городов и важных новгородских пригородов. Его поддержка обеспечила успех литовскому правительству. Произошло это далеко не сразу. Вначале здесь появлялись литовские князья — вассалы Руси — со своими дружинами, защищавшие эти земли от посягательств немецкого Ордена и других противников. Затем, с дальнейшим ослаблением Руси вследствие татаро-монгольского нашествия и ига, они оказывались уже вассалами Литвы, содействуя включению в ее состав своих земель³⁶.

Устанавливается влияние Литвы на Киев, Тверь, Вязьму, Дорогобуж; смоленский князь превращается в «молодшего брата» литовского великого князя³⁷; литовский ставленник занимает псковский стол; литовский князь получает в держание от Новгорода пригороды Ладогу, Ореховый, Корелу, половину Копорья и Корельскую землю³⁸.

Поделившись рентой с литовским господствующим классом, феодалы древнерусских земель входили в его состав. Формы этого вассалитета определялись конкретными обстоятельствами. Это было отнюдь не слияние бессловных народов, как утверждала старая дворянско-буржуазная наука, а синтез раннефеодальных институтов незавершенного феодализма коренной Литвы с более развитыми институтами феодально-раздробленного строя подчиненных ей нелитовских земель.

Последнее в Европе языческое государство — Литва — возникло на том этапе ее общественного развития, когда община уже в значительной мере превратилась в село, состоящее из свободных земледельцев-аллодистов, давно поделивших *ager publicus*. Поэтому здесь не могло произойти узурпации общинной знатью и позднее государством сколько-нибудь значительных участков коллективной паши и установления в широких рамах барщинных форм эксплуатации крестьян. Аналогичное явление по тем же причинам наблюдалось и на первых этапах немецкого господства в Эстонии и Латвии. Мы видим в Литве натуральное дьякло (овсом, рожью, сеном), идущее, на-

³⁶ В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 392—393.

³⁷ НПЛ, стр. 98; LUB, Bd. II, № 796.

³⁸ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 394.

ряду со сребщицей, на содержание великокняжеского домениального двора и органов его власти, творящих суд при периодических объездах страны; в барщинной форме существовали сервисы — замковая, дорожная, подводная, военная повинность.

В Литве наблюдается длительное существование лично свободного крестьянства, подчиненного великому князю. Крупное местное боярство относительно невелико, иммунитетные права его ограничены. Из рядов лично свободных крестьян правительство до поры вербовало мелкий служилый люд — рядовое боярство, опору монархии. Существенно и то, что до унии этнографическая Литва не знала сколько-нибудь развитого церковного землевладения, составлявшего в некоторых раннефеодальных странах обширные пространства культурных земель; с ними не могли идти в сравнение земельные владения жречества. Это, кстати говоря, облегчало сотрудничество литовского правительства с сильной православной церковью, которую немецкий Орден и папский универсализм пугали гораздо больше, чем издавна известные «поганные» союзники.

Союз был обоюдовыгоден. Он позволял литовским великим князьям сохранять земельный фонд коренной части страны, жалую крупным вассалам-князьям, а позднее боярской знати земли на Руси. Начало этому положил еще Миндовг; захватив давние владения некоторых жемайтских князей, он пожаловал им в держание земли, которые они сумеют приобрести на Руси, сказав: «Што хто приемень — собе держить»³⁹. Этого рода свободные бенефицианты, шедшие на смену аллодистам, были, однако, ограничены самими общественными отношениями и политическим строем этнически инородных земель. Характер же аграрного строя Литвы не создавал еще резерва для колонизации славянских земель, особенно в условиях двухсотлетней борьбы с Орденом за Жемайтию⁴⁰.

Остается важной исследовательской задачей определение конкретных форм эволюции славянской общины, классов крестьян и феодалов под властью Литвы в XIII—XIV вв. Здесь мы можем лишь указать на общие предпосылки и результаты этого сложного процесса. Знакомясь с источниками, характеризующими общественную жизнь славянских земель под властью Литвы, мы прежде всего обнаруживаем, что соглашения с литовским правительством полоцкого, а позднее волинского и смоленского боярства носили традиционную форму «ряда»⁴¹, гарантировавшего сохранение «старин», т. е. преж-

³⁹ ПСРЛ, т. II, стб. 815.

⁴⁰ В. Т. Пашуто. Указ. соч., стр. 311—312.

⁴¹ О ряде см.: В. Т. Пашуто. Черты политического строя древней Руси. — А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто и др. Древнерусское государство... М. 1965, стр. 34.

де всего привилегий правящего феодального сословия, однако при известных ограничениях его финансовых, военных, внешне-торговых и внешнеполитических функций в пользу нового литовского верховного сюзерена. Источники XIII в. свидетельствуют, что, когда правительство Тройната посадило в Полоцке «свой князь», сделано это было по «ряду», ибо полочане тогда с Литвой «мир взяша», а в боярском совете при полоцком литовском князе сидели русские бояре-«думцы»⁴². Местная «старина» подтверждалась и охранялась уставными грамотами и господарскими листами⁴³. Понятно поэтому сходство литовских уставных грамот с договорами Новгородской республики с князьями⁴⁴.

Мысль о поддержке боярства — главная во всех привилеях, начиная с самых давних, которые, к сожалению, не дошли, но судить о них мы в некоторой степени можем. И. Якубовский отметил, что витебский 1503 г.⁴⁵ и полоцкий 1511 г.⁴⁶ привилей в древней части восходят к жалованным грамотам Витовта 90-х годов XIV в., которые, в свою очередь, генетически возникли из договоров полочан с князьями. Он условно выделил, в частности, 11 древнейших статей, которые отражают если не первый известный ряд полочан с русскими князьями (1151 г.)⁴⁷, то их ранние (50—60-х годов XIII в.) договоры с Литвой.

Можно спорить, справедливо ли выделение тех или иных статей, но одно ясно, что привилей, как и древнерусские ряды, подтверждают своего рода коллективный иммунитет полоцких (и витебских) светских и духовных феодалов. Привилеем охраняются «дом» св. Софии, полоцкие земли, в том числе купле-нины, безотщины и отумерщины; защищаются права местного суда; подтверждается свобода от подводной повинности и т. п. Это привилей прежде всего для господ, и в нем находим статью, восходящую к Русской Правде (РП Пр., ст. 66): «А холопу и робе веры не няти».

О месте Белоруссии в общественно-политической структуре Литовского великого княжества можем судить по тому, что, например, торговый договор 1338 г. с Орденом подписан Гедимином с согласия его сыновей, литовских бояр, полоцкого епископа, полоцкого и витебского князей и самих этих городов⁴⁸.

⁴² ПСРЛ, т. II, стб. 860—861; ср. РЛА, № 25а.

⁴³ А. С. Грушевский. Города Великого княжества Литовского в XIV—XVI вв. Киев, 1918, стр. 4.

⁴⁴ М. Ф. Владимирский-Буданов. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868, стр. 119.

⁴⁵ АЗР, т. I, № 204.

⁴⁶ Там же, № 70.

⁴⁷ И. Якубовский. Земские привилей Великого княжества Литовского. — ЖМНП, 1903, № 6, стр. 263—265, 296.

⁴⁸ «Послания Гедимины». Подг. к печати В. Т. Пашуто и И. В. Шталь. Вильнюс, 1966, № 18, стр. 194.

Епископ назван тут не случайно: в начале XIV в. мы видим полоцкого епископа Якова в роли вассала великого князя Витебского⁴⁹; православный литовский митрополит Феофил (1317—ок. 1330), находясь в подвластном Гедимину Новгородке, располагал недвижимыми имуществами и доходами с них⁵⁰, которые захватил Любарт-Дмитрий Гедиминович; позднее, в 1378 г., митрополит Киприан в послании игумену Сергию, перечисляя свои дела в Литве, писал: «Новый город литовский давно отпал, и яз его оправил и десятину доспел к митрополии же и села»⁵¹. И в этом центре белорусское боярство и князья группировались вокруг ставленника литовского правительтва как полноправная часть правящего сословия, санкционируя акты князя Корибута (1338 г.)⁵². Вассальную службу в Литве белорусских феодалов отлично представляет псковский наместник «по ряду» городенский воевода Давыд⁵³ — грозный враг немецкого Ордена. Он владел землей на правах лена как кастелян (*castellan-burcgrêve*)⁵⁴; он «особо близкий друг» Гедимины⁵⁵.

Еще более ясное представление о белорусско-литовском общественном синтезе позволяет составить договорная грамота Ягайлы со Скиргайлом (от 28 апреля 1387 г.)⁵⁶, которая отражает отношения, сложившиеся на протяжении XIII—XIV вв. В грамоте перечислены белорусские земли, с которых шли доходы в пользу Скиргайлы. Здесь назван Минск «и со всеми людьми, и с землею, и со всякою пошлиною, и с доходом, и князи служебные» (последние — вассалы Скиргайлы). Видимо, на тех же условиях получил Скиргайло и Полоцк («што еще отец ему уделил, також и мы ему даем»). Грамота упоминает далее Бобруйск и волость Свислочь «с данью и с землею и с людьми и со

⁴⁹ РЛА, № 38.

⁵⁰ В. Т. Паиуто. Образование Литовского государства, стр. 321.

⁵¹ Послание митрополита Киприана от 25 июня 1378 г. см.: «Православный собеседник», Казань, 1860, ч. 2, стр. 97; о литовско-русской церковно-политической борьбе в Полоцке и Турове см.: Н. Д. Тихомиров. Галицкие и литовские митрополиты XIV и XV вв. и отношение к ним епископов Полоцкой и Туровской епархий. — «Труды Витебской ученой архивной комиссии», кн. 1. Витебск, 1910, стр. 1—17.

⁵² «*Archiwum książąt Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie*», t. I. (1366—1506). Lwów, 1887, № 9, str. 9.

⁵³ ПЛ, вып. 1, стр. 16; НПЛ, стр. 97.

⁵⁴ РД, III, 349 (1324 г.).

⁵⁵ «Послания Гедимины», № 7, стр. 62.

⁵⁶ J. Jakubowski. Opis Księstwa Trockiego z roku 1387. — «Przegląd Historyczny», roczn. VI, zes. 1, 1907, str. 44—46. В публикации И. Якубовского, наряду с верными поправками к изданию И. И. Срезневского (см. «Древние памятники русского языка и письма», изд. 1. СПб., 1863, стр. 266—267), имеются и многочисленные неточности (ср. «Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в.». Под ред. А. И. Соболевского и С. Л. Пташничкого. СПб., 1903, л. 14). Копия грамоты хранится в Рукописном отделении Библиотеки АН СССР в Ленинграде (шифр — 4.6.44).

всеми доходы», а также Речицу, Любечно, Любошаны, Игумен, Логожск, Пропощек, причем с последнего шла «дань серебряная». Относительно «Логоской дани, людей и всего дохода», что прежде (до 1387 г.) «Войшвилт держал», сказано, что дань эта, со всем к ней относящимся, была пожалована церкви монастыря св. Иоанна, и потому уточнен состав доходов: «что ни есть дохода, дань серебряная, бобры, белки и лукна вся и люди вси». В числе пожалований Скиргайле есть несколько сел, в частности, село Лебедево и «што к Лебедеву тягло и тягнет» и т. п.

Как видим, литовское правительство управляло Белоруссией через своих князей-вассалов, под которыми сидели служебные князья. Налицо феодальная иерархия. Акт 1387 г. рисует нам в традиционных местных формах феодальную эксплуатацию белорусских земель, крестьянство которых «тягло и тягнет» к городам и крупным селам; крестьяне жалуются вместе с землей, доход состоит из даней (в том числе денежных, меховых, медовых) и т. п.

Эта грамота, как и привилеи виленским церковникам (1387 г.), упоминающие старинные славянские формы повинностей (полюдье, уставное лукно, конокормцы, язь и т. п.)⁵⁷, достаточно характеризуют тесную взаимосвязь литовских и белорусских общественных и правовых отношений. И позднее за терминами, обозначающими сословные группы Лудкой земли (1392 г.), угадывается прежняя сословная структура: с одной стороны — знать — *barones, milites, boyari, nobiles*, с другой — *clientes* и *famuli*⁵⁸.

М. Ф. Владимирский-Буданов, сам того не подозревая, собрал материал о феодальной собственности на землю и формах иммунитета XV в. на подвластных Литве славянских землях. Эти формы характеризуются пожалованием угодий, населенных крестьянами; тут видим древние термины — след, двор, село, селце, слобода, волость, монастырь; наблюдается передача князьям уделов — в пожалование, боярам — волостей — в держание с различной полнотой прав и повинностей⁵⁹. То же — в других землях. М. В. Довнар-Запольский, изучив права украинских и русских земель по уставным грамотам XVI в., хранящим глубокие следы старины, вопреки своим намерениям, обнаружил широкое развитие иммунитета, включая экономические (владение, завещание, наследование) и судебные права. Он пришел к выводу, что Литовское великое княжество сохранило «все

⁵⁷ «Kościoł zamkowy czyli katedra Wileńska (Zróżła historyczne)», cz. 2, ed. J. Kurczewski. Wilno, 1910, p. 11.

⁵⁸ М. Ф. Владимирский-Буданов. Очерки по истории литовско-русского права, вып. 1. Поместья Литовского государства. — «Чтения в Обществе Нестор-летописца», кн. III. Киев, 1889, стр. 6—7.

⁵⁹ Там же, стр. 16—17.

главнейшие черты удельно-земского строя древнерусской истории»⁶⁰.

В Белоруссии литовские князья-вассалы сидели в окружении своей дружины, местного боярства (оно, а не литовское боярство выступает во всех договорных документах этой поры рядом с литовскими князьями белорусских земель), церковной знати и мужей градских. Старая структура власти (земли, княжества, волости и пр.), как это подтверждают гродненские материалы XV в., осталась неизменной⁶¹. Территория Белоруссии была в несколько раз больше литовской. Местная знать была привлечена к решению важных вопросов внешней политики (переговоры с папством в 1324 г.)⁶² и торговли (договор 1338 г.), она влияла на решения великого князя и по другим политическим вопросам; русская знать несла и дипломатическую службу вместе с литовскими дипломатами⁶³; она, в свою очередь, служила великому князю и с литовских земель (как свидетельствуют русские имена держателей). Вместе с ней в литовское делопроизводство входило русское право⁶⁴, русский язык, он проникал и в геральдику. Но все это служило власти, в первую очередь, литовского правящего сословия. Следовательно, перед нами неравноправная федерация. В состав Литовского государства постепенно включались полоцкие, витебские, минские, чернорусские, полесские и подляшские земли Белоруссии. Включение Белоруссии в состав Литвы облегчило борьбу литовского народа за независимость против немецкого Ордена. Несомненна и его заслуга в освободительной борьбе народов Восточной Европы с Золотой Ордой⁶⁵.

Укрепление Московского великого княжества при Иване Калите открыло начало коренных изменений в политическом положении Восточной Европы. В этих новых условиях насильственное распространение власти литовских феодалов на белорусские, украинские и русские земли постепенно превратилось из источника силы Литвы в источник ее слабости. Заря национального государства в России возвестила начало заката экономически и политически, культурно и этнически разнородного Литовского великого княжества.

⁶⁰ М. В. Довнар-Запольский. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах, т. 1. Киев, 1901, стр. 35, 84.

⁶¹ М. Ф. Владимирский-Буданов. Крестьянское землевладение в Западной России до половины XVI в. — «Чтения в Обществе Нестора-летописца», кн. VII. Киев, 1893, стр. 14—15.

⁶² LUB, Bd. VI, № 3073, p. 482.

⁶³ «Послания Гедимины», № 17, стр. 178.

⁶⁴ См. «Судебник Казимира (1468 г.)». Изд. Ю. М. Юргинис. Вильнюс, 1967. Он генетически неразрывно связан с литовским обычным и с древнерусским правом. Изучение этого судебного — назревшая задача.

⁶⁵ Р. Батура. Борьба Великого княжества Литовского с Золотой Ордой. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1971.

Договоры немецкого Ордена и его союзников с куршами, земгалами и сааремаасцами 1230—1284 гг.

Текст грамот воспроизводится по LUB, Bd. I, № 103—105, 169, 285, 405, 430, 490 с учетом более исправного издания грамот № I—V в серии «Sēnās Latvijas vēstures avoti izdevis A. Švābe», t. 1—2. Rīga, 1937—1940, № 161—163, 245, 422.

При переводе документов № IV и VIII приняты во внимание некоторые конъектуры в издании: L. Arbusow. Geschichte und Verfassung des Bistums Osel bis zur Mitte des XIV Jh. Riga, 1934.

Грамоты VI—VII переведены В. Т. Пашуто. Его же редакция перевода всех публикуемых грамот.

Автор благодарит кандидата филологических наук И. В. Шталь, взявшую на себя труд перевести с латинского языка несколько весьма интересных грамот XIII в. (№ I—V, VIII), сопроводив их необходимыми филологическими примечаниями, и доктора исторических наук В. В. Дорошенко, любезно согласившегося написать к документам № I—III топонимический комментарий, снабдив его картой. Весьма признателен он также профессору З. Энперлейну (Берлин, ГДР) за ценные советы, относящиеся к переводу старонемецких документов.

№ I. 1230 г. ранее декабря. — Немецко-куршский договор

Conventus sancte Mariae in Riga, fratres milicie Christi, ratmanni ceterique burgenses Rigeni[ses] universis Christi fidelibus, ad quos presens scriptum pervenerit, salutem in vero salutari.

Notum sit omnibus futuris et presentibus, quod cum Curonibus de locis, quorum hec sunt nomina: Rende, Walegalle, Pidegalle, Matecule, Wane, Pure, Ugesse, Candowe, Anses, talem fecimus compositionem, cum se offerrent ad subeundum iugum christianitatis, quod videlicet,

[1.] ipsi et eorum successores de quolibet unco solvent nobis annuatim dimidium navale talentum siliginis, et de erpica, quae vulgari nostro egede dicitur, solvent similiter dimidium talentum siliginis.

[2.] Si vero aliquis uno equo laborat in unco et erpica, non solvet nisi tamen dimidium talentum siliginis.

[3.] Insuper sacerdotibus suis, quos de Riga advocabunt, quanto citius poterunt, absque periculo, necessaria vite persolvent, et ab eis obedienter baptismum recipient, nisi forte Curones infregerint, rebellando christiani, firmandam duximus et observandam, unde et litteris nostris ea perennari fecimus, et sigillis nostris roborari subaratis festibus, quorum hec sunt nomina:

[4.] Preterea idem Curones nobiscum impugnabunt inimicos Christi.

Ne ergo que gesta sunt a nobis, processu temporis evanescent, et in irritum deducantur, nisi forte Curones infregerint, rebellando christiani, firmandam duximus et observandam, unde et litteris nostris ea perennari fecimus, et sigillis nostris roborari subaratis festibus, quorum hec sunt nomina:

Mauricius, prior sancte Marie in Riga, Hedenricus celerarius, Heinricus camerarius;

Volcwinius, magister milicie fratrum, Rudolfus de Cassele, Gerefridus Wridic, Maricwardus de Thuringia, fratres eiusdem milicie.

De ratmannis: Wernerus, Thidericus de Wenden, Albertus Utnordig, Waldericus.

Peregrini: Iustacius de Dut, Alexander de Vechte, Thomas de Hunevelde, Todo de Traveneminne.

Burgenses Lubecenses: Marricwardus de Hagen, Siffridus de Hosenburgge, Henricus Clenebur et alii quam plures.

Actum publice in Riga. Anno Dominice incarnationis MCCXXX.

Перевод

Соборный капитул святой Марии в Риге, братья воинства Христова, советники и прочие рижские горожане всем верным Христа, к коим прибудет настоящая грамота, желают здравствовать во истине.

Да будет известно всем, будущим и ныне сущим, что с куршами и местами, коих названия таковы: Ренде, Валегалле, Пидевалле, Матекуле, Ване, Пуре, Угессе, Кандове, Ансес, мы, когда они изъявили готовность к христианской покорности, заключили таковой договор, а именно:

[1.] Они сами и наследники их платят нам ежегодно с каждой сохи половину корабельного таланта муки тонкого помола и с бороны, в просторечии нами именуемой «эгеде»*, платят также половину таланта муки тонкого помола.

[2.] Если же кто-либо работает на одной лошади, [запряженной] в соху и в борону, [то] платит только половину таланта муки тонкого помола.

[3.] Сверх того, священников своих, коих они возможно скорее призвуют из Риги, ограждают от опасности и жизненных нужд и с покорностью принимают от них крещение и христианский закон без ущерба для себя во владении и собственности на землю и прочее имущество, без возражения со стороны любой власти.

[4.] Кроме того, те же курши выступают вместе с нами против врагов Христа.

И вот, дабы то, что совершено нами, не потеряло по прошествии времени силу и не было обречено на неудачу, если курши паче чаяния нарушат [установленное], оказав сопротивление, мы, христиане, решили, что надлежит это упрочить и оберечь, и потому нашими грамотами придали этому долговечность и скрепили нашими печатями в присутствии свидетелей, коих имена таковы:

Мавриций, приор святой Марии в Риге, Геденрик, келарь, Генрих, городской казначей;

Волквин, магистр братского воинства, Рудольф из Касселя, Герфрид Вридик, Мариквард из Тюрингии, братья того же воинства.

От советников: Вернер, Фридрих из Вендена, Альберт Утнордиг, Вальдерик.

Паломники: Юстацит из Дут, Александр из Вехте, Томас из Хуневельде, Todo из Травенеминне.

Любекские горожане: Марриквард из Хагена, Сиффрид из Хозенбургге, Генрих Кленебур и другие, весьма многие.

Составлено в Риге. В лето по воплощении господнем 1230.

№ II. 28 декабря 1230 г. — Немецко-куршский договор

Frater B[alduinus], monachus A[n]sensis, domini O[thonis] cardinalis, sedis apostolice legati, penitentiarius ac nuntius, omnibus Christi fidelibus in perpetuum.

Cum, inspirante gratia spiritus sancti, ubi, quando, atque quantum vult spirantis, Lammekinus rex et pagani de Curonia, de terris Eesetua, scilicet

* Латышск. — есе́шас (борона); немецк. — Egge.

Durpis, et Saggara, et kiligundis, quarum hec sunt nomina: Thargolae, Osua, Langis, Venelis, Normis, Kiemala, Pygawas, Sarnitus, Riwa, Saccze, Edualia, Aliswanges, Arduus, Alostanotachos, et de aliis kiligundis, villis ex utraque parte Winda sitis, offerrent se ad fidem Christi suscipiendam, terras suas, se et obsides suos per manum nostram ad manus domini pape conferentes, omnimode eiusdem ordinationi stare perpetuo promiserunt.

Nos vero, domini pape vices in hac parte agentes, de communi consilio ecclesie Rigensis, abbatis de Dunemunde, mercatorum omnium, militum Christi, peregrinorum, ac civium Rigensium, tale cum eis pactum inivimus, et firmavimus condicionem, videlicet,

[1.] quod in continenti sacerdotes recipient, auctoritate nostra sibi destinandos; honeste in necessariis procurabunt eos, et eisdem, tanquam veri christiani, in omnibus obedient et eorundem per omnia salutaribus monitis acquiescent; ab hostibus eos, sicut se ipsos defendent; ab eisdem omnes, tam viri, quam mulieres et infantes, sacri regenerationem baptismatis indilate recipient, et aliorum ritus christianorum observabunt.

[2.] Episcopum autem, domini pape auctoritate instituendum eisdem, cum reverentia et devotione, tanquam patrem suum ac dominum, recipient, et in omnibus, tanquam domino suo et episcopo, aliorum more debito christianorum perfectissime obedientes, eidem obtemperabunt, ipsi reverentiam ac subiectionem domino et episcopo suo debitam, impendentes.

[3.] Ad ea vero iura, que persolvere tenentur indigene de Gothlandia, per omnia perpetuo tenebuntur episcopo suo suisque prelati annuatim persolvenda, ita quod nec regno Dacie, nec Suescie subiciantur.

[4.] Perpetuam enim eis indulsimus libertatem, quamdiu eos apostatare non contigerit.

[5.] Pacto tamen inito et in cartula presenti conscripto robur perpetuum obtinente, expeditiones super paganos, tam pro terre Christianorum defensione, quam pro fidei dilatatione faciendas, frequentabunt.

[6.] Infra biennium domino pape se presentabunt, et secundum eiusdem arbitrium per omnia perpetuo se habebunt, et ordinationem.

[7.] Medio autem tempore instituta nostra perfecte servantes ac precepta, nobis obedient in omnibus, et per omnia obtemperabunt, salva in omnibus auctoritate domini pape.

Quod ut perpetuam obtineat firmitatem, presentem cartam exinde conscriptam, sigilli nostri, domini H[ermann] Lealensis episcopi, et aliorum supra denominatorum munivimus appensione.

Actum anno Domini MCCXXX, in die Innocentum.

Перевод

Брат Б[алдуин], монах из Альны, пенитентнарий и посол господина О[ттона], кардинала, легата апостольского наместника, всем верным Христа во веки.

Когда по милосердному внушению духа святого, благоприятствующего, где, когда и сколько возжелает, король Ламмекин и язычники из Куронии от земель Эсестуа, а именно Дурпис и Сaggара, и кихельконд, названия коих таковы: Тхарголе, Осуа, Лангис, Венелис, Нормис, Кiemала, Пюгавас, Сарнитус, Рива, Сакзе, Эдуалия, Алисвангес, Ардуус, Алостанотакхос, и от остальных кихельконд деревень, расположенных по обе стороны Венты, изъявили готовность к принятию веры Христовой, приводя земли свои, самих себя и поручителей своих через руку нашу к руке господина папы, они обещали при всех обстоятельствах постоянно держаться этого определения.

Мы же, пребывающие на службе господина папы в этой местности, по общему совету рижской церкви, аббата из Дюнамюнде, всех купцов, воинов Христовых, паломников, а также рижских граждан, в таковое соглашение с ними вошли и условие скрепили; а именно:

[1.] Они постоянно принимают священников, назначенных к ним нашей властью, с почетом обеспечивают их всем необходимым и им, как истинные

христиане, во всем повинуются и при всех обстоятельствах их спасительным указаниям следуют, их от врагов будто самих себя защищают, все, как мужи, так жены и дети, тотчас принимают от них возрождающее таинство святого крещения и отправляют прочие христианские обряды.

[2.] Также принимают епископа, назначенного им властью господина папы, с почтением и преданностью как отца своего и господина, и во всем как господину своему и епископу по непреложному обычаю прочих христиан, совершеннейше повинуюсь, подчиняются, выказывая ему, отцу и епископу своему, должное почтение и покорность.

[3.] Что же касается тех прав, которые уроженцы Готланда считают подлежащими исполнению, то во всем постоянно они будут считаться ежегодно подлежащими исполнению самим епископом и самими прелатами, так что уроженцы эти не зависят ни от датского, ни от шведского королевств.

[4.] Мы же милостиво предоставили им постоянную независимость до той поры, пока не случится так, что они отпадут.

[5.] Наконец, теперь, когда соглашение заключено и изложенному в настоящей грамоте придана сила постоянного действия, походы против язычников, необходимо совершаемые как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры [Христовой], они участв.

[6.] По прошествии же двух лет они верят себя господину папе и будут навечно вести себя во всем сообразно его благоусмотрению и определению.

[7.] А дотоле сохраняющие вполне наши установления и предписания следуют во всем нашему совету и полностью повинуются, не нарушая ни в чем власти господина папы.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую грамоту, после того как она была написана прикрепив печать нашу, господина Г[ермана] леальского епископа и иных, сверх упомянутых.

Составлено в лето господне 1230, в день Невинных Младенцев.

№ III. 17 января 1231 г. — Немецко-куршский договор

Frater B[alduinus], monachus Alnensis Cisterciensis ordinis, domini O[thonis], Sancti Nicolai in Carcere Tulliano diaconi cardinalis, sedis apostolice legati, penitentiarius et nuntius in Livoniam, omnibus, ad quos presens scriptum pervenerit, in perpetuum.

Cum, inspirante gratia spiritus sancti, ubi, quando, atque quantum vult spirantis, nobis, quamlibet indignis amministrantibus atque procurantibus, pagani de Curonia, scilicet de Bandowe, de Wanneman, de citra Winda, de villis, quarum nomina sunt hec: Rende, [Walegalle], Matichule, Wanne, Pyrre, Ugenesse, Ca[n]dowe, Anzes, Talse, Arowelle, Pope, et pluribus aliis iidem susceperint christianam; ad hoc ipsum obsides suos dederunt et sacri regenerationem baptismatis receperunt.

Nos vero, de communi consilio et consensu ecclesie Rigensis, militum Christi, universorum peregrinorum, omnium civium Rigensium et mercatorum, tale cum eisdem pactum inivimus ac firmavimus conditionem, videlicet,

[1.] quod episcopum auctoritate domini pape instituendum recipient, et debito more christianorum eidem in omnibus et per omnia obedient, et eadem iura, ad que tenentur veri christiani ipsi episcopo suo suisque prelati perpetuo per omnia persolvent.

[2.] In continenti sacerdotes recipient, auctoritate nostra sibi destinandos, honeste eos in necessariis procurabunt, et eisdem, tamquam veri christiani, in omnibus obedient, et eorundem salutaribus monitis per omnia acquiescent, ab hostibus eos, sicut se ipsos defendent, ab iisdem omnes, tam viri, quam mulieres et infantes sacri regenerationem baptismatis indilate recipient, et aliorum ritus christianorum observabunt.

[3.] Expeditiones super paganos, tam pro terre christianorum defensione, quam pro fidei dilatatione faciendas, frequentabunt, salva auctoritate domini pape in omnibus.

Quod ut perpetuam obtineat firmitatem, cartam hanc exinde conscriptam sigilli venerabilium patrum domini H[erman]ni Lealensis episcopi, Th[eodoric]i abbatis de Dunemund, in quorum presentia facta sunt hec, sigilli nostri et universitatis peregrinorum communivimus appensione.

Actum anno Domini MCCXXX, XVI kal[endas] Februarii.

Перевод

Брат Б[алдуин], монах из Альны ордена цистерцианцев, господина О[ттона], кардинальского диакона в тулланском монастыре святого Николая, легата апостольского наместника, пенитentiарий и посол в Ливонии, всем, к коим настоящая грамота прибудет, во веки.

Когда по милосердию внушению духа святого, где, когда и сколько желает, благоприятствующему нам, сколь бы недостойными управителями и попечителями мы ни были, язычники из земли куршей, а именно от Бандове, из Ваннеман, от [живущих] по ту сторону Венты, от деревень, названия коих таковы: Ренде, [Валегалле], Матикхуле, Ванне, Пирре, Угенессе, Ка[н]дове, Анзес, Талсе, Аровелле, Попэ, и от многих других, восприняли христианскую веру, то ради этого они дали своих заложников и приняли возрождающее таинство святого крещения.

Мы же с общего совета и согласия рижской церкви, воинов Христовых, всех сообща паломников, всех рижских граждан и купцов, в таковое соглашение с ними вошли и условие скрепили, а именно:

[1.] Что они принимают епископа, назначенного властью господина папы, и по непреодолимому обычаю прочих христиан ему во всем и при всех обстоятельствах повинуются и постоянно при всех обстоятельствах предоставляют своему епископу и своим прелатам те же самые права, которых придерживаются истинные христиане.

[2.] Они постоянно принимают священников, назначенных им нашей властью, с почетом обеспечивают их всем необходимым и им, как истинные христиане во всем повинуются, и при всех обстоятельствах их спасительным указаниям следуют; их от врагов, будто себя самих, защищают; от них все, как мужи, так жены и дети, тотчас принимают возрождающее таинство святого крещения и отправляют прочие христианские обряды.

[3.] Походы против язычников, необходимо совершаемые как ради защиты христианской земли, так и ради распространения веры [Христовой], они участвуют, сообразуясь с непорочной волей господина папы во всем.

Дабы придать этому неизменную крепость, мы скрепили настоящую грамоту, после того как она была написана, прикрепив печать досточтимых отцов господина Г[ермана] леальского епископа, Т[еодорика] аббата из Дюнамюнде, в присутствии коих это было совершено, печать нашу и всех паломников.

Составлено в лето господне 1230, в шестнадцатые февральские календы.

№ IV. 1241 г. — Договор немецкого Ордена с сааремаасцами

In nomine Domini nostri Ihesu Christi, amen.

Anno Dominice incarnationis MCCXLI, venerabili domino H[enrico], episcopo Osilie et Maritime, pro suis agendis ad sedem apostolicam iter agente, qui negocia episcopatus sui magistro et fratribus domus Theutonicorum in Livonia plene commiserat et devote, accidunt ea, que sunt inferius annotata.

Ego frater Andreas de Velven, domus Theutonicorum tunc magister in Livonia, cum essem in Maritima, Osiliani apostate, qui cristianis nimis infesti et nocivi existerant, in mari, terris et insulis cismarinis, ordinatione Divine

gratie nuntios suos pro attemptanda compositione in Maritimam transmiserunt. Multis itaque placitis et interlocutoriis hinc inde habitis, predicti apostate in hoc tandem universaliter et finaliter conveniunt: Quod si ecclesia subscriptam formam sine qualibet permutatione violenta in perpetuum ab ipsis acceptare dignaretur, vellent redire devoto animo et prompta voluntate ad catholice fidei, a qua diabolico instinctu recesserant, unitatem.

Forma autem talis erat:

[1.] Pro censu dimidiam mensuram siliginis, quod vulgariter dicitur punt, de quolibet unco dare promiserunt et in coggam inferre, quam episcopus eorum seu magister Rigensis, propriis sumptibus procurabunt.

[2.] Si vero coggam habere non potuerint, naves et gubernatores in ipsa terra conducent, que ab ipsis Osilianis in Rigam seu Maritimam deducuntur.

[3.] Advocatum ad secularia iudicia semel in anno, eo scilicet tempore, quo census colligitur, recipient, qui de seniorum terre consilio iudicabit, que fuerint iudicanda.

[4.] Pro occisione pueri tres oserinch ad penam dabunt, et mater ipsa novem diebus dominicis nuda in cimiterio recipiet disciplinas.

[5.] Item si quis ritu gentili immolaverit et qui immolari fecerit, uterque dimidiam marcam argenti dabit; ipse autem, qui sic immolat, tribus diebus dominicis nudus in cimiterio vapulabit.

[6.] Si quis in sexta feria, vel quadragesima, vigiliis apostolorum seu quatuor temporibus carnes comederit, dimidiam marcam argenti persolvat.

[7.] Si homicidium inter ipsos et homines alterius terre contigerit, decem marcis argenti redimetur.

[8.] Clericis parrochianis et ecclesiis prebendam dabunt, quam ante apostasiam dare consueverant, cum restitutione omnium ablatorum.

Cognito igitur, quod praedicti Osiliani fidelibus, in circuitu suo positis, nimis fuerant importuni, quodque profectum et incrementum fidei in partibus Livonie vehementer impediabant;

ego predictus frater A[n]dreas, magister Rigensis, de consilio fratrum meorum et clericorum, vasallorumque de Maritima et aliorum multorum fidelium, Teuthonicorum et Estonum, necessitate urgente et utilitate permaxima suadente, predictam formam, salvo iure diocesani episcopi in omnibus, acceptavi, presentes litteras super ratificatione et confirmatione predictorum conventus nostri sigilli munimine perpetuo roborando.

Testes sunt dominus Nicolaus, qui tunc gerebat vices episcopi, Waltherus sacerdos, commendator in Maritima, tunc dictus Robertus; frater Fridericus Stultus, frater Henricus Stultus, marscalcus; frater Ioh[annes] camerarius, et plures alii fratres de domo Teuthonica; Sinderammus, frater ordinis predicatorum, Conradus, Thidericus, fratres de ordine nudipedum. Vasalli ecclesie Johannes de Bardewich, Heydenricus de Bekeshoveth[e], Henricus de Brach[e]l, Gerbertus, frater episcopi Iohannes de Huxaria, Thidericus de Pallele, Thid[er]icus] Ezzecke, et seniores de Hestonibus Maritima et alii quam plures.

Перевод

Во имя господа нашего Иисуса Христа, аминь.

В лето по воплощении господнем 1241, когда досточтимый господин Г[енрих], епископ Эзеля и Поморья, направившись по своим собственным неотложным делам к апостольскому наместнику, полностью и всепреданно вверил дела епископата своего магистру и братьям дома Тевтонского в Ливонии, пришло то, что вкратце изложено ниже.

Я, брат Андреас фон Вельвен, в те дни магистр дома братьев Тевтонских в Ливонии, когда был в Поморье, отступники эзельцы, кои к христианам чрезвычайно враждебны и приносят им много вреда на море, приморских землях и прибрежных островах, определением милости божией, прислали своих послов попытку ради заключить в Поморье договор.

И вот, после множества указаний и возражений как с той, так и с другой стороны названные ранее отступники сошлись, наконец, полностью и окончательно на том, что если бы церковь записанное установление созволила без каких бы то ни было насильственных изменений принять от них навечно, то они выразили бы желание преданной душой и по явной охоте вновь вступить в единение с католической верой, от коей они по дьявольскому наущению отпали.

Установление же было таково:

[1.] По чиншу половину меры муки тонкого помола, что в просторечии именуется «пунт», они обещают давать с каждой сохи и сносить в грузовое судно, каковым епископ их или рижский магистр распоряжаются сообразно своим расходам.

[2.] Если же они не в состоянии иметь грузовое судно, то корабельщики и правители собирают [чинш] на самой земле, каковой затем везут от этих зельщев в Ригу или Поморье.

[3.] В светском суде они выговаривают себе судью, который судит от [имени] совета старейшин земли то, что подлежит суду раз в году, именно в то время, когда взимается чинш.

[4.] За убийство мальчика платят пеню, три озеринга, а также сама мать в девять воскресных дней, обнаженная, терпит на кладбище бичевание.

[5.] Также если кто по языческому обычаю принес жертву и кто способствовал ее принесению, и тот и другой дает половину марки серебра; а тот, кто так приносит жертву, три воскресных дня*, обнаженный, сносит на кладбище побой.

[6.] Если кто в пост** ест мясо, платит половину марки серебра.

[7.] Если случилось человекоубийство между своими или людьми другой земли, [виновный] вносит выкуп десятью марками серебра.

[8.] Приходским клирикам и церквям дают необходимое, каковое обычно давали до отпадения, вместе с возмещением всего отнятого;

а посему я полагаю, что упомянутые зельщцы к верным, находящимся среди них, были мало благосклонны, что весьма препятствовало продвижению и приращению веры в пределах Ливонии.

Я, упомянутый брат А[ндреас], магистр рижский, по совету братьев моих и клириков, вассалов от Поморья и множества других верных, тевтонов и эстонцев, по настоятельной необходимости и в убеждении величайшей пользы упомянутое установление, без ущерба для права диоцезы епископа во всем, принял, навечно скрепив настоящую грамоту, сверх утверждения и упрочения [ее] соборным капитулом упомянутых [лиц], прикреплением нашей печати.

Свидетелями были: господин Николай, который нес тогда епископскую службу; Вальтер, священник, комтур в Поморье, тогда называемый Робертом; брат Фридерик Стульт, брат Генрих Стульт, маршалк; брат Ио[анн], камерарий, и многие другие братья дома Тевтонского; Синдерам, брат ордена доминиканцев; Конрад, Дидрих, братья ордена францисканцев. Вассалы церкви Иоанн из Бардевика, Гейденрих из Бекесховете, Генрих из Брахлая. Герберт, брат епископа Иоанн из Хуксарни, Дидрих из Паллеле, Дид[рих] Эззеке, старейшины из эстонского Поморья и другие, весьма многие.

* *dies dominica* — господень день, воскресенье.

** *in sexta feria, vel quadragesima, vigillis apostolorum seu quatuor temporibus* — т. е. в пятницу или в четырехдесятницу, или в дни перед праздником Апостолов, или в среду, пятницу, субботу на неделе, после первого воскресения поста, после Троицы, Воздвиженья Креста и на неделе перед Рождеством.

Frater Anno, magister fratrum domus s[an]ctae Marie Theuton[icorum] in Lyvonia, omnibus, presentes litteras visuris, salutem in Domino Ihesu Christo.

Cum Divina dispensatione ac preordinatione Osiliani apostate ad gremium matris ecclesie, a quo exciderant, redierint, expedit eos uberibus multimode consolationis quasi modo genitos confoveri, ne subtracta et onere alligato ex nostra crudelitate, materia malignandi eis quodammodo tribuatur.

Unde allective ad cultum fidei volentes eos pertractare, quedam iura inferius notata addidimus ad iura eis data post apostasiam a magistro Andrea domus s[an]ctae Marie Theutonicorum in Riga, nostro predecessore.

Isti autem articuli sunt iuris adiecti:

[1.] Primus est, quod nullam facient emendam de dampnis, datis tempore apostasie et ante, homicidio duntaxat excepto.

[2.] Secundus est, ut nulla inter eos vacare possit hereditas ad usum domini terre, quamdiu iliquis reperitur, qui in sua parentela quicquam ad emendam homicidii noscitur persolvisse.

[3.] Tertius est, si aliquam a terra Osile secundum eorum consuetudinem eliminari contigerit pro peccato contra naturam commisso, heredes ipsius suam obtineant hereditatem, consensu terre domini impetrato.

[4.] Quartus est, ut a nullo requiratur hereditas servorum in terra eorum, que vacabat ante tempora apostasie.

[5.] Quintus, ut si aliquem suadente diabolo contigerit, se ipsum iugulare ad mortem, a nullo puniatur excessus talis, nisi per aliquem hoc fuerit procuratum.

[6.] Sextus est articulus, in quem seniores terre in nostra presencia pro tota terra consenserunt, ut si aliquis proximum suum occiderit hac ratione, ut suam possideat hereditatem, ius suum, quod in ea habuit, devolvatur ad dominum terre, et insuper dabit domino emendam integram, que de homicidio dari consuevit in illa terra.

[7.] Septimus est de iudicio fratrum nostrorum, quod habent in Osilia, quia discretum non fuerat, quando deberet terminari vel inchoari, ac petiverunt homines nostri, ut vellemus eis terminum assignare, quando nostrum iudicium terminari deberet et inchoari. Nos igitur eorum sedulis precibus inclinati, eisdem terminum assignavimus et in hoc una nobiscum omnes voluntarie concordarunt, ut a festo b[eat]i Mychaelis usque ad carniprivium debeat nostrum iudicium perdurare, ita sane, ut si noster nuncius aliqua legitima causa fuerit prepeditus, ut suum negocium ac iudicium complere nequeat, inchoatum neglecti temporis spatium compleat, cum potuerit, iterato; quo termino completo Osiliani ius suum in iudicio obtinebunt.

[8.] E contratio sunt obligati nobis fide data ad expeditiones in hyeme cum equis et cum navibus in estate, si hoc a fratribus ab eis fuerit requisitum, et contra omnes violentier aut indebite nos gravare volentes cooperatores nostri pro posse suo existere perpetuo sint parati.

Actum presentibus fratre Theoderico de Velyn, fratre Hermanno de Wenden, fratre Georgio de Sygwalde, fratre Ludevico de Riga, fratre Heidenrico de Ascherad, fratre Heinricho de Goldingen, fratre Bernhardo de Mimmelburg, commendatoribus; itam fratre Everharde, fratre Emundo, fratre Heinricho Zwevo, fratre Iohanne de Wenden, fratre Ludekino Balken, fratre Volperto, fratre Hermanno de Sigelhorst, advocatis, et quam pluribus aliis fratribus.

Datum in Osilia, presentibus Ylle, Culle, Enu, Muntelene, Tappete, Yalde, Melete, Cake et quam pluribus Osilianis.

Anno Domini MCCLV, VI calendas Septembris.

Et ut hoc ratum et stabile permaneat, presentem paginam nostri sigilli et Osilianorum munimine duximus roborandam.

Брат Анно, магистр братьев дома святой Марии тевтонов в Ливонии, асем, кому случится увидеть настоящую грамоту, желает здравствовать во господе Иисусе Христе.

Поскольку божественным определением и предустановлением отступники эзельцы вновь вернулись в лоно матери церкви, от коей они отпали, то важно подкреплять их будто новорожденных сосцами всяческого утешения, дабы под столь тяжелым бременем, усугубленным нашим жестокосердием, они ни коим образом не воздали злему духу.

Посему желательно, дабы они, стремясь к попечению веры, познали, какие, указанные ниже, права мы добавили к правам, дарованным им после отпадения магистром Андреем дома святой Марии тевтонов в Риге, нашим предшественником.

А добавлены были такие статьи права:

[1.] Первое, что они не производят никакого возмещения убытков, понесенных за время отпадения и прежде, исключая человекоубийство.

[2.] Второе, что ни одно наследство среди них не может быть передано в пользование господина земли, пока есть некто, о ком известно, что он в родстве [с оставившим наследство] и выплатил возмещение за человекоубийство.

[3.] Третье, если случилось кому-либо быть изгнанным из земли эзельской сообразно с обычаем их за прегрешение против естества, наследники его сохраняют за собой свое наследство, испросив [на то] согласие господина земли.

[4.] Четвертое, что наследство рабов в земле их, которое было передано до отпадения, никем не взыскивается.

[5.] Пятое, что если случится, некто сам себя по наущению дьявольскому убьет до смерти, то такая смерть ни с чьей стороны не влечет наказания, если только это не совершено с чьей бы то ни было помощью.

[6.] Шестая — статья, в которой старейшины земли в нашем присутствии высказали согласие за всю землю, что если кто-нибудь убьет своего ближнего по той причине, что тот владеет его наследством, [то] право его, какое было у него на это владение, переходит господину земли, и сверх того он предоставляет господину полное возмещение, какое обычно предоставляется за человекоубийство в этой земле.

[7.] Седьмое — о суде братьев наших, который у них есть на Эзеле, потому что не было твердо разграничено, когда он должен кончаться и когда начинаться, и наши люди просили, чтобы мы сообразовали назначить им срок, когда суд наш должен кончаться и когда начинаться. Мы же, склонившись на их усердные мольбы, назначили срок, и в этом их желание совпало с нашим, что от праздника святого Михаила* вплоть до Великого поста** должен длиться наш суд, с тем, однако, что если нашему посланному на каком-либо законном основании воспрепятствуют совершить его дело и суд, то он совершит начатое еще раз на протяжении упущенного времени, когда сможет; по истечении же этого срока эзельцы пользуются в суде своим правом.

[8.] Со своей стороны они клятвенно обязались быть готовыми к походам, на конях зимой и на кораблях весной и летом, если это понадобится от них братьям, и ревностно и без принуждения, будучи добровольно нашими помощниками, постоянно поддерживать нас против всех, сколько позволяют силы.

Составлено в присутствии брата Теодорика из Феллина, брата Германа из Вендена, брата Георгия из Зегевальде, брата Людовика из Риги, брата Гейденриха из Ашерара, брата Генриха из Гольдингена, брата Бернгарда из Мемельбурга, комтуров; также брата Эвергарда, брата Эмунда, брата Генриха Цвево, брата Иоанна из Вендена, брата Людекина Балькен, брата Воль-

* т. е. 29 сентября.

** т. е. до последнего воскресенья перед Великим постом, когда поется псалом *Esto mihi* (71,3).

перта, брата Германа из Сигельхорста, судей и весьма многих других братьев. Дано на Эзеле в присутствии Илле, Кулле, Эну, Мунтеленэ, Ташметэ, Иальдэ, Мелетэ, Какэ и весьма многих эзельцев.

В лето господне 1255, шестые сентябрьские календы.

Дабы это оставалось неизменным и постоянным, настоящую грамоту положили мы скрепить приложением нашей печати и эзельской.

№ VI. Август 1267 г. — Немецко-куршский договор

Wi bruder Otto von Lutterbergh, meister der brodere des Dudesschen huses over Liflant, schriiven allen Cristenluden, die desen brief sien of horen lesen, grute in den namen Ihesu Christi, op dat die gegenwordige dait kome in ein gedechnisse der nakomelinge, so sal men se hartlichen veisten mit tuge und mit briven.

§ 1. Hir umme so sal weten die gemeinheit, dat wi mit gemeinen rade des ganzen landes to Curlande vergeven und vergeten hebben al den Curen alle den broke, gemeinliche unde sunderliche, den si uns gedan hebben in der tijt der werrunge, und si mit ein ander vergeven hebben, dat numner ane ende von uns und von in to ener wrake sal gedacht werden.

§ 2. Welike irer under guden truwen dem anderen sine perde stelet oder nemet, so sal die schuldige si betalen und wider geven, oder it sal bliven in einer unvruntlicher minne.

§ 3. Von eme jegelichen haken over Curlant sal man den broderen to tinnsse geven twe lope roggen, und weret dat hi den roggen nicht hebben en mochte, so sal hi geven ein lop wetes und enen lop garsten, vnd alsus hevet he sinen tinss betalet.

§ 4. Ein jegelich pert, dar man mit ehget, wannere it in sin vijrde iar trit, so sal it geven den vorgenomeden tinss.

§ 5. Vier dage sal ein jegeliche arbeiden in dem lande, dar he sittet, den broderen; twe dage in dem somer, und twe in dem winter.

§ 6. War von den broderen ein hus vor den heiden wirt gebuwet, welike des Cristen geloven vertyet, die sal dar selves ein mant dinen bi siner eigen kost. Wannere dat man buwet, so solen si desse kost don, wannere dat man nicht buwet, so wilje wi si von disser kost und von anderen alleme arbeit verdagen.

§ 7. Vortmeir von anderen borg arbeit wil wi si ewelike verdragen. Vortmeir von den teenden des reise gudes, wil wi si eweliken verdragen.

§ 8. Ein jegelike erve solen si erheven in dem vijrden knie, also doch dat sin here in sime rechte en genen schade neme.

§ 9. Vortmeir war dat he sich nider settet to wonen, dat sal he hebben vor ein ewich erve, so die stede en gene erve nicht en hevet.

§ 10. Vortmeir alle dat dinck, dat dar vunden wirt bi den strande, des sal die vinder hebben dat dritde deil des gevunden dinges, twe deil sal hi drugen und antworten si in des vogedes hant, die sal si halten iar und dag, und weret, dat binnen disser tijt jeman rechtverdeliche queme to vorderen disse ding, den sal man si wider geven; und weret dat dar nieman queme binnen der tijt, dat dinck to vorderen, so sal die here des landes der dinge sich underwinden. Dat selve sal man halten von den ankeren, die nicht geteikent sint; weret dat si geteikent weren, die si vundet, den sal man vor sin arbeit lonen.

§ 11. Vortmeir alle ding, dat dar vlut in der see, dat do dem strande noch nicht en is gekommen, des sal der vinder die helfte hebben, die ander helfte sal hebben die here des landes.

§ 12. Vortmeir ein jegeliche, die in sines liven not is, die en sal sinen hulper nicht mere wan dat dritde deil sines gudes geloven, it en were, dat hi neger mit im over ein kunde komen.

§ 13. Vortmeir welich man tuge sich beropit, die sal hi vor bringen binnen drin maenden, weret, dar si over Dune weren; weret dat die tuge over see weren, so sal hi si vor bringen binnen iar unde dage.

§ 14. Vortmeir so solen si alleme Liveschen rechte underdenich sin. In welch getugnisse so hebbe wi uns ingesigele an dissen brief gehangen.
Gegeven to Rige, under den iaren unses heren dusent twe hundert seven und sestich, in dem mande des oisten.

Перевод

Мы, брат Отто фон Люттерберг, магистр братьев немецкого Ордена Лифляндии, пишем всем христианам, которые эту грамоту увидят или услышат в чтении, приветствуем во имя Иисуса Христа, если же противоположное [нами сказанному] придет на мысль потомкам, то следует их твердо убедить свидетелями и грамотами.

§ 1. Поэтому пусть знают все, что мы по общему совету всей земли Курляндии простили и забыли всем куршам все измены, общие и отдельные, которые они нам учинили в пору неурядицы, и их полностью вторично простили, так что следует покончить с мстью и с нашей и с их стороны.

§ 2. Кто из среды их вороших [и] верных украдет у другого его лошадь или возьмет, то должен виновный ее возместить и возвратить, или это останется без должного решения.

§ 3. С каждого гагена в Курляндии следует давать братьям [рыцарям] в виде чинша два лопы ржи; и если будет, что он ржи иметь не может, то пусть он дает один лопы пшеницы и один лопы ячменя, и так он свой чинш уплатит.

§ 4. С каждой лошади, на которой он боронит, когда она достигнет четырех лет, следует давать вышеозначенный чинш.

§ 5. Четыре дня должен каждый работать на земле, на которой он сидит, на братьев [рыцарей]; два дня летом и два дня зимой.

§ 6. Где братьями [рыцарями] строится замок [для защиты] от язычников, которые вере христовой неверны, должен он же [им] один месяц служить на своем собственном содержании. Когда строят, то должны они эти издержки нести, когда [же] не строят, то хотим мы их освободить от этих издержек и всей другой работы.

§ 7. Далее, хотим мы навсегда освободить от другой замковой работы. Далее, от десятины с наследства дочерей мы хотим их навсегда высвободить.

§ 8. Каждое наследство должны они удерживать [до] четвертого колена, но так, чтобы его господин в своем праве не понес никакого ущерба.

§ 9. Далее, [место], где он поселится, должен он иметь в вечном наследовании, если никаких других наследственных притязаний на него не возникает.

§ 10. Далее от всякой вещи, что будет найдена на морском берегу, пусть нашедший имеет третью часть найденной вещи, две части [имущества] они должны принести и передать в руки фогта; он должен держать его год и день; и если в течение этого времени придет кто-либо правомочный требовать это имущество, его следует ему возратить; и если будет так, что никто не придет в течение [этого] времени требовать имущество, то должен завладеть вещью господин земли. Того же следует держаться относительно якорей, которые не обозначены [не имеют клейма]; если же будет так, что они обозначены, [то] кто их найдет, того следует вознаградить за его труд.

§ 11. Далее, от любой вещи, которая плавает в море [и] которая к берегу еще не пристала, нашедший [ее] пусть имеет половину, другую половину пусть берут господа земли.

§ 12. Далее, каждый, кто в своей жизни попадает в нужду, должен обещать помогшему ему не больше чем третью часть своего имущества, если он не вступил с ним в более выгодное соглашение.

§ 13. Далее, если какой-либо человек утверждает, что его ограбили, то должен он их [свидетелей] представить в течение трех месяцев, если было так, что они были за Двиной; если же свидетели были за морем, то пусть он их представит в течение года и дня.

§ 14. Далее, все они должны подлежать ливскому праву.

В подтверждение чего мы прикрепили печать к этой грамоте.
Дано в Риге в год господя нашего тысяча двести шестьдесят седьмой,
в месяце августе.

№ VII. 6 июля 1272 г. — Немецко-земгальский договор

Wi Albrecht, von der barmherzicheit Godes ein erdisse bisscop der heliger kirken to Righe, Johan von der selver genaden ein prowest der selber kirken, bruder Walter von Nortike, meister der brodere des Dudesschen huses sente Marien over Liflant, schriiven allen den genen, die dissen brief sien of horen lesen, heil in dem, die gesunt maket alle die gene, die hopeninge hebben an in.

§ 1. Do dat lant to Semigallen von der Godes genaden to ruche gelacht die dwelunge des heidensche geloven und echter den Cristen geloven untphiang, den si vormales untphangen hadden und besiden geworpen, und wi, die dar over weren, geelschet hedden die eldesten des landes to unser gegenwordicheit, unde vil handelunge gehat hebben her und dar op iren tins und ir recht tuschen in und uns; to dem lesten behagedet in; von gemeinen rade und volbort iren tins und ir recht to metigen in disse wijs; also dat, to plechtlicher gewonheit und geistlicher behuvinge, in der stede des tehendes, solen schuldich sin to gevene eweliken von jeweliken haken twe lope Rigischer mate, ein rogghen und ein gersten.

§ 2. Vortmeir so solen, si to dem arbeit dienen twe dage in dem somer und twe dage in dem winter, also doch, dat in dissen vijf dagen von jegelicheme haken ein vore don solen to vorende, wes dat wi behoven, und die anderen jegeliken personen, die also alt sin, dat si arbeiden mogen, die solen uns dienen mit iren hant arbeit, als hoi to slande, oder holt to dragen und houwen, ist dat it behuf is.

§ 3. Erlovet is in ock, dit vor gesprochen korn, weret dat si gebreke dar an hedden, mit gemetelikeme lone to losene, als vor enen jegeliken lop twe artinck Rigis silvers to betalene, oder twe marde, oder achte gra vel; to groteren lone mit nicht to dwingene.

§ 4. Mer to der borch buunge, und die wege to makene, unde to reisen solen sie sich willich und reit bewisen.

§ 5. Und die vogede solen ir richt halden dries in dem iare, nach dem rechte und der gewonheit des landes to Letlant und to Eistlant solen sie richten eischen plectliche scaffunge.

To ener groterer apenbarunge und eweliker behaldunge so hebbe wi in disse gegenwordige sreibit gegeben mit unsen ingesigelen, mer mit dem bilde der stat to Righe bevestent.

Gegeben under den iaren unses Heren dusent twe hundert twe unde seventhich, in dem achten tage der apostelen Petri und Pauli.

Перевод

Мы, Альберт [Суэрбер], по милосердию божию архиепископ святой церкви в Риге, Иоанн, той же милостью пробст той же церкви, брат Вальтер фон Нордек, магистр братьев немецкого Ордена святой Марии в Лифляндии, всем тем, кто эту грамоту увидит или услышит в чтении, желаем здоровья и имени того, который исцелит всех, кто надеется на него.

§ 1. Когда земля Земгалии по милости божьей достигла умиротворения и (оставила) заблуждения языческой веры, и истину веры Христовой, которую они однажды приняли, но отрунули, приняла, и мы, бывшие при том, понудили старейшин земли к встрече и имели между ними и нами много переговоров повсюду об их чинше и их праве; наконец одобрили их по общему совету и согласию [и] их чинш и их право определяли таким образом, что, следовательно, по неперемennomu обычаю и религиозной потребности [они] обязаны всегда давать вместо десятины от каждого гагена два лопы рижской меры, один рожью, другой ячменем.

§ 2. Далее, должны служить работой два дня летом и два дня зимой, так, однако, что в эти четыре дня с каждого гагена они должны давать одну телегу к перевозке того, что мы потребуем; и все другие люди, которые достигли такого возраста, что они могут работать, должны служить нам собственноручно, как-то: косить сено, носить и колоть дрова, если это необходимо.

§ 3. Разрешается им также в виде исключения зерно, о котором шла речь, если будет так, что оно не уродится в поле, возмещать соответствующей платой, а именно: уплачивать за каждый лоп два артинга рижского серебра, или две мордки, или восемь серых шкурок; к большей плате никак не принуждать.

§ 4. Еще должны быть они охотно готовыми к постройке замков, сооружению дорог и к походам.

§ 5. И фогты должны вершить их право трижды в году; должны они по праву и обычаю земли Летляндии и Эстляндии судить, требуя [соблюдения] обычных установлений.

Для большего сбережения и вечной сохранности мы прикрепили к этой настоящей грамоте нашу печать и, сверх [того], скрепили ее [печатью] с изображением города Риги.

Дано в год господя нашего тысяча двести семьдесят второй в восьмой день апостолов Петра и Павла.

№ VIII. 1284 г. — Установление епископом сааре-ляэнским прав сааремаасцев

In nomine sanctae et individuae trinitatis. Amen.

Hermannus, Dei gratia Osiliensis ecclesiae episcopus, universis Christi fidelibus, in nostra dioecesi constitutis, salutem in eo, qui est omnium credentium vera salus.

Universitati vestrae notum esse cupimus, quod, praedecessoris nostri vestigiis inhaerentes, statuta ac iura, quae ad petitionem neophitorum dioecesis nostrae praelibatae, de consilio magistri ac fratrum domus Theutonicae Iherosolimit ac vasallorum ecclesiae nostrae, a iam dicto praedecessore nostro bonae memoriae edita ac conscripta fuerant, et de consilio et consensu praelatorum et canonicorum ecclesiae nostrae, commendatoris ac fratrum domus Theutonicae in Leal, vasallorum ac seniorum ecclesiae iam praelibatae, denuo praesentibus litteris duximus innovanda, ac etiam auctoritate qua fungimur confirmanda.

Quorum statutorum ac iurium tenorem praesentibus duximus declarandum, videlicet:

[1.] ut solvant decimas de omnibus, quae secundum ius Divinum consueverunt decimari.

[2.] Item de quolibet unco dabunt duas marchas... cum dimidia.

[3.] Item de quolibet unco pullum unum.

[4.] Item uno die arabunt dominis suis propriis bobus et propriis expensis, duobus vero metent.

[5.] Item de eo, qui metere potest, unum de qualibet vitzkatu, duas plaustratas feni solvere promiserunt.

[6.] Item de quolibet unco ducent unum cubitum lignorum, aequum in longitudine et latitudine et altitudine, qui vaden vulgariter appellatur.

[7.] Item de vino gordii [hordei?] brazni [braxari?] facient, illudque suis dominis portabunt.

[8.] Item decimam etiam praelibatam ducent, ubi dominis placuerit, dummodo in dioecesi loca fuerint, ad quae ducent, extra dioecesim autem ducere non cogerentur.

[9.] Praeterea castra ecclesiae et domos dominorum suorum aedificabunt, si ipsas contingat per incendium vel insultus hostium devastari. Item ecclesias suas, et plebanorum (domos) aedificabunt et raedificabunt, si fuerint incendio vel aliquo casu fortuito devastatae.

[10.] Item ad expeditionem et ad terrae defensionem parati erunt, cum ipsis ab episcopo fuerit intimatum.

[11.] Teneantur etiam ad iura spiritualia et pontificalia, et in aliis causis coram dominis suis stent iuri, iudicio seculari, in quo si ipsos indebite gravari contigerit, possunt secundum mandatum apostolicum et ius gentium ad episcopum appellare.

[12.] Si autem, ultra quod praescriptum est, dominis suis sive in serviitiis vel aliis donis, sine aliqua coactione, sed bona voluntate, adiacere voluerint, hoc ipsorum libero arbitrio duximus relinquendum.

Nulli ergo omnino hominum liceat hanc innovationis et confirmationis nostrae paginam infringere vel ei ausu temerario contraire.

Si quis autem hoc attentare praesumerit, excommunicationis sententiam, quam in talem interemus, se noverit incursum, ad poenam aliam nihilominus, secundum mandatum apostolicum, processuri, si hoc meruerit protervitas contumacis.

Plebanis etiam in his septem kilegundis constitutis districtius iniungimus, ut quibus [quibus in?] ecclesia sua tenorem litterae praelibatae bis in anno, videlicet in festo Paschae et in assumptione beatae virginis, coram vasallis et neophitis non negligant recitare, si et ipsi praemissam poenam vel consimilem voluerint evitare.

Ut ergo prelibata firma et inconvulsa permaneant, praesens scriptum sigillo nostro et capituli nostri fecimus communiri.

Datum Hapasellae, anno MCCLXXXIV.

Перевод

Во имя святой и нераздельной Троицы. Аминь.

Герман, милостью божьей епископ эзельской церкви, всем верным Христа, пребывающим в нашем диоцезе, желает спасения в том, кто есть истинное спасение всех верующих.

Настоятельно стремимся, дабы всем вам стало известно, что мы, ступая по следам предшественника нашего и по совету и с согласия прелатов и каноников нашей церкви, комтура и братьев дома Тевтонского в Леале, вассалов и старейшин уже упомянутой церкви, положили настоящим посланием возобновить и сверх того упрочить властью, коей мы облечены, статуты и права, кои домогательством неопитов ранее упомянутого диоцеза нашего по совету магистра и братьев дома Тевтонского в Иерусалиме и вассалов нашей церкви блаженной памяти указанным предшественником нашим были даны и записаны.

Подлинный текст этих статуты и прав мы положили настоящей грамотой представить, а именно:

[1.] Что они платят десятину со всего, с чего согласно божественному праву они обычно десятину платят.

[2.] Также с каждой сохи они дают две марки... с половиной.

[3.] Также с каждой сохи одну курицу.

[4.] Также один день пахут господам своим на собственных быках и при собственных затратах, а два дня жнут.

[5.] Также с каждого, кто может косить, — по одному от каждого жилища* — два воза сена они обещали платить.

[6.] Также с каждой сохи они поставляют один локоть дров, равный в длину, ширину и высоту, который в просторечии именуется «ваден».

[7.] Также относительно вина — они делают крепкую брагу** и несут это своим господам.

[8.] Также упомянутую уже десятину они отрабатывают там, где желательно господам, если только место это, на котором они отрабатывают, находится в диоцезе, а вне диоцеза их не принуждать отрабатывать.

* Эстонск. — vitzkatu от vits (прут) и katus (кровля).

** gordie brazni — возможно, hart (немец.), braga (славянск.).

[9.] Кроме того, замки, церкви и дома господ своих строят, если окажется, что они разорены пожаром или набегом неприятелей; также церкви свои и дома пасторов строят и вновь отстраивают, если они разорены пожаром или вследствие какого-либо другого несчастного случая.

[10.] Также будут готовы к походу и к защите земли, когда их уведомит епископ.

[11.] Также они придерживаются духовных и понтификатных прав, а в иных случаях в присутствии господ своих придерживаются права светского суда, в коем, если случится, что терпят они незаслуженно, могут в соответствии с апостольским мандатом и правом народов обратиться к епископу.

[12.] И если сверх того, что записано, захотят добавить господам своим в услугах или иных дарах безо всякого принуждения, но добровольно, то мы положили оставить это на их свободное усмотрение.

А посему пусть вовсе никто из людей не осмелится нарушить эту грамоту нашего обновения и упрочения или безрассудно противостать ей.

Однако, если кто-нибудь осмелится посягнуть на это, то да знает, что подпадет под статью отлучения от церкви, каковую статью мы вносим в данную грамоту, и это отлучение расширится в соответствии с апостольским мандатом до иного наказания, если его навлечет дерзость непокорного.

Также пасторам в этих семи установленных кихелькондах мы строго вменяем, дабы они не забывали в своей церкви дважды в году, именно на праздник Пасхи и на праздник Непорочной Девы, в присутствии вассалов и неофитов оглашать точный текст этой грамоты, если и сами желают избежать такового наказания или сходного с ним.

Итак, дабы изложенное ранее оставалось крепким и нерушимым, мы положили скрепить настоящую грамоту печатью нашей и нашего капитула.

Дано в Хаапсалу в лето 1284.

Топонимический комментарий к немецко-куршским договорам 1230—1231 гг.

А. Тексты (топонимы), подлежащие локализации в «Мирной Курсе»

SLVA, № 161: «quod cum Curonibus de locis, quorum hec sunt nomina: 1. Rende, 2. Walegalle, 3. Pidewale, 4. Matecule, 5. Wane, 6. Pure, 7. Ugesse, 8. Bandowe, 9. Anses».

Географическое расположение пунктов по номерам указано на карте арабскими цифрами. Это Восточная Курса, ранее всех других частей замеченная (так как располагается ближе к Риге, откуда и шло завоевание) и в 1253 г. поэтому называемая «Мирная Курса» (Vredeturonia).

SLVA, № 163: «pragani de Curonia, scilicet de Bandowe, de Wanneman, de citra Winda, de villis, quarum nomina sunt hec»: 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 (все они были уже в № 161, см. по их номерам); дополнительно названы: 10. Talse, 11. Arowelle, 12. Pore et pluribus aliis.

Названные тут дополнительно villae № 10—12 тоже располагались в Восточной Курсе и тоже помечены на карте арабскими цифрами.

Восточная, или «Мирная» Курса (I)

При локализации топонимов немецко-куршских договоров 1230—1231 гг. надо иметь в виду и тексты о разделе Курсы между Орденом и епископом в 1253 г., в которых топонимика намного богаче, полнее (частично она повторяет топонимы 1230—1231 гг.).

Договор о разделе Курсы между Орденом и курляндским епископом от 4 апреля 1253 г.: раздел северной («обжитой», давно освоенной) Курсы: SLVA, № 357-LUB, Bd. I, Regeste, № 280; SLVA, № 358-LUB, Bd. I, № 248 (другая редакция текста). В другом договоре, тоже от 4 апреля 1253 г., разделу подверглась южная, менее заселенная часть Курсы: SLVA, № 359-LUB, Bd. I, Regeste, № 282; № 360-LUB, Bd. I, № 249 (другая редакция). Сопоставление актов 1230—1231 и 1253 гг. показывает, что все villae из актов 1230—1231 гг. (SLVA, № 161 и 163), числом 12, располагались тут, в «Мирной Курсе». Договор 1253 г. упоминает «in Vredeturonia», 26 (28) топонимов, т. е. вдвое больше. На карте (цифрами) отмечены только топонимы из актов 1230—1231 гг. Все это villae, притом, видимо, наиболее крупные поселения. Как правильно отмечал А. Швабе, и акт 1253 г. учитывал не все, а лишь более или менее значительные поселения, имевшие значение местных центров (A. Sybbe. Senā Kurša.—«Straumes un avotis», t. I. Rīga, 1938, lpp. 96). Приведем в этой связи два примера.

№ 7. Ugesse, или Ugenesse. Согласно SLVA, № 201 (-LUB, Bd. I, № 136) в 1234 г. вице-легат Балдуин Альна (тот самый, что заключал договоры 1230 г.) пожаловал рижской соборной церкви 25 гаков (это очень много) в «провинции Угессе» (текст: «in 25 uncis in Curonia, in castellatura Lodgie, in provincia Ugesse»).

№ 11. Aröwelle или Arwale. В 1387 г. это центр церковного прихода (LUB, Bd. III, № 1248, S. 528), в 1503 г. — центр сбора феодальных повинностей, т. е. «пагаст» (LUB, 2-й Abt. Bd. II, № 563; «in Erwalensi pago censitico», а в 1582/83 г. это крупный центр епископской вотчины, объединяющий вокруг себя 20 других деревень, или «служба Арлава»-Amt Erwahlten (L. Arbusow. Verzeichnis der bauerlichen Abgaben im Stift Kurland.—«Latvijas Universitātes Raksti», t. X. Rīga, 1924, S. 242).

О других топонимах «Мирной Курсы»

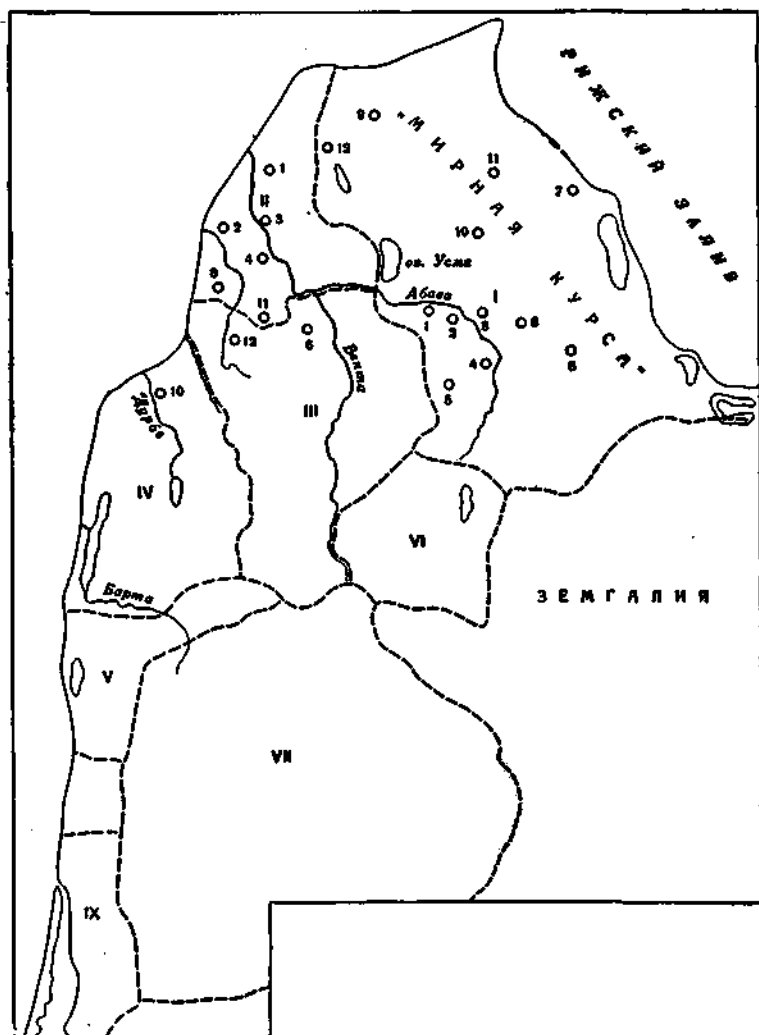
Bandowe — это, собственно, название другой куршской «земли» (III). Неясно, почему она тут упоминается; встречающиеся на ней деревни (Kiemala, Aliswanges) показаны в другом договоре, а именно — SLVA, № 162. Bandava — это среднее течение р. Вента, не входившее в «Мирную Курсу».

Wappetap, или Wappenia(?) — это другое, более раннее название «Мирной Курсы» (Vredeturonia впервые встречается лишь в 1253 г.). «Мирная Курса» — это местность, которую можно географически определить так: северная часть Курсы между течением р. Абава и Рижским заливом. Тут, на карте, располагаются современные городки Тукум, Кандава, Сабиле, Талсы, Пилтене; из этих (будущих) городов договоры 1230—1231 гг. упоминают лишь Кандаву (№ 8) и Талсы (№ 10).

citra Winda — «по сю сторону от р. Венты» (если смотреть со стороны Риги), т. е. к востоку от Венты. Это все та же «Мирная (Восточная) Курса».

Характер остальных поселений в «Мирной Курсе» (в скобках даны позднейшие, правильные их названия, сперва немецкое, потом латышское) таков:

1. Rende (Röppen, Rende) — позже казенное имение в приходе Кулдига (Голдинген).
2. Walgalle (Walgahlen, Valgāle) — позже центр казенного имения в приходе Сабиле (Zabeln).
3. Pidevalle (Pedwalen, Pedole) — позже центр частновладельческого имения.
4. Matcule (Matkuln, Matkule) — позже центр казенного имения в приходе Сабиле (Zabeln).

Древняя Курса в середине XIII в.

(A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St.-Petersburg, 1892)

5. Wanne (Wahnen, Vāne) — позже частновладельческое имение в том же самом приходе Сабиле.
6. Pygge, или Pugen (Puhren, Püre) — позже частновладельческое имение в приходе Кандава.
7. Ugesse, или Ugenesse (латышская деревня Ugunciems? Igene?).
8. Candowe — будущий город Кандава, центр одноименного прихода.
9. Anzes, Anses (Ance) — позже подмызок при имении Попе (Popen) в Пилтском приходе.
10. Talse — будущий город Талсы, центр одноименного прихода.
11. Agowelle (Erwalen, Arlava) — позже частновладельческое имение в одноименном церковном приходе.
12. Pore (Popen, Pore) — ср. № 9, позже частновладельческое имение в Пилтском приходе.

Б. Тексты (топонимы), подлежащие локализации в других «землях» древней Курсы

SLVA, № 162: «et pagani de Curonia, de terris Esestua, scilicet Durpis, et Saggara, et kiligundis, quarum hec sunt nomina: 1. Thargolae, 2. Osua, 3. Langis, 4. Venelis, 5. Normis, 6. Kiemala, 7. Pygawas, 8. Sarnitus, 9. Riwa, 10. Saccze, 11. Eduaia, 12. Aliswanges, 13. Arduus, 14. Alostanotachos».

«Земли» Вентава (II), Бандава (III) и Пиемаре (IV)

Пункты, поддающиеся локализации, на карте пронумерованы особо (1, 2, 3, 4, 6, 11 и 12). Большая часть из них приходится на куршскую «землю» Вентава (Winda), т. е. нижнее течение р. Вента, по обоим ее берегам (II), а единичные — на «землю» Бандава (Bandowe), т. е. среднее течение Венты (III) и на «землю» Пиемаре (Bihavelanc), на карте это — IV.

Преобладающая часть топонимов из SLVA, № 162 (1230 г.) встречается в 1253 г. (SLVA, № 357—358), но там их значительно больше. В акте раздела Курсы 1253 г. приходится на Winda (II) — 21, Bandowe (III) — 48, Bihavelanc (IV) — 41 географическое название (villae), т. е. топонимика 1253 г. много богаче, чем 1230 г. Все пункты — это, конечно, villae, притом большие, самые крупные центры, они бросились в глаза писцам 1230 г.; они же ими и названы. На деле уже тогда тамошняя сеть поселений была гуще изображенной в договоре. Это можно показать на двух-трех примерах:

№ 1. Thargolae. Несколько позже, но уже в XIII в. упомянутое название применяется для обозначения целого округа («provincia», или «regio»). В составе владений рижского соборного капитула (LUB, Bd. I, № 198, 219 и 534). Тем не менее в грамоте 1367 г. названный пункт по-прежнему могли обозначать скромно как «villa» (LUB, Bd. III, № 1248). Зато в 1582/83 г. в этом самом Targele встречаем более 41 гака земли, а на них 12 крестьянских хозяйств (L. Arbusow. Verzeichnis, S. 207).

№ 5. Normis. В 1290 г. показано 90 гаков «in territorio Normes» (LUB, Bd. I, № 532).

№ 10. Saccze, Sakke. Уже в 1253 г. здесь: «Bona quae habet Waltherus in Sacke, habebit in feudo de manu nostra... Preterea Nicolaus Curo, interpres, bona quae habet Sacke, habebit de manu episcopi», т. е. в одном пункте два феодальных владения от разных сеньоров — Ордена и епископа (SLVA, № 361). В 1386 г. — dorpe Sakke, но там же и господский двор — have; Sakke — центр вотчинного округа — gebede (LUB, Bd. II, № 1232). Позже оно попало в руки известных феодалов Сакенов, быть может получивших от него и фамилию? (LUB, 2-те Abt., Bd. III, № 44—1506 г.).

№ 11. *Edualia*. Позже это замковый округ *borchsokynge* (LUB, 2-te Abt., Bd. III, № 205 — начало XVI в.) замок Эдоле — см. LUB, Bd. VIII, № 545.

Следовательно, в договоре 1230 г. упомянуты лишь более или менее крупные пункты.

О других топонимах Вентавы, Бандавы и Пиемаре

Esestua — «нигде не обнаружена» (A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. SPb., 1892, S. 178), но, может быть, это «*Ezerīve*», лежащее вблизи Лиепайского озера, и тогда местность локализуется в земле *Bihavelanc-Piemare* (IV).

Durpis — в той же земле *Piemare* (Приморье в районе г. Лиепан). Это *Durbe* на оз. Дурбе, к западу от Лиепан (IV).

Saggara — А. Биленштейн указывает на грамоту XIII в., где: «*Sagere ex utraque parte Winde*» (по обе стороны р. Венты). Значит, указанная местность располагалась на Венте, скорее всего в «земле» Вентава (II).

О характере остальных поселений в Вентаве, Бандаве и Пиемаре известно следующее:

1. *Thargolae* (Tergeln, Targale) — позже частновладельческое имение в приходе Пилтен.
 2. *Osua* (Hasau, Usava) — позже казенное имение в приходе Виндава.
 3. *Langis* (Landsen, Landse) — часть более позднего имения *Suhrs* — *Sūras*.
 4. *Venelis* (Wensau, Venzava) — позже частновладельческое имение в приходе Виндава. Быть может, правильное читать *Venetis*, на р. Вента.
 5. *Normis* — на р. Вента (ибо в грамоте 1253 г.: «*Norme ab utraque parte Windae*»), но локализации не поддается.
- Все названные выше поселения располагались в земле Вентава (*Winda*).
6. *Kiemala* (Kimalen, Kimāle) — позже частновладельческое имение в церковном приходе Голдинген, в «земле» Бандава (III).
 7. *Pugawas* (Tigwen, Tigve) — позже казенное имение в приходе Голдинген, тоже в «земле» Бандава (III).
 8. *Sarnitus* (Sernaten, Sarnate) — позже частновладельческое имение в приходе Виндава, в «земле» Вентава (II).
 9. *Riwa* — известна лишь река *Riewa* в «земле» *Bihavelanc-Piemare* (IV).
 10. *Saccze* (Sackenhausen, Sākas-muiža) — позже известный феодальный замок курляндских магнатов Сакенов, центр одноименного церковного прихода, в «земле» Пиемаре (IV).
 11. *Edualia* (Edwalen, Edole) — позже частновладельческое имение в приходе Пилтен, в «земле» Вентава (II).
 12. *Aliswanges* (Alschwangen, Alsunga) — казенное имение и центр церковного прихода того же имени, в «земле» Бандава (III).
 13. *Ardus* — ?? Среди поздних топонимов не обнаруживается.
 14. *Alostanotachos* — по Биленштейну (A. Bielenstein. Op. cit., S. 226), это речушка *Alokste* в районе Сакенхаузена (см. № 10), в «земле» *Bihavelanc-Piemare* (IV).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторы этой книги поставили своей задачей рассмотреть процесс генезиса и развития (на ранней стадии) феодализма в четырех регионах нашей страны, чтобы выяснить как общие закономерности, так и локальные особенности этого процесса. В центре внимания были вопросы складывания феодальной собственности на землю и формирования класса феодально зависимого крестьянства. Но наряду с этими основными проблемами, авторам в зависимости от специфики тех регионов, которые они исследовали, приходилось затрагивать и другие сюжеты. Так, для понимания развития феодализма в Закавказье и Средней Азии, где население было этнически разнородно, где происходила неоднократная смена народностей, оказывавшая влияние на характер социально-экономических отношений и государственных образований, необходимо было уделить специальное внимание этнической истории. Пути развития феодальных отношений в странах Прибалтики, определявшиеся двумя формами синтеза — немецко-балтийской и балтийско-славянской, были бы непонятны без обращения к политической и внешнеполитической истории. Таким образом, при общности главной темы части книги отличаются известным своеобразием по содержанию и структуре.

Неодинаковы хронологические рамки, в которых ведется рассмотрение процесса феодализации в избранных для исследования регионах. Начальная грань в каждом случае определяется самой исторической действительностью. В Закавказье и Средней Азии феодальные отношения зародились раньше, чем на Руси и в Прибалтике, а в некоторых балтийских странах позже, чем в ряде русских земель. Следовательно, развитие происходило асинхронно, и сравнивать приходится явления разновременные, но стадийно однородные. Нет в книге и общей конечной грани. Для каждого из регионов она устанавливается в зависимости от существа происходивших там явлений. Для Руси это рубеж XV и XVI вв. (время образования единого государства); для Прибалтики — XIV столетие (начало заката Великого княжества Литовского); для Закавказья и Средней Азии (XVIII в.) — канун присоединения к России.

Сравнительно-исторический анализ показывает, что при всем своеобразии генезиса феодализма в четырех регионах можно отметить общие закономерности этого процесса. Повсюду складывалась и государственная, и частная феодальная собственность на землю. Соотношение этих форм на разных этапах и в разных местах было неодинаковым. Но на раннем этапе повсюду явно преобладала первая разновидность. Так, и на Руси, и в Прибалтике первоначальной формой эксплуатации крестьян была *дань*, взимавшаяся князьями с русских земель при посредстве своих дружинников, в прибалтийском регионе — с помощью местного нобилитета.

Частная феодальная собственность возникала в результате как разложения общинного землевладения и появления аллодов, так и передачи государством крестьянских общинных земель представителям господствующего класса. На Руси государственная власть закрепляла за землевладельцами черносошные волости. В Армении селения ранее лично свободных крестьян-общинников («гевлы») в результате царских пожалований приравнивались к положению «дастакертов» и «агарак» (земель частнособственнических). В Литве долго сохранялось лично свободное крестьянство, подчиненное великому князю. В Эстонии и Латвии крестьянские земли были захвачены немецкими завоевателями. Во всех случаях политическая надстройка активно воздействовала на характер феодального строя.

Раздача земель их верховными собственниками — носителями высшей государственной власти представителям господствующего класса производилась на вотчинном праве и во временное держание, обусловленное несением вассальной службы. При этом и на Руси, и в Прибалтике вассальная система складывалась первоначально на основе пожалований сеньорами слугам не самой земли, а доходов с нее, как ленов, состоящих из даней. Такое же значение вначале имели на Востоке и ленные пожалования типа «икта», «союргаль», «тиуль». Но естественно стремление лиц, получивших право на часть прибавочного продукта крестьянского труда, к увеличению присваиваемой доли, а следовательно, и к получению в собственность крестьянской земли и закреплению за собой самих крестьян. Отсюда тенденция к перерастанию ленов, состоящих из даней, в земельные лены и к эволюции условной собственности по пути превращения в полную. Аналогичную эволюцию претерпевали «икта», «союргаль». На Руси на смену «полюдь», как форме присвоения и распределения между собой продуктов труда крестьян коллективом лиц, над ними господствующих, пришла система «кормлений», т. е. временных пожалований князьями слугам права на сбор доходов с определенных территорий в связи с передачей им функций управления. Еще позднее складывается помещстная система, нормирующая порядок обеспечения населенными и нена-

зелеными земельными участками служилых людей в качестве условных собственников. В дальнейшем наблюдался процесс перенесения на поместья норм вотчинного права, и это весьма напоминает то, что происходило в Азербайджане или Армении, где иктадары стремились стать полными собственниками своих держаний.

Много общего наблюдается в процессе формирования в четырех регионах феодально зависимого крестьянства. Полемика о том, кто такие армянские шинаканы, по своему характеру близка к спорам о русских смердах. Считали, что термин «шинакан» обозначает или вообще крестьян, или крестьян-крепостных. Только исторический подход к вопросу позволил наметить эволюцию шинакан по пути от лично свободного крестьянства, обложенного государственным тяглом, к крестьянству, попавшему под власть светских и церковных феодалов. В процессе исчезновения свободных крестьян термин «шинакан» меняет свое значение, сливается с термином «рамик» и начинает, подобно последнему, применяться к населению феодальных имений. Та же картина наблюдается в Албании. В Грузии IV—VIII вв. эволюцию, аналогичную шинаканам, проделали мквидри. В Иране на протяжении V—VII вв., в связи с ликвидацией свободных крестьян-общинников, применявшиеся к ним термины «вастриошаны» и «дехганы» приобретают новый смысл. Дехганами стали называть представителей господствующего класса — выходцев из среды сельских верхов. Судя по согдийским документам, «простонародье» («карикары») — непосредственные производители, выполнявшие государственные повинности, постепенно подчиняются местным землевладельцам и переходят на положение феодально зависимых крестьян.

Все это очень похоже на процессы, наблюдавшиеся в древней Руси, где свободные общинники — «люди» с переходом их земель в верховную собственность государства превращались в княжеских данников-«смердов», а с ростом частной земельной собственности князей, бояр, духовных феодалов — в зависимых от них крестьян (закупов, сирот и т. д.).

Крестьяне Эстонии и Латвии в период вассальной зависимости этих стран от древнерусского государства являлись плательщиками дани, немецкие завоеватели стали принуждать их к уплате чинша и несению барщины.

Известную близость социальных отношений на Руси, в Прибалтике, Закавказье, Средней Азии можно усмотреть и в том, что повсюду в складывании феодального строя определенную роль играло рабство. Сохранившиеся источники не дают возможности обнаружить в древней Руси и Прибалтике ту нерасчлененную форму зависимости (полурабского, полуфеодального типа), которая известна на Востоке под названием «бандак», «тсарай», «мона» и др. Но сведений о рабах-челядинах, холопах

у нас достаточно, и несомненно, что рабство было одним из каналов, через которые шел процесс формирования класса феодально зависимого крестьянства.

Сравнительно-исторический анализ свидетельствует, что при наличии общих закономерностей процесса феодализации в каждом из регионов они проявлялись в особых конкретных условиях, которые накладывали на этот процесс отпечаток своеобразия. Были внутренние причины такого своеобразия, вытекавшие из самого характера социально-экономического развития, играли роль здесь и обстоятельства внешнего порядка. Наконец, на исторический процесс воздействовали и географические условия.

Из внутренних факторов имели значение такие, как соотношение на разных этапах верховной собственности государства и собственности отдельных групп господствующего класса, вотчинного землевладения и условных земельных держаний, лично свободного и закрепощенного крестьянства. По-разному в разных регионах сказывалась роль города и товарного производства при феодализме (этот вопрос не был предметом специального изучения в данной книге). Из внешних факторов воздействовали на характер феодального строя и его эволюцию такие, как перемещения населения, иноземные вторжения и завоевания. В соответствующих разделах книги и были сделаны попытки показать различные варианты единого по своим закономерностям процесса генезиса и развития феодализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЗР, т. I. — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею», т. I. СПб., 1846.
- АСЭИ, т. I—III. — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I. М., 1952; т. II. М., 1958; т. III. М., 1964.
- АФЗХ, ч. I. — «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков», ч. I. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1951.
- БСЭ — «Большая советская энциклопедия», изд. 2-е.
- ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Под редакцией С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- ГЛ — *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. Изд. С. А. Аннинский. М.—Л., 1938.
- ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
- «Известия ГАИМК» — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры».
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археологической комиссии».
- НПЛ — «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». Под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
- ПВЛ, ч. I. — «Повесть временных лет», ч. I. Под редакцией В. П. Афанасьева-Перетца. М.—Л., 1950.
- ПДАЛ, кн. I. — «Памятники древнегрузинской агиографической литературы», кн. I (V—X вв.). Издал И. В. Абуладзе. Тбилиси, 1963 (древнегрузинский яз.).
- ПЛ, вып. I — «Псковские летописи», вып. I. Приготовил к печати А. Н. Насонов. М.—Л., 1941.
- ПРП — «Памятники русского права», вып. 1. М., 1952; вып. 2. М., 1953. Составитель А. А. Зимин.
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей, изданное Археологическою комиссиею», т. I, вып. 1, изд. 2. Л., 1926; т. I. Л., 1927; т. II. СПб., 1908; т. III. СПб., 1841; т. XXV. М.—Л., 1949.
- РИБ, т. VI. — «Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею», т. VI. СПб., 1880.
- РЛА — «Русско-ливонские акты». Изд. К. Е. Напьерский. СПб., 1868.
- СДГМ — «Сборник документов с горы Мут», вып. I. М., 1962; вып. II. М., 1962; вып. III. М., 1963.
- «Труды ГИМ» — «Труды Государственного исторического музея».
- «Чтения ОИДР» — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».
- BGA — «Bibliotheca Geographorum Arabicorum». Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, t. I, 1870; t. III, 1877; t. V, 1885; t. VI, 1889; t. VIII, 1894.

- HRM, t. I. — «Historica Russiae Monumenta», t. I. Ed. A. J. Turgenev. СПб., 1841.
- HW — *Hermann Wartberge*. Chonicon terrae Prussiae. — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. II. Leipzig, 1863.
- LGU, Bd. I. — «Livländische Güterurkunden», Bd. I. Hrsg. H. V. Bruiningk — N. Busch. Riga, 1908.
- LR — «Livländische Reimchronik». Ed. L. Meyer. Paderborn, 1876.
- LUB — «Liv- Esth- und Curländisches Urkundenbuch». Ed. F. G. Bunge, Bd. I. Reval, 1853; Bd. II. Reval, 1855; Bd. IV. Reval, 1859; Bd. VI. Riga, 1871.
- MGH SS — «Monumenta Germaniae Historica, Scriptores», Hannover, t. XVI, 1859; t. XXI, 1869.
- PD, t. I. — *Petri Dusburg*. Schronica terrae Prussiae. — «Scriptores Rerum Prussicarum», t. I. Leipzig, 1861.
- SHAW — «Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse».
- SRS, t. I. — «Scriptores Rerum Svecicarum mediæ ævi», t. I. Ed. E. M. Fant. Upsaliae, 1828.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаев В. И., языковед 38, 43, 66
 Аббас I, иранский шах 47, 98
 Аббас II, иранский шах 54
 Або Тбилисский, святой грузинской церкви 65, 66, 77, 91, 112
 Абрамян А., историк 41, 71
 Абу Дулаф, арабский путешественник 45
 Абу Йусуф, арабский юрист 105
 Абуладзе И. В., филолог 77
 Авраам, библейский персонаж 88
 Агарь, библейский персонаж 88
 Агатагел, древнеармянский историк 35, 44, 45, 77, 86, 96, 118, 119
 Агафий, византийский историк 36
 Адонц Н. Г., историк 12, 22, 25, 44, 45, 51, 61, 75, 76, 77, 81, 104
 Азон, легендарный правитель Карли 77
 Акинян Н., историк 26
 Акопян В. А., историк 30, 61, 89
 Акопян С. Е., историк 62, 112
 Акопян Т. Х., историк 35, 44, 45
 Албиан, армянский епископ 81
 Алебранд, немецкий священник 293
 Александр Македонский 34, 77, 79, 116
 Алексеев В. П., антрополог 21, 28
 Алексеев Л. В., историк 188
 Алексеев Ю. Г., историк 188—190, 211, 213, 214, 228, 237
 Алексей, инок 233
 Алексей, митрополит киевский и всея Руси 236, 237
 Алексей Петрович Хвост, боярин 210
 Али-заде А. А., историк 47, 56, 57, 104, 110
 Алиев К., историк 42
 Аллен У.Э.Д. (Allen W.E.D.), английский историк 25
 Альберт, рижский архиепископ 263
 Амусин И. Д., востоковед 88
 Анастасия Васильевна, киевская княгиня 223
 Андрей Васильевич Большой, угличский кн. 223
 Андрей Васильевич Меньшой, вологодский кн. 199, 201, 202, 223, 234, 242, 245
 Андрей Юрьевич Боголюбский, владими́ро-суздальский вел. кн. 154, 163—165
 Андрей фон Вельфен, ливонский магистр 290
 Андроникашвили М., филолог 65
 Анисимова В. Р., историк 257
 Аннинский С. А., археограф 285
 Анно, ливский нобиль 277
 Анскарий, католический церковный миссионер 284, 285
 Антейн А. К., историк 261
 Антон Гладкий, дворцовый истопник 222
 Антоневич Е. (Antoniewicz J.), польский историк 255, 256, 262
 Анчабадзе З. В., историк 36, 37
 Аран, легендарный правитель Алабани 38
 Арбузов Л. (Arbizow L.), немецкий историк 267—269, 275, 294
 Аргунов П. А., историк 133
 Ардуван (Артабан V), парфянский царь 74, 80, 114
 Арендс А. К., востоковед 108
 Арнольд Любекский, немецкий хронист 262
 Артавазд I, армянский царь 38
 Артамонов М. И., историк 58
 Артахшир I, иранский шах 68, 74, 80, 84, 113, 114, 116
 Арташес, армянский царь 90
 Арташес I, армянский царь 35, 38, 39
 Арутюнян Ш. Р., историк 25
 Арфаст, норманн, наместник Руси в Ливонии 264
 Арциховский А. В., историк 180
 Арчил, грузинский царь 78

* Имена, упомянутые в Приложении (стр. 302—320), в указатель не включены.

Аршак II, армянский царь 62, 80, 81, 90, 93, 119
 Атропат, сатрап Мидии 50
 Афанасий, епископ Александрии 89
 Афанасьев Андрей 245
 Ашот куропалат, грузинский правитель 15
 Базилевич К. В., историк 192
 Байазид I, турецкий султан 57
 Байхаки, персидский историк 108
 Балами, среднеазиатский историк и государственный деятель 72, 79, 82
 Барг М. А., историк 3
 Бартоломэ Х. (Bartholomae Ch.), немецкий иранист 62, 79, 80, 84, 115—118
 Бартольд В. В., русский востоковед 10, 11, 20, 26, 54, 57, 82, 108
 Басенок см. Федор Васильевич Басенок
 Батура Р., историк 301
 Бахрам V Гур, иранский шах 69, 72, 83
 Бахрушин С. В., историк 136, 137
 Бейлис В. М., востоковед 41, 107
 ал-Белазури, арабский историк 40, 105
 Беляев Е. А., востоковед 95, 121
 Беляков Г. Ф., историк 252
 Бенвенист Э. (Benveniste E.), французский иранист 49
 Берладник см. Иван Ростиславич Берладник
 Бернадский В. Н., историк 188
 Бессмертный Ю. Л., историк 3, 6
 Билкис, царица Савская 37
 Бирон А. К., историк 257
 ал-Бируни, среднеазиатский ученый 48, 51, 53, 70
 Блаватская Т. В., историк 89
 Богверадзе А. А., историк 20, 65, 78, 81, 91, 105
 Боголюбов М. Н., иранист 86
 Бограхан, среднеазиатский правитель 108
 Болотников А. А., историк 73
 Болтунова А. И., историк 66
 Бонгард-Левин Г. М., историк 68, 87
 Борис Васильевич, волоцкий кн. 203, 205
 Боровков А. К., филолог 54
 Брайчевский М. Ю., историк 139, 140, 152
 Бранденштейн В. (Brandenstein W.), немецкий востоковед 13
 Бренко, кр-н 225
 Бривкальне Э. П., историк 261
 Бродель Ф. (Braudel F.), французский историк 3

Бромлей Ю. В., историк 21, 28
 Броссе, М., русский академик, кавказовед 15, 22
 Брук С. И., этнограф 52, 58
 Булгаков П. Г., востоковед 45
 Булсара С. (Bulsara S.), парсийский ученый 70, 85, 117
 Бунге Ф. Г. (Bunge F. G.), немецкий историк 268, 289
 Буннятов З. М., историк 42, 46, 59
 Вайафар, персидский юрист 116, 117
 Валааршак, легендарный армянский царь 114, 118
 Вараз Бакур, правитель Рана (Арана) 92
 Варгриббе, латгальский нобиль 278
 Вардан Мамиконян, армянский полководец 80, 106
 Варемар, эстонский нобиль 266
 Варидоте, эстонский нобиль 282
 Варлаам Хутынский, основатель Хутынского м-ря в Новгороде 174
 Варскен, грузинский пштархш 65
 Васак Сюни, армянский кн. 72, 82
 Василий I Дмитриевич, московский вел. кн. 197, 223
 Василий II Васильевич Темный, московский вел. кн. 195—198, 200, 202—206, 218, 221—223, 244
 Василий III Иванович, московский вел. кн. 209
 Василий Юрьевич, звенигородский и галицкий кн. 195
 Василий Юрьевич, суздальский кн. 204
 Василько (Василий) Ростиславич, теребовльский кн. 164
 Васко Игнатов сын, кр-н 221
 Вассар А. К., историк 290
 Вахкерт, легендарный иранский царь 72
 Вахтанг Горгосал, грузинский царь 92
 Вачаган, албанский царь 64, 65, 93
 Везике, ливский нобиль 276
 Вельяминов Иван Васильевич 210
 Венедиктов А. В., историк 126, 129
 Вернер Т. (Werner Th.), немецкий филолог 48
 Веселовский С. Б., историк 132, 188, 245, 249
 Вехспахур, персидский юрист 116
 Виденгрэн Г. (Widengren G.), шведский востоковед 25, 76, 80, 84, 118
 Виестард (Вестер), земгальский нобиль 277
 Викандер С. (Wikander S.), шведский востоковед 68, 117

- Вилар П. (Vilar P.), французский историк 3
- Вильгельм Моденский, папский легат 280
- Витень, литовский вел. кн. 299
- Витов М. В., этнограф 255
- Витовт, литовский вел. кн. 208, 298
- Владимир, полоцкий кн. 264, 281
- Владимир Андреевич, серпуховский и боровский кн. 198, 201, 203, 206
- Владимир Васильевич, владимиро-волинский кн. 155, 169, 183
- Владимир Всеволодович Мономах, киевский вел. кн. 156, 161
- Владимир Мстиславич, псковский кн. 263, 285, 293
- Владимир Святославич, киевский вел. кн. 137, 138, 158, 265
- Владимирский-Буданов М. Ф., историк 298, 300, 301
- Вознесенский С. В., историк 136
- Войшвилт, литовский служилый феодал 300
- Волкайте-Куликаускаене Р., историк 257, 260
- Володарь (Владмир) Ростиславич, перемишльский кн. 164
- Ворков Борис, вотчинник 205
- Воронин Н. Н., историк 150
- Всеволод, ерсицкий кн. 263, 266, 285
- Всеволод Мстиславич, новгородский и псковский кн. 153, 154, 163, 164, 169
- Всеволод Ольгович, киевский вел. кн. 158, 160
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, владимиро-суздальский вел. кн. 152, 160, 164, 165
- Всеволод Ярославич, черниговский кн., киевский вел. кн. 161, 165
- Всеволожский Иван Дмитриевич, боярин 205
- Выконт, жемайтский кн. 275
- Вячко, кокнеский кн., новгородский наместник в Тарту 266, 285
- Габашвили В. Н., историк 10, 112
- Гагик Арцруни, правитель Васпурака-на 46
- Галстян А. Г., историк 90, 91
- Гардизи, персидский историк 107
- Гебо, немецкий рыцарь 293
- Гедмина, литовский вел. кн. 298, 299, 301
- Генрих, эзельский епископ 290
- Генрих Латвийский, немецкий хронист 259, 264, 267, 269, 276, 281, 282, 285, 286, 289, 292, 293
- Георгий Мерчул, древнегрузинский писатель 15, 32
- Герман Вартберге, немецкий хронист 282, 290
- Геродот, древнегреческий историк 97
- Гершевич И. (Gershevich I.), английский востоковед 49
- Гершенкрон А. (Gerschenkron A.), американский историк 3
- Гинцбург В. В., антрополог 49
- Гиршман Р. (Girschmann R.), французский археолог 25
- Гладкий Антон см. Антон Гладкий
- Глеб Ростиславич, рязанский кн. 160
- Годфрид, немецкий рыцарь 292
- Голтыева Мария Федоровна, боярыня 203
- Голубцова Е. С., историк 89
- Гольдберг А. Л., историк 3
- Гонорий III, римский папа 262, 267
- Горемыкина В. И., историк 142, 153, 155, 162, 166, 180, 183
- Горский А. Д., историк 193, 211, 213, 216, 219—221, 225, 238—240
- Грантовский Э. А., историк 47
- Греков Б. Д., историк 6, 7, 134—141, 161, 166, 175, 181, 190—192, 229—232, 235, 238—240, 249, 265
- Григорий IX, римский папа 280
- Григорий Пахлав (Просветитель), основатель армянской церкви 41, 81
- Григорий Хандзтский, святой грузинской церкви 15, 32
- Грушевский А. С., историк 298
- Грушевский М. С., историк 7
- Гуарам, правитель Картли 77
- Гуннар, норманн, наместник Руси в Ятвягии 264
- Гуревич А. Я., историк 129
- Гутнова Е. В., историк 6
- Дабрел, ливский нобиль 278
- Давид IV, грузинский царь 107
- Давид, городенский воевода, литовский наместник во Пскове 299
- Дадаршиш, сатрап Бактрии 84
- Дайга И. В., историк 261
- Дандамаев М. А., историк 16
- Данилайте Е., историк 255, 256
- Данилевский Н. Я., историк 4
- Данилов А. И., историк 3
- Данилова Л. В., историк 6, 131, 188
- Дарий I, персидский царь 84
- Датабен, армянский кн. 89
- Даусетт Ч. (Dowsett C.), английский кавказовед 26
- Деншапух, персидский наместник в Армени 61
- Джавахишвили И. А., историк 9, 22—25

Джавахос, легендарный персонаж 35
 Джанашиа С. Н., историк 24, 78
 Джеваншир, албанский князь 90
 Джелал ад-дин, хорезмшах 111
 Джорджик, грузинский феодал 91
 Джуаншери, древнегрузинский историк 92
 Диваштич, правитель Согда 73
 ад-Динавери, арабский историк 68, 71, 114
 Дмитрий Иванович Донской, московский вел. кн. 196, 206, 210
 Дмитрий Юрьевич Большой Шемяка, звенигородский и галицкий кн. 198, 204
 Довженко В. И., историк 139, 140
 Довнар-Запольский М. В., историк 300, 301
 Дорошенко В. В., историк 255, 257, 263, 267, 277, 279
 Дрока, кр-н 225
 Дружинин Н. М., историк 224
 Дубровский С. М., историк 134
 Духанов М. М., историк 253
 Дыбин Тимофей, вотчинник 217
 Дьяконов И. М., востоковед 14, 21, 35, 39, 44, 51, 65, 79, 91, 96, 113
 Дьяконов М. М., востоковед 11, 39
 Евстатий, святой грузинской церкви 81
 Елена (Олена) Ольгердовна, княгиня 206
 Елише, древнеармянский историк 61, 69, 77, 80—82, 86, 87, 93, 96, 106
 Ельницкий Л. А., историк 66
 Еремян С. Т., историк 24, 35, 44, 45, 90, 97, 112—114
 Еруаз, армянский жрец 90
 Есай Джалалянц, агванский католикос 43
 Ефрем II, киевский митрополит 163
 Жданов А. А. 137
 Жонтар И. (Zontar J.), югославский историк 268
 Жуков Е. М., историк 3
 Зайончковский С. (Zajęzkowski S.), польский историк 7
 Захарий Канакерци, армянский историк 51
 аз-Замахшари, арабский филолог 83
 Заринья А. Э., историк 261
 Захарий Мхаргдзели, полководец 30
 Зейдз Т. Я., историк 252, 257
 Зельин К. К., историк 17
 Земзарис Я. К., историк 282, 289, 291

Зимин А. А., историк 8, 141, 142, 168, 171, 173, 180, 186, 193
 Злоба Васильев сын см. Львов Леонтий
 Злоба Васильев сын
 Зутис Я. Я., историк 255, 264
 Ибн ал-Асир, арабский историк 107
 Ибн Биби, сельджукский историк 37
 Ибн Исфендияр, персидский историк 68
 Ибн Мискавейх, арабский историк 54, 107
 Ибн Мукаффа, арабский ученый 51—53
 Ибн ал-Факих, арабский географ 45, 52
 Ибн Хаукаль, арабский географ 41
 Ибн Хордадбех, арабский географ 40, 54, 78
 Иван (Wape), ливский нобиль 267
 Иван Андреевич, можайский кн. 202
 Иван Борисович, волоцкий кн. 202
 Иван Васильевич, суздальский кн. 196
 Иван III Васильевич, московский вел. кн. 197, 198, 201—204, 209, 221, 222, 226
 Иван IV Васильевич Грозный, царь 190
 Иван Владимирович, пронский кн. 208
 Иван Данилович Калита, московский вел. кн. 184, 200, 203, 205, 237, 301
 Иван Ростиславич Берладник 177
 Иванко Чудинович, эстонский дружинник на русской службе 265
 Иванов В. В., лингвист 48, 77
 Иванэ, грузинский епископ 91
 Иванэ Сабанидзе, автор жития 65
 Игорь, киевский вел. кн. 151, 152, 157, 160, 171
 Игорь Ольгович, черниговский кн., киевский вел. кн. 158, 160
 Игорь Святославич, новгород-северский и черниговский кн. 177
 Изяслав Владимирович, курский кн. 161
 Изяслав Мстиславич, владимирово-лыннский кн., киевский вел. кн. 153, 154, 160, 163, 176
 Изяслав Ярославич, киевский вел. кн. 163
 Иисус Навин, библейский персонаж 33
 Иисус Христос см. Христос
 Ильин Г. Ф., историк 68, 87
 Иоанн Драсханакертци, армянский историк 46
 Иоанн Мамиконян, армянский историк 87
 Иона, московский митрополит 245

- Иосиф, библейский персонаж 86
 Иосиф Флавий, иудейский историк 38
 Иохансен П. (Johansen P.), немецкий (ФРГ) историк 260, 282
 Искандер Мунши, персидский историк 54
 Искусеви, эстонский дружинник на русской службе 264
 ал-Истахри, арабский географ 41, 46, 49
 Иуда, библейский персонаж 86
 Ишмайл (Изманил), библейский персонаж 88
 Ишобохт, сирийский правовед, 79, 85, 116
 Иакуб ибн Лейс, иранский правитель 53, 107
 ал-Иакуби, арабский географ и историк 40
 Иакут, арабский географ 46, 53
 Кадмос, легендарный персонаж 94
 Каждан А. П., историк 6
 Казакевич Э. Л., историк 67
 Кайфумарт, легендарный иранский царь 72
 Калынь В. Е., историк 257, 266, 267, 272
 Карач Якуш см. Якуш Карач
 Кареев Н. И., историк 134
 Карл Великий, император 135
 Карм, иранский кн. 84, 114
 Картир, персидский маг 77
 Картиос, легендарный персонаж 34—36
 Каулеме, ливский нобиль 289
 Каупо, ливский нобиль 267, 270, 276, 277
 Каутский К. 211, 216
 Каухчишвили Т. С., историк 67
 Қахк Ю. Ю., историк 252
 Кахос, легендарный персонаж 35
 Каштанов С. М., историк 8, 130, 227
 Кекелидзе К. С., филолог 15
 Кемпфер Э. (Kaempfer E.), шведский дипломат и путешественник 104
 Кесрави А., иранский историк 52
 Кирион, грузинский католикос 87
 Киприан, русский митрополит 299
 Киракос Гандзакечи, армянский историк 43
 Кирик, новгородский неромонах 182
 Кирилл, русский митрополит 174
 Киров С. М. 137
 Киселев П. Д., граф, русский государственный деятель 224
 Киттель Р. (Kittel R.), немецкий гебраист 29
 Клима О. (Klíma O.), чешский историк 70
 Климент III, римский папа 262
 Климент Смолятич, митрополит, древнерусский писатель 184
 Климов Г. А., лингвист 41, 52, 56
 Клокман Ю. Р., историк 227
 Клоков Оверкей, костромской слободчик 221
 Ключевский В. О., историк 132
 Кляшторный С. Г., востоковед 54
 Кобад I, иранский шах 71
 Козлов В. И., этнограф 31
 Колганов М. В., экономист 101, 126—130
 Колесницкий Н. Ф., историк 155, 252
 Константин Багрянородный, византийский император 80, 152, 160
 Коношная Р. П., историк 143
 Копанев А. И., историк 188, 211, 212, 216, 225
 Корецкий В. И., историк 153, 176
 Корибут, литовский кн. 299
 Кормилицына Елена, землевладелица 238
 Корюн, древнеармянский автор 41, 114
 Костржевский И. (Kostrzewski I.), польский историк 255, 257, 262
 Котляр М. Ф., историк 7
 Кочин Г. Е., историк 137, 149, 156, 191, 192, 213, 214, 216, 218, 224, 227, 229, 230, 232, 236—241, 243—245, 248
 Краузе В. (Krause W.), немецкий филолог 48
 Кристенсен А. (Christensen A.), датский востоковед 25, 71, 80
 Крутиков Николай (Михула) Яковлев сын, кр-н 225
 Ксенофонт, древнегреческий историк 103
 Куджи, легендарный правитель Эгрис 92
 Кузнецов И. В., историк 137
 Куликаускас П. З., историк 257
 Куля В. (Kula W.), польский историк 3
 Куницар, эстонский дружинник на русской службе 264
 Курчевский И. (Kurczewski J.), польский историк 300
 Кусикян И. К., филолог 43, 91
 Кустин А. Э., историк 257, 261
 Кутейба, арабский полководец 72
 Кухос, легендарный персонаж 35
 Кютлер В. (Küttler W.), немецкий (ГДР) историк 5
 Лазар Парпеци, древнеармянский историк 62, 64, 69, 80, 86, 87, 96

- Лакман Г. (Laakmann H.), немецкий историк 289
- Ламмекин, куршский нобиль 271, 278
- Латышев В. В., филолог 35, 39, 40, 44, 66, 97
- Лембиту, эстонский нобиль 277
- Ленин В. И. 12, 16, 18, 67, 126, 131, 166, 211, 216
- Ленцман Я. А., историк 67, 95, 103
- Лео (А. Бабаханян), историк 46
- Леонти Мровели, древнегрузинский историк 41, 46, 50, 77, 92
- Лесмеит А. Я., историк 269
- Лёккегорд Ф. (Løkkegaard Fr.), датский востоковед 26, 80
- Ливя, дружинник Арфаста 264
- Лившиц В. А., иранист 74, 86, 113
- Лиги Х. М., историк 252, 257, 260, 278, 289
- Лингевин, литовский нобиль 275
- Ловмянский Х. (Łowmiański H.), польский историк 260, 262
- Лоун Х. Р. (Loyn H. R.), английский историк 34
- Ломоури Н. Ю., историк 36, 67
- Лопарев Х. М., филолог 184
- Лорткипанидзе М. Д., историк 37
- Лорткипанидзе О. Д., историк 67
- Лот, библейский персонаж 34
- Лурье С. Я., историк 97
- Львов Леонтий Злоба Васильев сын, землевладелец 223
- Лэмбтон А.К.С. (Lambton A.K.S.), английский востоковед 26, 109
- Лэнг Д. М. (Lang D. M.), английский историк 25
- Любарт-Дмитрий Гедиминович, литовский кн. 299
- Люблинская А. Д., историк 4, 6
- Ляпушкин И. И., историк 13, 143, 147, 148, 159
- Маврикий, византийский император 87
- Мавродин В. В., историк 139, 143, 144
- Магушнас, иранский сановник 69
- Маздак, руководитель движения в Иране 70
- Майерхофер М. (Mayerhofer M.), немецкий востоковед 13
- Малхасянц С., филолог 94
- Малька (Малуша), ключница княгини Ольги 158
- Манандян А. Я., историк 22—24, 38, 44, 61, 62, 64, 90, 97, 104, 112
- Мамвел Мамиконян, армянский князь 63
- Мандаков Савва, кр-н 221
- Манучихр, легендарный иранский царь 72
- Марасинова Л. М., историк 188
- Марик А. (Maricq A.), бельгийский востоковед 114
- Марк К. Ю., этнограф 255
- Маркварт И. (Markwart J.), немецкий востоковед 11, 38, 51, 52
- Маркс К. 12, 14, 16—20, 27, 95, 101, 102, 104, 107, 121, 126—128, 135, 137, 143, 156, 157, 192, 212, 213, 215, 216, 227
- Марр Н. Я., языковед 15, 22, 32, 37, 75, 135
- Мартинян (Мартемьян), старец Кирило-Белозерского м-ря 221
- Мартынов М. Н., историк 136
- Масленикова Н. Н., историк 188
- Массон В. М., историк 11, 55
- Массон М. Е., историк 48
- Мас'уд Газневид, восточный правитель 57, 108
- Мас'уд ибн Намдар, чиновник 41, 107
- ал-Мас'уди, арабский энциклопедист 31, 32, 51, 53, 72, 77, 120, 121
- Махмуд Газневид, восточный правитель 57
- Мейман М. Н., экономист 142
- Мейнард, номинальный ливонский епископ 288, 292
- Меликишвили Г. А., историк 20, 25, 33, 35, 37, 46, 65, 66, 78, 91, 92
- Мелюке, латгальский нобиль 278
- Месроп Маштоц, армянский просветитель 41, 114
- Микула, эстонский дружинник на русской службе 265
- Миллер Б. М., иранист 52, 56
- Миндовг, литовский вел. кн. 275, 279, 284, 297
- Минка Ескин сын, кр-н 219
- Минорский В. Ф., русский востоковед в Англии 16, 26, 38, 40, 47, 58, 59, 107
- Михаил Александрович, тверской вел. кн. 210
- Михаил Андреевич, верейский и белозерский кн. 197, 199, 202—205, 218, 221, 225
- Михаил Борисович, тверской вел. кн. 197
- Михаил Всеволодович, черниговский кн. 176
- Михрек, персидский феодал 68
- Михр-Нерсе, иранский сановник 69, 72

Мовсес Каланкатвази, албанский историк 26, 38, 41, 42, 64, 81, 87, 90, 93, 114
 Мовсес Хоренаци, древнеармянский историк 14, 20, 38, 39, 41, 50, 51, 58, 75, 76, 78, 81, 82, 90, 94, 113, 114, 118, 119
 Моисей, библейский персонаж 93
 Монгайт А. Л., историк 188
 Моора А. Х., историк 259, 260, 278
 Моора Х. А., историк 252, 255, 257, 259—262, 278
 Морозов Василий Михайлович Слейп, боярин, вотчинник 217
 Мстислав Владимирович, киевский вел. кн. 153, 160, 161, 163
 Мстислав Ростиславич, кн. 163, 165
 Муавия, арабский халиф 45, 105
 Мугуревич Э. С., историк 262, 270
 ал-Мукаддаси, арабский географ 41, 49, 55
 Мусянович К. (Muslanowicz K.), польский историк 255
 Мухаммед, основатель ислама 105, 121
 Мушег, армянский полководец 80
 Мхитар Гош, армянский юрист 43, 91, 100
 Мюнаджим-баши, турецкий историк 107
 Навуходоносор, вавилонский царь 76
 ан-Надим, арабский ученый 53
 Надирадзе Л. И., востоковед 73, 104, 106, 121
 Намейсис, земгальский нобиль 277
 Наршахи, среднеазиатский историк 72, 105
 Насир-и Хусрау, персидский путешественник 46
 Насонов А. Н., историк 141
 Некомат, сурожанин 210
 Нерсе, картлийский правитель 65
 Нерсес, армянский католикос 63, 81
 Неусыхин А. И., историк 6, 143, 145, 157, 169, 189
 Низам ал-мульк, иранский сановник 70, 79, 108
 Никольский Н. К., историк 184
 Никольский Н. М., историк 112
 Нимрод, библейский персонаж 92
 св. Нино, проповедница христианства в Грузии 77
 Нифонт, новгородский архиепископ 265
 Новицкий Г. А., историк 8
 Новичев А. Д., историк 57
 Нойшер Д. (Neusher J.), американский историк 58

Нольте Э. (Nolte E.), немецкий (ФРГ) историк 4
 Носов Н. Е., историк 190
 Нюберг Х. (Nyberg H. S.), шведский востоковед 113

Окулик, кр-н 221
 Олег, киевский вел. кн. 151, 171
 Олег Святославич, черниговский кн. 151, 161, 180
 Елена см. Елена Ольгердовна
 Олфер, кр-н 221
 Ольга, киевская вел. княгиня 152, 158, 264—266
 Оранский И. М., иранист 13, 48—51
 Ормизд-Ардашир, правитель Армении 78
 Осман, арабский халиф 105

Павлов-Сильванский Н. П., историк 131—133
 Павловская А. И., историк 89
 Павулан В. В., историк 259
 Палгзи, грузинский епископ 105
 Палли Х. Э., историк 260
 Пап, армянский царь 63, 81, 104
 Папазян А. Д., историк 113
 Папак, персидский кн. 74, 116
 Парандзем, армянская царица 80, 104
 Пархоменко В. А., историк 137, 138
 Патканов К. П., историк 15, 22
 Пенков Даниила Александрович, кн., вотчинник 220
 Перихания А. Г., востоковед 76, 78—80, 84, 96, 112, 120
 Петрушевский Д. М., историк 134
 Петрушевский И. П., историк 104, 109, 110
 Пигулевская Н. В., востоковед 38, 45, 58, 68, 70, 71, 113—117
 Пиотровский Б. Б., историк 44
 Погосян С. П., историк 64, 100, 104, 113
 Покровский М. Н., историк 131—134, 138
 Покровский С. А., историк 144, 174, 182
 Полутон Губа, кр-н 221
 Помпей, римский полководец 66
 Попов Семен Окулов сын 225
 Полпэ А. В. (Porre A.), польский историк 159
 Поршнев Б. Ф., историк 126, 128, 129
 Предслава, русская княгиня 264
 Пресняков А. Е., историк 132, 137
 Пригожин А. Г., историк 128
 Прицелков М. Д., историк 138

Прокопий Кесарийский, византийский историк 36, 45
 Пташницкий С. Л., историк 299
 Птолемей, античный географ 39
 Публинскари, эстонский купец на русской службе 264
 Пьянков А. П., историк 193, 238, 239

Рафф М. (Raef M.), американский историк 4
 Рами, персидский феодал 72
 Рапов О. М., историк 151
 Расиньш А., историк 261
 Рёрборн К. М. (Röhrborn K. M.), немецкий историк 110
 Робертс Д. (Roberts G.), американский историк 4
 Рогнеда Рогволодовна, полоцкая княжна 158
 Ролова А. Д., историк 292
 Романов Б. А., историк 150, 156
 Романова Е. Д., историк 142, 143, 169, 170, 181
 Ромодановский Василий Васильевич, кн., боярин 203
 Ромодин В. А., историк 11, 55
 Ростем, иранский полководец 51
 Ростислав Михайлович, черниговский кн., бан Мачвы 177
 Ростислав Мстиславич, смоленский кн., киевский вел. кн. 159, 163, 175
 Рубинштейн Н. Л., историк 133, 137, 139
 Руссии, латгальский нобиль 266, 286
 Рыбаков Б. А., историк 141, 149, 159, 160, 193

Саврасов Иван, кр-н 219
 Самвелян Х., историк 22, 23, 62—64, 103, 104, 112
 Самоэл, грузинский епископ 91
 Сансом Д. (Sansom G.), английский историк 34
 Саркисян Г. Х., историк 14, 15, 24, 25, 76, 112, 114
 Сахаров А. Н., историк 129, 214
 Свенельд (Свенделд), киевский воевода 152, 160
 Свердлов М. Б., историк 181, 182
 Святополк Владимирович, киевский кн. 177
 Святополк Изяславич, киевский вел. кн. 164
 Святослав Игоревич, киевский кн. 151
 Святослав Ольгович, путняльский кн., новгородский кн. 158, 163, 265

Себеос, древнеармянский историк 45, 51
 Седов В. В., историк 149, 150, 153, 155, 159, 160, 255, 256
 Селиверстов Иван, княжеский слуга, вотчинник 205
 Селиранд Ю. Я., историк 257, 261
 Семен Иванович, московский вел. кн. 210
 Семенов А. И., историк 153
 Семенов Ю. И., историк 83, 98
 Семирамида (Шамiram), легендарная царица 20, 119
 Сергей, игумен Радонежский 299
 Сестан Э. (Sestan E.), французский историк 3
 Симеон Ереванци, армянский католикос 104
 Сказкин С. Д., историк 126, 142
 Скиргайло, литовский кн., 299, 300
 Слонимский М. М., историк 18
 Смбаг I, армянский царь 46
 Смбаг Багратуни, армянский князь 90
 Смбаг Спарамет, армянский военачальник и правовед 90, 91, 98, 100, 107
 Смирнов И. И., историк 136, 141, 175, 181, 183, 185, 191, 212—218, 223, 224, 226—228, 230—238, 240—248
 Смирнов П. П., историк 137
 Смирнов С. И., историк 179, 183
 Смирнова О. И., иранист 73, 74, 85, 86
 Соболевский А. И., филолог 299
 Созин И. В., историк 142
 Солодухо Ю. А., востоковед 71, 97
 Сонин Иван, пошехонский староста 221
 Соселля Г. К., историк 24, 92
 София Витовтовна, вел. княгиня 199, 206, 217, 241, 242
 Срезневский И. И., языковед 299
 Ставиский Б. Я., историк 48
 Сталин И. В. 137, 140
 Стам С. М., историк 6
 Станислав Тукович, эстонский дружинник на русской службе 265
 Станкус П., историк 259
 Степанов Григорий (Гридя), землевладелец 218
 Стефан, святой грузинской церкви 81
 Стефан Византийский, византийский историк 40, 81
 Страбон, античный географ 24, 35, 39, 40, 44, 66—68, 79, 81, 103
 Струве П. Б., русский историк-эмигрант 263
 Стубавс А. Я., историк 261, 262

Сударг, литовский нобиль 275
Сукиасян А. Г., историк 63, 104
Сухона Иван Степанов сын, послух
225

ат-Табари, арабский историк 11, 53,
68, 69, 72, 73, 79, 81, 83, 98, 114

Табелин, эстонский нобиль 278

Такайшвили Е. С., грузинский исто-
рик 22

Тальвальдис (Таливальд), латгаль-
ский нобиль 277, 282, 289

Тальшанин Михаил, бортник вел. кн.
218

Тамар, грузинская царица 30, 37, 47

Тансар, персидский маг 68, 69

Тарвел Э. В., историк 252, 257, 282,
289

Таргамос (Торгом), легендарный пер-
сонаж 34, 77

Тарновский К. Н., историк 142

Тверитинова А. С., историк 8

Теодорос Рштуни, армянский князь
45

Тигран, армянский царь 119

Тигран I (Тиран), армянский царь
38, 39

Тигран II, армянский царь 38

Тимур, среднеазиатский правитель 57,
108, 125

Тихомиров М. Н., историк 133, 141,
161, 185

Тихомиров Н. Д., историк 299

Тихонов А. Н., историк 73

Товма Арцруни, армянский историк
40

Тоган З. В. (Togan Z. V.), турецкий
востоковед 48, 49, 83

Тойнби А. (Toynbee A.), английский
историк 3

Толстов С. П., историк 23, 58

Топоров В. Н., языковед 255

Трдат I (Тиридат), армянский царь
38

Трдат III, армянский царь 77, 81

Тревер К. З., историк 41, 42

Третьяков П. Н., историк 13, 140,
141, 143, 148, 255, 256

Тройнат, литовский кн. 298

Трофимова М. К., историк 17

Трубачев О. Н., языковед 255

Тукий, эстонский дружинник на рус-
ской службе 265

Тыниссон Э. Ю., историк 259, 276

Тюменев А. И., историк 92

Удальцова З. В., историк 6

Уобос, легендарный персонаж 50

Урбан IV, римский папа 262

Урланис Б. Ц., демограф 146

Уртан В. А., историк 259

Успенская А. В., историк 149

Утченко С. Л., историк 17, 18

Ухтанэс, армянский историк 40, 118

Фавст Бузанд, древнеармянский исто-
рик 14, 38, 40, 41, 51, 61—63, 70,
71, 76, 77, 80, 81, 87, 89, 90, 93,
103, 104, 119

Фарнаваз I, легендарный основатель
первого грузинского царства 77, 92

Федор, монах Киево-Печерского м-ря
172, 173

Федор, ростовский епископ 174

Федор Борисович, волоцкий кн. 202,
205, 222

Федор Васильевич Басенок, боярин,
вотчинник 206

Федор Юрьевич, суздальский кн. 204

Феодосий, игумен Киево-Печерского
м-ря 172

Феофил, литовский митрополит 299

Фехнер М. В., историк 149

Филин Ф. П., языковед 146

Фирдоуси, иранский поэт 113

Фока, византийский император 87

Фома, смоленский пресвитер 184

Фотий, московский митрополит 223

Фрейман А. А., иранист 48

Фроянов И. Я., историк 142, 144, 150,
151, 171, 172, 179, 187

Хайк (Хаос), легендарный «прароди-
тель» армян 92, 94

Халидов А. Б., востоковед 45

Хамза ал-Исфагани, арабский исто-
рик 53, 54, 98, 114

Хвост см. Алексей Петрович Хвост

Хейнош В. (Hejnosz W.), польский
историк 7

Хеллманн М. (Hellmann M.), немец-
кий (ФРГ) историк 263, 264, 293

Хеннинг В. Б. (Henning W. B.), ан-
глийский иранист 48—50, 55, 76, 78

Херцфельд Э. (Herzfeld E.), немец-
кий востоковед 53, 69, 78, 79

Хилал ас-Саби, арабский историк 108

Ходоров И., историк 23

Хонигман Э. (Honigmann E.), бель-
гийский востоковед 114

ал-Хорезми (ал-Хваризми), арабский
ученый 53, 80

Хосров I, иранский шах 70, 71, 114,
121

Христос 91, 96

Хромов А., лингвист 39

Хромов П. А., экономист 141
Хурразад, брат хорезмшаха 73

Цабак М. М., историк 131, 134, 135
Церетели Г. В., востоковед 66

Чайкин К. И., историк 73
Чебоксаров Н. Н., этнограф 252, 255, 262

Чингис-хан 139

Чунак, армянский католикос 81, 93

Шанидзе А. Г., филолог 41

Шапиро А. Л., историк 154, 155, 214, 228

Шапур I, иранский шах 38, 50, 78, 114

Шапур II, иранский шах 63, 98, 114

Шапур III, иранский шах 79

Шарден Ж. (Chardin J.), французский путешественник 109

Шаскольский И. П., историк 8

Шестаков А. В., историк 137

Шефтель М. (Szeftel M.), американский историк 4

Шиндхельм М. X., историк 261

Шмидт К. Р. (Schmidt K. R.), датский историк 263, 265

Шноре Э. Д., историк 261, 262

Шомон М. Л. (Chaumont M. — L.), французский востоковед 77—79

Шпренглинг М. (Sprengling M.), американский востоковед 38, 50

Шпулер Б. (Spuler B.), немецкий востоковед 25

Штаерман Е. М., историк 3, 18

Шталь И. В., языковед 298

Шушаника, святая грузинской церкви 65, 66, 91

Шушарин В. П., историк 143, 262

Щанов Я. Н., историк 8, 143, 159, 162, 163, 262

Эйлерс В. (Eilers W.), немецкий востоковед 79

Эмин Н. О., армянский историк 22, 75, 76

Энгельс Ф. 12, 14, 16—20, 27, 95, 101, 102, 104, 107, 121, 126, 127, 143, 156, 157, 212, 215, 216

Эндзинас А., историк 259

Эппеле, ливский нобиль 289

Юнкер Г. (Junker H.), немецкий востоковед 76, 78, 82, 116

Юргинис Ю. М., историк 279, 301

Юрий Васильевич, дмитровский кн. 199, 204

Юрий Владимирович Долгорукий, вел. кн. 165

Юрий Дмитриевич, звенигородский и галицкий кн. 204

Юсифов Ю. Б., историк 84

Юстиниан, византийский император 12, 36, 44, 61, 76, 104

Юсуф ибн абу-л-садж, правитель Азербайджана 46

Ючас М. А., историк 256

Юшков С. В., историк 132, 133, 138—140, 161

Ягайло, литовский вел. кн., польский король 299

Яким, игумен 233

Яков, полоцкий епископ 299

Яков, священник 77

Яковлев А. И., историк 146

Якубовский А. Ю., востоковед 56, 104

Якубовский И. (Jakubowski J.), польский историк 298, 299

Якуш Карач, кр-н 221

Ямпольский З. А., историк 42

Янин В. Л., историк 154

Ярополк Владимирович, киевский вел. кн. 165, 265

Ярополк Изяславич, владимиرو-во-лынскый кн. 155, 163

Ярополк Ростиславич, владимирский кн. 163, 165

Ярослав Владимирович, новгородский и псковский кн. 176

Ярослав (Георгий) Владимирович Мудрый, киевский вел. кн. 137, 158, 177, 160

Ярослав Владимирович Осмомысл, галицкий вел. кн. 177

Ятвяг, дружинник Гуннара 264

Яфет, библейский персонаж 34

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

СТРАНЫ ЗАКАВКАЗСКОГО И СРЕДНЕАЗИАТСКОГО РЕГИОНОВ (А. П. НОВОСЕЛЬЦЕ В)

Введение	9
Глава I. Этническая структура	27
Предварительные замечания	27
Кавказские (иберийско-кавказские) народности и племена в Закавказье	33
Армяне	43
Ираноязычные народности и этнические группы	47
Проблема образования тюркоязычных народностей	55
Семиты	58
Глава II. Эволюция классовой структуры	61
Крестьянство	61
Господствующий класс	75
Проблема рабства	83
Глава III. Земельная собственность	101
Предварительные замечания	101
Формы собственности	103
Вопрос о рабовладельческих латифундиях	111
Выводы	122

РУСЬ. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФЕОДАЛЬНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В IX—XV ВВ. (Л. В. ЧЕРЕПНИН)

Введение	126
Глава I. Проблема генезиса феодализма. Феодальная собствен- ность в Киевской Руси	131
Историография вопроса о генезисе феодализма	131
Формы собственности	146
Формы феодальной зависимости	167

Глава II. Феодалная собственность на Руси в период политической раздробленности и складывания единого государства (до конца XV в.)	188
Предварительные замечания	188
Княжеская вотчина	195
«Черное» землевладение	210
Вопрос о категориях крестьянства	229
Несколько обобщающих замечаний	249
СТРАНЫ ПРИБАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА (В. Т. ПАШУТО)	
Введение	252
Глава I. Особенности раннефеодальной структуры	255
Территория	257
Средства жизни и труда	258
Этнос	260
Демография	260
Внешиполитические условия генезиса феодализма	261
Нобили и община	268
Рабы	280
Крестьяне	280
Формы догосударственного политического строя	283
Глава II. Две формы синтеза	288
Немецко-балтийская форма	288
Балтийско-славянская форма	295
Приложение	302
Заключение	321
Список сокращений	325
Указатель имен	327

*Анатолий Петрович Новосельцев,
Владимир Терентьевич Пашуто,
Лев Владимирович Черепнин*

**Пути развития феодализма
(Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика)**

*Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР*

**Редактор издательства С. А. Левина
Технические редакторы
В. Д. Прилепская, В. В. Волкова**

Сдано в набор 17/VIII 1971 г.
Подписано к печати 8/XII 1971 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 21¹/₄. Уч.-изд. л. 23,1.
Тираж 2800 экз. Тип. зак. 3226. Бумага № 2. Т-19848.
Цена 1 руб. 62 коп.

Издательство «Наука».
Москва К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
35	18 св.	р.	средней
70	15 св.	«даһйуан»	«даһьюкан»
86	16 св.	еібайр	егбайр

А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма.